КИМ ИР СЕН

МЕМУАРЫ

В водовороте века

1

КИМ ИР СЕН

В водовороте века

1

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛИТЕРАТУРЫ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ
КОРЕЯ, ПХЕНЬЯН
1994

Часть 1
АНТИЯПОНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

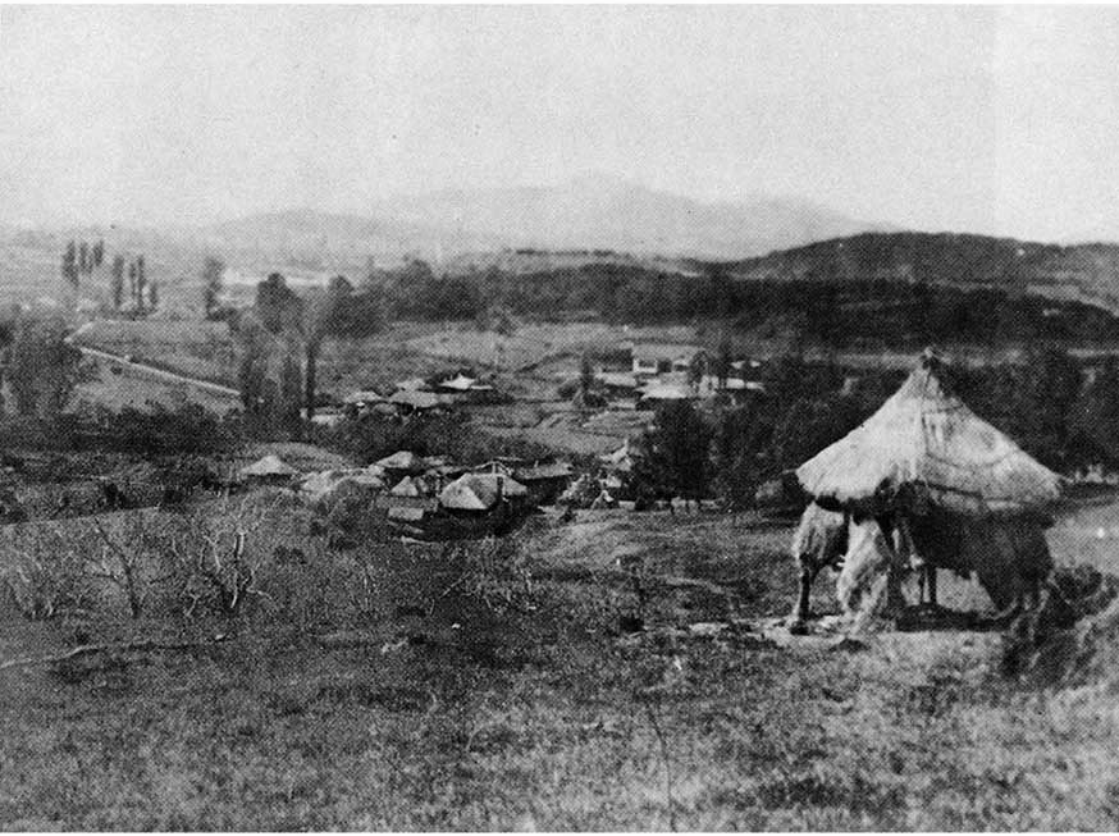
1

혁명하는 사람은
언제나 인민을 믿고
인민에 의지하며 백번
승리하지만 인민의
배반을 받게 되면 백번
패한다는 진리를 삶과
투쟁의 좌우명으로
삼아야 한다.

김일성

Для революционера святым девизом в его жизни и борьбе должна быть истина, которая гласит: веришь в народ и опираешься на его силу — стократ побеждаешь, а если будешь отвергнут народом — стократ не избежишь поражения.

Ким Ир Сен



Мангендэ до освобождения страны.

Наша семья

Дед Ким Бо Хен (19 августа 1871 – 2 сентября 1955)

Бабушка Ли Бо Ик (31 мая 1876 – 18 октября 1959)

Отец Ким Хен Чжик (10 июля 1894 – 5 июня 1926)

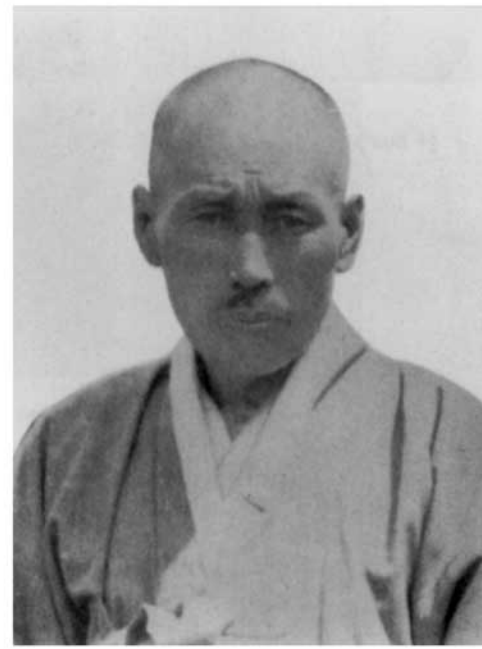
Мать Кан Бан Сок (21 апреля 1892 – 31 июля 1932)

Дядя Хен Гюн
(4 ноября 1905 – 12 января 1936).
В тюрьме.

Младший брат Чхоль Чжу
(12 июня 1916 –14 июня 1935).
В период жизни в Фусуне.

Дед по матери Кан Дон Ук
(3 февраля 1871 – 14 ноября 1943)

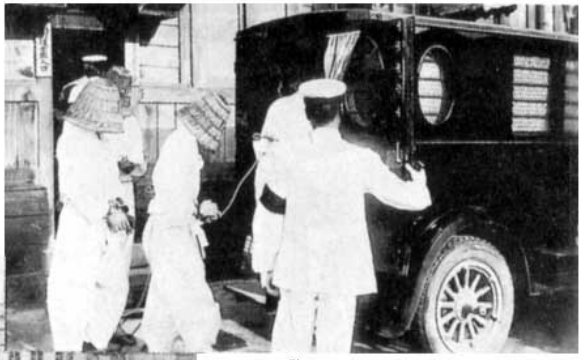
Двоюродный младший брат Вон Чжу
(22 сентября 1927 – 28 июня 1957)



Дядя по матери Кан Чжин Сок
(19 января 1890 – 12 ноября 1942)

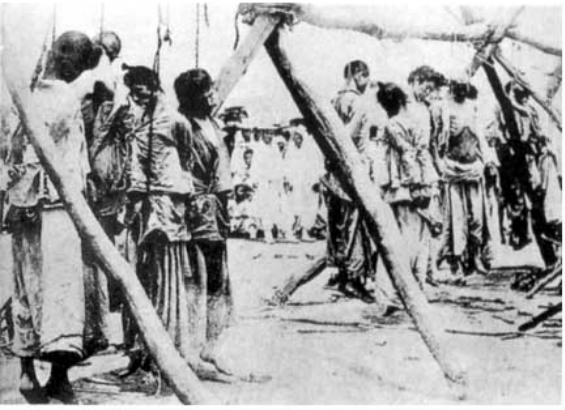
Страна, обреченная на трагедию

Японские военные корабли в порту Инчхон (1894 г.).



Страна, превращенная в тюрьму.

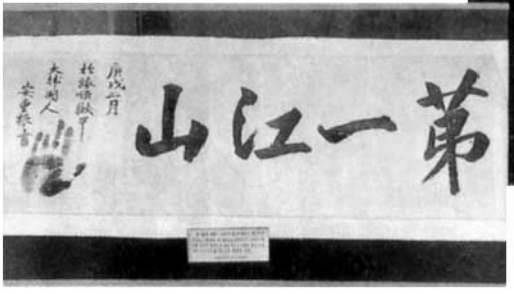
Разгул японской конной полиции.



Патриоты, казненные за сопротивление агрессии японского империализма.

Бойцы Армии справедливости подняли знамя борьбы против японских самураев, за спасение Родины.

Первомартовское народное восстание.



Ан Чжун Гын и оставленная им надпись.

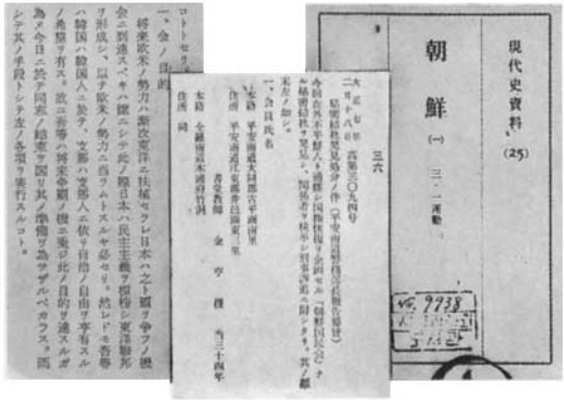
Девиз отца: «чивон» («великий замысел»).

Сунхваская школа в Мангендэ.

Менсинская школа в селе Понхва уезда Кандон.

Памятник «Писокге» в селе Понхва.

Пхеньянская тюрьма.



Материалы о деле Корейского национального общества.

О Дон Чжин и его дом. В этом доме была создана Чхонсудонская организация КНО.

Постоялый двор в Чунгане, где побывали деятели антияпонского движения за независимость Кореи.

Место, где проходило Чхонсудонское совещание в 1918 г.

Трактир в селе Енпхо. Отсюда совершил побег конвоируемый отец.

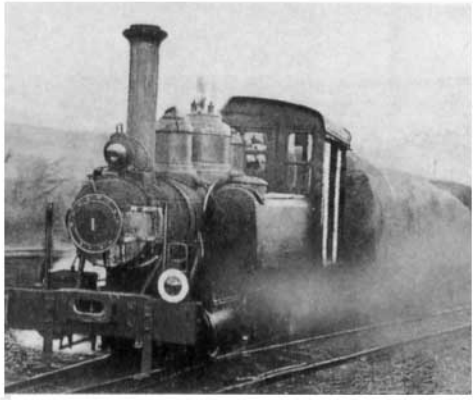
Явка в Линьцзяне.

«Путь в тысячу *ли* для учебы»

16 — 29 марта 1923 г.

Постоялый двор в Канге.

Почта Канге, где впервые отроду послал я телеграмму.



Поезд, курсировавший на участке Синанчжу — Кэчхон.

Китай
Бадаогоу
Перевал Хасан
Село Вольтхан
Перевал Огасан
Хвапхен
Корея
Хыксу
Перевал Чик
Канге
Перевал Пульгир
Сонган
Чончхон
Коин
Перевал Менмун
Чхоньун
провинция Северный Пхеньан
Хичхон
Перевал Воллим
Хянсан
Гора Мёхян
Кучжан
Кэчхон
Пхеньян
Мангендэ
провинция Хванхэ
провинция Южный Пхеньян
провинция Южный Хамген
река Тэрен
река Чхончхон
река Тэдон
река Нам
река Чанчжан
Корейское Западное море

Родной дом матери в Чхильгоре.

Чхандокская школа.

Кан Рян Ук в молодости.

Кан Юн Бом, друг по Чхандокской школе.

Центральная улица Пхеньяна в начале 20-х годов.

Пхопхен на северном краю Родины.

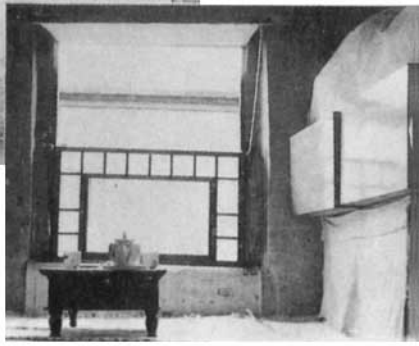
Место стирки белья на берегу реки Бадаоцзян (на той стороне Пхопхена).

Огуби на берегу реки Амнок, где я ночевал по пути в Линьцзян, куда мы с младшими братьями ехали в санях в январе 1925 г.

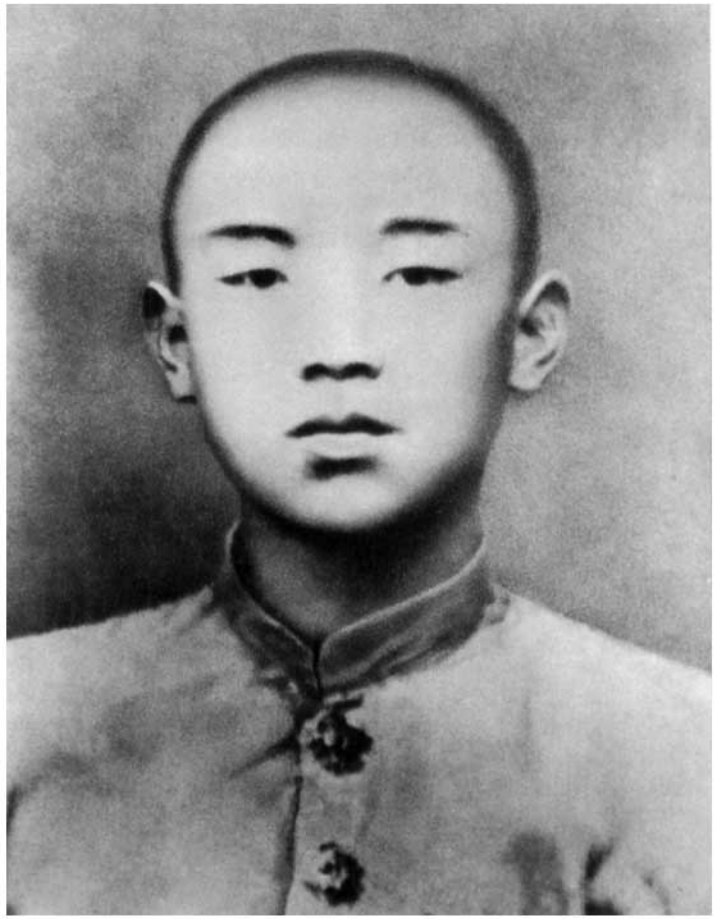
Столовая в Линьцзяне, где побывали деятели движения за независимость Кореи.

Дом на улице Сяонаньмынь в Фусуне, гле мы проживали.

Пэксанскяя школа в Фусуне, где был вьшущен первый номер газеты «Сэнар» (дом, крытый соломой).



Незабываемый Чжан Вэйхуа. Его дом в Фусуне и комната, где он совершил самоубийство.



В дни создания Союза свержения империализма (1926 г.).

Место, где стояло училище «Хвасоньисук».

Общежитие училища «Хвасоньисук» и его комната.

Кян Чжэ Ха, инспектор училища.

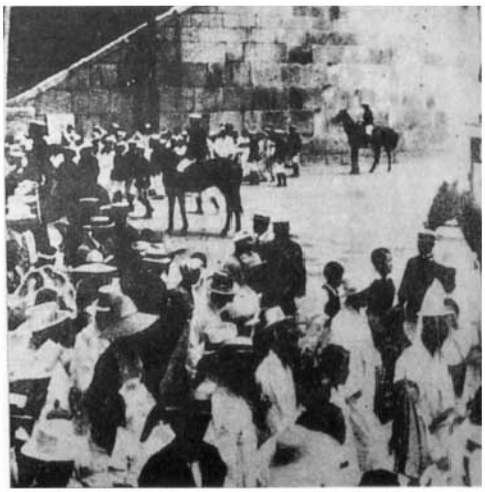
Ким Си У и его дом. В этом доме члены ССИ часто проводили собрания тайного читательского кружка.

Чвэ Дон О, начальник училища «Хвасоньисук».

Комната нашего дома в Фусуне, где скончался мой отец 5 июня 1926 г.

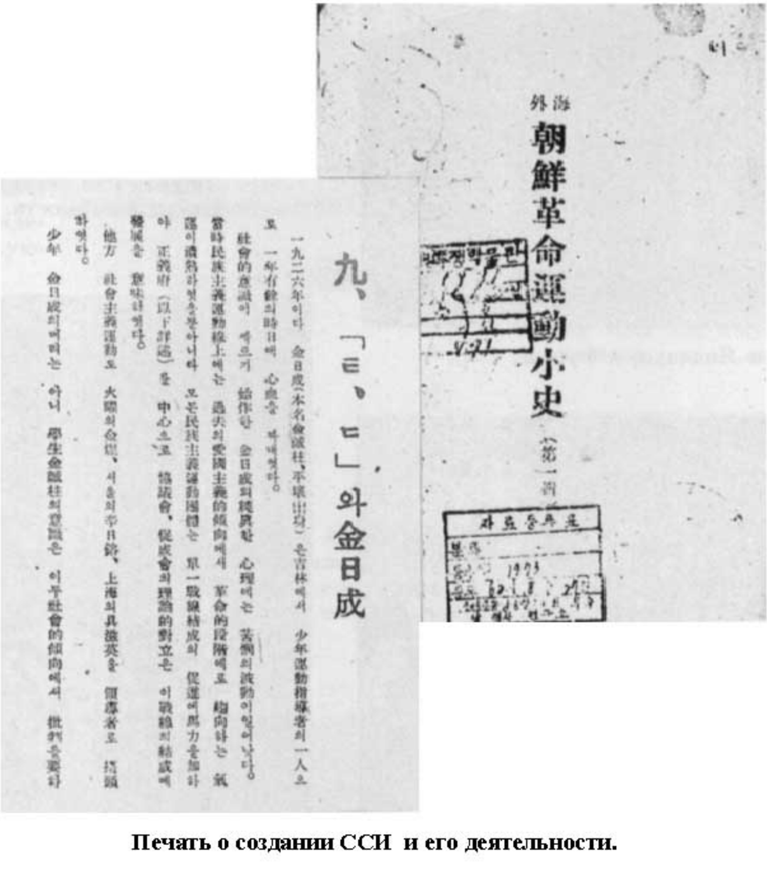
Ли Гван Рин, героиня Армии независимости.

Село Яндицунь в Фусуне.



Демонстрация 10 июня 1926.

Берег реки Хуефахэ и общий вид городка Хуадяня.



海外
朝鮮革命運動小史
(第一輯)

九、「ㅌ、ㄷ」와 金日成

一九二六年이다 金日成(本名金成柱、平壤出身)은 吉林에서 少年運動指導者의 一人으로 一年有餘의 時日에 心血을 [illegible]。

社會的意識이 싹트기 始作한 金日成의 特異한 心理에는 苦悶의 波動이 일어 났다。

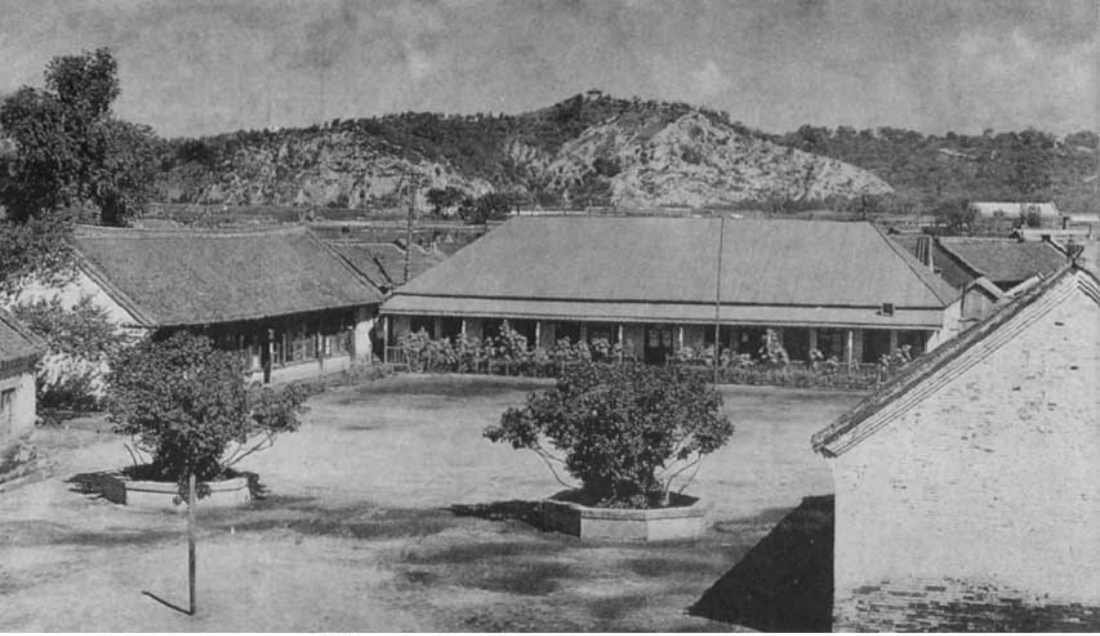
當時民族主義運動線上에는 過去의 愛國主義的傾向에서 革命的段階에로 趨向하는 氣運이 濃熱하였을뿐아니라 모든民族主義運動團體는 單一戰線結成의 促進에 馬力을加하야 正義府(以下詳述)를 中心으로 協議會、促成會의 理論的對立은 이戰線의 結成에 暗影을 意味하였다。

他方 社會主義運動도 [illegible]의 [illegible]、서울의 [illegible]、上海의 [illegible]을 領導者로 擡頭하였다。

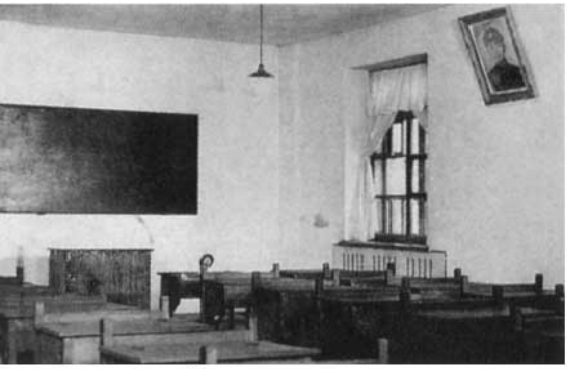
少年 金日成의 머리는 아니 學生金成柱의 意識은 이루社會的傾向에서 批判을要하

Печать о создании ССИ и его деятельности.

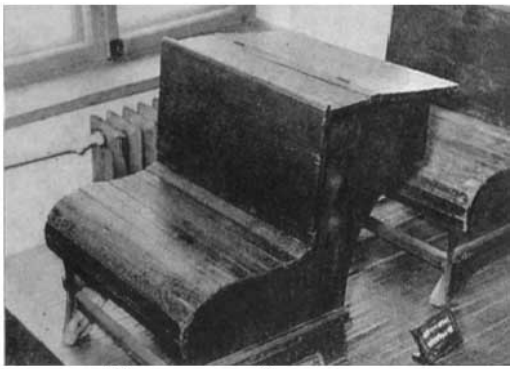
В ученические годы в Гирине (1927 г.).



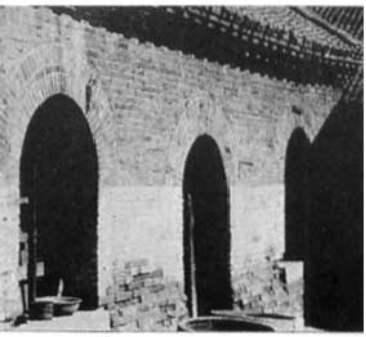
Юйвэнская средняя школа в Гирине.



Классная комната.



Парта, которой я пользовался.

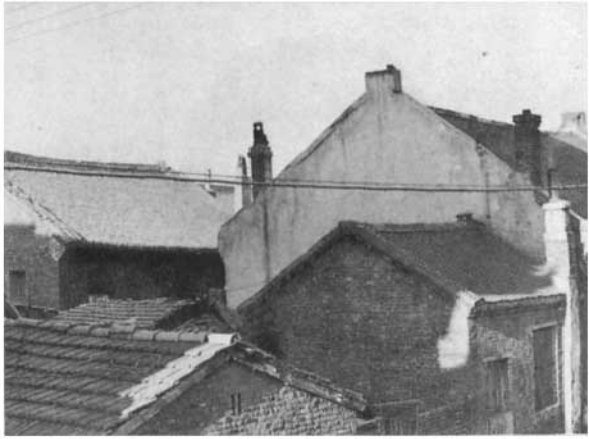


Общежитие школы.

Школьная библиотека.

Кокарда.

Чан Чхоль Хо.



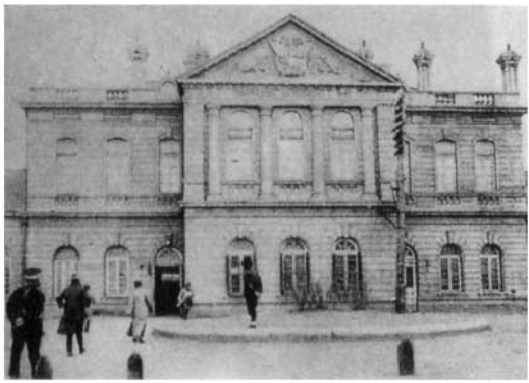
Рисоочистительный завод «Фусинтай» на улице Саньицзе г. Гирина.

Священник Сон Чжон До.

百餘名을 講演會場包圍
百餘名을 各處住宅搜索
—軍警을 出動시켜 吉林當局의 處事—
安昌浩氏外二百名同胞를 檢擧

婦女兒童은 一時監禁
○○會主催講演會席上

Ан Чхан Хо и газета «Тонья ильбо» от 22 марта 1927 г. о его аресте.



Гиринский вокзал в начале 30-х годов.

Молодой коммунист Чха Гван Су.

Бэйшаньский парк в Гирине.

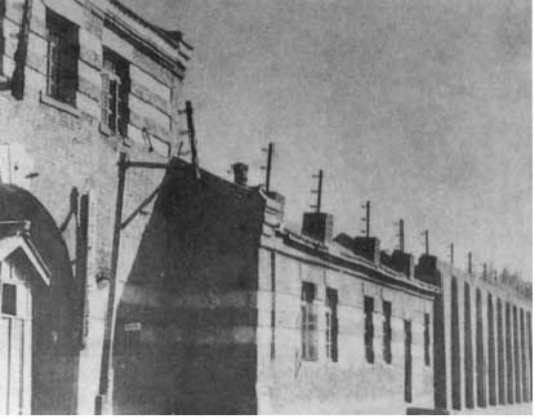
Храм Яованмяо в Бэйшаньском парке, служивший главной конспиративной явкой комсомольцев г. Гирина, и его подвал.

吉敦線延長其他
吉林排日險惡化
學生等之每日示威行列繼續
天津排日逐日深刻
獨逸鐵鑛
從業員
哈爾賓學生團體
吉會線反對高潮
九日警官隊와衝突
百四十八名負傷
分會主任에
張繼氏就任

Печать того времени о выступлениях учащейся молодежи.

我小金日成元帥大
年时代的一段历史
回忆

Шан Юэ и его воспоминания.



Гнринская тюрьма.

Наблюдательная вышка тюрьмы.

Коридор в тюрьме.

Внешний вид тюрьмы в форме креста.

Камера, в которой я сидел.

Кан Мен Гын, с которым я встретился в тюрьме.

Перед уходом в подполье (вместе с Ко Чжэ Рёном). В те дни я иногда надевал китайскую одежду *дабушаньцзы*.

Вступление

На склоне лет на всю свою жизнь без волнения не оглянешься. Люди проживают свою жизнь по-разному, и пережитое ими – увиденное, услышанное, испытанное – неповторимо своеобразно и самобытно. И каждый вспоминает свое прошлое со своими особенными душевными переживаниями.

Будучи охвачен глубокими впечатлениями и неизгладимыми воспоминаниями, я окидываю мысленным взором свой жизненный путь и как простой человек, и как политический деятель, отдавший всего себя интересам родного народа и родной своей страны, которая заметно выделилась на арене мировой истории и политики новейшего времени.

Я родился на заре новых больших лихолетий, когда над нашей страной сгущались гибельные для нее тучи, несшие в себе неисчислимые бедствия и страдания. И мне с первого же шага своей жизни пришлось пробивать себе путь в водовороте бурных политических событий как внутри страны, так и за ее пределами, с ранних лет делить одну судьбу с многострадальной Родиной, делить одни горе и радости со своею нацией. И вот на этом-то пути и перевалило мне уже за восемьдесят.

Моя жизнь началась встречею с Двадцатым веком и шла вместе с ним, оставлявшим за собой невиданный в жизни человечества свой глубокий отпечаток и вызывавшим крупные перемены на политической карте мира. Она, эта моя жизнь, и есть в миниатюре история нашей Родины и нашей нации.

В жизни моей, разумеется, были не только радости и успехи. В ней были и горькие, разрывающие душу печали и жертвы, немало было и трудных перипетий и испытаний. В дни борьбы обреталось много друзей и товарищей, но встречалось немало и тех, кто вставал нам поперек дороги.

Душа патриота, дух патриотизма побудили меня, тогда еще подростка, уже выкрикивать антияпонские лозунги на мостовой города Гирина, испытать и риск опасного подполья при неотступных преследованиях врага. С высоко поднятым знаменем антияпонской войны приходилось не раз заночевать и под открытым небом в дремучей тайге горы Пэкту, грудью рваться вперед, пробивая вечные сугробы этого непроходимого леса, совершая далекий и суровый путь в вихрях кровопролитных схваток, преодолевая все невзгоды и свято храня в сердце веру в неизбежное возрождение Родины. Это шли жаркие и неравные бои с сильным врагом, превосходящим нас по силам в десятки, а порою и в сотни раз.

Сколько бессонных ночей пришлось провести и после освобождения страны, борясь за спасение Родины от нанесенного ей тяжкого раскола! В дни создания новой Родины для народа и защиты ее от коварного противника сколько снова пришлось пройти сквозь завесу неимоверных трудностей и лишений!

Было трудно, тяжко, но я ни разу не отступил перед врагом, ни разу не поколебался душою на добровольно избранном мною нелегком пути.

Да, путь жизни моей был суров и тернист. Но я не сбивался с этого пути, а жил и боролся за нашу свободу, за наше правое дело стойко и непреклонно. Всем этим я

целиком обязан товарищам и народу, оказывавшим мне свое искреннее доверие и настоящую помощь и поддержку.

«Поклоняться народу, как небу!» – такова была моя неотступная и заветная вера, таков был принцип моей жизни. Принцип чучхе, пусть это все знают, требует верить народным массам как хозяевам революции и строительства нового общества, опираться на их силы. Это и есть моя политическая вера, которой я больше всего поклоняюсь. Это и есть мое жизненное кредо, что побуждало меня посвящать себя делу народа.

Я рано лишился родителей, и с малых лет моя жизнь проходила в окружении любви и доверия товарищей. Я вместе с тысячами, с десятками тысяч моих товарищей прошел тернистый путь кровавой борьбы, на этом пути всем своим существом, всеми фибрами души ощущал ценность связанных одной судьбою товарищей и организаций.

Никогда мне не забыть моих первых товарищей – членов Союза свержения империализма, которые с 20-х годов, когда еще и не было видно перспективы на возрождение Родины, доверяя мне, шли за мной с горки Хуадяня!

Не позабыть мне и тех, кто закрывал нас собою от вражеских пуль-злодеек и кто с открытой улыбкою поднимался вместо нас на эшафот. Эти незабываемые товарищи так и не могли вернуться на освобожденную Родину, покоясь вечным сном, и навечно остался их прах в горах на немилой чужбине.

Сегодня нет с нами и многих борцов-патриотов, которые вначале шли с нами разными путями, но, в

конечном итоге, сошлись с нами в нашей общей борьбе за дело народа.

Ныне наша революция шествует победоносно, во всей красе процветает наша родная страна, весь народ горячо воспевает бурный расцвет своего Отечества. А меня все больше и больше терзает неистребимая тоска по товарищам, которые ради радости сегодняшнего дня без минуты колебания отдали свои жизни, и навстречу мне плывут одно за другим их незабываемые лица, и нет мне спокойного сна.

Откровенно говоря, я ведь прежде и не думал, что когда-то возьмусь за свои мемуары. Некоторые выдающиеся политики, известные литераторы, многие другие деятели зарубежных стран предлагали мне взяться за это доброе дело – писать свои воспоминания, доказывая необходимость их тем, что мой жизненный путь послужит людям в жизни ценным уроком. Но я не торопился с этим.

А теперь товарищ Ким Чен Ир во многом меня заменяет, и мне удалось выкроить хоть немного времени и для этого. Произошла смена поколений – уходят из нашей плеяды один за другим ветераны революции, на смену им приходят представители нового, подрастающего поколения, и они стали уже главной силою в нашей революции. Вот и пришлось мне задуматься над тем, что сейчас моей новой обязанностью стало и это – поведать им, что я переживал в моей жизни, деля одну судьбу с нацией, рассказать им о том, как отдали свою молодость патриоты-предшественники во имя радости нашего сегодня. И стал я писать строку за строкой, насколько мне позволяет время.

Я не считаю свою жизнь какою-то особой, исключительной. Гордиться мне достаточно лишь тем, что

жизнь моя вся целиком отдана на благо Родины и нации и что она проходила в одной судьбе с народом.

Надеюсь, что эти мои записки дадут грядущим поколениям урок жизни и борьбы, откроют им истину, которая гласит: веришь в народ и опираешься на его силы – завоюешь все сущее, одержишь победу за победой, а повернешься к народу спиною, будешь им отвергнут – не избежишь поражения за поражением.

Приношу дань уважения памяти патриотов ушедших

Апрель 1992 года на горе Мёхян

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ . **СТРАНА, ОБРЕЧЕННАЯ НА ТРАГЕДИЮ**……3

1. Наша семья ……..…….... 4
2. Отец и Корейское национальное общество ……. 20
3. Неумолкающее эхо «Да здравствует независимость!» ……..……. 47
4. Из чужбины на чужбину ……..…… 70
5. «Песня о реке Амнок» ……..…. 99
6. Моя мать ……..……. 127
7. Наследие ……..……..…… 141

ГЛАВА ВТОРАЯ. **НЕЗАБЫВАЕМЫЙ ХУАДЯНЬ** …. 169

1. Училище «Хвасоньисук» ……. 170
2. Разочарование ……..…. 191
3. Союз свержения империализма ...…….. 202
4. Стремление к новой арене деятельности ...…… 216
5. Ли Гван Рин, героиня Армии независимости …..... 233

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. **УЧЕНИЧЕСКИЕ ГОДЫ В ГИРИНЕ** ……...…. 251

1. В поисках передовых идей …….. 252
2. Учитель Шан Юэ …….. 280
3. Коммунистический союз молодежи Кореи …….. 297

4. Расширяя сеть наших организаций ……..… 318
5. Демонстрация силы сплоченности …… 343
6. Публичная лекция Ан Чхан Хо о современном положении …… 359
7. Слияние трех фракций …… 379
8. Выбор Чха Гван Су …….. 394
9. Урок события в Ванцинмыне …….. 418
10. За решеткой …… 434

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Страна, обреченная на трагедию

Наша семья

Отец и Корейское национальное общество

Неумолкающее эхо «Да здравствует независимость!»

Из чужбины на чужбину

«Песня о реке Амнок»

Моя мать

Наследие

Апрель 1912 – июнь 1926

1. Наша семья

Моя жизнь началась с 10-х годов, когда достигла крайних пределов национальная трагедия в современной истории Кореи. Еще до моего рождения моя родная страна стала монопольной колонией Японии. Королевское право на правление нашей страной перешло целиком в руки японского императора по договору об «аннексии Кореи Японией»[1], а наши люди стали рабами современного типа, подневольными «приказам генерал-губернатора»[2]. Корея, известная миру своей древней историей, природными богатствами и чудесной красотою своей земли, растоптана солдатскими сапогами завоевателей и колесами пушек японской армии.

Народные массы содрогались от горечи и гнева, лишенные государственной власти в родной стране. На дворах и под крышами домов этой порабощенной земли, где еще не утихли отзвуки «всеобщего стенания в печальный день», покончили с собой многие верноподданные и ученые люди, не стерпев обиды за порабощение их государства. Даже безымянный мясник ответил смертью на позорную «аннексию Кореи Японией», горюя о печальной участи обреченной на гибель родной своей страны.

В Корее установился варварский жандармско-полицейский режим, при котором обязаны стали ходить в костюме с золоченым кантом, в форменном головном уборе и с саблею на боку даже учителя начальной школы, не говоря уже о полицейских и гражданских чиновниках. По указу японского императора генерал-губернатор Кореи взял

в свои руки право на командование армией и флотом и неограниченные полномочия – заткнуть нашей нации уши и рот и связать ее по рукам и ногам. Все политические организации и научные учреждения, созданные корейцами, были распущены.

Патриоты Кореи подвергались в камерах предварительного заключения и тюрьмах побоям кожаным кнутом с зашитым в него свинцом. Палачи, унаследовавшие методы пыток периода владычества Токугавы, обжигали корейцев раскаленными железными прутьями.

Объявляемые что ни день «приказы генерал-губернатора» запрещали корейцам носить белую одежду и даже чернили ее. Финансовая клика Японии, перешедшая через море Генкай-Наду, увозила массами сокровища и богатства нашей Родины по введенному так называемому «закону о компаниях» и закону о кадастре.

До этих пор я бывал в разных местах мира и повидал немало стран, бывших в прошлом колониями, но нигде не видел такого жестокого империализма, который лишал бы другую нацию даже языка и фамилии, отнимал бы у нее даже миску для каши.

В то время Корея была в буквальном смысле слова сущим адом, в котором людям жить невозможно. Корейцы жили не человеческой, а рабской невыносимой жизнью. Были совершенно верны и точны слова Ленина: «Япония будет воевать за то, чтобы ей продолжать грабить Корею, которую она грабит с неслыханным зверством, соединяющим все новейшие изобретения техники и пыток чисто азиатских».

В период, когда я был еще мальчиком, и на других континентах развернулась ожесточенная схватка

империалистов за передел колоний. Например, в году, когда я родился, происходили одно за другим сложные события во многих регионах мира. Именно в том году американская морская пехота высадилась в Гондурасе, Франция сделала Марокко своим протекторатом, а Италия заняла турецкий остров Родос.

Внутри страны наше население тревожило объявление «закона о земельном кадастре».

Одним словом, я родился в период тревожных потрясений и детство мое проходило несчастливо. Такие печальные черты эпохи не могли не сказаться на моем вступлении в жизнь, на моем развитии.

Я слушал рассказы отца об истории гибели нашей страны, и это вынуждало меня глубоко сетовать на феодальных правителей и, глотая не по-детски горькие слезы, я и решил уже тогда отдать свою жизнь, всю без остатка, на борьбу за возвращение нашего государственного суверенитета.

Феодальные правители нашей страны праздно проводили сотни лет своего господства, напялив на себя шляпы из конского волоса, разъезжая на ослах и сочиняя стихи на лоне природы, тогда как другие обходили свет на военных кораблях и в поездах. А когда агрессивные силы Востока и Запада нагрянули на нас со своими флотилиями, феодалы раболепно отворили им наглухо замкнутые свои ворота. Феодальная королевская династия превратилась в объект неограниченного торга и захвата концессий внешним капиталом.

Насквозь прогнившие бездарные феодальные правители, занимавшиеся низкопоклонством перед чужеземцами в течение многих поколений, вели только

фракционную грызню меж собою под дирижированием больших стран даже в момент, когда была поставлена на карту судьба страны. Положение дошло до того, что вчера, когда обретала влияние прояпонская группировка, королевский дворец защищали японские войска, сегодня же, когда обретает влияние группировка прорусская, короля охраняют русские солдаты, а завтра, когда обретет влияние фракция процинская, посты в королевском дворце займет цинская армия.

Вот в таких-то обстоятельствах и была убита королева страны в королевском дворце кинжалом иностранных террористов («событие года Ыльми (1895)»), а так называемый король был заточен на целый год в иностранное представительство («укрытие короля в русском консульстве» в 1896 году). Пришлось даже просить прощения, несмотря на то, что родной отец короля увезен еще в зарубежную страну и жил там в ссылке.

Кто же будет защищать страну и заботиться о ней, когда даже охрана королевского дворца поручена иностранным войскам?

В безбрежном широком мире одна семья все равно что капля в море. Но эта капля – составная часть мира и она не может существовать в отрыве от него. Неудержимо обрушивались и на нашу семью волны современной бурной истории, ввергнувшие Корею в пучину гибели. Однако члены нашей семьи не пасовали и перед такой угрозой и без колебаний ринулись в эту бурю, вместе со всей нацией проливая слезы и не теряя бодрости в борьбе.

Говорят, что наш род перешел на север из Чончжу провинции Северный Чолла при предке Ким Ге Сане в поисках средств к существованию. Род наш пустил свои

корни в Мангендэ при прадеде Ким Ын У. А прадед родился в квартале Чунсон города Пхеньяна и жил в крайней нужде, занимаясь земледелием с малолетства. В конце 60-х годов прошлого века он со всей семьею переселился в Мангендэ, приобретя там дом для сторожа фамильного склепа пхеньянского помещика Ли Пхен Тхэка.

Мангендэ – прекрасный уголок природы. Около нашего дома – великолепная гора Нам. С ее вершины широко открывается перед глазами чудесная панорама реки Тэдон. Не случайно богачи и чиновники других местностей наперебой скупали горы района Мангендэ для погребения своих предков. Здесь была и могила пхеньянского губернатора.

Наша семья, потомственно арендовавшая землю, жила очень бедно. Вдобавок в нашем роду, где был лишь один-единственный сын в течение трех поколений, родились шесть братьев и сестер при дедушке Ким Бо Хене. Семья возросла и насчитывала почти 10 едоков.

Дед трудился не покладая рук, чтобы кормить детей хотя бы жидкой похлебкой. На рассвете, когда другие еще спали, он без отдыха собирал помет, обходя всю деревню. А вечером при свете коптилки вил веревки из соломы, плел лапти и маты.

Бабушка Ли Бо Ик по вечерам пряла на прялке.

Мать Кан Бан Сок вместе с тетей Хен Ян Син и тетками по отцу Ким Куиль Не, Ким Хен Сир и Ким Хен Бок занималась днем прополкой на поле, а вечером ткала бумажные ткани.

Бедность заставила старшего дядю Ким Хен Рока заниматься с детства земледелием, помогая деду. В девять

лет он немножко изучил иероглифы, но так и не успел переступить порог школы.

Вся семья работала в поте лица, а даже кашицы не всегда доставало. Варили жидкую похлебку из неочищенного гаоляна. Поныне помню, как тяжело было проглотить эту грубую пищу. Такое это было несъедобное блюдо.

О фруктах и мясе нечего было и думать. Как-то у меня на шее появился нарыв. Бабушка достала где-то кусок свинины. Я поел свининки этой – и нарыв как рукой сняло. После этого случая, когда очень хотелось поесть мясца, мне думалось – вот хоть бы еще возник нарыв, тогда бы и свининки еще дали …

Когда я проводил свои детские годы в Мангендэ, моя бабушка всегда жаловалась на то, что дома у нас не было часов. Она была чужда алчности, но очень завидовала стенным часам в чужом доме. У одного нашего соседа такие часы были.

Говорят, бабушка стала завидовать этим часам с тех пор, как мой отец начал ходить в Сунсильскую среднюю школу. Поскольку дома-то у нас часов не было, она была вынуждена каждый день спать урывками, вставать чуть свет и торопиться с приготовлением завтрака, определяя время наугад. Сунсильская средняя школа находилась в 30 *ли* (единица измерения расстояния, 0,4 км – ред.) от Мангендэ, и можно было опоздать к началу уроков, если не приготовишь завтрак пораньше.

Бывало, что она готовила завтрак даже в полночь и не спала, ожидая на кухне по нескольку часов рассвета, глядя в окошко, выходящее на восток, когда взойдет заря, ибо не

знала, наступила ли пора отправиться сыну в школу. В таком случае бабушка просила мою мать:

– Узнай-ка у соседа, сколько сейчас времени.

Матери неловко было будить соседа так рано, и она, не смея даже войти к нему во двор, сидела на корточках у изгороди и ждала, пока в доме пробьют часы, дав знать, скоро ли утро. И когда раздается в доме звон кудесников-часов, она возвращается домой и сообщает бабушке точное время…

Когда я возвратился в родной край из Бадаогоу, тетя спросила меня, здоров ли мой отец, и рассказала такой эпизод.

– Твой отец испытал немало невзгод, ведь приходилось ходить в такую далекую школу. А тебе, Сон Чжу, повезло, ты будешь жить в родном доме матери, в Чхильгоре, откуда школа-то недалеко, – добавила она.

До освобождения страны наша семья не успела купить стенные часы, каким так завидовала бабушка.

Хотя члены нашей семьи жили бедно, питаясь жидкой кашицею, но с искренней душой поддерживали и помогали друг другу, оказывая сердечную помощь и соседям, не говоря уж о родных.

– Можно жить без денег, но нельзя жить без близких людей, – так постоянно наставлял дед своих детей.

Именно это и было жизненной философией нашей семьи.

Мой отец был чутким к новому и имел горячее стремление к учебе. Овладевая иероглифами в частной школе *содан*, он неотступно мечтал поступить в школу стационарную.

Летом того года, когда произошло «дело с тайным эмиссаром в Гааге»[3], в селе Сыльмэ состоялись спортивные соревнования учеников Сунхваской, Чхучжаской, Чхильгорской и Синхынской школ. Отец участвовал в этих соревнованиях как спортсмен Сунхваской школы и занял первое место в упражнениях на турнике и в национальной борьбе *сирым*, в беге и других видах спорта. Но только в прыжке в высоту уступил первенство спортсмену другой школы,– он допустил промах, задев своей косичкою за планку.

После соревнований он поднялся на гору, что за школою, и напрочь отрезал свою косичку. В тогдашних условиях было не простым делом отрезать косу без разрешения родителей, игнорируя старый обычай, бытовавший на протяжении многих столетий.

Дед, конечно же, сердился, говоря, что в его семье случилось необычайное происшествие. И вообще надо сказать, что у членов нашей семьи характер был решительный. Говорят, что в тот день отец не посмел войти в дом, боясь деда, и долго возился у плетня. Прабабушка провела его через задние двери и накормила кашей. Она питала к нему особенную любовь, как к самому старшему своему внуку. И отец не раз говорил, что он смог поступить в Сунсильскую среднюю школу только благодаря ее заботе. Она уговорила деда Бо Хена послать внука в школу нового типа. В те времена, когда еще сильно давали себя знать феодальные обычаи, школа нового типа была не по душе людям поколения моего деда.

Отец поступил в Сунсильскую среднюю школу через год после порабощения страны, весной 1911 года. То был начальный период движения за цивилизацию, и даже среди

дворян было мало людей, получавших школьное образование. Было очень трудно послать детей в среднюю школу особенно такой семье, как наша, у которой не всегда хватает даже несчастной похлебки.

Говорят, в ту пору в Сунсильской средней школе месячная плата за обучение составляла две *воны*. Чтобы заработать эти две *воны*, мать собирала даже мелкие двустворчатые моллюски на реке Сунхва и продавала их, получая за них гроши. Дед высаживал дыни, бабушка выращивала редьку, даже старший пятнадцатилетний дядя плел лапти, чтобы обеспечить плату за обучение моего отца.

Да и сам отец после уроков до захода солнца занимался тяжелым трудом в опытной мастерской, эксплуатируемой администрацией школы, чтобы подработать денег за свое обучение. Потом по нескольку часов читал книги в школьной библиотеке и возвращался домой уже поздно ночью. Спал урывками часа два-три и снова отправлялся в школу.

Скромной и простой была наша семья, какую в то время можно было часто видеть в любой деревне и в любом городке Кореи. Была бедной и ничем не отличалась от других и не имела никаких особых примет.

Однако каждый в нашей семье не забывал о Родине и отдавал себя всего делу во имя Родины и нации, кто как мог и кто как умел.

Прадед был сторожем чужой могилы, но горячо любил свою страну и родную свою землю.

Когда пиратский корабль американских империалистов «Генерал Шерман»[4] поднялся вверх по течению реки Тэдон и стал на якоре у острова Туру, он вместе с сельчанами собирали канаты у всех домов, а, собрав, перекинули их

между островом Конью и сопкой Манген через реку и, сбрасывая сюда камни, преградили путь пиратскому судну.

Предводительствуя сельчанами, он поспешно направился в Пхеньянскую крепость, когда поступила весть, что этот корабль добрался до острова Янгак и что пираты убивают жителей города винтовочным и артиллерийским обстрелом, грабят имущество и насилуют женщин.

Горожане во взаимодействии с правительственными войсками связали несколько лодок, нагруженных дровами, подожгли дрова и пустили лодки вниз по течению и уничтожили на реке разбойников вместе с их кораблем. Говорят, что мой прадед сыграл немаловажную роль в этой борьбе.

После потопления этого корабля американские империалисты-агрессоры вновь вторглись в устье реки Тэдон на военном корабле «Шенандоа»[5] и совершили убийства, поджоги и грабежи. Жители Мангендэ и на сей раз встали, как один человек, на защиту родной земли, организовав народное ополчение.

Мой дед постоянно учил всех членов семьи жить достойно во имя родной страны. Он говорил: «Мужчина не должен бояться погибнуть на поле боя с врагом за свою Родину», – и добровольно ввел своих детей в революционную борьбу.

Бабушка тоже наставляла детей жить честно и с твердой волей.

Однажды японцы с целью заставить меня «добровольно капитулировать» таскали мою бабушку по горам и равнинам Маньчжурии в зимнюю стужу, подвергая ее всяким мытарствам, но она кричала на врагов, как на

непутевую нечисть, и вела себя стойко и достойно, как подобает матери и бабушке революционеров.

Мой дед по материнской линии Кан Дон Ук был пламенный патриот и педагог. Он основал в родном селе частную школу и обучал молодежь и детей, посвящая всю свою жизнь воспитанию подрастающего поколения и движению за независимость. Старший мой дядя по матери Кан Чжин Сок тоже был патриотом, рано начав свое участие в движении за независимость.

Отец неустанно воспитывал меня, чтобы я с малолетства обрел дух патриотизма. Исходя из этого стремления и желания, он и дал мне имя «Сон Чжу», что значит становление опоры страны.

В дни ученичества в Сунсильской средней школе отец вместе с двумя младшими братьями посадил около дома три тополя как символ трех братьев. Тогда в Мангендэ еще не было тополей. И в тот день отец сказал обоим братьям: «Тополь растет быстро. И мы, братья, будем расти скоро и крепко, как это дерево, и вернем стране независимость и заживем хорошей жизнью».

Впоследствии отец покинул Мангендэ для революции, а вслед за ним встал на путь борьбы и младший мой дядя Ким Хен Гвон.

В родном доме в Мангендэ остался один старший мой дядя, а три тополя хорошо росли и стали крупными деревьями. Они отбрасывали длинные тени до самого поля помещика. Тот процедил злобно, что у него падает урожай, когда поле лежит в тени этих деревьев, и безжалостно срубил тополи чужого дома. Но мир тогда был еще такой несправедливый, что нельзя было вымолвить и слова протеста.

После освобождения страны я вернулся домой и услышал рассказ об этом. И взяла меня нестерпимая обида при мысли о том, как была посрамлена чистая мечта моего отца.

Да и случаев, вызывавших такую обиду, было немало.

Перед моим родным домом стояли несколько ясеней, на которые я часто лазал вместе с друзьями в детские годы. Когда я возвратился домой, через 20 лет, я не увидел ясеня, стоявшего ближе к дому. Дед сказал мне, что его срубил старший дядя. Оказалось, здесь произошла печальная история. Когда я воевал в горах, полицейские, видимо, не давали покоя моим родственникам. Чтобы наблюдать за нашим домом, постоянно стояли на часах полицейские Тэпхенского участка. Тэпхен от Мангендэ находился на порядочном расстоянии. Летом тень от этого ясеня служила полицейским как бы местом их командировки. Сидя в этой тени, они убивали время допросом сельчан и дневным храпливым сном, обмахивались веером, порою устраивали пирушку, забирая кур, да и причиняли всякие неприятности деду и старшему дяде.

И вот однажды столь добрый мой старший дядя взял топор, подошел к ясеню и срубил его одним махом. Дед сказал, что не посмел и не успел сдержать его.

Дед на это проговорил так: «Как в народе молвится, не жалко, что сгорает весь дом, когда вижу, как дохнет клоп».

И я только усмехнулся на это.

Немало лишений испытали мои дед и бабушка, имея детей, делающих революцию. Но, невзирая на столь суровые испытания и притеснения, они хранили верность великому делу и боролись настойчиво каждый на своем скромном посту. В последний период своего правления

японцы принудили корейцев заменить свои фамилии и имена японскими, но мои дед и бабушка отказались выполнить этот гнусный приказ. В моем родном краю лишь одна наша семья не заменила свою фамилию и свои имена японскими, сопротивляясь и тут до конца.

Все остальные свои имена заменили. Японское ведомство не выдавало талоны на получение продовольствия тем корейцам, которые не заменили свои имена японскими, и жить им от этого было крайне трудно.

Дядю Хен Рока не раз вызывали в полицейский участок и подвергали избиению за то, что отказался заменить свое имя.

Когда полицейский спросил: «Отныне ты не Ким Хен Рок, так скажи же, как тебя зовут теперь?», он ответил: «Я Ким Хен Рок».

Тогда полицейский обрушился на него, дал пощечину и заорал:

– Скажи еще раз, как тебя зовут?

Но дядя отвечал неизменно:

– Я Ким Хен Рок.

Палач дал ему оплеуху еще сильнее. Каждый ответ «Я Ким Хен Рок» стоил дяде удара кулаком, но он так и не покорился японцу, стоя на своем до конца.

А дед сказал на это дяде:

– Очень хорошо, что ты не заменил свое имя японским. Сейчас вон наш Сон Чжу дерется с япошками, и как же можно тебе иметь японское имя?! «Пусть тебя побоями доведут и до смерти, но ни в коем случае нельзя заменить свое имя японским.

Члены нашей семьи, простившись с дедом и бабушкой, покинули родной край. Все они вышли за калитку с решимостью вернуться, добившись независимости страны.

Однако из всех нас вернулся на Родину только я один.

Отец, отдавший всю жизнь движению за независимость, скончался на чужбине, когда ему шел 32-й год. Для мужчины такой возраст – пора расцвета всех его сил. После его похорон из родного края приехала бабушка. До сих пор свеж в моей памяти образ ее, рыдавшей перед могилой отца в поселке Яндицунь уезда Фусун. Спустя 6 лет умерла в Аньту и мать, не успев увидеть день нашей независимости.

После смерти матери погиб младший брат Чхоль Чжу, воевавший в партизанском отряде с оружием в руках. Он погиб на поле боя, и не нашли товарищи даже его тела.

Через несколько лет в Мапхоской тюрьме умер младший дядя Хен Гвон. Он был приговорен к длительному тюремному заключению и подвергался жестоким пыткам за решеткой. Наша семья получила извещение, что надо забрать его тело, но сделать этого не смогла, – на это не было денег. Останки его были погребены на тюремном кладбище.

Так за 20 лет славные дети нашей семьи рассыпались прахом на немилой чужбине.

Когда я вернулся в родной край после освобождения страны, бабушка обняла меня у калитки и ударила сухоньким своим кулачком в мою грудь со словами:

– Где ты оставил отца и мать и так вернулся один? Нельзя ли вам было вернуться вместе?..

Какую же острую боль ощутил я в сердце, когда и у бабушки было так тяжело на душе? Я вошел в калитку один, не успев даже взять с собой останки родных, чьи

бесхозные могилы заброшены одиноко на далекой чужбине, за тридевять земель…

С тех пор я, входя в калитку чужого дома, всегда думаю: «Сколько же человек вернулись домой из тех, кто вышел из этой калитки, а сколько человек не смогли вернуться?»

Калитки всех домов этой страны связаны с горькой разлукой, ужасной тоской по родным, не успевшим вернуться в живых, и с душераздирающей печалью от невосполнимой утраты. Десятки тысяч отцов и матерей, братьев и сестер этой земли принесли свою жизнь на алтарь Отечества. Понадобилось целых 36 лет для того, чтобы наша нация вернула себе Родину, с тяжким вздохом перейдя через море крови и слез, пробиваясь сквозь град пуль и снарядов. Это были 36 лет кровавой войны, потребовавшей слишком большой жертвы. Но разве можно и помыслить о сегодняшней Отчизне без этой борьбы и этой жертвы? Нынешний век, в который мы живем, остался бы по-прежнему несчастным и тяжелым веком, когда продолжалось бы позорное рабство.

Мои дед и бабушка были сельскими стариком и старушкой, занимавшимися всю жизнь лишь одним земледелием, но, признаюсь, я восхищался их несгибаемым революционным духом и черпал в нем большое вдохновение.

Легко сказать, но думаю, что нельзя сравнить с боем, повторявшимся два-три раза кряду, и с тюремной жизнью, продолжавшейся несколько лет, то, что выращивать детей и ставить их всех на путь революции, безмолвно выносить сопряженные с этим всяческие лишения и испытания и оказывать им неустанную поддержку, – с чем это сравнимо?

Конечно, страдания и невзгоды, пережитые нашей семьей, – это всего лишь малая часть тех страданий и невзгод, которые испытала наша нация, лишенная отечества.

Миллионы корейцев умерли с голоду, погибли от холода, сгорели, подвергались уничтожению побоями под деспотизмом японских империалистов.

Когда порабощена страна, не может быть спокойствия и для народа и для самой природы. Под крышей порабощенной страны не могут спокойно спать даже предатели, которые живут в роскоши за счет проданного отечества. И хотя люди живут, но их положение хуже, чем у собаки, шляющейся во дворе дома усопшего. Горы и реки остаются, но даже им трудно сохранить свой облик после таких истязаний, какие пережил наш народ.

Называют пионером человека, познающего такую истину раньше других. Зовут патриотом человека, который старается спасти страну от трагедии, превозмогая всякие бедствия и страдания. Именуют революционером человека, кто освещает истину, жертвуя своей жизнью, и поднимает весь народ на свержение несправедливого мира.

Мой отец был одним из предтеч национально-освободительного движения нашей страны. Он родился 10 июля 1894 года в Мангендэ и скончался 5 июня 1926 года с горечью в груди от потери Родины, посвятив себя делу революции.

Я родился в Мангендэ старшим сыном Ким Хен Чжика 15 апреля года Имчжа (1912), через два года после падения нашего государства.

2. Отец и Корейское национальное общество

Мой отец считал идею «чивон» (великий замысел – ред.) своим жизненным принципом.

Не только в доме, но и в Сунхваской и Менсинской школах, везде были вывешены выведенные им кистью крупными буквами слова «чивон».

До сих пор еще живет часть слов, написанных почерком отца, а надо сказать, что он неплохо владел кистью.

В то время каллиграфию ценили, и потому считали своего рода модой изготовление свитков, досок с надписью и ширм с почерками выдающихся людей и известных каллиграфов. Когда я был еще несмышленышем, не понимал этого и считал это обычной каллиграфией, обычным явлением в жизни.

Отец не делал в своем почерке, в своих досках никакого оформления, вывешивал свои творения, какими есть, на видных местах.

Когда я стал смышленее, отец учил меня любить свою страну, строго наставлял: хочешь искренне любить свою Родину, надо жить великим замыслом.

Вот «чивон» в буквальном смысле означает иметь великий замысел.

Чего удивительного, если отец учит своего сына жить великим замыслом. В любом деле, какое бы ни делали люди, удачи не ожидать, если не трудишься упорно, с высоким идеалом и большой надеждою.

Однако идея «чивон» – это не пошлое жизненное наставление, направленное на продвижение по служебной

лестнице или на достижение блестящей карьеры и успеха в жизни, нет, это – революционные взгляды на жизнь, требующие видеть свое настоящее счастье и радость жизни в борьбе за высшее в жизни, во имя Родины и нации, это непоколебимый революционный дух – во что бы то ни стало добиться возрождения Родины, если даже придется бороться за это из поколения в поколение.

Отец рассказывал мне о многом, почему человек должен жить великим идеалом. Если сказать вкратце, то это была целая история антияпонской борьбы нашего народа.

… Вообще наша Корея была страной могучей, с развитым военным искусством. Она почти не терпела поражений в сражениях. Исстари расцветала наша культура, свет ее перекинулся через море и на Японию. Но вот такую могучую страну пятисотлетнее прогнившее правление династии Ли в один прекрасный день обрекло на гибель.

Когда ты еще не родился, не появился на этом свете, рассказывал отец, японские самураи огнем и мечом захватили нашу страну. Проклятых вассалов, продавших японским самураям государственную власть, называют «пятью предателями года Ыльса»[6]. Но и этим вассалам не удалось продать дух Кореи. Восстали бойцы Армии справедливости со штыками в руках под лозунгом: «За уничтожение самураев и возрождение страны!» Армия независимости мушкетами громила агрессоров. Порой повсеместно поднимались народные восстания. Под громким криком «Ура!» и градом камней везде уничтожали самураев. Словом, каждый выражал свой гнев и возмущение, как мог, апеллируя к совести человечества и мировой справедливости.

Так, будучи арестованным, Чвэ Ик Хен[7], которого увели на остров Цусима, отказавшись от еды, подаваемой врагом, объявил голодовку и погиб смертью героя. Ли Чжун на глазах у представителей империалистических держав, распоров себе живот, показал настоящий дух независимости нашей нации. А Ан Чжун Гын[8] на перроне станции Харбин пристрелил из пистолета Ито Хиробуми[9], крикнул «Да здравствует независимость Кореи!», тем самым еще раз продемонстрировав подлинный дух корейца.

И даже старый Кан У Гю, которому тогда перевалило за 60, бросил бомбу в генерал-губернатора Сайто. А Ли Чжэ Мен ударил кинжалом Ли Ван Ёна, чтобы отомстить за обречение страны на гибель.

И еще пример: Мин Ен Хван, Ли Бом Чжин, Хон Бом Сик и другие патриотически настроенные верноподданные самоубийством призвали к защите государственной власти своей страны.

Одно время наша нация развертывала такое трагическое движение, как движение за возмещение государственных займов. Под государственными займами подразумевался долг в 13 миллионов *вон*, который взяли у Японии после русско-японской войны и не могли расплатиться. Чтобы возместить этот долг, все мужчины страны бросили курить. Бросил курить и император Кочжон[10], присоединяясь к этому движению. Женщины экономили на расходах за гарниры к рису, жертвовали украшения из раковин или перламутра, находились и девушки, жертвовавшие свои сбережения на свадьбы. Слуги-мальчики и портнихи в домах богачей, даже торговцы рисовыми хлебцами, зеленью и соломенными лаптями не жалели своих последних денег,

пропахших трудовым потом, чтобы возместить государственный долг.

Но и при таких жертвах страна не смогла сохранить свою независимость.

Не в таких жертвах было тут все дело. Главное было в том, как поднять весь народ страны, чтобы он в едином стремлении ринулся в борьбу, подготовив силы, способные разгромить врага. Если примешь такое твердое решение – сможешь подготовить такие силы, а подготовишь их – сможешь разгромить и сильного врага.

Только пробудив весь народ страны и подняв его на борьбу, можно восстановить государственную власть, вырвав ее из лап оккупантов. Но этого не сделаешь за день-два. Вот почему и надо иметь далеко идущий замысел…

С тех пор, как мой отец, взяв меня за руку, поднимался на сопку Манген, часто слышал я от него такие речи. Наставления его были пронизаны глубоким патриотическим духом.

Как-то раз он сказал перед дедушкой и бабушкой:

– На что мне жизнь, если я не добьюсь независимости страны? Пусть меня сотрут в порошок, но я должен бороться с японскими самураями и победить их. Если я потерплю неудачу в этой борьбе, то мое дело продолжит сын. Если и его постигнет та же участь, то пусть борется внук. Мы должны во что бы то ни стало одержать победу и добиться независимости Родины.

Впоследствии, когда антияпонская вооруженная борьба, которая, как мне казалось, завершится победой через три-четыре года, принимала затяжной характер, мне снова вспомнились слова отца, а после освобождения, испытывая в себе, в душе своей, продолжительную трагедию раскола

нации на Север и Юг, которые идут по диаметрально противоположным путям, мне приходилось снова невольно задуматься о глубоком смысле его слов. Именно те слова, можно сказать, и есть идея «чивон», чем жил мой отец, есть его убежденность, идеи и стремление к возрождению Родины.

Несмотря на то, что наша семья переживала неимоверно тяжелое положение, мой отец, приняв твердое решение, поступил в Сунсильскую среднюю школу именно с целью осуществления идеи «чивон».

После проведения реформы года Кабо[11] до «договора года Ыльса» прошло немногим более десяти лет. Этот период был характерен тем, что в нашей стране под влиянием волн внутренней политической перестройки, хоть это и было поздновато, наблюдались усилия к введению современной системы просвещения. В Сеуле были открыты такие учебные заведения, как Пэчжэская и Рихваская школы и училище «Югенконвон», которые и подняли факел современного просвещения, – они обучали учащихся новой цивилизации Запада. Именно в это время в западном районе Кореи американские миссионеры открыли Сунсильскую среднюю школу как составную часть своей деятельности.

Эта школа проводила набор учащихся в масштабе всей страны. В нее поступала в большинстве своем молодежь, ценившая предметы современной науки, такие, как история, алгебра, геометрия, физика, гигиена, физиология, физкультура, музыка. Они привлекали к себе внимание молодежи, стремившейся преодолеть отсталость страны и идти в ногу с новым мировым течением.

И мой отец говорил, что он ходил в эту школу, чтобы постичь современную науку. Ему были не по душе

конфуцианские четверокнижие, пятикнижие и другие старые трудные учебные предметы, которым обучали в частной школе *содан*.

Независимо от цели просвещения, поставленной миссионерами, из Сунсильской средней школы выходили многочисленные видные патриотически настроенные деятели, игравшие впоследствии большую роль в движении за независимость страны. Выходцем из этой школы был и Сон Чжон До, первым занимавший пост заместителя председателя Политического совета Шанхайского временного правительства, а затем пост его председателя. Эту школу окончил и Чха Ри Сок, бывший членом Государственного совета временного правительства в конце его существования.

В этой же школе учился и талантливый поэт-патриот Юн Дон Чжу, хотя полного курса в ней и не закончил.

Кан Рян Ук тоже учился в специальном классе Сунсильской школы. К тому времени этот специальный класс называли Сунсильским училищем. А Сунсильская средняя школа означала средние классы Сунсильской школы. Из ее стен выходили многочисленные сторонники антияпонского движения за независимость, поэтому японцы называли ее очагом антияпонских идей.

– Хочешь учиться грамоте, учись во имя Кореи. Хочешь учиться технике, учись тоже во имя Кореи. А хочешь верить в Бога небес, то верь в Бога корейских небес.

Такими идеями отец пробуждал своих товарищей по школе, сплачивал патриотически настроенную учащуюся молодежь.

Под руководством отца в Сунсильской средней школе были организованы читательский кружок и Общество

единодушия и дружбы. Эти организации воспитывали учащихся в духе антияпонских идей, развертывали в Пхеньяне и его окрестностях активную деятельность по просвещению масс, а в декабре 1912 года они организовали в школе забастовку учащихся в знак протеста против нечеловеческого обращения и эксплуатации со стороны администрации школы.

И в бытность учеником средней школы мой отец, пользуясь каникулами, бывал в Анчжу, Кандоне, Сунане, Ичжу и других районах провинций Северный и Южный Пхеньан и в ряде районов провинции Хванхэ, чтобы развернуть там деятельность по просвещению масс и приобретению новых товарищей по борьбе.

Самый большой успех, достигнутый моим отцом в Сунсильской средней школе, можно сказать, – это обретение многочисленных товарищей, готовых делить одну судьбу – жизнь и смерть во имя Кореи.

Среди товарищей по учебе было много таких лиц, которые, тесно сблизившись с моим отцом, сходились взглядами насчет судеб страны и нации. Все они были известные молодые предтечи, люди большого сердца, широкого кругозора и незаурядного характера.

К таким товарищам отца из пхеньянцев относится Ли Бо Сик. Он был причастен и к читательскому кружку, и к Обществу единодушия и дружбы. Впоследствии он внес большой вклад в дело создания Корейского национального общества, играл большую роль и во время Первомартовского народного восстания[12].

Когда мы жили в селе Понхва, он часто приходил в Менсинскую школу, чтобы встретиться с моим отцом.

Из товарищей по средней школе – уроженцев провинции Северный Пхеньан – тесно сблизился с моим отцом Пэк Сэ Бин (Пэк Ен Му). Когда мой отец бывал в провинции Северный Пхеньан, он родом из Пхихена, часто сопровождал отца. Он был зарубежным связным Корейского национального общества. В декабре 1960 года в Южной Корее был создан «Центральный консультативный совет по национальному самостоятельному объединению», тогда, говорят, Пэк Сэ Бин был членом совета.

В эти ученические годы Пак Ин Гван жил вместе с моим отцом в одном общежитии. Некоторое время и мой отец проживал в общежитии. Весной 1917 года Пак Ин Гван учительствовал в Квансонской школе в Ынрюре провинции Хванхэ, состоял в Корейском национальном обществе. Он, бывая в Сонхва, Чэрене, Хэчжу и других районах страны, вел работу по сплочению товарищей, был арестован вражеским сыщиком, пробыл целый год в Хэчжуской тюрьме. Когда он учительствовал в Квансонской школе, его ученики писали сочинения на тему «Отношения между Полуостровом и нами». Эти сочинения, хранящиеся теперь в Ынрюрском историко-революционном музее, приоткрывают завесу над настроением и духовным миром учащихся этой школы, находившейся тогда под влиянием Корейского национального общества.

Из участников движения за независимость самую тесную связь с моим отцом имел О Дон Чжин. Он часто приходил к нам, когда отец учился в Сунсильской средней школе.

Тогда О Дон Чжин учился в Пхеньяне в Тэсонской школе, открытой Ан Чхан Хо. Их дружба была скреплена идейно и потому она выходила за рамки чисто человеческих

отношений, и общение между ними с самого начала отличалось задушевностью и пламенностью. Впервые О Дон Чжин сочувствовал идеям моего отца весной 1910 года, когда проходило спортивное соревнование на военном плацдарме в Кенсангоре (военный плацдарм этот находился перед казармой в конце правления династии Ли).

В том соревновании участвовало более 10 тысяч учащейся молодежи, съехавшейся сюда из Пхеньяна, Пакчхона, Кансо, Енью и других районов страны.

После окончания соревнования состоялось выступление ораторов, где некоторые учащиеся заявили, что наша страна, если она хочет стать цивилизованной, должна внедрить у себя японскую цивилизацию. Против таких утверждений выступил мой отец. В своем выступлении он подчеркнул необходимость осуществить модернизацию, обновление нашей страны своими собственными силами, что очень приковало к себе внимание собравшихся.

Среди этой публики был и О Дон Чжин, будущий командующий войсками группировки Чоньибу. Позже каждый раз в своих воспоминаниях о тех временах он с глубоким чувством признательности говорил: «Выступление Кима произвело на меня большое впечатление».

Примерно с 1913 года О Дон Чжин под видом торговца (оптового) бывал в Сеуле, Пхеньяне, Синичжу и других ведущих городах страны, съездил и в Китай. К моему отцу он приходил часто, советовался с ним по вопросу о будущей судьбе движения за независимость.

Вначале О Дон Чжин представлялся мне просто добродушным торговцем. А позже, когда мы жили в

Бадаогоу и в Фусуне, я увидел в нем и видного деятеля движения за независимость Кореи.

И настало время, когда О Дон Чжин (его псевдоним – Соньам) слыл уже таким широко известным лицом, что почти не было человека, который не знал бы его. По его имущественному положению и окружению он мог бы жить и без бремени революции, без ее огромных трудностей и невзгод, но он, поднявшись с оружием в руках, бросился в борьбу с японскими империалистами.

О Дон Чжин питал к моему отцу чувство особого уважения и дружбы. К этому знатному человеку в Ичжу приходили многие гости. Весь флигель его дома был выделен специально для гостей. Их было так много, что для них была специально нанята кухарка. Но, когда навещал его мой отец, он приглашал его не в комнату флигеля, а во внутреннюю комнату главного здания, и угощение для него стряпала на кухне непосредственно его жена.

Как-то О Дон Чжин с супругой пришли к нам в гости, и моя бабушка в знак особого уважения подарила им на память латунную посуду для каши.

Я пишу об О Дон Чжине так подробно не только потому, что он был другом и товарищем моего отца, но и потому, что он был тесно связан с моими молодыми годами. Я с малолетства питал к нему особую признательность. Когда я учился в Гирине, он был арестован японцами. Утекло много воды, и в начале марта 1932 года, когда я колесил по районам Цзяньдао с целью создать Антияпонскую народную партизанскую армию, в Синичжуском местном суде проходил судебный процесс над ним. Когда мне говорили, что протокол о предварительном слушании дела Ганди состоит из 25 тысяч

страниц, я даже ахнул от удивления, но – увы! – протокол о предварительном слушании дела О Дон Чжина – 35 тысяч страниц, 64 книги!

В тот день, когда состоялся судебный процесс по его делу, в суд нахлынуло несколько тысяч зрителей, и судебный процесс, который было предназначено начать с утра, начался лишь после часа пополудни. О Дон Чжин отказывался от всякого судебного разбирательства и, поднявшись на место главного судьи, провозглашал свое: «Да здравствует независимость Кореи!», сотрясая весь суд.

Не на шутку встревоженные японские судьи поспешно прекратили разбирательство и заочно, в отсутствии обвиняемого, вынесли втайне приговор. На апелляционном процессе он был приговорен к пожизненному тюремному заключению и умер в тюрьме, так и не увидев дня освобождения родной страны, чему отдал всю свою жизнь…

Когда мы вели весьма трудную борьбу за создание партизанских отрядов, на страницах газет были опубликованы статьи о судебном разбирательстве, говорящем о глубокой убежденности в правоте своего дела и твердой воле этого патриота. Был опубликован и фотоснимок, запечатлевший О Дон Чжина, идущего под конвоем в Пхеньянскую тюрьму в соломенном мешке, надеваемом, как было положено, на голову «преступника». Этот фотоснимок заставил меня тогда с глубоким чувством восстанавливать в памяти его непоколебимый патриотический дух.

Немало из тех, кто сблизился с моим отцом в годы ученичества в Сунсильской средней школе, стали стойкими

революционерами. Впоследствии они составили ядро Корейского национального общества.

Оставив учебу в Сунсильской средней школе, отец начал учительствовать в Сунхваской школе в Мангендэ и Менсинской школе в Кандоне, отдавая все силы воспитанию подрастающего поколения, в то же время прилагая усилия для сплочения товарищей. Стремление развернуть активную практическую борьбу, расширяя арену революционной деятельности, говорят, заставило его бросить учебу в Сунсильской средней школе. Только это, а не что-то другое.

В 1916 году отец, воспользовавшись каникулами, побывал в Цзяньдао. Неизвестно, какую и с кем связь он имел тогда, но через Цзяньдао он поехал в Шанхай, где установил связи с национально-революционной группой Сунь Ятсена.

Отец высоко ценил Сунь Вэня как пионера буржуазно-демократической революции в Китае. По словам отца, в Китае мужчины, обрезав косы, начали отдыхать раз в неделю, и само введение такой системы было возможно благодаря усилиям таких сторонников буржуазной реформы. Отец хватил выдвинутую Сунь Ятсеном программу китайской революционной организации Тунмэнхой – три народных принципа: национализм, народовластие и народное благоденствие, и три основные политические установки: союз с СССР, союз с Компартией Китая, поддержка рабочих и крестьян, выдвинутые им под влиянием движения 4 мая, высоко ценил отец его как революционера с большим сердцем, твердой волей и дальновидной прозорливостью. В то же время отец говорил, что Сунь Ятсен допустил ошибку: после образования

Китайской Республики он уступил свое место как президента Юань Шикаю, хотя бы и с условием, что последний установит республиканскую политическую систему и заставит императора Цинской династии уйти с престола.

В детские годы я не раз слышал от отца, как он говорил о движении за буржуазную реформу в Корее. С большим сожалением он говорил о перевороте года Кабсин, произведенном реформаторами во главе с Ким Ок Кюном, ставшим калифом на час, считал прогрессивным из реформаторской программы его группировки следующее: равноправие народа, отмену потомственной родословной, выдвижение кадров, идею независимости, предусматривающую отмену отношений субординации к Цинскому Китаю и т. п.

Слушая такие слова отца, тогда я считал, что Ким Ок Кюн все же выдающаяся личность, меня даже томила неотвязная мысль о том, что если бы не потерпело поражение реформаторское движение во главе с Ким Ок Кюном, то могла бы измениться и современная история Кореи.

Но позже мы увидели в реформаторском движении Ким Ок Кюна и его политической программе ограниченности и анализировали их с нашей собственной точки зрения.

Преподаватели, обучавшие нас корейской истории, в большинстве своем определяли Ким Ок Кюна как прояпонски настроенный элемент. После освобождения и в научных кругах нашей страны долгое время прилепляли к Ким Ок Кюну ярлык прояпонского элемента. В ходе подготовки к перевороту он пользовался помощью японцев, что и послужило увидеть в его поведении признаки

прояпонских настроений, но мы не считали это справедливой оценкой.

Поэтому я говорил историкам: развертывая реформаторское движение, Ким Ок Кюн не обращал внимание на соединение с народными массами. Это, разумеется, ошибка. Но если, делая ставку на то, что он, мол, опирался на силы Японии, оценивать это как прояпонскую направленность, было бы неправильно, это приведет к нигилизму. Цель использования им сил Японии заключалась не в проведении им прояпонской реформы, а в том, чтобы на основе правильного учета соотношения сил того времени превратить его в пользу реформаторской группировки. В то время это была неизбежная тактика.

Отец говорил, что одна из главных причин неизбежного поражения переворота Ким Ок Кюна, которого постигла участь калифа на час, – в неверии реформаторов в силы народа и в опоре только на внутренние силы королевского дворца и что из их неудачи следует извлечь полезный урок.

По всей вероятности, отец бывал в Цзяньдао и Шанхае с целью непосредственно ознакомиться с положением дел в движении за независимость за границей, о чем он знал до того времени только понаслышке, найти новых товарищей и разработать дальнейший курс своей деятельности.

К тому времени и в мировом масштабе не встал еще во весь рост вопрос о национально-освободительной борьбе в колониальных странах, еще не были выработаны способы и методы движения за независимость в тех странах.

Когда отец бывал в Цзяньдао и Шанхае, вследствие вылазок военщины и вмешательства империалистических держав китайской революции приходилось пройти серьезные зигзаги: наступление то и дело сопровождалось

отступлением. Главной преградой и в китайской революции были США, Англия, Япония и другие внешние силы. Несмотря на это, многие сторонники движения за независимость Кореи, эмигрировавшие за границу, питали иллюзии насчет империалистов, проводили время, занимаясь пустословием: на чьи силы из великих держав лучше опираться?

Положение в Цзяньдао еще более укрепило убежденность моего отца в том, что независимости Кореи необходимо добиться силами самих корейцев. Приехав из Цзяньдао, он и занялся целиком работой по просвещению масс и объединению единомышленников, проводя бессонные ночи, порою даже и забывая о еде.

К этому времени мы переселились из Мангендэ в село Понхва уезда Кандон. Как и в Мангендэ, отец днем учил детей в Менсинской школе, а вечером проводил в вечерней школе работу по просвещению масс, всегда возвращаясь домой поздно ночью.

Однажды на одном смотре ученической самодеятельности и я выступил с написанным отцом текстом речи, посвященной антияпонской борьбе.

В то время отец еще обучал детей написанным им самим стихам и песням революционного содержания.

Многочисленные участники движения за независимость приходили к моему отцу в село Понхва. Сам он часто бывал в провинциях Северный и Южный Пхеньан и в районах провинции Хванхэ, навещая там своих товарищей – единомышленников. Во время этих походов он и подготовил актив, ставший в массах основой борьбы за независимость страны.

На почве такой подготовки отец вместе с Чан Иль Хваном, Пэ Мин Су, Пэк Сэ Бином и другими патриотами – участниками движения за независимость создали 23 марта 1917 года в Хактангоре Пхеньяна, в доме Ли Бо Сика Корейское национальное общество. Молодые борцы, состоявшие в этом обществе, написали кровью из порезанных пальцев слова: «Независимость Кореи» и «Готовность на смерть».

Это Корейское национальное общество представляло собой тайную организацию, цель которой – путем единодушного сплочения всей корейской нации добиться независимости страны собственными силами, силами самих корейцев и построить подлинно цивилизованное государство. Оно было одной из самых крупных по своим масштабам антияпонских подпольных революционных организаций, созданных корейскими патриотами в стране и за ее пределами в период до и после Первомартовского народного восстания.

Что же касается 1917 года, то к этому времени почти не было в стране такой тайной организации. Такие организации, как Союз справедливых воинов за независимость, Общество за возрождение Кореи, Общество борцов за восстановление государственной власти Кореи, созданные после «аннексии Японией Кореи», к этому времени были целиком распущены вследствие репрессий японских империалистов.

То было время, когда беспощадно арестовывали всех, без исключения, по поводу и без повода, как только раскрылась какая-то подпольная деятельность. Поэтому мало кто осмеливался участвовать в такой деятельности. Даже люди, склонные дерзать, ничего не могли делать в

стране, у себя на Родине, эмигрировали за границу и там создавали те или иные антияпонские организации. Те же, кто не обладал даже такой смелостью, с разрешения генерал-губернаторства развертывали в пределах Кореи такую пассивную работу, которая не была в обиду губернатору, не приносила ему никакого вреда.

Именно к этому времени и появилось на свет Корейское национальное общество. Оно явилось революционной организацией, стоящей на наиболее последовательных антиимпериалистических самостоятельных позициях.

В изложении цели этого общества говорится: ясно, что в дальнейшем придет время, когда силы Европы и США продвинутся на Восток и Япония вступит в противоборство с ними за гегемонию в этом районе мира. Чтобы, воспользовавшись этим случаем, добиться независимости Кореи силами самих корейцев, обществу следует сплотить вокруг себя единомышленников и вести подготовку для выполнения этой задачи.

Как явствует из изложения его цели, Корейское национальное общество, в отличие от тех, кто возлагал надежду на внешние силы, занимало самостоятельную позицию, заключающуюся в достижении независимости Кореи силами самих корейцев. Оно составляло и далеко идущий план по посылке своих членов в Цзяньдао и превращению его в активный очаг движения за независимость.

Следует сказать, что Корейское национальное общество было организовано весьма тщательно. Оно принимало в свои ряды только строго отобранных, подготовленных и проверенных патриотов, имело вертикально подчиненную организационную систему. Между членами общества

употребляли кодовые знаки. Секретные документы составляли только кодовыми знаками.

Общество решило каждый год по случаю дня открытия Сунсильской средней школы регулярно проводить собрания своих членов. Оно было тщательно замаскировано созданными позже примыкавшими к нему легальными организациями, такими, как Хаккёге, Писокге и Хянтхоге. Обществом назначались старшины районов, а для поддержания связи с деятелями, действующими за границей, назначались связные в Пекине и Дандуне.

В массах это общество стояло на прочной почве. Оно объединяло в своих рядах представителей широких слоев населения: рабочих, крестьян, учителей, учащихся, военных (Армия независимости), торговцев, верующих, ремесленников, широко разветвляло сеть своих организаций не только в стране, но и далеко за ее пределами, например, в Китае: в Пекине, Шанхае, Гирине, Фусуне, Линьцзяне, Чанбае, Люхэ, Куаньдяне, Дандуне, Хуадяне, Синцзине.

В ходе создания и расширения Корейского национального общества отец обрел таких товарищей, как Чан Чхоль Хо, Кан Чжэ Ха, Кан Чжин Гон, Ким Си У и многие другие. Не рассказать словами, не описать пером всех усилий отца, приложенных им в поисках каждого нового товарища. Чтобы обрести хотя бы одного, отец шел куда угодно, ради этого хотя бы одного ему не мешал и путь в тысячу *ли*.

Как-то раз О Дон Чжин проездом в район провинции Хванхэ нагрянул в наш дом к отцу. В тот день он выглядел особенно хорошо, был в превосходном настроении. О Дон Чжин рассказывал о встрече с одним замечательным человеком.

– Его зовут, – говорил он, – Кон Ен, он уроженец Пектона, совсем молодой парень, широкого кругозора, высокого роста, к тому же красавец. Парень толковый, владеет даже искусством единоборства. В старые времена он мог бы стать незаменимым кандидатом в начальники военного ведомства.

Такой отзыв об этом человеке очень порадовал моего отца.

– Издавна говорят, что больше ценят того, кто нашел и открыл талант, чем его самого. Значит, ваша поездка в Пектон внесла большой вклад в наше движение, – говорил отец.

Проводив О Дон Чжина, отец попросил своего брата Хен Рока сплести несколько пар лаптей. И на следующий день он в соломенных новых лаптях, получив их как добрый подарок из рук брата, тронулся в путь.

Домой он вернулся спустя месяц. Он проделал столь далекий путь, что соломенные лапти были разодраны донельзя. Но это его не смутило. Домой он вернулся, не чувствуя усталости, и бодро вошел через плетневую калитку.

Чем же он был особенно доволен? Прежде всего тем, что он встретился с Кон Еном. Это было очень важно и для меня. Ведь вот так и я с малых лет учился у отца любить и ценить товарищей своих.

Корейское национальное общество являлось плодом энергичной организационно-пропагандистской деятельности, развернутой моим отцом в стране и за ее пределами в течение ряда лет после «аннексии Кореи Японией». Это действительно так, – отец убежденно и твердо вынашивал план – с помощью этой организации

развернуть свою деятельность в как можно более широком масштабе.

Но, конечно же, это общество начинало подвергаться жестоким репрессиям со стороны японских империалистов. И нить, ведущую к нему, они взяли в свои руки осенью 1917 года.

В один из ненастных ветреных дней трое полицейских ворвались в класс Менсинской школы, где шел урок, без всяких на то причин арестовали моего отца. Арестовали его и увели.

Следовавший за ним до Мэкчжонской переправы один наш односельчанин по фамилии Хо спешно прибежал к моей матери и передал ей просьбу отца, которую он передал ему около переправы втайне от полицейских.

Выполняя эту просьбу отца, мать поднялась на крышу, достала находившиеся под нею секретные документы, бросила их в топку и сожгла.

Со следующего дня после ареста моего отца христиане села Понхва собрались в Менсинской школе и отслужили утреннюю молитву за освобождение арестованного. А жители Пхеньяна и Кандона направились в Пхеньянское полицейское управление и предъявили ему письменное требование освободить моего отца.

Узнав о предстоящем судебном процессе над отцом, мой дедушка, проживавший в Мангендэ, направил моего старшего дядю в полицейское управление, чтобы узнать намерение моего отца: нуждается ли он в адвокатах для личной защиты или нет. Мой дядя говорил ему, что готов нанять адвоката при судебном разбирательстве, даже если для этого придется продать все домашние пожитки. Отец наотрез от этого отказался.

– И адвокат и я на суде будем иметь только одно оружие – язык. Не надо нанимать адвоката, тратя на это зря последние деньги. К чему тут адвокат: я ни в чем не виновен! Я не преступник!

Японские империалисты трижды проводили в Пхеньянском суде судебный процесс над моим отцом. Каждый раз он решительно заявлял: «Я как кореец люблю свою страну и поступаю так во имя ее интересов. В чем же тут мое преступление? Я не признаю и отвергаю такое несправедливое судебное разбирательство властей!»

В ответ судебное разбирательство еще продлилось. И лишь третий тур этого издевательства закончился приговором. С чем сравнить такое насилие?!

Отец в тюрьме. А как быть с нами? Дядя Хен Рок вместе с младшим дядею по материнской линии Кан Ен Соком пришли в село Понхва, намереваясь увезти нас в Мангендэ. Но мать от этого отказалась, заявив, что проведет зиму здесь: она хотела завершить дела отца, держа связь с приходящими к нам членами Корейского национального общества и другими участниками антияпонского движения.

И лишь весною следующего года, когда ей удалось завершить эти неотложные дела, мы вернулись в Мангендэ. Тогда мой дед вместе с дедом по матери прибыли с тележкой в наше село и перевезли в Мангендэ наш домашний скарб.

Эту новую весну и лето я проводил очень мрачно, угрюмо.

И каждый раз на мой вопрос: «Через сколько дней отец вернется?», от матери я слышал ответ один и тот же: «Он скоро вернется».

Однажды мы с нею поднялись на сопку Манген, где были качели. Она взяла меня на руки, забрались мы на качели и она сказала:

– Чын Сон (Сон Чжу – ред.)! Река Тэдон освободилась ото льда, и деревья все покрылись зелеными листьями, а отец еще не вернулся. Твой отец боролся за то, чтобы освободить страну. Разве это преступление? Скорее становись взрослым, чтобы отомстить врагу за отца! Подрастешь, обязательно станешь героем и освободишь страну!

И я обещал непременно выполнить этот наказ матери.

Она втайне от меня не раз сходила в тюрьму. Но, возвратившись, она и словом не напомнила мне о ней.

Однажды она сказала мне, что надо сходить в Пхальгор потрепать вату. И сама отправилась вместе со мною. Мимоходом она заглянула в Чхильгор, в свой родной дом, и попросила потрепать вату, а потом собиралась пойти прямо в Пхеньянскую тюрьму. Бабушка по матери упрашивала ее, чтобы она сходила одна, оставив меня.

– В своем ли ты уме? – сказала бабушка. – С таким несмышленышем пойдешь в тюрьму! Он как увидит отца за решеткой, с перепугу у него и глаза на лоб выкатятся.

Тогда мне было шесть лет.

Как только мы перешли через деревянный мост, перекинутый через реку Потхон, тюремное здание я узнал с первого же взгляда. Хотя никто мне не подсказывал, какая она – тюрьма, увидев здание такого необычного вида, я сразу понял, что это она. Она устрашала собою всю окружающую природу. Тюрьма! Это сооружение выглядело таким жутким и страшным, что от одного взгляда на него можно сойти с ума. Не только железные ворота, ограда,

наблюдательная вышка, железные решетки на окнах, но и черная форма стражи, сам взгляд этих часовых были исполнены свирепости и злобы. Страшной жутью веяло от них.

Камера свидания, куда мы вошли, была довольно темная, куда не проникали даже солнечные лучи. В ней было так темно и душно, что и дышать даже было тяжело.

Несмотря на это, отец, как обычно, улыбнулся нам. Обрадованный моим приходом к нему, он похвалил мать, что она привела меня к нему.

Он был в острожном халате. Он так осунулся за это время, что с первого взгляда я не мог и узнать его. И весь в кровоподтеках, в синяках и ранах: и лицо, и шея, и руки, и ноги.

Сам такой замученный, он беспокоился больше о семье. И, вместе с тем, в моих глазах он был таким внушительным, держался с таким достоинством, что меня наполнили не только чувство возмущения и обиды на этих извергов, но и гордость за него.

– Сынок мой, вон как ты подрос за это время! Вернешься домой, хорошенько слушайся старших и прилежно учись!

Он говорил голосом невозмутимым, не обращая внимания на ту сторону, где сидел тюремщик. И голос его, мне казалось, за это время нисколько не изменился, и тон такой же мужественный.

И вдруг, как я услышал его голос, у меня на глаза навернулись слезы. Но я громко ответил:

– Слушаюсь! Только ты поскорей бы вернулся домой.

Довольный моим ответом, он кивнул мне головой. А обращаясь к матери, он просил ее позаботиться о торговцах

частыми гребнями или кистями, если они придут к ней. Это он, как понял и я, имел в виду товарищей своих по революции.

В этот день непоколебимый вид отца произвел на меня такое глубокое впечатление, какого не забыть мне никогда.

Из воспоминаний того времени нельзя забыть еще встречу с Ли Гван Рин тоже в камере свидания. Она училась в отделении домашнего искусства Пхеньянского женского колледжа, была членом Корейского национального общества. К счастью, щупальца японской полиции не протянулись еще к ней.

Она вместе с подругой по колледжу – членом этого общества – пришла на свидание с моим отцом. К тому времени, когда еще преобладали феодальные предрассудки, приходить девушкам в тюрьму, тем более на свидание с политическим преступником, было делом далеко не легким. Если будет разглашено, что она ходила в тюрьму, то ей не выйти замуж. Так был устроен мир. А она, модная щеголиха, именно в такое время и пришла на свидание с политическим преступником, что не на шутку удивило и озадачило даже тюремщиков, которые и отнеслись к ней с особой осторожностью. А она с таким задором и с таким светлым лицом утешала добрыми словами отца и мать.

Встреча с отцом в тюрьме явилась для меня своего рода крупным событием. Понял я и высокое стремление моей матери, сходившей к отцу в тюрьму вместе со мной. Увиденные мною раны на теле отца заставили меня всеми фибрами души возненавидеть японский империализм, подобный дьяволу, дичайшему зверю. Тогда эти раны дали мне значительно более реальное и наглядное представление о японском империализме, чем анализ и оценка, даваемые

ему многочисленными политическими деятелями и историками мира.

До того времени мне не приходилось часто испытывать на себе произвол японских войск и полиции. Бывало, в Мангендэ приходили японские полицейские на перепись дворов и населения или на проверку чистоты дворов, о чем они как бы очень уж заботились. Я видел тогда, как они ни с того ни с сего придирались ко всякому из-за каких-то пустяков, угрожали. Их беспричинные придирки кончались откровенным хулиганством: они били нагайками по раздвижным дверям, от их ударов разорвалась и наклеенная на нашу раздвижную дверь бумага, разлетевшись на части, створка двери полетела на котел, разбив крышку котла. Но ни разу не приходилось мне видеть такие раны, какие были нанесены ими ни в чем не повинному человеку.

Раны отца навсегда врезались в мою память и на протяжении всей нашей антияпонской революционной борьбы не выпадали из моей памяти. Глубокое волнение от этой встречи до сих пор остается в моей душе неизгладимым отпечатком.

Осенью 1918 года отец вышел из тюрьмы, отбыв срок тюремного заключения. Старший мой дядя вместе с дедом, захватив с собою носилки, пошли в тюрьму, а односельчане ждали моего отца на развилке дорог, одна из которых ведет от села Сонсан к Мангендэ.

Измученный, истерзанный пытками, отец, еле передвигаясь, вышел из тюрьмы.

Увидев его, дед весь задрожал от гнева и возмущения. Он предложил отцу лечь на носилки, но отец отказался.

– Пойду на своих ногах. Пока жив, не могу на глазах у врага двигаться на носилках. На виду у врага и пойду на своих ногах.

С такими словами он и стал совершать шаг за шагом, твердо, как и всегда.

Возвратившись домой, он предложил моим дядям присесть и сказал:

– В тюрьме я старался выпивать хоть глоток воды больше, твердо решил во что бы то ни стало выжить и продолжать борьбу с япошками до победного конца. Самые злые в мире – это япошки. Можно ли оставить их безнаказанными? И вы, и Хен Рок, и Хен Гвон, должны биться с япошками, не жалея себя. Хоть умри, но расплата – кровью за кровь!

Слушая отца, я твердо решил следовать за ним и драться с японскими империалистами не на жизнь, а на смерть.

Болезнь приковала отца к постели, но он не выпускал книги из рук. Некоторое время он лечился в доме Ким Сын Хена, мужа сестры деда, слывшего врачом-целителем, успешно лечившим глазные болезни, и продолжал изучение медицины, которое начал еще в тюрьме. У этого человека он доставал немало хороших книг по медицине. Вообще в бытность учеником Сунсильской средней школы он в доме Ким Сын Хена учился и медицинской технике, овладевал ею, как мог, и с увлечением читал книги по медицине.

Думаю, что еще с периода пребывания в тюрьме отец решил переменить свою показную учительскую профессию и выдать себя за врача.

Еще не совсем поправившись, он все же отправился в провинцию Северный Пхеньан, он решил восстановить там

разрушенные организации Корейского национального общества.

Вдохновляя его, дед сказал:

– Раз ты принял такое решение, надо дерзать и добиться своей цели.

Покидая родное село, отец написал стихи «Сосна на горе Нам». Это стихотворение – его твердая клятва: пусть сотрут в порошок, но бороться надо непоколебимо, продолжая дело из поколения в поколение, и во что бы то ни стало принести новую весну независимости солнечной стране, раскинувшейся на три тысячи *ли*.

3. Неумолкающее эхо «Да здравствует независимость!»

Отец покинул дом в очень холодный день.

Я с нетерпением ждал, ждал весны, а она все не приходила. Для нас, бедняков, голодных и раздетых, страшным врагом был и холод, а не только голод один.

Но вот стало потеплее. Но бабушку не покидало беспокойство, это было видно и по ее лицу. Как же! Ведь немного погодя праздник – день рождения внучка Чын Сона.

Бабушкина тревога была не без основания. К тому времени, как всегда, начнут цвести цветы, поутихнет мороз в северном краю, где сейчас мой отец, но что может сделать она, чтобы достойно, без обиды отметить день рождения внучка в пору весеннего голода?

Весной у нас, как правило, кончался запас продовольствия. Но в день моего рождения для меня накрывали стол особый – вареный рис и яичница с маринованной креветкой. Яйцо одно. Но и это уже большое лакомство для моей семьи, когда и жидкой похлебки нам не всегда доставало.

Однако той весной меня не очень-то занимала мысль о праздновании моего юбилея. Мою душу терзал арест отца. И меня не покидала тревога об отце, находившемся теперь в таком далеком краю.

Прошло не так много времени, как покинул он свой родной дом. Но тут вспыхнуло Первомартовское народное восстание. Это было взрывом накопившегося годами

негодования и гнева корейской нации, которая подвергалась неимоверным унижениям и оскорблениям со стороны японских империалистов в условиях десятилетнего варварского «сабельного режима».

Тягостный десяток лет, протекший после «аннексии Кореи Японией», был годами бедствий, тьмы и голода. Политика средневекового устрашения превратила Корею в громадную тюрьму, под штыками тирании наша страна, наша нация лишились всех свобод – свобод слова, собраний, организаций союзов, демонстраций и митингов, всех социальных прав. Разграблены все богатства нации. Наши соотечественники изнывали от бесчисленных мук и страданий.

В таких невыносимых условиях наша нация, аккумулировавшая в себе силы после «аннексии» в вихрях движений тайных организаций, Армии независимости и движения за патриотические культуру и просвещение, решительно встала на стезю борьбы – народ больше не мог быть послушной жертвой адского периода, времен тьмы и грабежа.

Народное восстание 1 марта было тщательно запланировано и подготовлено. При этом ведущую роль сыграли следователи религии чхондогё, христиане, буддисты и другие служители культа, патриотически настроенные учителя и учащиеся. Национальный дух корейского народа непоколебимо наследовался и непрерывно развивался в процессе переворота года Кабсин, движения, проведенного под девизом «заниматься правильной политикой и не дать себя перехитрить», крестьянской войны года Кабо, патриотического культпросвещения и борьбы Армии справедливости.

Наконец-то дух народного возмущения извергнулся, как лава вулкана, из своих недр и обернулся в мощный клич «За суверенитет и независимость!»

1 марта. В Пхеньяне в 12 часов дня колокольный звон стал сигналом к народным выступлениям. На спортивную площадь Сундокской женской школы, расположенной на холме Чандэ, хлынули тысячи учащейся молодежи и жителей города. На митинге была зачитана «Декларация о независимости» и Корея торжественно объявлена как независимое государство. Воодушевленные этим событием демонстранты могучими волнами вышли на улицы, скандируя лозунги: «Да здравствует независимость Кореи!», «Убирайтесь вон, японцы и японские войска!» К демонстрантам присоединились десятки тысяч жителей города.

Жители деревень Мангендэ и Чхильгор тоже направились в город, выстроившись в колонны. И мы, позавтракав на рассвете пораньше, всей семьей вышли на демонстрацию, вместе со всеми провозглашая: «Да здравствует независимость!» Вначале тронулось в путь нас немного, всего несколько сот человек, потом все прибавлялось и прибавлялось, и стало нас несколько тысяч. Прогремел барабанный бой, громко прозвенели гонги, и массы лавою хлынули в сторону старинных каменных ворот Потхон, скандируя «Да здравствует независимость Кореи!»

В то время мне шел седьмой год. Я шагал в изношенных соломенных лаптях и, двигаясь в таком густом потоке людей, кричал «Ура!» Так вместе со всеми и добрался до заветных исторических ворот. Конечно, не успевая за взрослыми, не мог шагать с ними в ногу. Они держали очень скорый марш, спеша поскорее войти в город.

Иногда мне приходилось бежать даже босиком. Взяв в руки лапти, которые стали мне обузой, рванью своей болтаясь на ногах, тороплюсь вперед вместе со всеми. Взрослые не перестают кричать: «Да здравствует независимость!», и я присоединяю свой голосок к их могучему гулу.

Враги выгнали на мирных демонстрантов конную полицию и даже дюжих молодчиков в мундирах. Они бряцали саблями и беспощадно стреляли. Много, много людей погибло тогда.

Но бесстрашные демонстранты и голыми руками бились с противником. А перед самыми воротами Потхон разгорелась жаркая рукопашная схватка…

Да, этот день никак не забыть. Тут я впервые на своем роду увидел, как убивает человек человека, стал впервые очевидцем кровопролития наших соотечественников. Вот тогда-то мое юное сердце и закипело неугасимым гневом против извергов.

Солнце садилось, на землю легли сумерки. Жители родного села поднялись на сопку Манген. В их руках гордо горели факелы. Трубили трубы, били барабаны, гремели жестяные баки, и кругом гремело: «Да здравствует независимость!»

Борьба эта продолжалась, не смолкая, несколько дней. И мы с тетенькою Хен Бок, сестрою отца, подымались вслед за матерью на сопку Манген, кричали «Ура!» и уж поздно ночью спускались в село. Мать тут все время была в хлопотах – носила на горку питьевую воду сельчанам, приносила кострику конопли на факелы.

А в Сеуле к демонстрантам присоединились даже крестьяне из провинций, приехавшие в столицу на похороны императора Кочжона. Сотни тысяч человек,

исполненные твердой воли борьбы за свою свободу, решительно влились тогда в эту демонстрацию.

На подавление такой демонстрации тогда пустилось все. Генерал-губернатор Хасегава поднял на ноги даже солдат 20-й дивизии, дислоцированной в Рёнсане. Головорезы палили по демонстрантам из оружия, били их штыками, кололи направо и налево, зверски убивали этих мирных и безоружных людей. Улицы Сеула утонули в море крови.

Но манифестанты не сдавались. Падал первый ряд, за ним выступал второй, а за вторым – третий, четвертый…

И в других районах страны сопротивление оккупантам росло. Кровь лилась рекой, но люди героически сражались с ненавистным врагом, по-звериному лютым, не боясь ни штыков, ни пуль.

Одна юная школьница держала государственный флажок в правой руке, палач подлетел и отрубил ей эту руку. Она подхватила флажок левой рукою, и когда людоеды отрубили ей и эту руку, она не остановилась и продолжала кричать им в лицо: «Да здравствует независимость Кореи!» Кричала, пока у нее не иссякли силы, и она не могла больше двигаться вперед. Это ввергло в страх японскую полицию и войска.

Могучие волны восстания, начатого демонстрациями в Сеуле и Пхеньяне, к середине марта охватили всю страну, все ее 13 провинций, распространились даже в Маньчжурию, Шанхай, Приморье, на Гавайи и в другие регионы мира, где проживают корейцы. Восстание приобрело размах общенационального сопротивления. В то время корейцы, сохранившие национальную совесть, все

приняли участие в этом восстании, независимо от различий в профессиях, вероисповеданиях, от пола и возраста.

На демонстрации вышли даже женщины из домов простолюдинов, которым запрещали в то время даже выходить из дому законы феодальной морали. В строю демонстрантов были и *кисэны* (женщина в старой Корее, прислуживавшая мужчинам на пирах и развлекавшая их пением и танцами – ред.), считавшиеся самыми униженными и презренными людьми в обществе.

И еще месяц-два после восстания вся страна сотрясалась возгласами «Да здравствует независимость!» Прошла весна, вступало в свои права лето, и пульс этого могучего движения начал утихать.

Многие люди надеялись, что враги изменят свои амбиции и уйдут из Кореи, если народ, воспрянув духом, месяцами будет кричать «Ура!» Но это была мечта несбыточная, было ясно, что сопротивление даже такой остроты не вынудит японских империалистов добровольно покинуть порабощенную ими корейскую землю.

Заглянем в историю. Чтобы проглотить Корею, Япония уже три раза разыгрывала крупные войны. Еще 400 лет назад Като Киёмаса и Кониси Юкинага, подручные Тоётоми Хидэёси, зажгли пожар войны на корейской земле, подняв на ноги самурайские полчища численностью в сотни тысяч головорезов. В истории это назвали «Имчжинским самурайским нашествием».

В середине XIX века Япония встала на путь реформ, осуществив так называемую «реставрацию Мэйдзи». В то время среди правящих кругов Японии первой прозвучала пресловутая «Концепция о покорении Кореи». Это была агрессивная доктрина милитаристских группировок

Японии, суть которой – вооруженными силами покорить Корею во имя процветания Японии и могущества императорского государства.

Амбиция эта в то время, конечно, не могла стать явью. Сказывались разногласия в политических и военных кругах Японии. Но надо сказать, что сторонники этой концепции подняли мятеж и успели разыграть войну в стране более чем на полгода.

И сейчас в Японии невредимо стоит бронзовая статуя Сайго Такамори – главаря сторонников «Концепции о покорении Кореи», который совершил крупный мятеж самурайства против японского императорского правительства.

Для захвата Кореи Япония пошла на войны – и с Цинским Китаем, и с Россией. За ее спиною стояли США и Великобритания.

О жестокости японской военщины свидетельствует следующий эпизод.

Когда шла русско-японская война, боевыми действиями японцев в Люйшуне (Порт-Артур) командовал Ноги. Чтобы взять высоту 203, он до вершины ее сложил лестницу из трупов убитых солдат и вскарабкался по ней. В храме Байюйшаня в Люйшуне, говорят люди, покоится только часть убитых вояк, число которых, увы, превышает 25 тысяч.

Ценою огромных жертв самураи, конечно, войну выиграли. Но им все-таки не удалось захватить ни Сибирь, ни Маньчжурию, вопреки их ретивым поползновениям. Обманутые японки стали военными вдовами, стало еще больше сирот. У японцев было тягостно на душе, и они, когда ходили слухи о возвращении Ноги, гурьбами

нахлынули в порт. Видимо, хотели хотя бы пакостями встретить главаря палачей.

Но собравшиеся там увидели совсем иную картину: на груди у самого Ноги, спускавшегося с корабля, белели три ящика с прахом. Японцы даже не посмели и рта открыть. Сам Ноги потерял на поле брани всех своих троих сыновей.

Насколько правдива эта история – не знаю, но было ясно одно: японские захватчики добровольно не уйдут из Кореи.

Однако и такой урок истории забыл верховный эшелон Первомартовского движения. Верхушка, идя наперекор высокому боевому духу нашего народа, с самого начала определила характер движения как ненасильственный. Она ограничилась только составлением «Декларации о независимости» и оповещением в стране и за рубежом о воле корейской нации, стремящейся к независимости. Она не хотела, чтобы движение вышло за эти рамки и превратилось в массовую борьбу, ведущуюся при главенствующей роли народных масс.

Некоторые лидеры национального движения даже попытались достичь независимости Кореи путем «петиции». Когда Вильсон огласил концепцию о «самоопределении нации», они были окрылены иллюзорными надеждами на то, что на Парижской мирной конференции смогут решить проблему независимости Кореи представители США и других стран-участниц переговоров. И они начали это жалкое петиционное движение. Ким Гю Сик и несколько его сторонников обращались к делегатам великих держав с «петицией о независимости», даже ходили по номерам отелей, где они остановились, и выступали с призывами и просьбами.

Но представители стран-участниц переговоров были заняты другой мыслью: каким путем больше получить при распределении «доходов». Корейская проблема их совсем не интересовала.

Просчеты верхушки националистического движения состояли в том, что они с самого начала утешали себя надеждами на концепцию Вильсона насчет «самоопределения нации». Этот лицемерный лозунг был выдвинут империалистами США для того, чтобы поставить заслон влиянию Октябрьской социалистической революции и своевольно распоряжаться судьбами всего мира. Прикрываясь этим обманным лозунгом, они прибегали к попыткам дезорганизовать изнутри многонациональное государство Советский Союз, расколоть народы слабых и малых колониальных стран, создать помехи им в борьбе за независимость и вместе с тем занять территории побежденных стран, пожертвовав их интересами.

Может ли быть, чтобы достижению Кореей своей независимости содействовали империалисты США, которые еще в начале нашего столетия «одобрили» японскую агрессию против Кореи путем заключения «соглашения Кацура-Тафта»? История не знает такого примера, чтобы великие державы сочувствовали малым странам и подарили народам слабых стран свободу и независимость. Суверенитет той или иной нации может быть сохранен или завоеван лишь собственными усилиями данной нации и ее непреклонной борьбой. Такова истина, проверенная веками и поколениями в мировой истории.

Еще во время русско-японской войны и в дни мирных переговоров в Портсмуте корейский император Кочжон послал в США своего эмиссара с целью обратиться к США

с просьбой разоблачить суть агрессивной войны Японии и содействовать Корее в сохранении ее независимости. Однако США не жалели всяких форм помощи Японии, чтобы она стала победительницей в русско-японской войне. И на переговорах по Портсмутскому миру, на которых шли разговоры о решении послевоенных проблем, США всячески помогли Японии, чтобы результаты переговоров стали выгодными для Японии. Президент Рузвельт не повернулся лицом к секретному письму императора Кочжона. Причина тут одна – это, мол, документ не официальный, и рассматривать его нечего.

Кочжон опять направил своих эмиссаров на Мирную конференцию в Гааге, чтобы объявить незаконным «договор года Ыльса» и обратиться к мировой справедливости и гуманизму с призывом содействовать Корее в сохранении статуса самостоятельного государства. Однако из-за цепких обструкционистских акций японских империалистов и холодной реакции представителей разных стран письмо императора, адресованное конференции, не имело действенной силы. Старания корейских эмиссаров, со слезами просивших содействия великих держав, на каждом шагу не получали поддержки и были отвергнуты.

И Кочжон, под давлением японских империалистов, ответственный за то, что направил туда своих эмиссаров, был вынужден передать свой престол Сунчжону.

Инцидент с эмиссаром в Гааге послужил своего рода мощным, предупреждающим сигналом к расставанию с психологией низкопоклонства перед большими странами, которая глубоко укоренилась в сознании правящих феодальных кругов. Алая кровь Ли Чжуна, разбрызганная в зале Гаагской мирной конференции, глубоко убедила

потомков в том, что любая сильная держава мира не подарит Корее независимость и что за чужой счет нельзя добиться независимости страны.

Забыв такой урок, верхушка националистического движения опять тешила себя надеждами на Соединенные Штаты Америки и концепцию о «самоопределении нации». Столь глубоко укоренились в ее сознании идеи низкопоклонства и преклонения перед США. В прошлом каждый раз, когда страна оказывалась в опасности, бездарные правители-феодалы с упоением взирали на крупные державы и намеревались спасти судьбу государства при помощи чужих сил. Такие дурные привычки были прямо «пересажены» из одной почвы в другую, а впрочем, все они одинаковы у верхушек националистического движения.

Первомартовское народное восстание показало, что националисты буржуазного толка не могут быть направляющей силой в антияпонском национально-освободительном движении.

Классовая ограниченность руководителей восстания состояла в том, что они еще не достигли рубежа полного отрицания порядка колониального владычества Японии. Цель своего движения они видели в том, чтобы, не выйдя за рамки признания порядка японского господства, добиваться некоторых уступок для сохранения интересов своих классов. Это стало впоследствии идеологической почвой того, что многие из них или скатились в болото реформизма, или пошли на компромисс с японскими империалистами и тупо трубили об «автономии».

К тому времени, скажу прямо, у нас в стране не было передовой идеологии, которая могла бы преодолеть

реформизм, не было армии промышленного пролетариата, которая считала бы эти передовые идеи руководящим идеалом своего класса в борьбе. Молодой рабочий класс нашей страны еще не имел собственной партии – такой, которая утвердила бы марксизм-ленинизм как идеологию новой эпохи и которая была бы призвана сплотить под его знамя широкие массы трудящихся.

Народные массы нашей страны, изнывавшие в тисках тирании японского империализма, должны были найти истинный путь борьбы и иметь авангардный отряд, призванный по-настоящему защищать их интересы. До этого им пришлось пройти еще далекий и трудный путь борьбы.

Первомартовское народное восстание до мозга костей убедило наш народ в том, что любое движение не может победить без его могучей направляющей силы.

Многомиллионные массы, горевшие единым стремлением к возрождению Родины, вышли на улицы сопротивления, но их борьба, не имевшая руководства рабочего класса, руководства партии, не могла избежать разбросанности и стихийности, не могла развернуться по единой программе и единому боевому плану.

Восстание дало серьезный урок: чтобы победить в борьбе за национальную независимость и свободу, народные массы должны непременно под руководством революционной партии иметь правильную стратегию и тактику, вести борьбу организованно и должны создать могучие собственные революционные силы, категорически отвергая низкопоклонство.

В дни восстания корейский народ ярко продемонстрировал на весь мир, что он силен духом

самостоятельности, не хочет быть рабом для чужих, не боится никаких жертв в борьбе за возвращение отнятой у него Родины, отличается несгибаемой волей и пламенным патриотизмом.

Восстание нанесло японским империалистам серьезные удары. После этого знаменательного события японские оккупанты, стремясь усыпить антияпонские настроения корейцев, были вынуждены заменить «военное управление» на «культурное управление», хотя это и было чистой формальностью.

Первомартовское восстание положило конец буржуазному националистическому движению в нашей стране. Национально-освободительная борьба корейского народа постепенно вступила в новую полосу своего развития.

Все лето у меня в ушах звенели те громкие возгласы «Да здравствует независимость!», которые сотрясали всю нашу родную землю, полную трагедии, и разносились неумолкающим эхом по земному шару. Восторженные возгласы «Ура!» побудили меня осмыслить вещи раньше, чем это было свойственно моему возрасту. На улице перед воротами Потхон, где шла такая жаркая схватка демонстрантов с полицией, вооруженной с ног до головы, мое мировоззрение сделало скачок на новый этап понимания действительности. В ту пору, когда я, привстав на цыпочки в массе взрослых, кричал «Да здравствует независимость!», могу сказать, именно тогда уже кончилось мое детство и отрочество.

Народное восстание 1 марта ввело и поставило меня в ряды народа, впервые запечатлело в моих глазах истинный образ нации. Возглас «Да здравствует независимость!»

долго звучал в моей душе неумолкающим громом. Мысленно прислушиваясь к этим отзвукам, я всегда испытывал в себе несказанную гордость за непреклонную боевую волю и геройство своего народа.

Летом того года мы получили письмо от отца.

Вместе с письмом он прислал мне китайскую тушь «Цзиньбухуань» («не заменимая даже золотом» – ред.) и кисть. Замечательный подарок, да еще с таким наказом: «Хорошо учись чистописанию».

Я густо, старательно разводил «Цзиньбухуань» в тушечнице, замачивал весь пучок кисти и крупно написал на *ханчжи* (бумага старого корейского производства – ред.) слово из трех слогов «а бо чжи» (отец – ред.).

Вечером при коптилке мы всей семьей читали письмо отца, передавая его из рук в руки. Мой дядя Хен Рок прочитал его уж три раза. Характер у него хотя и не такой уж раздумчивый, я бы сказал, даже несколько и ветреный, что ли, но при чтении письма он стал, к моему удивлению, таким скрупулезным, таким глубоко внимательным, какими бывают только старички.

Мать, бегло скользнув глазом, броским взглядом таким, передала письмо мне и попросила читать вслух, да и погромче, чтобы могли легко услышать дедушка и бабушка. Я был еще мальчишкой дошкольного возраста, но читать уже умел. Отец учил меня дома буквам корейского алфавита, это мне сейчас и пригодилось.

И вот я читаю звонким голосом. Бабушка, приостанавливая свою ручную прялку, спрашивает:

– А когда он придет домой, в письме не сказано?

Не дождавшись моего ответа, промолвила: «Где же он сейчас – в России или в Маньчжурии?.. На этот раз довольно долго он задерживается на чужбине…»

На душе у меня залегло, что мать письмо-то прочла бегло, все ли до нее дошло? И потому я вечером, лежа в постели, потихонечку рассказываю ей, повторяя выученные наизусть строки папиного письма. Она никогда не вглядывалась подолгу в письмо при дедушке и бабушке, но зато хранила его в складке подола кофты и украдкой от всех читала его в поле в перерывах.

Когда я кончаю гладко выкладывать хорошо выученные строки, она говорит, гладя меня по головке:

– Ну, хватит. Теперь спи, сынок…

Отец вернулся к нам ранней осенью. В разлуке с ним мы были на этот раз целый год. Он хотел забрать семью с собою, намереваясь переселить нас отсюда.

За это время отец многое сделал в Ичжу, Чхансоне, Пектоне, Чхосане, Чунгане и в других районах провинции Северный Пхеньан и в Маньчжурии. Он там со всей энергией работал над восстановлением разрушенных организаций КНО, привлекал к работе новых товарищей и старался потеснее сплотить в деле широкие массы.

Тогда им было созвано и Чхонсудонское совещание (ноябрь 1918 г.), на которое съехались представители северопхеньанской провинциальной организации КНО и его районные связные. На совещании был намечен курс на срочное возрождение разрушенных организаций КНО и тесное сплочение в организацию широких масс неимущих.

Вернувшись домой, отец много рассказывал о событиях в Маньчжурии, особенно в России, о Ленине, о победе Октябрьской революции. Он не скрывал своей зависти по

поводу того, что в России устроен новый мир, где хозяевами стали рабочие, крестьяне и другие пролетарские массы, и очень беспокоился о том, что новорожденная Россия переживает испытания из-за наскоков белогвардейских банд и иностранных интервентов 14 стран.

Все его рассказы складывались из живых фактов и деталей, что наводило меня на размышление: а уж не был ли он в это время в Приморье?

Приморье, как и Маньчжурия, считалось одной из баз, одним из мест сбора в движении за независимость Кореи. В период Первомартовского движения на Дальнем Востоке проживало несколько сотен тысяч корейцев. Здесь немало было корейских эмигрантов – патриотов и участников движения за независимость. Так, Ли Чжун и его группа через этот район поехали в Гаагу, Рю Рин Сок и Ли Сан Сор создали здесь (во Владивостоке) объединенное командование частей Армии справедливости 13 провинций. Здесь начала распространять марксизм-ленинизм Корейская социалистическая партия во главе с Ли Дон Хви, будучи первой в Корее социалистической группой. Здесь образовалось и объявило о своем рождении временное правительство на российской территории, назвавшее себя – Корейское национальное собрание. Базируясь здесь, Хон Бом До[13] и Ан Чжун Гын развернули свои военные действия в помощь борьбе за независимость.

Корейские эмигранты Приморья – участники движения за независимость и другие патриоты создавали всюду самоуправляющиеся органы и антияпонские организации сопротивления, развернули активную деятельность по восстановлению государственной власти. Части Армии независимости, имеющие свои базы в Приморье, выступили

в Кенвон, Кенхын и другие районы провинции Северный Хамген, совершили налеты на японские войска и полицию, взбудоражили систему правления противника и пограничного кордона. Одно время здесь бойцы Армии независимости, передвинувшись из Маньчжурии, сформировали крупные отряды и вместе с Красной Армией сражались за Советскую республику.

Объединенные силы империализма и их прихвостни – внутренние враги отчаянно нападали со всех сторон на Советскую власть, чтобы задушить ее в колыбели. В те годы тысячи корейских юношей и девушек, состоя в партизанских отрядах и в рядах Красной Армии, с оружием в руках сражались в защиту социалистического строя – высокого идеала человечества. На поле брани они не щадили своей жизни и не жалели своей крови. На памятниках в честь героев гражданской войны, воздвигнутых на Дальнем Востоке, высечены и яркие имена корейцев.

Одно время Хон Бом До, Ли Дон Хви и Ре Ун Хен энергично развернули движение за независимость Кореи на советском Дальнем Востоке. Они встретились и с Лениным, чтобы получить поддержку в национально-освободительном движении.

Деятельность участников движения за независимость Кореи в Приморье пострадала, конечно, от вмешательства внешних сил и взаимного противостояния между своими группировками. Из-за этого и произошла такая горькая трагедия, как событие на Хэйхэ. Но, смело можно сказать, эта деятельность оставила в истории национально-освободительного движения в Корее свои следы, которые нельзя игнорировать.

Итак, не была чрезмерной моя догадка, что отец, возможно, поехал в Приморье для привлечения к себе новых товарищей в борьбе.

От него мы слышали о демонстрациях жителей северного приграничного района. Члены нашей семьи, в свою очередь, рассказывали ему, как мужественно боролись жители волости Копхен в дни Первомартовского народного восстания.

Из рассказов отца той поры в моей памяти живы такие слова: «Разбойники ворвались в дом и бряцают саблями. Хоть караул кричи – те разбойники тебя живым не оставят. Пусть кто-то стоит на улице и слышит твою жалобу, но он не спешит к тебе на помощь, если он тоже разбойник. Чтобы спасти свою жизнь, с разбойниками тебе надо биться до последнего. На поединок с вооруженным мечом и ты иди с мечом. Тогда его победишь…»

У отца уже были сформированы новые взгляды на движение за независимость, созрела у него и новая решимость в борьбе. Во время Первомартовского движения, до и после этого события, – это стало мне известно после, – мой отец базировался в северном приграничном районе страны и в Южной Маньчжурии, внимательно следил за ходом развития событий в стране и за ее пределами, неустанно искал путь национального освобождения. Он глубоко интересовался также процессом изменения социально-классовых отношений в Корее.

Как учит урок Первомартовского движения, ни демонстрации, ни крики «Ура!» не заставят агрессоров уйти. И боевыми действиями Армии независимости тоже нельзя вернуть потерянную Родину. Вся родная земля покрыта сетями японских тюрем и лесами штыков, значит,

во всех уголках страны надо поднять общенациональные силы на борьбу с агрессорами. Для этого и мы должны совершить народную революцию, как в России. Пусть народ с оружием в руках поднимается на битву с противником. Только так народ должен и может вернуть себе отнятую у него врагом Родину и построить новый мир, свободный от эксплуатации и гнета. Таков был вывод, к которому пришел мой отец в долгих своих размышлениях о путях корейской революции. И вот что стало курсом на проведение нашей пролетарской революции.

Движение за независимость оставляло за собой только одни бесчисленные следы крови, оно не вышло из состояния застоя. Таким способом дело с места не сдвинешь. Вот в чем отец твердо убедился и так же твердо выступил за народную революцию.

После победы Октябрьской социалистической революции в России он начал с симпатией относиться к идеям коммунизма. А затем в связи с Первомартовским движением обосновал для себя и собственные идеи и твердо решил сделать переориентировку национально-освободительного движения в Корее от движения националистического к коммунистическому.

В июле 1919 года на Чхонсудонском совещании он аргументировал историческую необходимость пролетарской революции, а затем на этой основе в августе созвал в Хунтунгоу уезда Куаньдянь Китая совещание районных старшин и связных КНО, руководителей организаций движения за независимость. На нем был официально объявлен курс на переориентировку антияпонского национально-освободительного движения в Корее от движения националистического к

коммунистическому. Тут он выдвинул и такую задачу – действуя в унисон с переменами эпохи, силами своей нации победить японский империализм и построить новое общество, обеспечивающее пролетарским массам необходимые права и удовлетворение их интересов.

Так он наметил курс на переориентировку от националистического движения к коммунистическому. В этом еще одна его заслуга в антияпонском национально-освободительном движении.

Собственные взгляды на пролетарскую революцию он всегда выражал очень просто: это, значит, созидать новый мир, который дает голодным рис, раздетым – одежду.

В ходе практической борьбы он вооружил рабочих, крестьян, всех трудящихся передовыми идеями и объединил их в единую революционную силу, создав для этого различные массовые организации и расширив их сеть.

Другая заслуга отца состоит в том, что он добился успехов в подготовке к новым военным действиям и в объединении вооруженных групп. У него было твердое убеждение: потерянную Родину можно вернуть себе только военными действиями, а не путем «петиций» или «дипломатии». С такой верой он ускорил процесс подготовки к новой военной деятельности.

Идея отца была такова: воспитать патриотически настроенную молодежь, подобранную из среды неимущих классов, военными кадрами, идеологически перевоспитать командиров и представителей солдатских низов имеющихся военных организаций и превратить эти ряды в рабоче-крестьянские вооруженные силы, способные провести до победы пролетарскую революцию.

Наметив такой курс, отец направил членов КНО в части Армии независимости и во всех направлениях сам руководил делами: распространением передовых идей в вооруженных отрядах, приобретением оружия, подготовкой военных кадров и укреплением боевой мощи армии.

С другой стороны, он прилагал большие усилия к сплочению вооруженных групп. К тому времени больше всего тяготила его проблема сплочения рядов движения за независимость.

Тогда в Цзяньдао и Приморье было много частей Армии независимости и организаций движения за независимость. Заночуешь где-то одну ночку, а утречком проснешься и услышишь – появилась еще одна группа. Возникли такие группы, как «Ханчжокхвэ», «Тэхан тоннипдан», «Тхэгыкдан», «Кунбидан» и т. п. Так, в одной только Южной Маньчжурии имелось более 20 подобных организаций движения за независимость. Эти коллективы несомненно проявили бы гигантскую силу, если они пошли бы на коалицию между собой и координировали бы свои действия. Однако сектанты с самого начала отвергали другие организации, сеяли раздоры и с головой ушли в грызню за гегемонию.

Нужно было поправить создавшуюся ситуацию, иначе не избежать раскола рядов движения за независимость. Им угрожала бы опасность быть отвергнутыми народом или разгромленными по одиночке врагами. Да и невозможно было бы совершить запланированное отцом дело – переориентировку движения.

В такой ситуации до него и долетела такая весть: усугубляются распри между молодежными союзами «Тэхан тоннип» и «Кванчже». Он сразу отправился в Куаньдянь и

пробыл там несколько дней. Он настойчиво убеждал и уговаривал руководителей этих организаций найти общий язык и, наконец, добился их слияния. Благодаря его усилиям «Хыньобдан», «Кунбидан» и другие военные организации, действовавшие в приамнокканских бассейнах, объединились в «Кунминдан».

При подготовке к новой военной деятельности отец, можно сказать, стремился обновить силы имеющихся вооруженных групп за счет выходцев из рабочих и крестьян и начать новый старт в военной деятельности для коммунистического движения, объединить вооруженные группы разных направлений для ликвидации разбросанности в действиях.

До последних лет своей жизни отец всячески старался осуществить курс на переход к коммунистическому движению, совершив переориентировку движения. А тут его и настигла трудноизлечимая болезнь.

После того, как на Куаньдяньском совещании был намечен курс на переход к коммунистическому движению, ускорился процесс идеологического расслоения националистов.

Когда болезнь совсем приковала отца к постели, у него мало осталось единомышленников: одни были арестованы, другие стали изменниками, третьи разошлись врозь. Остались единицы таких энтузиастов, которые готовы были пойти бы врукопашную в бой за дело коммунистического движения.

Из среды националистов консерваторы по-прежнему, скованные по рукам и ногам трафаретами и шаблонами, стояли спиной к новому. Но и немалая часть передовиков избрала новый путь и впоследствии выступила за

коммунистическую революцию, взявшись с нами рука об руку.

Мысль отца о коммунистическом движении послужила и моему росту, моему развитию доброй питательной энергией.

4. Из чужбины на чужбину

Отец то и дело перемещал опорный пункт своей деятельности, и нашей семье пришлось не раз переселяться с одного места на другое.

Я в первый раз покинул мой родной край, когда мне было 5 лет. Весной того года мы переселились в село Понхва. Тогда мне было не так грустно при расставании с дедом, бабушкой и другими родственниками. Будучи еще несмышленышем, я мало думал о расставании, а больше любопытствовал узнать – каково то новое место и что там новое во всяком случае для меня.

Однако у меня было больно на сердце осенью того года, когда наша семья отправилась в Чунган.

Родственники огорчились, узнав, что мы переселимся в самый северный край. Весть, что мой отец с семьей уйдет в такую отдаленную местность, за тысячу *ли*, ошеломила деда, который всегда одобрял и поддерживал всякое дело отца.

Отец прилагал большие усилия, чтобы успокоить деда, который не мог скрыть чувства горести перед такой разлукой. И поныне звучат в моих ушах слова отца, которые он сказал деду в последний раз, помогая ему в работе на завалинке:

– Я зарегистрирован в черный список и не могу даже шевельнуться в центральном районе Кореи. Когда я вышел из тюрьмы, враги предложили мне прекратить движение и заняться дома земледелием. Но я должен продолжать борьбу, даже если заточат меня за решетку хоть десять раз.

Японцы жестоки. Нельзя вернуть страну одним выкрикиванием «Да здравствует независимость!»

В день переселения нашей семьи в Чунган старший дядя, взяв отца за руки, просил его почаще писать письма, если не будет времени съездить домой, и не забывать родного края на далекой чужбине. Дядя при этом горько плакал.

И отец не выпускал его рук из своих.

– Ладно. Родину не забуду. Как мне забыть свой родной край! Мы так расстаемся потому, что мы живем в таком проклятом мире. Но когда-нибудь будет достигнута независимость, и мы заживем хорошей жизнью, тогда уж все в одном месте. С детства ты плел лапти, чтобы помогать мне. Так ты желал помочь мне в моих походах. И так у тебя даже руки огрубели. А сегодня я уйду, взвалив на твои плечи все хозяйство большой семьи. Очень болит у меня душа от этого.

– Браток, не говори так. Я позабочусь об отце и матери как надо. А ты будешь бороться смелее и добьешься своего непременно. Я жду здесь того дня…

Глядя на картину такой разлуки, я тоже не мог сдержать нахлынувшего чувства горести.

Мать сказала, что снова вернемся на Родину в день независимости страны, но ведь неизвестно же, когда этот день наступит. У меня грудь щемило. Отец и мать, так вот покинув родину, не вернулись в Мангендэ и были погребены в холодной земле чужой страны.

Мне было печально, что расстаюсь с дедом и бабушкой. Я то и дело оглядывался назад.

Было не по душе покидать местечко, где я родился и рос, переселиться в чужие места, на далекую чужбину. Но

утешало меня одно. Было бы хорошо, рассуждал я, уйти далеко, хорошо, что пойдем в Чунган, далекий от Пхеньянской тюрьмы.

Собственно, я не мог избавиться от тревоги и после того, как отец вышел из тюрьмы, отбыв срок наказания. Не покидало меня беспокойство, что японцы смогут снова заключить отца в тюрьму. В то время я, будучи несведущим в мирских делах, наивно думал, что в горной глуши, расположенной на большом расстоянии от Сеула и Пхеньяна, тюрем нет и можно не видеть там проклятых японцев.

Я спросил, сколько километров от Пхеньяна до Чунгана. Ответили, что 400 километров. Я облегченно вздохнул, полагая, что японцы не смогут следовать за нами до такой отдаленной местности.

Говорили, что Чунган – это самый холодный край Кореи. Пускай хоть и так, можно вытерпеть любой мороз, только была бы обеспечена безопасность отца.

Мать взяла узелок с мисками для каши и ложками, а отец приладил суму на плечи. Это был весь наш домашний скарб, перевозимый на новое место жительства. Когда семья переселилась в село Понхва, были сундук, стол, латунная и керамическая посуда и т. д., но теперь ничего этого с нами не было.

Сопровождал нас один товарищ отца.

Мы сошли с поезда в Синанчжу и шли пешком вплоть до Чунгана через Кэчхон, Хичхон и Канге. В те времена железной дороги до Канге еще не было.

Когда мы тронулись в путь, отец забеспокоился, смогу ли я преодолеть столь далекий путь пешком, не отставая от них. Мать тоже беспокоилась. Тогда мне было всего семь

лет, и не случайно я вызвал такое беспокойство у родителей.

Изредка меня брали к себе в телегу обгонявшие нас крестьяне, да и то ненадолго, и большую часть дороги я прошел пешком. Это было первое в моей жизни серьезное физическое испытание.

По приезде в Канге мы заночевали в постоялом дворе, что за воротами Нам, и снова тронулись в путь, едва наступило утро. Надо сказать, что хозяин постоялого двора принял нас хорошо, он встречал нас не один, а вместе с членами подпольной организации этого района.

На двухсоткилометровом пути от Канге до Чунгана было много перевалов и безлюдных мест. Далеко не легкая дорожка…

Очень тяжело было матери, когда мы переходили через перевал Пэнан. Она ведь еще несла на спине трехлетнего Чхоль Чжу, а узелок на голове. Лапти у нее поистрепались, на ногах появились волдыри.

Я впал в разочарование, когда мы прибыли в Чунган. Оказалось, и там было полно наших врагов, Чунган кишмя кишел японцами, как и улицы Хвангым и Сомун в Пхеньяне. Корейцы разошлись по разным местам, лишенные возможности жить в родных краях, а эти японцы появились даже вот в такой глухомани и хозяйничали тут.

Отец сказал, что японцы гнездятся везде, где только живут корейцы. Оказалось, что в Чунгане тоже были и полицейский участок, и камера предварительного заключения, и жандармерия.

Попав в Чунган, я понял, что вся Корея похожа на большую тюрьму.

Японцы заняли свыше половины верхней улицы Чунгана и, создав здесь участок для резидентов, построили школу, магазин, больницу.

Жители Чунгана говорили, горько жалуясь, что японские империалисты начали протягивать свои щупальца в эту местность еще десять лет тому назад. Самураи, захватившие право на рубку леса нашей страны после «договора о протекторате года Ыльса», учредили в Синичжу лесопромышленную компанию, а в Чунгане – ее филиал и переселили сюда своих лесорубов. Среди этих так называемых лесорубов было много «резервистов», проходивших систематическую боевую подготовку. И на самом деле это был полувоенный коллектив, готовый действовать в случае чего как боевой отряд оккупантов. Кроме них в Чунгане находилось много вооруженных полицейских, был даже и гарнизон регулярных войск.

Зачем же отец переселился сюда? Он решил приехать в Чунган для того, чтобы здесь, где учащается передвижение участников движения за независимость, создать лечебницу и, сделав ее опорным пунктом своей деятельности, более активно развернуть антияпонскую борьбу. Под вывеской врача отец мог здесь легко замаскироваться от вражеского глаза и иметь сравнительно свободные контакты с людьми.

Мы устроились жить на постоялом дворе Кан Ги Рака. Он выделил нашей семье самую чистую и тихую комнату. Отец сказал, что он пользовался этой комнатой и раньше, когда побывал некоторое время в Чунгане на обратном пути из Цзяньдао, куда он ездил после выхода из тюрьмы.

Кан Ги Рак, повесив вывеску постоялого двора и работая одновременно зубным врачом и фотографом, на самом деле вел подпольную работу. Обосновавшись в

Чунгане, он обеспечивал связь между зарубежными организациями Корейского национального общества и моим отцом, находящимся в стране, а когда отец бывал за границей, – связь между ним и организациями КНО, действовавшими внутри страны.

Через этот постоялый двор отец имел контакты с участниками движения за независимость внутри и вне страны, которые действовали в Линьцзяне, Чанбае, Чунгане, Пектоне, Чхансоне, Чхосане и других районах бассейна реки Амнок.

Кан Ги Рак был крупным знатным человеком Чунгана и мог свободно входить в местное ведомство. Данные о врагах, разведанные им в ведомстве, оказывали большую помощь отцу в его деятельности.

Помогая отцу, я то стоял на страже, то обслуживал участников движения за независимость, посещающих постоялый двор, то схожу, бывало, в Чунсан, Чундок и другие места, обеспечивая тайные связи. До сих пор помнится, как я в национальной борьбе *сирым* с японским мальчишкою в Чунгане схватился в единоборстве. Он был посильнее меня, крупнее, но я перебросил его через себя. В то время я не оставлял в покое японских ребятишек, издевавшихся над корейскими детьми. Хозяева постоялого двора опасались последствий, но отец поддерживал мои поступки, говоря, что ни в коем случае нельзя склонять голову перед японцами, оскорбляющими наших людей.

В этот период в Чунгане антияпонские выступления заметно усиливались. Повсюду выбрасывались листовки, повторялись забастовки учащихся, то и дело местные жители расправлялись с злостными японскими прихвостнями, предававшими свою родину.

Все эти события враги связывали с моим отцом. По донесению из полицейского управления провинции Южный Пхеньан Чунганский полицейский участок зарегистрировал отца в список «корейцев, не подчиняющихся законам», и «поднадзорных людей первой категории» и неотступно следил за ним. Кан Ги Рак, зайдя однажды в волостную управу, увидел там подворные списки, где имя отца подчеркнуто красной линией. Он подсказал отцу, что полицейские собираются арестовать его, и советовал поскорее уйти отсюда для безопасности. В такой момент через уста одного полицейского просочились секретные сведения, что Чунганский полицейский участок намеревается действительно арестовать моего отца. И он не мог больше находиться в Чунгане.

И мы были вынуждены снова взять узелки с пожитками и перейти на чужбину, покинув даже этот самый северный край страны, где дул холодный ветер.

От Чунгана до китайской земли рукой подать. Я не мог сдержать слез, когда на переправе Чундок сели в челн, чтобы перебраться в Китай через реку Амнок. Переселение из Чунгана было уже четвертым по счету для нашей семьи. Я считал Чунган немилым краем и относился к нему отчужденно. Но теперь, когда приходилось перебираться в чужую страну, и Чунган показался мне таким близким, как родной край родной моей земли. Да ведь так или иначе, а он представлял собою частицу родной нашей земли.

Мангендэ был местечком, что пело мне колыбельную песню и качало меня на качелях, а Чунган явился для меня таким незабываемым краем, который, как село Понхва, помог мне познать, что вся Корея – это тюрьма японского империализма.

Был и необыкновенно ненастным сам день, когда мы отправились из Чунгана. Опавшие листья поздней осени докатились до переправы, вызывая тяжелую грусть. В небе перелетные птицы летели на юг вереницами. Почему-то и они навевали на меня тоску…

Для матери этот путь был последним. Покинув Чунган, она расставалась с Родиною навсегда, вернуться на Родину она уже не смогла. Младший брат Чхоль Чжу тоже не смог возвратиться на Родину после того, как переправился через реку Амнок. Так это случилось…

Людям приходится переживать всякое горе на своем веку. Но ужаснейшим горем является потеря Родины, особенно – уход из нее рабом порабощенной страны. Как ни велико горе расставания с родным, с детства любимым краем, оно несравнимо с печалью разлуки с Отечеством. Если сравнить родной край с матерью, чужбину – с мачехой, то с чем сравнить немилую в несколько раз больше, чем эта чужбина, чужую страну?..

Хотя я и был еще малолеток, но у меня подступил к горлу комок и потемнело в глазах при мысли, что будем жить в чужой стране, куда никто нас не приглашал и где не ждал нас никто, никто не встретит нас радушно и где нам даже и язык незнаком. Но что поделать, надо было безмолвно вынести нестерпимую печаль разлуки с Родиной, думая о воле отца, его стремлении к достижению независимости страны.

Лодочник сказал, что растет и растет число переселенцев, переходящих в Маньчжурию, и сетовал, что все более жалкой становится судьба корейцев.

А отец говорил, что никто не считал и никому неизвестно, как много людей, которые вот так отправляются

за границу, оставив плодородные поля у своих домов и самые эти дома.

Еще до гибели страны жители этой родной своей земли, лишенные средств пропитания, уходили группами на пустоши Маньчжурии и Сибири. Люди, потерявшие право на человеческое существование, с риском для жизни бежали из страны, пренебрегая жестокою карой, ежели попадутся властям. Поток переселенцев докатился даже до США, Мексики и других стран американского континента. Направлялись туда через Тихий океан крестьяне и поденщики, которые поддались соблазну, будто «там цветут цветы все четыре времени года, можно собирать обильный урожай без труда, посеяв только семена, и стать богачом через три года, если работать даже по три часа в день». Но на этом «благословенном» американском материке они подвергались унижениям как дикари и были на побегушках в столовых и домах богачей или занимались невыносимым каторжным трудом на фермах под палящим солнцем.

Но все же тогда существовала своя страна с официальным, признанным всеми названием – Корея. После гибели ее десятки тысяч хлеборобов, лишенных своих земельных угодий, покатились, словно опавшие листья, на пустоши постылой Маньчжурии.

А на нашу родную землю, где проживали наши люди из поколения в поколение, хлынули потоком японские богачи и торговцы, ослепленные жаждой быстрой наживы. А коренные жители этой страны, сделавшие эту землю плодородной, выгнаны из нее вон и скатились за рубеж.

И поделом людей, потерявших свою государственную власть, сравнивают с опавшими листьями и брошенными камешками, что валяются на обочинах дорог.

Теперь потомки тех скитальцев посещают что ни день края своих предков, брошенные их родителями. Каждый раз, когда встречаюсь я с этими соотечественниками, проживающими за рубежом, воскресает в моей памяти облик переселенцев, которых видел я еще в детстве на берегу реки Амнок.

В Линьцзяне мне все было чуждо, но было по душе одно. Там редко бросалась в глаза неприятная физиономия японцев.

Линьцзян, торговый город на окраине провинции Ляонин Китая, – один из транспортных узлов, соединяющих нашу страну с Южной и Северной Маньчжурией.

В те времена японские империалисты пока еще не смели откровенно распространять свое влияние на китайскую землю и, заслав туда тайных агентов, угрожали деятелям движения за независимость. Так что в Линьцзяне было благоприятнее, чем в Чунгане, разворачивать революционную деятельность.

Когда мы перешли в Линьцзян, отец около полугода обучал меня китайскому языку. Для меня пригласили китайского учителя. Потом сразу поместили меня в первый класс Линьцзянской начальной школы. Здесь я начал учиться китайскому языку не абы как, а по-настоящему. Потом я продолжал осваивать китайский язык в начальной школе в Бадаогоу и в Фусунской начальной школе № 1.

Можно сказать, что я с молодых лет стал свободно говорить по-китайски только благодаря заботе отца.

Тогда мне еще не было понятно, зачем отец так торопился обучать меня китайскому языку и зачислил меня в китайскую школу. Но теперь мне думается, что его дальновидная прозорливость, основанная на идее «чивон»,

оказала мне большую подмогу. Если бы он не учил меня китайскому языку с детских лет, то я, проведя четверть века в Китае, сталкивался бы на каждом шагу с затруднениями из-за незнания этого языка.

Откровенно говоря, в условиях, когда ареной нашей борьбы была в основном Маньчжурия, мы не могли бы иметь дружеские отношения с китайскими людьми и не смогли бы успешно сформировать антияпонский объединенный фронт с ними, если бы не могли свободно говорить по-китайски. Вообще мы не сумели бы даже и примоститься на Северо-Востоке Китая, где враги прибегали к жестоким репрессиям.

Когда я выходил на улицу в китайской одежде и свободно говорил по-китайски, то не признавали во мне корейца даже японские сыщики, у которых, как говорится, обоняние развито, словно у охотничьей собаки. Да терялись в догадках о моем происхождении и маньчжурские полицейские.

Можно сказать, что, в конце концов, стало большим подспорьем мне в участии в корейской революции то, что я учился китайскому языку.

При посредничестве своего знакомого Ро Ген Ду отец снял квартиру и устроил в ней лечебницу. Соорудив аптеку и палату в одной комнате, он вывесил большую вывеску с надписью «Сунчхонская лечебница». В самой комнате он также повесил диплом медицинского техникума Севранс. Наверно, он достал этот диплом при помощи какого-то друга до отъезда из Пхеньяна.

И спустя несколько месяцев отец уже стал слыть знаменитым медиком. Не искусство врача, а акт милосердия принес ему такую репутацию. Ведь он приступил к

врачеванию, прочитав лишь несколько томов медицинского трактата.

Отец, где бы он ни был, очень дорожил людьми. С особой теплотой и искренностью заботился он о своих соотечественниках, которые задыхаются от горькой жизни на чужбине, лишившись и родного края, и всей своей отчизны.

Среди пациентов «Сунчхонской лечебницы» было немало людей, которые просили медицинской помощи, придя с пустыми руками или имея незначительную сумму деньжонок.

Когда они беспокоились о плате за лекарства, отец говорил им, что платить можно и после, когда страна станет независимой и богатой. Он утешал их словами:

– Сейчас мы живем бедно в чужой стране, но не за горами день, когда мы вернем себе потерянную Родину и снова переправимся через реку Амнок.

Наш дом в Линьцзяне, как и в селе Понхва, кишел гостями. Тут были и больные, но в большинстве своем это были деятели движения за независимость.

К этому времени Кан Чжин Сок, дядя по материнской линии, пришел в Линьцзян и организовал Пэксанскую группу воинов. Это была вооруженная группа с ядром из деятелей движения за независимость из провинции Пхеньан. «Пэксан» означает гору Пэкту.

В ту пору передовые люди Кореи, проживавшие в Маньчжурии, очень дорожили названием «Пэксан». И частную школу корейцев, основанную в районе Фусуна, они именовали Пэксанской школой. И молодежную организацию, созданную нами в Фусуне в декабре 1927 года, тоже назвали Пэксанским союзом молодежи.

Пэксанская группа воинов являлась вооруженной группой со стройной организационной системой, сравнительно крупной среди многочисленных отрядов Армии независимости, созданных в районах Линьцзяна и Чанбая. Штаб этой группы находился в уезде Линьцзян. Она развернула свою деятельность в Чунгане, Чхосане, Хучхане и других местностях провинции Северный Пхеньан внутри страны. Сфера ее действий расширилась и дальше до Пхеньяна, Сунчхона и Кансо.

Кан Чжин Сок, дядя по матери, действовавший в Пхеньяне членом подпольной молодежной организации, после приезда в Маньчжурию одно время, до создания группы воинов, работал лесорубом, проживал в нашем доме. После организации этой группы он был назначен комиссаром внешних дел и развернул политическую деятельность и работу по сбору фонда на военные расходы в различных районах провинций Южный и Северный Пхеньан.

Он часто бывал в нашем доме вместе с командирами группы. Среди них были также Пен Дэ У и Ким Си У, казначей Пэксанской группы воинов. Они часто у нас и ночевали.

Гости спали в другой комнате, но дядя всегда спал в нашей комнате, пряча пистолет под подушкой.

В то время отец, согласно решению Куаньдяньского совещания об изменении направления деятельности, прилагал большие усилия к подготовке вооруженной борьбы на основе передовых идей. Он часто ходил в Хунтую для работы с Пэксанской группой воинов.

Однажды ночью я, проснувшись, увидел, как дядя вместе с отцом разбирают пистолет при свете коптилки.

Увидев пистолет, я почему-то невольно вспомнил картину, которую я видел на улице перед воротами Потхон во время Первомартовской демонстрации. Тогда я видел у демонстрантов только вилы да палки. Но вот увидел и пистолет в руках дяди, и это случилось не более чем через год. Передовые люди Кореи ответили оружием на кровавый урок, приобретенный ценою жизни тысяч людей.

Спустя несколько дней я получил от отца задание сходить в Чунган за патронами и порохом. Он, видимо, дал мне такое поручение потому, что в таможне строго проверяли взрослых.

Собравшись с духом, я сходил в Чунган и благополучно вернулся с патронами и порохом в сумке. В таможне полицейские подвергали строгой проверке пассажиров, собирающихся сесть в лодку. Но я что-то даже не ощущал страха. И все обошлось благополучно.

Впоследствии дядя покинул Линьцзян, чтобы вести деятельность вооруженной группы в Корее.

Не прошло и месяца, как сержант Ким Дык Су из Чунганской жандармерии пришел в Линьцзян и сообщил, что дядя арестован. Ким Дык Су был жандармским сержантом, но он во многом помогал отцу в его деятельности, не потеряв своей совести.

Когда я вернулся из школы, мать проливала слезы, получив такую печальную весть. Вся наша семья горько страдала по этому тяжелому случаю с дядей.

Покинув Линьцзян, он, во главе вооруженной группы, развернул энергичную деятельность в Часоне, Кэчхоне и Пхеньяне и был арестован японской полицией в апреле 1921 года в Пхеньяне. Он был приговорен к 15-летнему

тюремному заключению и томился за решеткой 13 лет и 8 месяцев. Был освобожден под залог и умер в 1942 году.

В начале своей деятельности он организовал в родном своем краю просветительское общество Мипхунхвэ и боролся с картежничеством, пьянством и суевериями. А затем его деятельность развернулась, вырастая довольно быстро в движение за спасение Отечества. Это было благодаря тому, что он получил положительное влияние от моего деда по матери Кан Дон Ука и моего отца.

Революцию делает не кучка особых людей. Любой человек может совершить поражающий людей подвиг в революционной борьбе за преобразование и обновление мира, если оказать на него активное идейное воздействие.

После ареста дяди враги заслали в Линьцзян многочисленных тайных агентов и полицейских в штатской форме, чтобы арестовать отца. Поэтому он спал не дома, а у своего надежного друга, на окраине Линьцзяна, избегая глаз полицейских, а днем работал дома.

Теперь уж и нам нельзя было больше жить в Линьцзяне. Пришлось снова упаковывать домашний скарб и переселяться в другую чужбину в чужой стране. Вся семья отбыла из этого обжитого местечка, неся вещи кто на голове, кто на плечах, кто на спине. Но все пожитки на свои плечи мы взять не могли. И миссионер Пан Са Хен сопровождал нас со своими санями до Бадаогоу уезда Чанбай, куда мы переселялись. Говорили, что это путь в сто километров. Бадаогоу, как и Линьцзян, тоже был городком пограничным, на берегу реки Амнок.

В Чунгане, расположенном напротив Линьцзяна через реку, были японские жандармерия и полицейский участок. Такие же органы насилия, жандармское отделение и

участок полиции, были и в Пхопхене, находящемся на берегу реки напротив Бадаогоу.

Пхопхен расположен на северном краю Кореи, но японские империалисты плотно разместили и здесь свои карательные силы, ибо главная арена движения за независимость переместилась в Маньчжурию. Агенты, жандармы и полицейские, посылаемые каждый день из Пхопхена, рыскали в Бадаогоу с налитыми кровью глазами, чтобы найти наших патриотов.

Наш дом стоял недалеко от места, где приток Бадаоцзян впадает в реку Амнок. Отец вывесил в этом доме новую вывеску с надписью «Кванчжеская лечебница».

Справа от нас жила семья Кима, члена Корейского национального общества, а слева – семья другого Кима, торговавшего *куксу* (корейская лапша – ред.). И напротив нашего дома жила семья еще одного Кима, поддерживавшего свое существование тоже торговлей *куксу*. Вблизи от нас жили также торговцы – братья по фамилии Ким, которые под руководством моего отца систематически снабжали материалами вооруженные отряды, действовавшие в бассейне реки Амнок. Таким образом, четыре Кима, жившие по соседству с нами, были хорошими людьми.

Подозрительной была лишь одна семья, проживавшая за нашим домом. Позже стало известно, что хозяин этого дома по имени Сон Сэ Сим был тайным агентом, засланным сюда Пхопхенским полицейским участком. Раньше этот Сон тоже жил в Чунгане, но по приказу японской полиции переместился в Бадаогоу вслед за нами, чтобы следить за моим отцом.

И в Бадаогоу отец общался с представителями различных слоев населения. Среди них был и человек по фамилии Хван, человек с передовыми идеями. Работая писарем на Намсаском лесопромышленном предприятии, он попал под влияние передовых людей и стал на путь революции. Он выполнял конспиративные задания моего отца по обеспечению связи. Получив задание, он тут же исчезал из Бадаогоу. Обходя различные места, ему указанные, он выполнял поручение полностью, а возвратившись, получал новое задание.

Иногда Хван долго беседовал с моим отцом, выпив винца. Порой они разговаривали очень оживленно о текущем моменте, обсуждая статьи в газете «Асахи симбун».

Когда отец отправлялся на рыбалку, он следовал за ним, взяв с собой горшочек с соевой пастой, приправленной молотым красным перцем. Он ловил рыбу сетью и варил жидкую рисовую кашу со свежей рыбой.

Так Хван гостил у нас целых три года. В каком-то году он отметил у нас и осенний праздник *чхусок*. В его сопровождении отец не раз посещал Намсаское лесопромышленное предприятие, расположенное в 80 километрах от Бадаогоу. Он проводил там воспитательную работу среди рабочих и сплачивал их вокруг антияпонской организации.

Преподаватели Рачжукского училища тоже находились под влиянием моего отца. В каком-то году в этом училище вспыхнула забастовка учащихся, что подняла большую шумиху.

В ту пору отец часто посещал также и Пхопхенскую церковь. Крыша здания сделана из дранки вместо

островерхой пирамиды с крестом, внутреннее помещение отличалось от обычной комнаты неперегороженным залом. После приезда отца в Бадаогоу церковь эта использовалась как место воспитания масс и пункт сбора революционеров, действовавших внутри страны. Каждый день, когда совершалось богослужение, отец шел в Пхопхен и вел там антияпонскую пропаганду, собирая немало людей. Иногда учил их и песням, играя на органе.

В дни, когда отец не мог приходить сюда, мать или дядя Хен Гвон вели здесь за него антияпонское воспитание, собирая тоже немало слушателей, пришедших совершать богослужение. Я тоже ходил в эту церковь, беря с собой Чхоль Чжу, и учился у отца играть на органе.

В городке Пхопхене было много явочных пунктов, которыми пользовался отец. Уборщик Пхопхенского полицейского участка тоже помогал отцу в его подпольной работе – разведывал тайны участка и сообщал хозяину комиссионной почтовой конторы, а тот передавал их моему отцу.

Я тоже часто выполнял поручения отца, обеспечивая конспиративные связи. А как-то раз передал одежду и пищу патриотам, заключенным в Пхопхенский полицейский участок. Но чаще всего ходил в комиссионную почтовую контору. Отец поручал мне доставлять из этой конторы газеты «Тонья ильбо» и «Чосон ильбо», журналы и другие печатные издания, выпускаемые в Корее. В то время отец взял на себя и работу филиала редакции «Тонья ильбо» под именем дяди Хен Гвона. Заработка тут не было никакого, но можно было бесплатно читать эту газету.

Я ходил в эту контору раза два в неделю. До замерзания реки ходить в Пхопхен было трудно, но после того, как река

становилась скованною льдом, ходил туда уже через каждые два дня. Когда же я был занят учебой, ходил туда за меня и дядя Хен Гвон. А когда в адрес отца почты приходило много, мы ездили за нею вместе с дядею. Поступали главным образом посылки, журналы и изданные в Японии медицинские книги.

Когда мы ходили в Пхопхен, нам активную помощь оказывал Хон Чжон У, который работал помощником жандарма. Этот человек под влиянием моего отца стал сторонником дела революции, оказывал ему поддержку. Конечно, тесные контакты с ним были установлены не с самого начала нашего пребывания здесь.

Городок Бадаогоу, где мы жили, находился под контролем Пхопхенского жандармского отделения. Подчинялись этому отделению полицейские участка и чиновники таможни. В то время пограничные жандармские органы пользовались широкими полномочиями.

Отец и члены революционной организации постоянно следили за действиями жандармского поста, а жандармы, в свою очередь, не прерывали слежки за нашим домом.

Когда Хон Чжон У впервые появился в аптеке нашего дома в форме помощника жандарма, я насторожился не на шутку, отец с матерью тоже очень опасались его. Он, еще ничего не говоря, обвел холодным взглядом аптеку, а потом сказал:

– Сегодня я пришел к вам, чтобы передать привет Чан Сун Бона из Анчжу. Когда меня переводили в пограничный район, он попросил меня навестить вас. Он сказал: поедешь в Хучхан – познакомишься с моим другом по имени Ким Хен Чжик. И я сам хотел хотя бы разок повидаться с вами и услышать от вас указания.

Хотя он и был в форме жандарма, но вел себя очень скромно и вполне прилично. Однако в тот день отец отнесся к нему не очень любезно.

– Ты так непринужденно обращался с сержантом Ким Дык Су в Чунгане. А почему так вел себя сегодня? – спросила мать, когда ушел Хон Чжон У.

– При виде формы жандарма на Хоне невольно вспом–нил Пхеньянскую тюрьму, – ответил отец.

Он признал, что на сей раз с гостем он вел себя неприлично, ведь человек пришел передать привет, и сказал, что когда он придет к нам снова, надо оказать ему теплый прием.

Хон Чжон У и позже посещал наш дом не так уж редко.

Однажды отец, советуясь с матерью, сказал:

– Если Хон Чжон У приходит выведать у нас наши секреты, то я через него буду разведывать тайны жандармерии. В случае неудачи я, конечно же, попаду в опасность. Но если успею перевоспитать этого человека, будет большая помощь нашему делу. В Чунгане Ким Дык Су, в Пхопхене Хон Чжон У – жандармы находятся везде, где Ким Хен Чжик.

С того дня отец начал активно перевоспитывать Хон Чжон У. Он перестал относиться к нему холодно, как к помощнику жандарма, а все его отношение к нему теперь наполнилось искренностью, как к соотечественнику, стал оказывать ему теплое гостеприимство.

И Хон, в свою очередь, постепенно стал раскрывать свою душу. Оказалось, он был человеком с доброй национальной совестью. Родился он в Сунчхоне провинции Южный Пхеньан, занимался земледелием в родном краю, что называется, в поте лица, но жизнь его там никак не

улучшалась. И наконец он решил держать экзамен на должность помощника жандарма, чтобы хоть этим выбраться из нужды. Но увидев, как зверски подавили жандармы и полицейские демонстрантов во время Первомартовского народного восстания, он раскаялся в том, что держал упомянутый экзамен, и решил вновь заняться земледелием. Но тут поступило извещение, что экзамен он выдержал, а потом – и повестка с приглашением на военное обучение. Так вот он и стал помощником жандарма.

Японские империалисты, преобразуя «сабельный режим» в «культурное управление», под вывеской «реформы административной системы» сократили жандармские органы в стране, зато создали новые и расширили имевшиеся полицейские органы в крупных масштабах, одновременно укрепив жандармские органы в пограничных районах. Большинство корейцев – помощников жандармов превратились в полицейских или переведены в пограничные районы. И вот Хон Чжон У тоже назначен в Хучхан.

Однажды он пришел к отцу и выразил ему свою решимость захватить оружие жандармерии и участвовать в движении за независимость.

Отец высоко оценил его решение и сказал:

– Очень похвально, что вы решили участвовать в движении за независимость. Хотя вы и надели на себя японскую военную форму, но душу свою пятнать не следует. Неужели мы, гордясь пятитысячелетней историей своей страны, можем мириться сложа руки с рабством, навязанным нам японцами? Впрочем, я думаю, что полезнее будет, если вы поможете в нашем деле, продолжая работать в нынешней должности. В форме жандарма вы сможете

оказывать помощь в движении за независимость во многих отношениях…

Впоследствии Хон Чжон У, следуя совету моего отца, активно помогал деятелям движения за независимость. Он часто посещал отца и заранее сообщал, в котором часу какого числа он будет стоять на дежурстве по надзору за переправой, и предлагал посылать в это время людей, которые должны переправляться через реку. Таким путем он не раз обеспечивал переправу революционеров на тот берег.

Мой отец тоже не раз миновал смертельную опасность благодаря заботе этого человека. Когда он узнавал, что складывалась опасная для отца ситуация, он тут же приходил в Бадаогоу и сообщал отцу: «Будьте осторожны, придут полицейские», или говорил матери: «Когда вернется домой господин Ким Хен Чжик, посоветуйте ему уйти обратно в деревню и находиться там еще несколько деньков».

Как-то Хон Чжон У получил от начальника жандармского отделения приказ разведать о действиях участников движения за независимость и корейцев на том берегу реки и переправился в Бадаогоу. Здесь он увидел, как полицейский из Пхопхенского участка направляется на переправу, связав моего отца. Преграждая путь полицейскому, он закричал на него:

– Этот господин наш человек! Он выполняет задание жандармерии. Зачем вы самовольно арестовали его, не доложив нам об этом? Если впредь возникнет какой-нибудь вопрос относительно господина Кима, доложите мне без вмешательства кого бы то ни было!

Полицейский попросил прощения, кланяясь до земли, и развязал веревку, которой были скручены руки отца. Так отец избежал грозившей ему опасности.

Однажды жандарм, несший патрульную службу, доложил начальнику отделения, что доктор Ким в Бадаогоу является идеологически неблагонадежным, и предложил забрать и допросить его. Но Хон Чжон У показал ему жандармский журнал, где записаны «разведданные», и сказал:

– Все эти данные получены через доктора Кима. Чтобы узнать подлинное нутро идейно неблагонадежных элементов, надо самому притвориться неблагонадежным. Доктор Ким совершил большой подвиг в пользу нашего дела.

Эти «разведданные» были небылицами, выдуманными самим Хоном.

В мае 1923 года была упразднена должность помощника жандарма. Хон Чжон У пришел к моему отцу и сказал, что он больше не может служить во вражеском органе и хочет участвовать в движении за независимость, переправившись в Китай вместе с семьей. В тот день отцу стоило больших усилий отговорить его от этого. Он сказал ему:

– Вернитесь в родной край и помогите по-прежнему в нашем деле, работая в полицейском органе. Так вы сможете оказать нам большую помощь, хотя и не будете вступать в Армию независимости.

Отец попросил Хона зайти в Мангендэ и передать родителям его привет, когда тот вернется в родной край.

По возвращении на родину он так и сделал – немедленно посетил Мангендэ и передал моим деду и

бабушке привет от отца. Согласно совету отца, он работал полицейским в родном краю, а с 1927 года стал служить полицейским Тэпхенского участка. Он не раз предлагал начальству назначить его в этот участок. И, прибыв в Тэпхен, он сразу же посетил мой родной дом в Мангендэ и поздравил моих деда и бабушку с новогодним праздником. Сопровождавший его слуга полицейского участка привез им водку, свинину и апельсины. Деревня Мангендэ тоже находилась под контролем Тэпхенского полицейского участка.

До самой своей смерти Хон Чжон У, следуя советам моего отца, сохранял совесть корейской нации, неизменно и активно охранял нашу семью. Он переместился в Тэпхенский полицейский участок тоже с тем, чтобы охранять наш дом в Мангендэ. Пока этот человек ведал делами в селе Нам, мой дед и дядя Хен Рок меньше испытывали неприятностей из-за врагов. Начальник участка постоянно твердил ему, что члены семьи Ким Хен Чжика давно известны как люди, имеющие антияпонские идеи, и потому следует строго следить за ними и часто вести у них обыски. Но Хон Чжон У каждый раз уклонялся от этого, отвечая, что за этой семьей нет ничего особенного.

В первые дни после освобождения страны народ повсюду хватал и жестоко избивал прояпонских извергов. И только один Хон Чжон У не подвергался побоям и жил без всяких неприятных происшествий. Он работал в родном краю полицейским с пенсионным обеспечением, но не причинял людям зла и закрывал глаза на поступки, нарушавшие японские законы. Поэтому он и не нажил ненависти к себе.

Да, он подвергался подозрению из-за собственной биографии, но никогда и никому не говорил о том, что он делал раньше. Обыкновенный человек написал бы ко мне письмо, чтобы хотя бы избавиться от подозрения, но он не сделал и этого.

Спустя несколько лет после окончания Отечественной освободительной войны я дал своим сотрудникам задание найти Хон Чжон У и нашел его в Сунчхоне. Оказалось, он был уже стариком, которому перевалило за шестьдесят. Но мы все равно послали его на учебу в провинциальную школу по подготовке кадров. И после окончания этой школы он жил скромно и спокойно со своей врожденной натурой. Остаток своей жизни он целиком отдал работе по отысканию следов революционной деятельности моего отца.

Такому человеку, как Хон Чжон У, который решил жить своим духом и собственным разумением в интересах страны и нации, не была помехой даже полицейская форма и должность полицейского. Дело не в должности или форме, а в идее и духе человека.

Воспитание подрастающего поколения по-прежнему оставалось в Бадаогоу проблемой, на которую отец обращал неослабное внимание. И после того, как он сменил профессию учителя на профессию врача, он прилагал огромные усилия к воспитанию подрастающего поколения, как и во время, когда он преподавал в школе. Он был убежден, что можно добиться независимости страны и построить могучее и богатое суверенное государство только тогда, когда через школы и вечерние курсы просветить массы и подготовить в большом количестве способные кадры.

Летом 1924 года в Саньюаньпу состоялись летние семинары для учителей корейских начальных школ. Тогда отец разработал конкретное содержание преподавания и определил даже песни для школьников.

Благодаря усилиям отца в Бадаогоу была основана корейская школа. В этой школе даже учились молодые люди и дети из Пхопхена, которые пришли со своим рисом и учили родной язык, сами готовя себе пищу.

Отец всегда и везде наставлял:

– Воспитание подрастающего поколения есть основа для независимости страны и государственного строительства. Человек неграмотный все равно что животное. Только усвоив знания, он может вести себя, как подобает человеку, и вернуть себе потерянную страну.

Я глубоко в сердце запечатлел слова отца, его мудрые советы, и учился всегда усердно. Начальная школа в Бадаогоу, которую я посещал, была четырехклассной китайской школой. Там преподавали на китайском языке и предметы тоже были китайскими. В этом городке раньше не было корейской школы, поэтому по возвращении домой я получал от отца индивидуальное образование. Он учил меня родному языку, географии и истории Кореи, часто рассказывал мне о Ленине, Сунь Ятсене, Вашингтоне и других известных людях мира. Он называл несколько романов и книги передового содержания и требовал прочитать их и высказать свои впечатления, обеспечивая таким образом систематическое руководство чтением мною отечественной и мировой литературы. Благодаря его вниманию и заботе я в те годы мог читать много книг хорошего содержания, такие, как «Великие люди Кореи»,

«Биографии героев Кореи», «История русской революции и Ленин» и другие, а также газеты и журналы.

Отец строго контролировал мои занятия. Был и такой случай, когда он дал мне и розог, даже и младшему брату Чхоль Чжу и даже дяде Хен Гвону, если мы проявляли лень в учебе.

Мать тоже уделяла серьезное внимание моим занятиям. Когда я возвращался из школы и собирался идти в горы за дровами, она говорила:

– Не надо идти за дровами. Лучше учись.

И помогала мне выделять из своего бюджета больше времени учебе. Видя, как она заботится обо мне, а сама не имела приличной одежды, испытывая одни только невзгоды, я думал, чем бы я мог порадовать ее. И вот однажды пошел в Пхопхен и купил ей резиновую обувь на деньги, которые она дала мне на покупку спортивных тапочек. В ответ на это она мне сказала:

– Ты еще мал, но мысль у тебя глубокая. Но это неважно, какая у меня обувь. Я рада, когда вы учитесь хорошо и растете крепкими.

Мать делала все, что в ее силах, чтобы я рос со светлой душой и был веселым и бодрым. Поэтому я мог расти без тени в душе, со светлым оптимизмом. Помню, что в детские годы в Бадаогоу я шалил больше, чем когда-либо. Иногда совершал даже такие шалости, что взрослые только ахали да цокали языками. Впрочем, какое детство без шалостей!

Воспоминания о зиме в Бадаогоу возвращают меня в детство семидесятилетней давности. Тогда мы на реке Амнок прорубили большую лунку диаметром больше метра и, став в шеренгу на берегу, соревновались в прыжке через нее. Мы говорили, что не достойны быть впредь бойцами

корейской армии те, кто не могут перепрыгнуть через эту лунку, и вихрем пролетали через нее. Мы напрягали все силы, чтобы не опозориться в таком соревновании. Иначе какие же мы бойцы корейской армии?!

У кого был короток шаг и большая боязливость в душе, тот не мог перепрыгнуть через такую лунку и шлепался в нее. В такой день в доме, чьи дети промокли до нитки, жаловались, высушивая одежду над жаровнею, говоря, что из-за этого Сон Чжу семьи из Пхеньяна замерзнут, как пойманный минтай, да и перемерзнут все соседские дети. Ходила даже молва, что Сон Чжу – глава детворы Бадаогоу, и взрослые, как правило, называли мое имя, когда сетовали на своих детей.

Иногда мы до глубокой ноченьки играли в войну на горе за Бадаогоу, беспокоя взрослых не на шутку. В таком случае им приходилось искать нас всю ночь, отказывая себе во сне. Такие случаи повторялись часто, и взрослые строго контролировали своих детей. Но нельзя же было запереть на замок неудержимую детскую душу, что парит высоко в бескрайнем небе.

Однажды мой одноклассник Ким Чжон Хан хвалился, показывая нам капсюль, взятый из ящика с капсюлями, который хранился у них на складе. В этом, хотя и домашнем, складе лежали целыми грудами оружие, мундиры и обувь, которые будут отправлены в отряды Армии независимости. Старшие братья Ким Чжон Хана покупали в большом количестве рабочую одежду, обувь и другие вещи в магазине посредника японской фирмы и посылали их в вооруженные отряды. Чтобы снабжать Армию независимости материалами, они достали два судна и лошадь и, разъезжая по разным местам, скупали товары.

В тот день мы играли у жаровни, грызя тыквенные семечки. Ким Чжон Хан свистал, приложив капсюль ко рту. И вдруг капсюль взорвался, – его коснулся тлеющий уголек. Парень был ранен в нескольких местах. Старший брат завернул его в простыню, взвалил на себя и прибежал с ним к моему отцу.

Если бы до полицейских дошли слухи, что мальчик ранен взрывом капсюля, то произошла бы большая беда. Поэтому отец двадцать с лишним дней лечил его, пряча в своем доме.

После этого события я узнал, что семья Ким Чжон Хана – это семья патриотически настроенных, честных торговцев, которые снабжают отряды Армии независимости военными материалами.

В те годы у нас, несмышленышей, было много всяких приключений. Однако все же меня не покидала тяжелая мысль об одном. Становясь старше, в моей душе все больше возрастала печаль о порабощенной стране.

5. «Песня о реке Амнок»

В один из первых дней 1923 года отец, усадив меня перед собой, спросил:

– Что ты будешь делать дальше, ведь ты скоро окончишь начальную школу?

Я рассказал ему о своем намерении продолжать учиться дальше, что было и заветной мечтой моих родителей. Однако мне было несколько странно: откуда вдруг такой неожиданный вопрос о моем будущем?

Отец смотрел на меня с серьезным выражением на лице и сказал, что дальше мне лучше бы учиться в Корее. Эти его слова были для меня как снег на голову. Чтобы учиться в Корее, надо покинуть родителей. Мне никогда не приходило в голову и подумать об этом.

Удивилась такому совету и мать, занимавшаяся рядом тут шитьем. Она на этот счет подала свой голос:

– Нельзя ли его послать учиться куда-нибудь поближе, в какой-то близлежащий отсюда край? Ведь он еще совсем малолеток.

Отец был непреклонен. Он, видимо, давно уже так решил. Он повторял не раз:

– Обязательно надо послать Сон Чжу в Корею, хоть это сейчас нас и огорчает, вызывает у нас чувство какой-то опустошенности.

Вообще мой отец никогда не брал назад свои слова. Со всей серьезностью он мне сказал:

– Ты с малых лет мыкал горе, следуя за родителями. Пойдешь снова в Корею. Тебя, может, ждут более тяжелые

муки и страдания. Но отец решил послать тебя в Корею. Будь же мужчиною. Рожденный в Корее должен хорошо знать Корею. Если ты в Корее толком узнаешь, почему наша страна была обречена на гибель, и то уже будет большая удача. Иди в родной край и испытай на себе всю горечь и трагедию нашего народа. Тогда ты узнаешь, что надо делать.

И я согласился по наказу отца учиться в Корее. К тому времени и в Корее дети из порядочно живших семей собирались со свертками в руках уехать на учебу за границу. Было такое поветрие. Многие думали: чтобы быть просвещенными, постичь науку, надо уехать в такие страны, как США или Япония. Такова была своего рода тенденция того времени. Поэтому все отправлялись за границу. А я вот собирался в Корею.

Образ мышления отца был необычно своеобразен. Поныне я думаю, что отец, пославший меня в Корею, был прав. Мой отец велел мне, – а тогда мне не шел еще и двенадцатый год, – одному проделать путь в тысячу *ли*, который тогда был почти безлюдной местностью. Что там ни говори, мой отец был человек необыкновенного характера. И такой его характер, теперь это можно сказать вполне определенно, придавал мне силу, укреплял во мне веру.

Собственно говоря, мною тогда овладели тоже необыкновенные чувства. Все, конечно, было хорошо: увидеть Родину и учиться на ее лоне, но огорчало меня одно: жаль было расставаться с родителями и младшими братьями. Однако во мне горело желание быть в родном селе. Тоска по Родине упрямо переплеталась с неотвязной мыслью оставаться в теплой семейной обстановке.

Терзаемый душевными колебаниями, я был несколько дней в очень неспокойном состоянии.

Мать предложила отправить меня попозже – пусть хотя бы погода станет потеплее. Ей было отчего встревожиться: я же был совсем еще малолетком, и ей было жаль отпустить меня одного в дорогу на тысячу *ли*. Но отец и на это не согласился.

В душе глубоко обеспокоясь обо мне, мать всю ночь напролет шила *турумаги* (корейский верхний халат – ред.) и носки, чтобы отправить меня в день, назначенный отцом. Решение им принято – и точка. И мать не высказала на это никакого возражения. Это была тоже особенность моей матери.

Наступил день, когда мне надо было отправиться в путь. Отец спросил все же:

– Сможешь ли ты один проделать тысячу *ли* от Бадаогоу до Мангендэ?

Я ответил:

– Смогу.

Тогда отец нарисовал в моем блокноте маршрут похода. Он подробно указал путь: от Хучхана до какого-то там места, от Хвапхена до какого-то и т. д., от пункта до пункта. И указал расстояние между ними во сколько-то *ли*. А телеграфировать велел два раза – первую телеграмму подать из Канге, а вторую – из Пхеньяна.

Я отправился из Бадаогоу в последний день января по лунному календарю (16 марта по солнечному календарю). С утра злилась вьюга, бушевал вихрь. В тот день мои товарищи, жившие в Бадаогоу, провожали меня до местечка южнее Хучхана – до 30 *ли*, переправившись через реку Амнок. Они так участливо сопутствовали мне, готовые быть

со мною хоть всю дорогу. Я с трудом уговорил их, чтобы они вернулись домой.

В дороге шумными волнами нахлынули на меня разные мысли. Из тысячи ли, что мне предстояло преодолеть, более пятисот были крутые горы и вершины, куда почти не ступала нога человеческая. Одному перейти через эти крутые горы было не легко. В лесах, раскинувшихся по сторонам тропинки от Хучхана до Канге, среди бела дня рыскали хищные звери.

Сколько бед натерпелся я тогда, преодолевая этот путь! Да еще как измучился, когда переходил перевалы Чик и Кэ (Менмун). Целый день переходил перевал Огасан. Конца не было видно этим перевалам. Перейдешь один, ждали новые.

Когда перешел перевал Огасан, ноги отекли. К счастью, у подножия перевала встретился с одним добрым стариком. Он, усадив меня, прижег спичками ступни ног моих.

Преодолев перевал Огасан через Вольтхан, прошел Хвапхен, Хыксу, Канге, Сонган, Чончхон, Коин, Чхоньун, Хичхон, Хянсан, Кучжан и достиг Кэчхона. А оттуда уж поездом ехал до Мангендэ.

В направлении от Кэчхона до Синанчжу пролегала узкоколейка, по которой ходил простой поезд с паровозом английского производства «Никиша». От Синанчжу до Пхеньяна была уже ширококолейка, как и сейчас. Проездной билет от Кэчхона до Пхеньяна стоил 1 *вону* 90 *чон*.

Среди тех, с кем я встречался на пути в тысячу *ли*, было много добрых людей. Однажды я нанял сани у одного крестьянина: у меня сильно болели ноги. Прощаясь с ним, я предложил ему деньги за то, что он так мне помог в дороге,

он же не только отказался от такой платы, но, наоборот, на эти деньги купил мне тянучку.

Не забыть мне и хозяина постоялого двора в Канге. Я пришел в этот город поздно вечером, зашел на постоялый двор, он сам вышел за ворота и радушно принял меня. Он был невысокого роста, в корейских штанах и куртке, волосы пострижены под польку. Он был вежлив и общителен. Получил, говорит, телеграмму от моего отца и ждал меня.

И бабушка постоялого двора очень радовалась моему приходу. Она уважала моего отца, звала его «господин Ким», встретила меня будто своего родного внучка, говоря:

– Четыре года тому назад, когда ты уехал вместе с твоим отцом в Чунган, ты был совсем еще малышом, а сегодня вон уж как вырос!

Бабушка пожарила заранее приготовленную говяжью грудинку, испекла селедку и кормила ими только меня, не дав и кусочка своим детям. Ночью дали мне новое одеяло. Они со всей искренностью относились ко мне, как к самому желанному гостю.

Утром я пошел на почту и по наказу отца послал телеграмму родителям в Бадаогоу. Каждый слог в тексте телеграммы стоил 3 *чоны*, а в случае, когда в тексте будет больше 6 слогов, брали еще по одной *чоне* больше за каждый слог, и я написал на бланке 6 слогов, т. е. знаков: «кан ге му са то чхак» («Благополучно прибыл в Канге» – ред.).

На следующий день хозяин постоялого двора сходил в автопарк, чтобы помочь мне уехать на машине. Вернулся и сказал, что машину-то заказали, но из-за аварии ее придется задержаться здесь еще дней на десяток, велел оставаться в его доме, как у своих родных, не стесняясь. Я был очень

благодарен ему за его добрые услуги, но надо было торопиться, ждать-то мне было некогда. Тогда он больше не стал меня уговаривать, подарил мне две пары соломенных лаптей, подыскал для меня ямщика, идущего в направлении перевала Кэ.

Таким же был и хозяин гостиницы «Сосон», находившейся напротив Кэчхонского вокзала. Остановясь в этой гостинице, я заказал кашу – по 15 *чон* за миску. Кашу в гостинице разделяли по сортам. Самая дешевая стоила 15 *чон*. Но хозяин гостиницы, не считаясь с этим, подавал мне кашу 50-*чоновую*. Я отказывался: у меня нет таких денег, но он настаивал – давай кушай, и денег с меня не брали.

Ночью в гостинице выдавали мягкую подстилку и по два шерстяных одеяла, брали за это примерно 50 *чон*. Я подсчитывал имевшиеся у меня денежки – роскошествовать было мне невмоготу, зачем мне брать по два одеяла? И я просил только одно. Но хозяин и на этот раз не брал с меня деньги, а, выдав два одеяла, говорил:

– Все гости берут подстилку и по два одеяла, нельзя же обделять тебя.

Хотя корейцы и влачили рабскую жизнь, будучи лишенными Родины, но они свято хранили свою природную доброту и человечность, прекрасные нравы и обычаи, передаваемые от предков поколениями. И делалось это испокон веков. Еще и в начале нашего столетия в нашей стране многие ездили и без денег. Гостей, приезжавших в свои дома или края, и кормили, и отводили им ночлег, не требуя платы. Таковы были древние обычаи Кореи. Таким обычаям очень завидовали и люди Запада. И я, пройдя тысячу *ли*, твердо убедился в том, что корейская нация – это люди доброй души и высокой морали.

И хозяин гостиницы «Сосон», как и хозяева постоялого двора в Канге и трактира в Чунгане, находился под руководством и влиянием моего отца. Везде и всюду у него были такие единомышленники и близкие друзья. В этом убедился я и тогда, когда уехал в Чунган еще семилетним мальчишкой.

Встречаясь с теми, кто принимал нашу семью и заботился о ней как о своих кровных родных, я думал: когда же мой отец успел сблизиться со столь многочисленными друзьями, какой далекий путь проделал он ради приобретения таких товарищей!

Друзья у него были везде, и он даже на чужбине пользовался их помощью и поддержкой. И мне оказывали они большую помощь.

Из воспоминаний того времени, когда я прошел тысячу *ли*, до сих пор не исчез из моей памяти город Канге. В этом городе, где 4 года тому назад горели в домах светильники, загорелся вдруг яркий электрический свет. Жители Канге радовались, что проведено электричество, но мне было грустно и тяжело при виде улиц его, где наплывал, как вал нечистот, японский образ жизни, такой чуждый нам.

Глубоко запал мне в сердце истинный смысл пламенных слов отца: «знать Корею», которые высказал он, отправляя меня в Корею. Глубоко вникая в суть его слов, я внимательно следил за трагической судьбой Родины.

Для меня путь в тысячу *ли* был своего рода большой школой, учившей меня знать Корею, знать наш народ.

К вечеру, 29 марта 1923 года, на 14-й день после ухода из Бадаогоу, пришел я в Мангендэ, вошел во двор родного дома.

Бабушка, прявшая на прялке в передней комнате, выскочила во двор в одних носках и рывком обняла меня.

– С кем ты пришел?

– На чем приехал?

– Здоровы ли родители?

Осведомляясь, бабушка осыпала меня вопросами, не давая и слова вымолвить.

Выскочил во двор и дедушка. Он плел соломенный мат в комнате. Я сказал им, что пришел один и пешком. Бабушка и ушам своим не верила.

– Неужели ты один пришел? Твой отец страшнее тигра!

Она говорила, словно перебивая самому себя, и цыкала языком.

В тот день собралась вся семья; проговорили всю ночь, слушая мой рассказ, как сказку.

Горы и реки, как и прежде, тихи, милы и прекрасны, но следы бедности, проступавшие во всех уголках села, выглядели еще гуще, чем прежде.

Несколько дней пробыл я в Мангендэ. Я был зачислен в 5-й класс Чхандокской школы, в которой дедушка по матери был заместителем директора по административной части. Так я и начал учиться на Родине, живя в доме родителей матери в Чхильгоре.

В то время семье родителей матери трудно было взять меня на свое иждивение. Семья эта переживала еще испытания по делу брата матери Кан Чжин Сока. После его ареста и тюремного заключения усилились полицейский надзор и произвол, к тому же здоровье его было здорово подорвано. Это сильно огорчало всю семью, которая и так едва-едва сводила концы с концами, питаясь жидкой

похлебкой из неочищенного гаоляна и кашей с сывороткой от соевого творога, сваренной на пару. Одним земледелием младшему дяде по матери было невмоготу обеспечивать хотя бы мало-мальски сытую жизнь. Он занимался и перевозкой грузов на тележке, запряженной волом. Так вот кое-как и перебивались со дня на день.

Но семья эта не подавала и вида, что живет в такой вот нужде. Она всячески помогала мне, чтобы я целиком отдавался учебе, специально выделила мне внутреннюю комнату главного здания с керосиновой лампой, подстилала мне и циновку. Ко мне приходили мои товарищи когда угодно, гурьбой по три и четыре человека, и все они были приняты с уважением.

Чхандокская школа – это прогрессивно настроенная частная школа, которую открыли мой дедушка по матери и другие передовые люди Чхильгора под влиянием движения за патриотическое культпросвещение. Цель этой школы – способствовать восстановлению государственной власти.

В последний период существования Старой Кореи и после «аннексии Кореи Японией» в нашей стране активизировалось движение за патриотическое просвещение в качестве составной части борьбы за спасение страны. Передовые люди и патриоты всем сердцем убедились в том, что главная, но позорная причина потери государственной власти – в отсталости страны. Они твердо поняли, что только просвещение – основа основ для укрепления своих сил, что без развития просвещения нельзя добиться ни независимости страны, ни модернизации общества. И они развернули повсеместно в стране движение за создание частных школ.

Передовиками этого движения были Ан Чхан Хо, Ли Дон Хви, Ли Сын Хун, Ли Сан Чжэ, Ю Гиль Чжун, Намгун Ок и другие сторонники движения за патриотическое просвещение. Движению за просвещение активно способствовали и научные общества, созданные в различных районах страны.

В водовороте движения за просвещение и культуру, охватившего всю страну, появились тысячи частных школ, они помогали интеллектуальным людям страны, дремавшим втуне под путами феодализма, воспрянуть ото сна. Именно к этому времени старинные частные школы *содан*, проповедовавшие каноны Кунцзы и Мэнцзы, были перестроены в школы «Хактан» и училища «Исук», обучавшие детей предметам современной науки и призывавшие подрастающее поколение воспламеняться патриотическим духом.

Все руководители националистического движения без исключения видели в просвещении исходный пункт движения за независимость и сосредоточивали в нем весь свой ум и энергию. И Ким Гу[14], постоянно руководивший за кулисами такими потрясающими событиями, как поступки Ли Бон Чхана[15] и Юн Бон Гира[16], считавший терроризм основной установкой движения за независимость, тоже в первые дни развертывал просветительную деятельность в провинции Хванхэ. И Ан Чжун Гын тоже был учителем, который, учредив школу в районе Нампхо, обучал детей.

Из частных школ, созданных в западной части Кореи, получили широкую известность Тэсонская школа в Пхеньяне, созданная по инициативе Ан Чхан Хо, и Осанская школа в Чончжу, построенная за счет частных

средств Ли Сын Хуна. Из этих школ вышло много видных деятелей движения за независимость и интеллигенции.

Дедушка по матери наставлял меня учиться прилежно и стать настоящим патриотом. Он говорил: если появится в Чхандокской школе вторая такая личность, как Ан Чжун Гын, это будет честью школы.

Я ответил ему: я не достоин стать таким известным патриотом, как Ан Чжун Гын, но стану таким патриотом, который готов отдать жизнь во имя независимости страны.

Чхандокская школа была сравнительно большой по своим масштабам и модернизированной из частных школ западной части Кореи. Общее число учащихся в ней составляло более 200 человек. К тому времени это была немалая школа. Когда есть такая школа, можно быстро просвещать и население ее окрестностей, используя ее в качестве опорного пункта. Вот почему население и влиятельные лица Пхеньяна и его окрестностей уделяли большое внимание ей, не жалели своего усердия в разностороннем шефстве над нею.

Пэк Сон Хэн тоже жертвовала большую сумму денег в фонд Чхандокской школы. Многие больше обзывали ее вдовой Пэк, чем настоящим именем. До освобождения страны она, занимаясь благотворительностью, получила широкую известность в Пхеньяне. Она стала вдовой, когда ей и 20 лет не было. Храня верность мужу, она дожила до преклонного возраста – до 80 лет, копила грош за грошом и стала богатою. Способ ее наживы был весьма дерзким и своеобразным и с самого начала стал темой разговоров в народе. И территория рудника известняковых пород, подведомственного сегодня Сынхорискому цементному заводу, одно время, говорят, принадлежала ей. Она купила

за бесценок эту ничем не примечательную каменистую гору и продала японским капиталистам в несколько десятков раз дороже, чем первоначальные затраты на нее. Это и есть та территория, которую ныне занимает известняковый рудник при Сынхориском цементном заводе. К тому времени, когда не было предела гневу и возмущению предателями, продавшими за счет одной лишь бумаги территорию страны японским империалистам, простая женщина, не умевшая считать и на счетах, приобретала огромные прибыли в торгах с японскими капиталистами, искушенными в погоне за наживой от торговли. Поэтому люди с большим удовлетворением слушали вести о ней как своего рода рассказ о воинской доблести, как рассказ о победе в войне.

Люди уважали ее потому, что она давала большую пользу делу общества. В ее руках было много денег, но она нисколько не зарилась на богатства, знатность и благополучие, вела скромный образ жизни: утром – легкий завтрак, а вечером – легкий ужин, не жалея, жертвовала копившиеся всю жизнь деньги на пользу общества. На ее деньги был наведен мост, построен дом собраний. Здание Пхеньянского дома собраний, построенное за ее счет, поныне остается в своем первозданном виде, напротив павильона Ренгван…

Спустя лишь несколько дней после начала учебы как-то раз дедушка принес мне учебники для 5-го класса. Взяв эту груду учебников, я с волнением стал осматривать каждый из них. Вот – «Родной язык». Взял его, перелистываю и вдруг вижу – это же учебник японского языка. Я возмутился.

Японские империалисты навязывали нашей нации свой язык, чтобы превратить корейцев в «верноподданных

японского императора». С первых же дней оккупации Кореи они запретили корейский язык, объявив японский официальным в ведомствах, судах и учебных заведениях.

Я спросил дедушку, почему учебник японского языка называют учебником «Родной язык». Он ничего на это не смог ответить и только горько вздыхал молча и обиженно.

Достал я перочинный нож и соскреб слово «Родной», а вместо него написал «Японский». Стремление оказать сопротивление политике ассимиляции, проводимой Японией, заставило меня пойти на такую дерзость.

В первые дни учебы в Чхандокской школе находились дети, которые и в классе, и на улице, и в местах для развлечений говорили по-японски. Были и такие, которые учили других японскому языку. Но почти не было детей, которые стыдились бы этого или этому возражали. Видимо, они считали, что родной язык исчез, раз уж погибла и сама страна.

Каждый раз, когда я встречал детей, стремившихся учиться японскому языку, говорил им, что корейцы должны говорить на своем родном языке.

В день, когда я пришел в Чхильгор после возвращения из Бадаогоу на Родину, односельчане собрались в дом родителей моей матери, чтобы послушать о современном положении. Кстати, они обращались ко мне с просьбой говорить на китайском языке: раз ты, мол, прожил в Маньчжурии несколько лет, значит, должен хорошо говорить по-китайски. И дети Чхандокской школы то и дело просили меня учить их китайскому языку. Но я каждый раз отказывался, говорил им: у нас есть свой прекрасный родной язык, зачем же нам говорить на чужом языке?

После возвращения на Родину мне пришлось только раз говорить на китайском языке.

Однажды младший дядя по матери предложил мне пойти осмотреть город. По горло занятый, он так просто в город не ходил. А в этот день он выделил для меня время специально для этого.

– Вернулся ты в родное село через долгое время, так что давай сегодня вместе пойдем в город и пообедаем.

И мы вместе пошли в Пхеньян.

Осмотрев город, зашли в китайскую кухню, что в Западном Пхеньяне – там, где сегодня стоит гостиница «Понхвасан». Там в то время находилось множество китайских кухонь.

Хозяева столовых, стоя в дверях, приветливо приглашали гостей, вежливо обращаясь к ним: «Добро пожаловать! Добро пожаловать!», чтобы выручить побольше денег. Они, как бы соревнуясь, тянули к себе каждого прохожего.

Хозяин той столовой, куда мы зашли, обращался к нам по-корейски, на ломаном нашем языке предлагая заказать блюда.

Я доходчиво, на китайском, ответил: две порции китайских сладких пампушек.

У него глаза на лоб полезли.

– Ты, видать, китайский ученик?

Я ответил, что нет, я не китайский ученик, но несколько лет прожил в Маньчжурии и кое–как могу говорить по-китайски. И немного мы с ним поговорили по–китайски.

Хозяин очень обрадовался: в таком детском возрасте и так хорошо владеет китайским! Он даже прослезился, тоскуя по своей родине, встретив человека оттуда.

И принес нам не только сладкие пампушки, но даже и не заказанные нами блюда, поставил это все на стол и пожелал нам приятного аппетита. Мы от такого блага отговаривались, но при настоятельной его просьбе пришлось все это съесть. Подаем ему деньги за все, но он отказался, не взял денег даже и за пампушки.

Возвращаясь домой, дядя громко смеялся и говорил:

– Сегодня я хотел тебя угостить и взял с собой в город, а вышло наоборот – ты меня угостил!

Об этом он сказал кому-то, и эта весть облетела все село…

По моему желанию я был зачислен в класс, которым руководил Кан Рян Ук, бросивший учиться в Сунсильской школе из-за своей бедности. Я переселился в Чхильгор спустя несколько дней, как он стал тут учителем, в Чхандокской школе. Он с сожалением говорил, что не может учиться дальше – нечем платить за учебу. Он жил в такой бедности, что его жена Сон Сок Чжон покинула его дом и некоторое время жила у своих родителей, которые строго ее упрекали:

– Пусть ты лишена человеческой нравственности и недостойна быть женой, готовой делить судьбу с мужем, но слыхано ли дело – бросить мужа из-за какой-то там нужды! А ну, скажи, есть ли среди корейцев не бедствующие? А коли есть, – сколько? Ты, видать, думала: выйдешь замуж, тебя посадят на золотой коврик, подадут кашу из белоснежного риса да и воду с медом? Короче говоря, немедля возвращайся к мужу и извинись!

И она вернулась. Вот в каком положении был Кан Рян Ук. Тяжко было горе.

Мы называли его жену «Сукчхонской теткой». Ее родина Сукчхон провинции Южный Пхеньан. Бывало, пойдешь к ней – она обязательно угостит меня кашей с сывороткой от соевого творога, сваренной на пару. Какой вкусной она была тогда!

Однажды после освобождения страны я побывал у Кан Рян Ука, чтобы поздравить его с днем рождения. Мы с его супругой вспомнили о той каше, чем она угощала меня в годы учебы в Чхандокской школе.

– Тетушка! Мне до сих пор вспоминается та каша с сывороткой от соевого творога, сваренная на пару, какою ты угощала меня в Чхильгоре. С каким аппетитом я ел ее! Более двадцати лет жил я на чужбине и выразить тебе благодарность не успел. Позвольте сегодня отблагодарить за то угощение!

В ответ на это она со слезами сказала, изумленная:

– Что ты говоришь? При чем тут спасибо? Бедность-то какая была! Не могла хотя бы разок угостить тебя порядочной рисовой кашею, только той кашицею и угощала. Просто мне стыдно так, готова хоть сквозь землю провалиться от стыда. А ты говоришь: каша этакая вкусна. Какой уж там вкус!…

И она, накрыв на стол, приносила одно за другим приготовленные ею блюда и, угощая, говорила, что это в знак отплаты за свою прошлую невнимательность по отношению ко мне, не так, мол, когда-то угощала.

А как-то раз она по случаю дня моего рождения прислала мне и водку «Пэкхвачжу» (водка из ста цветов – ред.), собственной выгонки, т. е. водку, как бы выгнанную из ста цветов. Такое элегантное название вызвало во мне особенное любопытство к ней, но поднять бокал я не мог:

перед моими глазами всплыли картины прошлого тетушки, которая, постоянно нуждаясь, не могла хоть разок отведать рисовой кашки.

Мне, испытавшему до мозга костей всю горечь моей многотерпевшей нации, лишенной Родины, каждое деревцо, каждая былинка, каждый колосок зерна в родном краю были в несколько раз дороже, чем прежде. Так я по ним истосковался.

Более того, вспомним, как наш учитель Кан Рян Ук постоянно пробуждал в сознании своих учащихся национальное самосознание. Ведь так и мне и в семье, и в школе приходилось повседневно находиться под влиянием патриотических настроений. В то время учитель наш часто организовывал дальние загородные прогулки и экскурсионные поездки, чтобы глубоко вселить в сердца учащихся чувство патриотизма.

Из различных событий того времени больше всего мне запечатлелась экскурсия на гору Чонбан провинции Хванхэ.

После освобождения страны Кан Рян Ук работал секретарем Президиума ВНС и вице-президентом КНДР, мы часто встречались с ним по делам и с глубоким чувством вспоминали наши экскурсионные поездки в годы учебы в Чхандокской школе, о буддийском храме Сонбур и беседке Наммун на горе Чонбан, которые мы тогда посетили.

Из воспоминаний о днях учебы в Чхандокской школе не изглаживаются из моей памяти и уроки пения, которые давал нам Кан Рян Ук. Урок пения – это был один из самых популярных наших уроков, которых мы ждали с самой большой надеждой.

У Кан Рян Ука был превосходный тенор, перед ним побледнели бы и профессионалы. Когда он пел такие песни, как «Вперед!» и «Детская патриотическая песня», весь класс слушал их, затаив дыхание.

Оглядываясь назад, с удовлетворением думаю, как мелодии тех песен, которые разучивал тогда с нами наш учитель, постоянно вселяли в наши сердца высокие патриотические чувства. И после, развертывая антияпонскую вооруженную борьбу, я нередко напевал себе те песни, что пели мы в школе, и сейчас в моей памяти сохранились их слова и мелодии.

Вернувшись на Родину, увидел: односельчане жили тяжелее, чем прежде.

Да, каждый год, в пору весеннего сева, дети крайне нуждающихся семей не ходили в школу. Были голодны. Время было горячее, а дома не было никакого продовольствия. Надо было самим ходить за съедобными растениями и корнями трав – пролесковидной пролеской, пастушьей сумкой, мягкими корнями павоя, чтобы хоть мало-мальски восполнить нехватку продовольствия. А как наступит базарный день, дети уходили в город, чтобы там сбыть съедобные растения и купить какого-то продовольствия. А кто оставались дома, присматривали за своими младшими братьями и сестренками, помогая матерям. Дети бедных семей приходили в школу с едою, приготовленной из чумизы или гаоляна, или из куриного проса. Но немало было и таких, что приходили в школу и без всякой еды.

В Чхильгоре и Мангендэ была уйма детей, которые из-за бедности их семей совсем не могли посещать школу.

Грустно и тяжело было видеть, как дети, не смея подойти даже к школьным воротам, не выходили даже из домов.

В дни каникул я открыл для таких вечернюю школу в Мангендэ. Собирал всех ребятишек, не посещавших школу, и учил их грамоте. В первые дни я начал обучать их родной письменности по учебнику первого класса «Книга для чтения по корейскому языку». А затем количество предметов увеличивал, обучал их истории, географии, арифметике и пению. Это была первая в моей жизни скромная просветительская деятельность.

Вместе с товарищами я часто ходил в город и понял, что и жизнь населения Пхеньяна мало чем отличается от жителей Мангендэ и Чхильгора.

Из населения Пхеньяна, составлявшего тогда 100 тысяч человек, лишь кучка японцев и американцев жила на широкую ногу. Если американцы, гнездившись в самом живописном в Пхеньяне квартале Синьян, жили в роскоши и довольстве, то японцы, создав свой жилой квартал на самых оживленных главных улицах Пон и Хвангым, жили вообще припеваючи.

В «европейском городке», где проживали американцы, и в японском жилом квартале вырастали один за другим кирпичные дома, магазины и христианские церкви, а в таких зонах, как район, прилегающий к реке Потхон, и улица Пэндэ, одна за другой появлялись городские трущобы.

Ныне на берегу реки Потхон проложены такие современные улицы, как Чхоллима, Кенхын, Понхва, выросли такие здания–гиганты, как Народный дворец культуры, Пхеньянский дворец спорта, крытый каток, водно-спортивный комплекс Чхангванвон, высотные

многоквартирные жилые дома, и не найти следов старого. Но, когда я учился в Чхандокской школе, здесь лепились друг к другу землянки с дверями из соломенных матов, с дощатыми крышами.

В том же году, когда я вернулся на Родину, в Пхеньяне и его окрестностях распространялись инфекционные болезни, чем очень страдали жители. Но беда не ходит одна. Река наводнила весь город, и он переживал невыразимо тяжелые бедствия. Сообщая о трагическом положении, газета «Тонья ильбо» писала: «Затоплено более 10 тысяч квартир, составляющих половину общего количества жилья города Пхеньяна».

А ныне за площадью Потхонган строится самая крупная в мире 105-этажная гостиница «Рюген», но новому поколению даже трудно представить себе, в каких ветхих лачужках и как тяжело жили в старину на этом месте наши дедушки и бабушки.

Испытывая на себе такую действительность, я, конечно же, стал жаждать такого общества, в котором могли бы хорошо жить люди труда, и еще больше возненавидел японских империалистов-агрессоров, помещиков и капиталистов.

В дни, когда я учился в Чхандокской школе, произошло большое землетрясение в районе Канто в Японии. Весть об этом долетела и до Чхильгора и вызвала взрыв гнева и возмущения как у всех, так и у нас, учащихся. А японцы использовали эту беду в свою пользу: под ничем не обоснованным предлогом, якобы корейцы намерены поднять восстание в связи с этим землетрясением, ультраправые молодчики Японии пустили в ход войска и

убили несколько тысяч наших соотечественников-корейцев. Это событие потрясло всю мою душу.

Это еще более углубило мое убеждение в том, что Япония только на словах трубит о необходимости «любить всех одинаково», о «примирении Японии и Кореи», но на деле же она считает корейцев хуже всякой скотины.

С тех пор стоило мне только увидеть и велосипеды, на которых ездили японские полицейские, я не оставлял их безнаказанными – зарывал на дороге доску с вбитыми в нее гвоздями, и лопались шины у любых этих велосипедистов.

Ненависть к японскому империализму и любовь к Родине отражались и в затеянном нами хореографическом выступлении «13 домов». Это – танец 13 учеников, которые, танцуя с песней, соединяют на сцене 13 провинций, изображенных на картоне, образующих Корейский полуостров.

В 1924 году, когда состоялось осеннее спортивное соревнование, мы поставили на сцене этот хореографический номер. Во время представления на стадионе появился полицейский и поднял шум, требуя немедленно прекратить его. Это было то время, когда и для организации небольшого спортивного соревнования нужно было заранее получить разрешение полиции и в случае получения такого разрешения следовало проводить его в присутствии полицейских.

Я обратился к учителю Кан Рян Уку и заявил:

– Мы любим свои родные горы и реки, танцуем и поем о них, в чем же тут наша вина? Надо во что бы то ни стало продолжать это наше выступление.

Кан Рян Ук вместе с другими учителями заявили полицейскому протест против его несправедливой акции и добились продолжения нашего представления «13 домов».

Когда такие ученики, как мы, были проникнуты столь высоким патриотическим духом и духом сопротивления, о взрослых уж нечего и говорить…

Летом того же года, когда я вернулся на Родину, проходила в Пхеньяне всеобщая забастовка рабочих носочно-чулочной фабрики, о чем тогда широко информировали газеты.

Эта весть заставила меня задуматься о том, что хотя Япония и прибегает к фарисейскому «культурному управлению», но рано или поздно она натолкнется на более сильное сопротивление, чем даже народное восстание 1 марта.

Так я провел два года. Как-то раз за несколько месяцев до окончания Чхандокской школы услышал я от дедушки по матери неожиданную весть: мой отец снова арестован японской полицией. Надо мной будто рухнуло само небо, и такие жгучие гнев и возмущение охватили меня. И в Чхильгоре, и в Мангендэ взрослые с мертвенно-обледенелыми лицами смотрели на меня, глубоко сочувствуя моему горю и разделяя его со мною.

И я твердо решил драться не на жизнь, а на смерть, чтобы отомстить врагам за отца, врагам моей семьи, врагам всей нашей корейской нации. И решительно готовился к отъезду.

Я заявил, что поеду в Бадаогоу. Семья родителей моей матери предлагала уехать после окончания школы, всячески уговаривал меня и дед из Мангендэ:

– Пройдет всего несколько месяцев, ты окончишь школу, и погода будет потеплее, тогда и поезжай.

Но я не мог поступить так. Когда отца постигло такое несчастье, могу ли я здесь учиться спокойно! Надо спешить к матери, надо помочь ей, страдающей одиноко с младшими братьями. И теперь куда бы уж я ни ушел, а день расплаты придет.

Убедившись, что уговорить меня нельзя, дед переменил свое мнение, согласился со мной и сказал:

– Что ж, отец – в заключении. Теперь очередь твоя…

И на следующий день я тронулся в путь. Меня провожали взрослые целыми семьями. Плакали дедушка, бабушка, дядя. Плакала вся наша горемычная семья.

Неутешно плакал и младший дядя по матери Кан Чхан Сок, провожавший меня на Пхеньянском вокзале. Плакал и Кан Юн Бом, с которым мы вместе учились в Чхильгоре.

Кан Юн Бом был мне самым близким из товарищей по Чхандокской школе. Он часто приходил ко мне: у него не было товарищей, которые сошлись бы с ним характерами. Мы с ним чуть что и уходили в город.

Когда настал час отъезда, он подал мне конверт вместе со свертком риса, сваренного на пару. Он говорил:

– Так вот расстанемся и не скоро увидимся и, тоскуя по тебе, я написал вот несколько строк. Прочитай в вагоне.

После отбытия поезда я по его совету раскрыл конверт. В нем оказались короткое письмецо и три *воны*.

Как меня тронули тогда это письмецо и эти деньги! Без большой любви к товарищу сделать такое нельзя. В то время достать три *воны* в таком детском возрасте было не легко. Да, я тронулся в путь, чтобы отомстить за отца, но ведь у меня и денег-то на дорогу не было.

Вот как настоящий товарищ выручил меня тогда в таком бедственном моем положении. Конечно же, не без труда достались тогда ему эти *воны*…

В первые дни после освобождения страны он приходил ко мне, и в знак первого своего приветствия я напомнил ему о том случае 20-летней давности, когда я был так благодарен ему за те деньги. И он признался, как они тогда трудно ему достались. Действительно, эти три *воны* и сравнить нельзя с миллионами *вон* на руках у богачей. Чем можно взвешивать вес чистой и прекрасной дружбы, покоящейся в этих трех *вонах*! Чувство дружбы рождается не в деньгах, но будь дружба – будут и деньги. Дружба порождает все самое дорогое на свете.

Во время этой встречи Кан Юн Бом говорил мне:

– Вы, уважаемый Полководец, вели в таежных дебрях борьбу за возрождение Родины, а я тут ничего подобного не сделал.

Я и предложил ему отныне объединить наши силы и построить новое государство. Я спросил его, не взять ли ему на себя часть работ по школьному строительству, ныне это самый наболевший вопрос государственного строительства – нехватка кадров. Он тут же согласился. И вскоре он, построив школу в селе Чо, просил меня дать ей название, и я наименовал ее Самхынской средней школой. «Самхын» – развитие трех моментов, означает развитие умственного, нравственного и физического воспитания, то есть усвоение глубоких знаний, высокой морали и физической закалки.

Впоследствии Кан Юн Бом трудился на славу, взяв на себя строительство Университета. Ныне, конечно, это не такое уж большое дело – строить здание вуза, но в то время

не было ни средств, ни материалов, ни специалистов-строителей, и не было конца всяким другим трудностям. Бились мы над этим вместе. Возникнет трудность во время работы, он приходит ко мне и, ночуя у меня, допоздна обсуждаем мы с ним возникшие вопросы.

Кан Юн Бом – незабываемый товарищ и друг, с такой открытой душой провожал он меня в путь к возрождению Родины. До сих пор помню, как на Пхеньянском вокзале провожал он меня со слезами на глазах. А его письмецо!

«Сон Чжу! Жаль расставаться с тобою, слезы застилают глаза. Скоро ли мы увидимся снова после разлуки? Пусть нас отделяет друг от друга далекий путь, но мы не забудем друг друга, будем помнить о годах учебы в Чхандокской школе! Будем помнить о родном крае, о своей стране!» Таково было основное содержание его записки.

Вдохновленный такой дружбой и чувством долга, я снова стал переходить тогда одну за другой крутые горы и перевалы. К вечеру, на 13-й день после отбытия из Мангендэ, я достиг Пхопхена, подошел к переправе, но не смог тут же перейти через реку Амнок, а прохаживал по речной дамбе. Надо было идти в Бадаогоу, но то и дело тянули меня назад пройденные родные горы и реки. Я не мог сдвинуться с места, словно ноги сами приросли к родной земле. В моей памяти, как в калейдоскопе, всплывали образы бабушки и дедушки. Когда я покидал родной край, они, провожая меня, вышли за плетеную калитку и со слезами на глазах потирали мои руки, одергивали, поправляли воротник, беспокоясь о предстоящей снежной буре. А перейдешь вот эту дамбу и переправишься через реку, казалось, ручьями хлынут слезы, горькие слезы разлуки с родным краем.

Окидывая взором родные горы и реки, страдающие на рубеже двух стран, где гуляет холодный ветер, я чувствовал, как мною владеет неодолимое стремление снова вернуться на лоно любимого родного края, в родной с детства наш дом.

На Родине на этот раз пребывал я всего лишь два года, но эти годы помогли мне многому научиться и многое испытать. Самое ценное испытание – это глубокое понимание нашего народа. Наш народ – это народ простой, трудолюбивый, в то же время мужественный и стойкий, народ с твердой волею, непоколебимый ни перед какими испытаниями и трудностями, народ, отличающийся целомудрием и большой добротой, в то же время решительный и непримиримый с несправедливостью. Национал-реформисты под вывеской «Общества изучения политики» развертывали реакционное движение за «автономию», а рабочие, крестьяне, учащаяся молодежь и другие широкие слои народных масс проливали кровь, оказывая сопротивление японскому империализму. В их борьбе я всем сердцем ощущал национальное достоинство, железную волю к борьбе за независимость, которые никаким силам не обесчестить. С тех пор я считал наш народ самым лучшим в мире, обрел веру в то, что вполне можно добиться возрождения страны, если удастся как должно организовать и мобилизовать такой народ.

Видя чужие войска, полицию и тюрьмы, число которых непрерывно росло под вывеской «культурного управления», видя поезда и товарные суда, беспрерывно увозящие разграбленное добро с нашей Родины, я глубоко убедился в том, что не кто иной, как японский империализм, является самым жестоким душителем свободы и достоинства нашего

народа, жестоким эксплуататором и грабителем, обрекающим наш народ на нестерпимые бедствия и голод.

Удушливая действительность на Родине еще более укрепила во мне веру в то, что корейская нация только борьбой сможет изгнать японских империалистов и зажить счастливой жизнью на независимой Родине. В душе у меня пылало огнем стремление как можно скорее освободить Родину, сделать все вечно своим, корейским.

Скрываясь от глаз полицейских, я продвигался дальше, вниз от переправы Пхопхен, добрался до узкого места на перекате, тяжелой походкой ступил на реку Амнок, покрытую ледяным покровом. Перейдешь эту реку, ширина которой менее 100 *ча* (мера длины, 30,3 см – ред.), там городок Бадаогоу, на улице, прилегающей к берегу, был мой дом. Но я не мог двинуться с места и перейти через реку. В душе у меня теснилась мысль: «Простившись с Родиной, когда же я смогу снова переправиться через эту реку?»

Я повернулся к дамбе, взял одну из валявшихся там галек и, положив ее на ладонь, крепко сжал в кулак. Обуревало желание взять и свято хранить любое, что тут есть, если оно послужит памятью о Родине, если оно рождает в тебе воспоминание о ней.

В тот день на берегу реки Амнок я переживал мучительно тяжелые чувства. Эти переживания остались в душе неизлечимой болью, поэтому я после победного возвращения на Родину и на банкете, данном в мою честь действовавшими в стране патриотами, первым делом рассказывал им о случае с переправой через реку Амнок.

Я медленно шагал в сторону того берега, тихо напевая кем-то сочиненную «Песню о реке Амнок».

Первого марта в году девятнадцатом
Я уходил за черту Амнока.
Верил, что буду с врагами сражаться там
И возвращусь с победой желанной.

О, Амнок, край мечты моей, скоро ли
Встречей с тобою я сердце согрею?
Если погибну той полночью черною,
Все же не забуду родные просторы я,
Сердцем вернусь я к свободной Корее.

Охваченный гневом и скорбью, я не раз окидывал взором родные горы и реки.

Прощай, Корея, Корея! На что мне жизнь без тебя – ни на минуту! Но ради тебя иду через реку Амнок! Перейдешь – там чужая страна! Но забыть ли тебя и на чужбине? Корея! Жди меня!..

Погруженный в такие мысли, я снова напевал «Песню о реке Амнок». Напевая эту песню, думал: «Когда же я смогу снова ступить на эту землю, когда же я смогу снова вернуться в мою страну, где я вырос, где покоится прах моих предков?» При этой мысли мое детское сердце не в силах было сдержать необоримой грусти. Рисуя перед собой мрачную действительность на Родине, я твердо решил больше не возвращаться, пока Корея не станет независимой.

6. Моя мать

Уже стемнело, когда я ступил на улицу Бадаогоу. На всем пути в тысячу *ли* сердце мое все сжимала неуемная тревога. И вот передо мною – порог моего дома. Все во мне напряглось.

Но вижу на лице матери, к моему удивлению, уравновешенность и сдержанность. Она приняла меня с распростертыми объятиями. Обрадованная моему приходу, говорит:

– Сынок мой! Вернулся, прошел тысячу *ли*! А я-то ни разу так не сделала. Мужчина есть мужчина.

Я коротко рассказываю ей о родном крае и спрашиваю, что с отцом. Она, понизив голос, отвечает, что все в порядке. И ни о чем другом не сказала.

По лицу матери я догадываюсь, что опасность у него позади, но что-то по-прежнему ему грозит, оттого она, думалось, и очень боится глаз и ушей окружающих.

А я думал обрадовать братишек привезенными конфетками. Кстати, и подарок-то этот я купил на остаток денег от дороги, которые получил при уходе из Мангендэ и экономно расходовал в пути. Да и надеялся всю ночь делиться с семьей сокровенными думами.

А накрыв мне ужин, мать вдруг велит мне:

– Уходи немедленно. За нами здесь зоркий взор врага…

А где сейчас отец, ничего не сказала. Зато добавила:

– Твой отец ушел благополучно, и тебе надо уходить.

Она, обычно такая нежная и добрая, на этот раз совсем не считается с моим желанием, с моей думой, не приглашает сынка даже поспать ночку, сынка, кто прошел такой далекий путь в тысячу *ли*, да еще и в трескучий мороз, с кем не видалась целых два года, и вдруг велит сейчас же, ночью, опять тронуться в путь. Ошеломленный, я молча стоял перед ней, будто у меня и слов даже не было.

– Возьми, сынок, и твоих братишек, – звучал мамин голос.

И я еле-еле осмеливаюсь спросить:

– А что будет с тобой, мама?

– Жду твоего дядю. Он вернется из Синпха. Приведу в порядок хозяйство. Справлюсь с последними делами. Скорее уходите, ребятки…

Вот что она сказала.

А куда же приказала деваться нам? В Линьцзян, в дом Ро Ген Ду, но только уйти потихоньку и тайком, чтобы никто не заметил нашего ухода. Потом попросила «десятника» Сона запрячь лошадь в сани.

Сон охотно принял мамину просьбу. Его фамилия и имя – Сон Бен Чхор. У него была привычка напускать на себя важность подобно десятнику на работе, за что жители Бадаогоу и обзывали его не по имени, а «десятником Соном».

Вот при помощи этого «десятника» мы и покатились на санях в Линьцзян, покинув Бадаогоу.

Собственно, у меня всю жизнь на моем революционном пути было много и расставаний и встреч, но такой вот особенный случай представился мне только раз.

Из Мангендэ я шел пешком около полумесяца. Даже не успев развязать свой дорожный узелок, опять пришлось мне

в ночь тронуться в дорогу. О своей матери я многое, многое думал. По характеру она нежная и умеренная. А отец как революционер характером был стоек и строг. И естественно, что теплая любовь ко мне больше шла от матери.

Два года назад, когда я собирался идти на Родину учиться, ей было так трудно отпустить меня одного в такую даль. Такая добрая, человечная она была.

Тогда рядом с нами был отец, который «страшнее тигра», как говорила бабушка в Мангендэ. Мать тогда ничего не могла поделать, она не могла удержать меня при себе. Но, сказать правду, я глубоко чувствовал тогда всю теплоту тихих материнских слез.

Допустим на минуту, что не я, ее сын, а другой мальчик, тоже 13-летний, преодолев дорогу в тысячу *ли*, добрался до моего дома, когда было темно. В таком случае добренькая моя мать, может быть, заставила бы его отдохнуть под своей кровлей, сытно накормила бы голодного, постелила бы страдальцу теплую постель.

В каком-то году весной, точно не помню, из Хучхана из-за реки привезли к нам в дом больного мальчика. У него нарвало левую ногу и заднюю часть шеи. Больного в таком тяжелом состоянии нес на спине его дядя. Мать его развелась с мужем из-за семейной драмы. И бедного мальчика взял под свою опеку дядя.

Мой отец, врач, осмотрев больного, сказал, матери:

– У него, видать, дело тяжелое. Придется ему оперировать ногу. Ходить он пока не может. Пусть живет мальчик у нас, пока его лечат.

– Нечего и говорить, пускай поживет, – сразу согласилась мать.

После операции каждый день к нарывам прикладывали пластырь – этакое месиво из пшеничной муки, соды и меда. Мать помогала отцу накладывать эту лекарственную массу к месту, где очень гноилось. Раны гнойные, грязные, но мать при этом и не поморщилась ни разу.

Многодневные старания моих родителей помогли мальчику выздороветь. И вот ему посчастливилось вернуться домой.

Дядя, привезший его к нам, протягивая отцу *воновую* кредитку, говорит:

– Не жалко мне и сотен *рян* (старая денежная единица – ред.), если по-честному платить за такое лечение. Но, сами знаете, житьишко-то у нас какое! Только душа горит желанием хорошенько расплатиться. Буду очень благодарен вам, примите, пожалуйста, вот это за лечение. На это можете хотя бы водку-то…

Осекся, не договорил, чего хотел сказать. Смотревшая рядышком на эту картину мать сердечно молвила ему:

– Чем бедняку платить за лечение? У нас тут так говорить не позволено. У меня душа болит, что не так хорошо кормили больного ребенка. А вы с таким разговором…

Дядя мальчика все настойчивее просил моих родителей получить деньги. Другое дело, когда так просят богатые, но откуда он-то может заработать деньги на лечение? Может, чтобы заработать эту *вону*, ему пришлось сгребать на склоне горы сухую хвою сосны и продавать ее как топливо на оплату за лечение. Такой бедный человек готов отдать за лечение и последнюю свою *вону*. Это очень затрудняло моих родителей принять от него эту плату.

И отец растерянно спрашивает мать:

– Видишь, не получим – гость обидится. Как уж нам тут и поступить-то? Как думаешь?

– Просьба-то сердечная. Давай уж примем…

Приняли. И мать тут же выбежала на улицу, взяла на эту *вону* пять *ча* (30,3 см – ред.) перкали. Возвратившись, подарила покупку мальчику.

– Знаешь, мальчик, недалек уже весенний праздник *тано*. Будешь дома, попроси сшить тебе из этого одежонку, – сказала мать.

В то время перкаль на рынке продавали по 35 *чон* за одну *ча*. Значит, мать купила эту ткань за одну *вону* и 75 *чон*. Выходит, что к одной *воне*, поданной больным, прибавилось 75 *чон*.

Мать жила бедно, но не была так расчетлива, у нее не было жажды на деньжата. Другими правилами жила она. «Дожить человеку мешает не неимение денег, а нехватка возраста в жизни». «Деньжата – эта такая вещь: то попадает в руки, то исчезает, и наоборот». Такова была философия моей матери.

Она была столь добрая душой, мягкая и щедрая.

Отец, бывало, за какую-то неприятность или неосторожность упрекнет ее, а она и тогда ничем на это не ответит, все стерпит, никакого пререкания, только попросит прощения: «Я виновата», «Такого больше не будет» и так далее. Случалось, что мы, ребятки, ужасно шалили, то вымажем в грязи одежду, то поломаем что-то, или поднимем такой ужасный шум, что бабушка даже упрекнет ее:

– Чего ты отругать детишек за это не смеешь? Ни словечка не проронишь.

– Зачем ругать их за детское-то баловство? Тут упреки ни к чему.

Ничего более жесткого от нее не слыхали.

Муж был революционер, вот для него все она и делала. Чего греха таить, если глянуть на нее глазами чисто слабого пола, то ее жизнь была нескончаемой чередою непосильных для нее мытарств и мук. Она мало познала смысла спокойной, дружной семьи с мужем. Да это было и понятно: муж всегда был на немилой чужбине, окунувшись с головой в движение за независимость. Могу сказать, да и то в этом не совсем уверен, что ей было радостно и интересно жить только тот годик с мужем в Кандоне, когда он там учительствовал. И еще, может, год-два в Бадаогоу, где все-таки хоть как-то устроилась наша семейная жизнь.

Острожная жизнь мужа, потом болезнь, полицейская слежка, бесконечные скитания, смерть опоры семьи, вступление сына на стезю революции, его частый уход из родной семьи – все это не дало ей познать смысл дружной семейной жизни. Вся жизнь ее складывалась из душевных мук.

И в Мангендэ она всегда была в хлопотах. Приходилось как старшей невестке заботиться о хозяйстве большой семьи, в которой было 12 едоков. Нечего и говорить о помощи мужу, об уважении к свекру и свекрови. Убирала комнаты и двор, возилась на кухне, стирала белье, пряла пряжу – словом, трудилась, не разгибая спины. От зари до зари гнула спину на поле, и у нее не было просто времени, как говорится, поднять голову на сияние солнца. Быть старшей невесткой большой семьи в те времена, когда были живучи феодальные привычки и замысловатые правила приличия, – дело было не простое. И в редком случае, когда

варили кашу, ей давалось пригорелое зерно. А когда на столе стояла жидкая похлебка, мать брала для себя из нее только отвар. Такое вот ей только и доставалось.

Когда невыносимая усталость просто валила ее с ног, она вместе с моей тетенькой, женой брата отца, ходила в церковь. В то время в Сонсане – сейчас здесь стоит военная академия – высилась церковь системы пресвитерианства. В селе Нам и в его окрестностях было немало верующих-христиан. Были такие, которые думали: пока мы живем, мол, но жизнь-то у нас не человеческая, будем верны учению Иисуса, а потом, после смерти, попадем в «рай».

В церковь вместе с взрослыми ходили и дети. Они там смотрели богослужение. Чтобы умножать ряды верующих, церковь иногда раздавала юным богомольцам и сахарку и тетрадочек. Ребятишкам это было интересно, и они каждое воскресенье гурьбами ходили в Сонсан.

И меня вначале тянуло туда любопытство. Иногда и я ходил со своими сверстниками в Сонсан. Но мне довольно скоро надоело смотреть на религиозные обряды, такие строгие, не соответствующие душевному миру детворы, слушать однотонные проповеди пасторов. И редко стал я посещать церковь.

Однажды в воскресенье я, лакомясь тянучкой с поджаренными бобами, приготовленной бабушкой, сказал отцу:

– Папа, сегодня я в церковь не пойду. Неинтересно смотреть богослужение.

Отец, посадив меня, такого малолетнего несмышленыша, сказал спокойно:

– Пойдешь или не пойдешь, дело твое. В самом деле в церкви ничего такого нет. И если не пойдешь – ничего

страшного не будет. Тебе надо больше верить в свою страну, в своих соотечественников, чем в Иисуса. И еще: надо думать о больших делах в пользу своей страны.

После такого отчего наказа мне и совсем стало лень ходить в церковь. И когда я учился в Чхильгоре, никогда не ходил молиться, хотя в школе и контролировали тех, кто не ходит в церковь. Мне думалось, что евангелие Иисуса довольно далеко от трагедии своего народа. В иисусском вероучении было много и гуманистического, но в ушах у меня, глубоко переживавшего за судьбу нации, более актуально прозвучал клич истории, призыв к спасению родной страны.

С точки зрения идеологии отец был атеист. Но вокруг него было много верующих, потому что он сам учился в Сунсильской средней школе, где обучали богословию. И естественно, что я тоже часто общался с верующими. Кое-кто вот спрашивает меня: «Не оказывало ли на ваш рост большое влияние христианство?» Нет, я не попал под религиозное влияние, но получал большую помощь от христиан в человеческом отношении. Вместе с тем и я сам оказывал на них свое идеологическое влияние.

Я думаю так: христианский дух – носители его желают, чтобы люди земного шара жили в мире и согласии, – и моя идеология, ратующая за самостоятельную жизнь человека, не противоречат одно другому.

В Сонсан я ходил лишь тогда, когда мать ходила в церковь. Ее она посещала, но в Иисуса не верила. Однажды я и спросил ее потихоньку:

– Мама, ты ходишь в церковь потому, что действительно веришь, что бог существует?

Она, улыбаясь, покачала головой и говорит:

– Хожу не потому, что там есть что-то. Зачем попадать в «рай» после смерти? Очень устала я, честное слово, и иду туда отдохнуть немного.

Услышав это, мне стало ее очень жалко. И почувствовал, что душою стал к ней еще ближе. Молясь в церкви, она, совсем усталая, клевала носом. Заканчивается проповедь пастора, все встают, голося «аминь!» – только тогда она просыпалась. Но и после этого «аминь!» она, бывало, не сразу освобождалась ото сна – так одолевала ее усталость. Я тихо-тихо трогаю ее и говорю ей:

– Молитва кончилась.

Однажды вечером, помнится, я с ребятишками проходил мимо шалаша на перевале за селом Мангендэ. Там хранили всякие похоронные принадлежности. В детстве мы очень боялись этого шалашища.

Как-то вечером проходили мы перед этим шалашом. Вдруг один из моих сверстников ужасно закричал:

– Ребята! Вон оттуда идет демон!..

И вдруг нас охватил невообразимый страх. Нам почудилось, что вот-вот на нас нагрянет что-то страшное. Мы бросились бежать со всех ног, только пятки сверкали, даже и не заметили, что с ног послетала обувка.

В ту ночь все мы были объяты страхом, не посмели вернуться домой и заночевали у друга. Только на рассвете, возвращаясь домой, собрали послетавшую с нас обувку.

Дома я рассказал все, что у нас было. Выслушав меня, мать сказала:

– Проходишь такое местечко, пой песни. Споешь – всякое тебя побоится, не посмеет выйти на тебя.

Конечно, песня-то рассеивает чувство страха. В таком духе она, видимо, учила меня. После этого случая я всякий раз, проходя у этого шалаша, пел песню.

Обычно моя мать была такая мягкая, добрая. Зато перед врагами была удивительно гордой и стойкой.

Это было в селе Понхва. Через несколько часов после ареста моего отца в наш дом ворвались японские полицейские, чтобы произвести обыск. Надеясь найти и схватить конспиративные документы, они начали рыться в доме по всем углам. Насмерть разгневанная мать крикнула что есть силы:

– Обыскивайте, если хотите!

Своими руками разорвала одежду, что была в сундуке, и бросила ее к их ногам. С таким жгучим гневом сопротивлялась она «блюстителям порядка». Подавленные ее волею, они не посмели пакостить и спешно удалились. Такою была моя мать.

В ту ночь, помнится, на берегу реки Амнок поднялась ужасная вьюга. Тьма глубокой ночи была полна звериного плача и грозного шума ветров, которые, казалось, вот-вот снесут и громаду дремучего леса. Ночная темнота рвала во мне живую струну, терзала мою душу, без того полную тревог о судьбе моей Родины.

Я крепко обнял братишек, дрожащих от страха. Сани катились по льду на границе окутанных мраком двух стран. На санях мне думалось: «Да, не проста дорога революции, не легко дается и суровая материнская любовь».

Все трое мы жутко дрожали от холода, укрываясь одеялом. Зуб на зуб не попадает. И кромешная тьма. Братья мои, до смерти перепуганные, ни на минуту не отрывались от меня.

На ночлег мы остановились на берегу корейской земли, что называлась Огуби. На следующий день мы прибыли в Линьцзян.

Оказалось, человек по имени Ро Ген Ду был знакомым хозяином трактира. Раньше, когда мы жили в Линьцзяне, он оказывал нам помощь в приобретении жилья, часто приходил к моему отцу и рассказывал о судьбе страны. Хозяин тепло встретил нас, троих братьев, как дорогих гостей, все тут сердечно обращались с нами.

Этот постоялый двор был домом в обычном корейском стиле с комнатами по обе стороны коридора под центральной балкой. Всей площади жилого помещения было 7 *кан* (единица измерения площади жилых помещений, равная около 2,8 кв. метра – ред.). Мы остановились в самой тихой, второй комнате напротив. Через кухню напротив располагались три гостевые комнаты, в которых всегда было полно оживленных гостей. Обычно в этом трактире останавливались те путешественники, которые держали путь от Маньчжурии до Кореи через Линьцзян, и наоборот. Отдохнув здесь, они опять трогались в путь. Дом Ро Ген Ду фактически служил постоялым двором для участников движения за независимость.

Ро Ген Ду был националистом с сильными антияпонскими настроениями. Характером он был тих, зато упрям и силен волею. Он имел это трактирное заведение и помогал частью своих доходов борцам за независимость. Он торговал кашею и жил кое-как день за днем. Значит, можно было и это занятие считать трудом. Какою судьбою занесло его сюда в Линьцзян? Правду об этом и я точно не знаю. По рассказам людей того времени, он, пожелавший выручать

деньги в пользу движения за независимость, был причастен к какому-то делу с вывозом вольфрамовой руды и одно время скрывался в районе Дандуна, а потом, когда притихло шумное дело, переселился в Линьцзян в поисках более безопасного убежища.

Родиной его отца было село Ха волости Копхен уезда Тэдон. Оно через речку Сунхва соседствует с моим родным краем – селом Нам. Раньше Ро Ген Ду был трудолюбивым крестьянином. А после знакомства с моим отцом, говорили, редко бывал дома и колесил везде, занимаясь, мол, движением за независимость. И все родные семьи не любили его – дескать, земледелием не занимается, ведет себя, как торгаш, торгующий на разных базарах. Бывало, после отлива морской воды он переправлялся через речку Сунхва и приходил к моему отцу. Такое знакомство, может быть, воздействовало на него, и он нас неплохо кормил и надежно охранял от вражеского глаза.

Для меня, для моей семьи Ро Ген Ду был большим благодетелем. Около месяца, когда мы жили в трактире, он для нас ничего не жалел в своем хозяйстве, во всем заботился о нас. И при этом он ничуть не изменился ни в лице, ни в поведении, всегда, как обычно, с улыбкой относился к нам. Однажды он за свой счет заказал телефон на большое расстояние, чтобы мы позвонили отцу в Фусун. Итак, я в первый раз в жизни попробовал разговаривать по телефону. Отец сказал, что он хочет слышать детские родные голоса, и мы, трое братьев, с матерью разговаривали каждый отдельно.

В условленный день мать с моим дядей Хен Гвоном приехали в Линьцзян. По прибытии она сразу пригласила нас осмотреть городок и привела нас в китайскую кухню. В

столовой каждому из нас заказала по одной порции китайских пельменей и начала расспрашивать о том и о сем.

Вначале мне думалось: вот мать хочет сытно покормить нас, детей, и подавать вкусные блюда тем, кто около месяца проживал по чужим углам. И мы без особого размышления вошли в столовую. Но, оказалось, суть дела была не в том. Теперь я понял, что она вместе с нами вышла на улицу послушать, как мы здесь проводили дни.

– Не появились ли в трактире сомнительные люди? Не искали вас? Не было ли случая, когда вы в чьих-то домах были в гостях? Сколько человек знают, что вы остановились в доме Ро Ген Ду?

Такие расспросы сыпались нам один за другим. И моя мать еще раз наказывала: куда бы ни пойди – молчи, что ты сын Ким Хен Чжика, будь осторожен и внимателен в каждом деле, пока мы не уйдем в новое местечко.

И в Линьцзяне она из-за нас не могла спать спокойно. Послышится ночью, глухой и темной, какой-то шорох на улице, – она встает с постели и, затаив дыхание, прислушивается ко всему вокруг.

Так она ни минуту не была в покое, боясь, как бы не грянула беда на детей. Ну, а что же побудило ее, вот такую, быть столь решительной в тот день, когда она направила нас в Линьцзян?

Это была, я уверен в этом, настоящая любовь матери-революционерки к своим детям!

На свете не найдешь еще такой горячей, такой искренней, такой неизменной любви, как материнская. Пусть она тебя и поругает и побьет, но никогда не чувствуешь боли, – такова любовь материнская. Для детей мать готова снять с неба звезды – такова любовь матери.

Такой щедрой любви нет цены! И сейчас у меня порою во сне мелькает светлый образ матери, такой, какою она была в те незабываемые дни. Это бессмертно…

7. Наследие

В пору, когда мы жили в Бадаогоу, частым гостем у нас был человек по фамилии Хван. Он оставил неизгладимый след на жизненном пути моего отца. В Хучхане спас моего отца из лап японской полиции именно он.

Отец перебрался в Корею в Пхопхен, чтобы установить связи с организациями. Конспиративной явкой была небольшая столовка, где продавали *куксу*. Близ нее отец попал в засаду полиции. Доносчиком оказался Сон Сэ Сим, который имел трактир за моим домом. Лазутчик довольно часто бывал у нас в гостях. Вплотную сидел у отца и льстиво играл языком, пуская в ход слова «господин Ким». Отец пока не знал, что Сон Сэ Сим шпик.

Полицейский департамент генерал-губернаторства держал дело с арестом моего отца в совершенном секрете. Цель ясна: обнаружить подпольные организации. Итак в Северопхеньанское провинциальное полицейское управление была срочно послана группа чиновников высокого класса для расследования дела о моем отце. Старшему полицейскому Акисима и еще одному рядовому Пхопхенского полицейского участка было поручено срочное задание: привезти под конвоем арестованного до провинциального полицейского управления в Синичжу через Хучханский участок. Враги в пожарном порядке приняли такие меры не без основания. Они опасались, как бы не освободили арестованного бойцы Армии независимости, которые действовали в бассейне реки Амнок.

Пока был задержан мой отец в Пхопхене в камере предварительного заключения, полицейские не подпускали мою семью к участку, и мы даже не знали, что направят его под конвоем в Синичжу.

К нам прибежал Хван и сообщил об этом матери:

– Вы слишком-то не убивайтесь. Адвоката вызову. Пусть на это пойдет все хозяйство семьи. Дождусь до судебного процесса, потом вернусь. Только дайте мне несколько бутылок водки, если есть у вас.

Хван забрал в плетенную из сыти кошелку несколько бутылок горькой и одну связку сушеного минтая и чуть поодаль незаметно следовал за моим отцом.

Полицейские отправились рано утром. Почти к обеденному часу добрались до села Енпхо, где находился трактир. У них, по-видимому, здорово животы подвело, и они попросили трактирщика приготовить им обед. Хван, дошедший до села вслед за конвоем, вошел в трактир и решил не упустить своего шанса, норовя его использовать. Тут-то пришелец, вынув горилку из кошелки, предложил полицейским выпить.

Поначалу они отказались: мол, видишь сам, преступник под конвоем. Хван привязчиво пригласил их на попойку, и они, наконец, начали брать кружки одну за другой, говоря:

– Ты, вижу, добренький дядя.

Хитрый Хван, не упустив шанса, сказал опьяневшим:

– А все-таки надо же покормить арестанта-то.

И «обработал» полицейских, заставив их снять хотя бы с одной руки моего отца наручник. Хван выпил здорово, но не был во хмелю. А вообще-то он был не дурак выпить.

Крепкая водка свалила Акисиму и рядового полицейского, который был корейцем. Языки на плечо, и конвойные захрапели.

В ту минуту мой отец, с помощью доброго мудреца, снял с себя наручники, и они выбежали из трактира. Вдвоем вскарабкались на гору Пёчжок, что тут напротив, и добрались до ее вершины. Начал падать снег.

Пьяные очнулись и остолбенело вылупили глаза, – их подконвойного не оказалось. Беспорядочно паля в воздух, они гонялись за моим отцом. Вражья пальба грозила гибелью, и на вершине ему пришлось расстаться с Хваном. После этого отцу уже не довелось повстречаться с ним.

После освобождения Кореи я делал все возможное, чтобы найти этого Хвана. На земле уже устроен хороший мир, но почему-то не сразу нашлись те, кто в трудный час, рискуя своей жизнью, не колебались, оказывая помощь моему отцу.

Хван, я бы сказал, готов был подняться и на эшафот за моего отца. Он был ему настоящим другом, верным товарищем.

Если не было бы помощи такого верного товарища, как Хван, то моему отцу несомненно не избежать бы критического момента в столь опасной ситуации. Совершенно естественно, что друзья говорили отцу: «Тебе выпало большое счастье – у тебя верные друзья».

Да, он не жалел самого себя во имя Родины и нации, делил радость и горе с многими участниками движения за независимость. Это собрало вокруг него много людей, много друзей и товарищей по революции.

Подробные эпизоды о побеге моего отца мне довелось слышать также от Ли Гык Ро во время войны, вернее, в период нашего отступления.

Ранней осенью в том году, когда началась война, правительство КНДР приняло меры по ускорению поставок натурального сельхозналога. С этой целью были направлены на места многие из членов Кабинета Министров Республики как уполномоченные. В то время Ли Гык Ро, министр без портфеля, тоже был командирован в районы бывшей провинции Северный Пхеньан.

Когда он выполнил свое задание, у нас началось стратегическое отступление, и мы находились в районе Канге. Однажды он прибыл ко мне доложить Кабинету Министров о делах и вдруг начал рассказывать о трактире в селе Енпхо. Закончив дела в уезде Хучхан, министр держал путь в Канге. Взяв с собой начальника того уездного управления МВД, он по пути поехал в село Енпхо и своими глазами осмотрел тот трактир, откуда бежал мой отец. Старый дом был цел. Раньше Канге и Хучхан принадлежали провинции Северный Пхеньан.

Просто удивительно и даже чудно было слушать о том трактире от старого Ли Гык Ро, который почти всю жизнь провел в Южной Корее и за рубежом и после освобождения страны, перед образованием нового государства, перешел в северную часть страны. Не так я удивился бы, если бы тогда были широко известны, как сейчас, исторические заслуги моего отца. Я просто не мог не изумляться, слушая об этом в ту пору, когда почти никому не был известен тот трактир в селе Енпхо.

И я, не скрывая своего любопытства, спрашиваю гостя:

– Как это вы знаете всю историю моего отца?

Он в ответ:

– Имя Ким Хен Чжика мне известно уже двадцать лет назад. В Гирине, знаете, Полководец, мне подробно рассказывал какой-то благодарный человек о вашей семье. Когда закончится эта война, мне хотелось бы написать биографический очерк о вашем отце. Но у меня кисть, как говорится, притуплена, потому и боюсь это делать.

Ли Гык Ро обычно был молчалив и тих. Но в тот день он, не сдерживая своего волнения, много и много рассказывал.

Мы вышли из многолюдного шумного зала, где расположен Кабинет Министров. Гуляли и беседовали более часа на берегу реки Токно (Чанчжа), куда редко ступала нога человеческая.

О моем отце, оказывается, рассказывал ему Хван Бэк Ха, отец Хван Гви Хон. В то время Ли Гык Ро приехал в Маньчжурию в составе делегации общества Синганхвэ (Общество новых веяний – ред.), миссия которой – организовать вспомоществование корейским соотечественникам, пострадавшим на восстаниях 30 мая и 1 августа. Число пострадавших все возрастало, и руководство Синганхвэ запланировало направить свою делегацию в Маньчжурию для оказания помощи корейцам.

В те дни Ли Гык Ро встретился в Шэньяне с Чвэ Иль Чхоном. И Чвэ рекомендовал ему: будете в Гирине, встретьте там Хван Бэк Ха.

По его совету в Гирине Ли Гык Ро встретился с Хван Бэк Ха. От него Ли получал нужную помощь при организации вспомоществования и слушал о моем отце. С тех пор Ли, по его словам, знал, что село Енпхо находится в

уезде Хучхан и что этот уезд стал немаловажной ареной деятельности моего отца.

То, что Синганхвэ направило Ли в качестве представителя в Маньчжурию, связано с его биографией: здесь он много лет был педагогом. Так, одно время Ли работал здесь учебным инспектором Армии независимости в горах Нэдо, учительствовал в Пэксанской школе в Фусуне и Тончханской школе уезда Хуаньжэнь. И вполне понятно, что в Маньчжурии Ли Гык Ро слышал о моем отце.

– Знаете, он, начальник уездного отделения МВД, – продолжал он, – плохо знал историю того трактира. И вот я его немного покритиковал: дескать, это позор уезда Хучхан. Потом я попросил его со всей ответственностью бережно сохранять этот трактир.

Ли Гык Ро с беспокойством добавил:

– Если потомки не знают историю борьбы предшественников, то они окажутся, как говорится, «невоспитанными, грубыми детишками». Но тут, вижу, наши сотрудники не очень активно воспитывают людей на наших традициях.

И прозвучал призыв: защищать революционные традиции, и то в ту суровую пору, когда наша молодая, двухгодовалая Республика оказалась на перепутье жизни и смерти. Слушая его, я был, собственно, глубоко благодарен ему, меня охватило неудержимое волнение. Словно вмиг перед моими глазами мелькает душа плеяды погибших предшественников, борцов за возрождение Родины, как будто они с жаром сердца призывают нас: «Боритесь и победите! До конца защищайте родную землю!»

Рассказ Ли Гык Ро о селе Енпхо придал мне энергию в то самое время, когда шумели: Корея теперь обречена на гибель!

Расставшись с Хваном, мой отец целый день бродил в лесу и, наконец, невдалеке от трактира, на перевале Кадук, нашел одинокую хижину-землянку и попросил у хозяина помощи. Оба представились друг другу, назвав свои фамилии и имена. При знакомстве отец узнал, что хозяина зовут тоже Кимом, он родом из Чончжу.

Хозяин обрадовался: это, мол, большой праздник, что в такой глухомани, как перевал Кадук, встретился с революционером-однофамильцем, имеющим общее место рода. Старик со всей симпатией отнесся к отцу и помог ему от всей души.

Старик Ким укрыл беглеца в скирде чумизы, стоявшей близ хижины. В те дни у отца замерзли и ноги, и колена, и вся нижняя половина тела. Целые сутки ему пришлось пробыть неподвижно в скирде, пронизываемой резким ветром, и просидеть на корточках, подобрав руки и ноги. Тут его и постигло несчастье – трудноизлечимая болезнь.

Старик совал ему в скирду то горсть каши, то печеную картошку, всячески охранял его от вражеских глаз.

За побег арестованного Акисима был серьезно проработан начальством. Северопхеньанское провинциальное полицейское управление сделало все: в бассейне, прилегающем к реке Амнок, на полосе от Хучхана до села Чукчжон, создан усиленный кордон и несколько дней подряд производился обыск. Однако чумизовая скирда, стоявшая на перевале Кадук, не попала в поле зоркого ока противника. Я думаю, что в то время мой отец точно оценил ситуацию и удачно выбрал себе это убежище.

Старик Ким ходил на берег реки Амнок и там внимательно следил за тем, покрылся ли этот участок льдом или нет. Он даже учил отца, как переправиться через реку при помощи шеста. Лед был не так толст, и нельзя было необдуманно пускаться в переправу.

Как учил старик Ким, мой отец положил на ледовое поле шест и, обеими руками продвигаясь вперед, ползком перебрался через реку Амнок. Перешел удачно. Тут тревожиться было нечего: держись за шест, не погибнешь даже и в воде. Метод этот был весьма оригинален, но при переправе отец вторично подвергся воздействию холода. Это озноблeние и стало еще одной пагубной причиною его смерти, которая и настигла его через год в Фусуне.

Эта, хотя бы и такая благополучная, переправа стоила огромных, я бы сказал, смертельных усилий отца. На том берегу реки он несколько дней лечился в деревне Толоцзы, потом переехал в Фусун в сопровождении Кон Ена и Пак Чжин Ена. Проводники эти были бойцами Армии независимости, подчиненной фракции Чоньибу. Ее отряд под командованием Чан Чхоль Хо находился в Фусуне.

Я уже рассказывал, как мой отец познакомился с Кон Еном по рекомендации О Дон Чжина. Молодой Кон Ен был родом из Пектона. Этому верному человеку мой отец помогал еще в те дни, когда он состоял в Пектонском молодежном союзе независимости и взял в руки оружие в Особом лагере Пекпха. С моим отцом он имел очень близкие отношения. Приходил к нам и с любовью называл меня «Сон Чжу». И я, в свою очередь, просто называл его «дядей», конечно, до тех пор, пока он не стал коммунистом, нашим товарищем, нашим соратником.

После смерти моего отца Кон Ен, живший уже в Ваньлихэ, примерно раз в неделю приходил к нам с зерном и топливом и, как мог, утешал в горе мою мать. С мужем и жена носила на голове корзину, полную съедобных растений. Стремясь хранить память о моем отце, он долго не снимал с себя траурную одежду.

По пути в Фусун отец с двумя товарищами попали в руки бандитов. Это было в районе Маньцзяна. Опять нагрянула беда. Время было такое, что везде кишмя кишели местные разбойники. Бандитизм породился тут самой социальной средою того времени – хаосом и нестабильностью общества, тем, что военщины всюду с мечами наголо грызлись между собою за обладание властью. На разбойничество пошли многие из тех, кто жил на дне общества и не нашел другого пути к существованию. Вдобавок к этому японские империалисты, стремясь ослабить антияпонские силы, или умышленно засылали своих агентов в шайки бандитов и дирижировали их верхушками, или специально вскармливали разбойников на своих харчах. Местные бандиты, передвигаясь толпами, то налетали на населенные пункты, то забирали у путников деньги и вещи. В худшем случае чуть что прибегали к вопиющим злодеяниям: отрубали людям уши и головы. Стало быть, двое охранников отца не могли охранять его без большого напряжения.

Отец сказал, что по профессии он врач. Но эти конные бандиты, необразованные и невежественные, не хотели отпускать задержанных из своих рук: у врача, мол, пачки денег. Отец их уговаривал: «Какие тут у врача деньги, лечу болезни и еле-еле зарабатываю на пропитание. Не надо так пакостить, а если кто из вас заболел, могу лечить.

Отпустите нас, вернемся – доноса не сделаем, ни слова не скажем о вас ведомствам». Но никакие уговоры на них не действовали.

Нет, так дела с места не сдвинешь. Кон Ен ждал единственно возможного шанса, – когда разбойники после ужина курили опиум и стали беспечными, он погасил коптилку и выпустил на волю моего отца и Пак Чжин Ена, потом ловким кулачным боем сбил с ног около десятка бандитов и выскочил из логовища разбойников.

Так разыгралась тогда настоящая драма, напоминающая собой какую-то пьесу приключенческого характера.

При побеге троих Кон Ен совершил настоящий самоотверженный подвиг. Мой отец часто вспоминал об этих незабываемых впечатлениях. Кон Ен был самоотверженным борцом, не жалеющим себя ради товарища.

Спустя несколько дней отец встретился в Фусуне с Чан Чхоль Хо. Этот человек, бывший несколько лет назад землемером, теперь стало воином, да уж и командовал ротой Армии независимости. Его очень огорчило болезненно выглядевшее лицо моего отца. Чан предложил ему отдохнуть, поправиться на подобранном ими месте. Так посоветовали и другие.

В то время мой отец, прямо скажу, был в таком состоянии, что не мог хоть мало-мальски физически держать себя, если не заботиться о своем здоровье. Он и сам в этом не сомневался. А зима в том году стояла самая холодная. Но отец, даже не успев положить ни одного компресса, хотя бы на грудь, немедленно тронулся в путь на север.

Сам комроты Чан довел его до назначенного места. Прибыл он именно в Хуадянь и Гирин. Невзирая на свое ознобление, он спешил сюда, в эти отдаленные места, именно для того, чтобы ускорить процесс объединения организаций движения за независимость в единый фронт и сплочения антияпонских патриотических сил. В то время для участников движения за независимость на повестку дня встал уже вопрос и о создании партии.

По мере развития идеологии и углубления идеала революции стала тенденцией времени политика, проводимая партией. Такая практика быстро распространялась на политической арене мира. Как буржуазные политиканы, так и коммунисты стремились к политике партии. После Октябрьской революции в России в различных странах Азии также создавались компартии. С распространением нового идеологического течения Восток тоже встретил эпоху партийной политики. Так, в 1921 году в соседней стране – в Китае была создана компартия.

На фоне такой ситуации предтечи Кореи также наращивали темпы процесса создания такой организации, которая политически направляла бы национально-освободительную борьбу.

Политика партии, можно сказать, предполагает создание и развитие идеологии и идеала, которые послужили бы руководством к действию и основой в этой политике, и без них она невозможна.

В современной истории Кореи буржуазный национализм как своего рода идеологическое течение направлял национально-освободительное движение, но умирал, не имея собственной политической партии. На арене национально-освободительной борьбы взамен

буржуазного национализма подняло голову новое, коммунистическое идеологическое течение. Пионеры нового поколения глубоко убедились в том, что буржуазный национализм больше не может быть знаменем национально-освободительной борьбы. Среди них ускоренными темпами росли ряды приверженцев коммунизма. И в лагере национализма многие передовики изменили направление своей деятельности в сторону коммунистического движения.

Курс на переориентировку движения, намеченный на Куаньдяньском совещании, не ограничился только декларацией. Внутри националистического движения эта установка вступила в стадию практической реализации благодаря усилиям передовиков. Установку Куаньдяньского совещания впервые начал осуществлять на практике именно О Дон Чжин. После совещания в отряде Армии независимости, которым командовал он, больше стало людей, которые с симпатией относились к идеологическому течению марксизма-ленинизма. Появившиеся к тому времени новые силы японские империалисты определили как «третьи силы».

В середине 20-х годов – в это время отец, вырвавшись из лап японской полиции, пошел через Фусун в Гирин – ускорялся внутри национального движения процесс разделения групп на две: на новаторскую, стремившуюся к переориентации движения, и на консервативную, выступавшую против этого.

На основе проницательного анализа такой тенденции ситуации мой отец пришел к выводу: настала пора рождения политической организации, которая могла бы осуществить идеал переориентации.

До того времени национальное движение корейцев в Маньчжурии развертывалось под идеалом восстановления государственной власти, главным образом, в форме непосредственной военной деятельности и самоуправления, основой которого являлись проблемы образования и жизни населения. Но у них не было организации, способной политически направлять это движение. Исходя из этой реальной действительности, отец вместе с националистами новаторского толка, действовавшими в районе Гирина, приступил к подготовительной работе по созданию новой организации, которая смогла бы осуществлять политическое руководство всеми военными и самоуправляющимися организациями, разбросанно существовавшими на территории Маньчжурии.

Первым шагом в этом направлении было собрание в Нюмасянцзе в Гирине, созванное по предложению моего отца. Оно проходило в начале 1925 года в доме Пак Ги Бэка (отец Пак Иль Пха), находившемся под Бэйшанем в городе Гирине. На нем присутствовали Рян Ги Тхак, Хен Ха Чжук, О Дон Чжин, Чан Чхоль Хо, Ким Са Хон, Ко Вон Ам, Квак Чжон Дэ и другие старейшие лица и ответственные деятели движения за независимость.

Все они признали необходимость политической организации, способной в едином порядке руководить движением за независимость, и единогласно приняли решение о создании в недалеком будущем единой определенной партии. На собрании обсуждался также целый ряд принципиальных вопросов, связанных с созданием партии.

По воспоминаниям Ли Гван Рин, на собрании наиболее оживленно шла дискуссия по вопросу названия партии. Как

назвать будущую партию лучше – Революционной партией Кореи или Корё? Участники считали, что, конечно, наименование партии важно, но более важное значение имеет правильная разработка задач и программы партии в соответствии с целью ее деятельности. Исходя из этого, они и перешли к обсуждению программы, а партию решили назвать Революционной партией Корё.

Руководители движения за независимость, принявшие участие в собрании в Нюмасянцзе, через год вместе с представителем новаторской группы следователей религии Чхондогё, представителем общества Хенпхенса и делегатами из Приморья провели совместное совещание, на котором и была образована Революционная партия Корё, целью которой явилось «построение единого мирового государства на базе коммунистической системы путем ликвидации нынешней системы частной собственности и уничтожения существующей государственной машины».

Отец мой присутствовать на этом совещании не мог из-за болезни.

А в Фусун отец вернулся после посещения Бэйшаньского и Цзяннаньского парков и встречи с руководителями молодежной организации поселка Синьаньтунь. По телефону из Фусуна он велел нам покинуть Линьцзян.

Оставив за собой Линьцзян, мы немного прошли. На дороге нас застали двое бойцов Армии независимости в траурных головных повязках из конопляного холста, присланные на встречу с нами командиром роты Чан Чхоль Хо. Этот траурный наряд служил им маскировкой, – нужно было, чтобы агенты противника не очень сомневались в этих двоих. На их запряжке мы направились в Фусун.

Отец встречал нас в Даине, отдаленном примерно в 40 *ли* от города Фусуна. С лица он выглядел явно болезненно, зато его широкая улыбка обрадовала нас. Нам почувствовалось, будто вся тяжесть с наших плеч спала. Взяв братишек за руки, я побежал вперед.

Прежде чем я поклонился отцу, братишки мои бросились к нему и сразу выложили те думы, что накопились у нас за два месяца разлуки. Отец, учтиво принимая детское баловство, не оторвал глаз и от моего лица и радостно говорит мне:

– Как хороша и водица на Родине! Отправил тебя, но мне не спалось. Ты так здорово подрос!

В ту ночь вся наша семья сидела в едином кругу и до рассвета делилась своими сокровенными думами. Той ночью я услышал и о Хване, и о старике Киме родом из Чончжу, которые помогли отцу в побеге, слышал о храбрых свершениях Кон Ена в логовище маньцзянских бандитов.

А я рассказывал отцу об увиденном, испытанном мною на Родине, о моей решимости снова, во второй раз не переправляться через реку Амнок, пока Корея не станет независимой. Он с удовольствием оглядел меня и добавил:

– Так и должно быть, если ты сын Кореи.

Потом он дал глубокомысленный наказ:

– Не надо думать, что учеба, познание и понимание Кореи закончены в Чхандокской школе. И на новом месте нужно еще прилежнее учиться, чтобы поглубже знать Корею, знать свою нацию.

Через несколько дней меня зачислили в Фусунскую начальную школу № 1. Самым близким другом мне по этой школе стал китайский мальчик Чжан Вэйхуа. Он был сыном хозяина второго или третьего богатого дома в Фусуне. Так,

у него в домашней дружине насчитывалось несколько десятков солдат. Почти все женьшеневые плантации в Дунгане уезда Фусун были собственностью дома Чжана. Каждый год осенью Чжаны собирали урожай женьшеня. Корень жизни везли на лошадях или на ослах в другие места для продажи. Когда его везли, домашняя дружина растягивалась по дороге на расстоянии 10 *ли*. Отец Чжан Вэйхуа слыл как крупный богач, но он был совестливым человеком, ненавидевшим империализм и любившим свою родину. Таким был и Чжан Вэйхуа. Впоследствии, когда я окунулся в революционную работу, они помогли мне. Я не раз избежал при их помощи трудных моментов, мне угрожавших.

Близкими мне корейскими учениками были Ко Чжэ Бон, Ко Чжэ Рён, Ко Чжэ Рим и Ко Чжэ Су.

Когда отец развертывал свою революционную деятельность, главным образом, в Фусуне, складывалась весьма неблагоприятная ситуация: реакционная военщина Китая была склонна к прояпонской ориентации и всячески мешала деятельности корейских патриотов. К тому же здоровье отца все больше ухудшалось. В этом сказывались последствия двукратных жестоких мук – пыток и озноблення в Пхеньяне и в Пхопхене. Но он ни на час не прекращал свою революционную борьбу.

Над нашим домом, находившимся на улице Сяонаньмынь, появилась новая вывеска: «Лечебница Мурим». Могу сказать, что тогда физическое состояние отца не позволяло ему лечить других. Он сам должен был лечиться. Но отец опять сразу же отправился в путь.

Все отговаривали его от этого, удерживали его и Чан Чхоль Хо, Кон Ен, Пак Чжин Ен и все другие борцы за

независимость, которые приезжали в Фусун и выезжали из него. И я, и мой дядя Хен Гвон тоже не пускали отца. И моя мать, молчаливая помощница отца, во всем поддерживавшая его, тоже настойчиво просила его на этот раз не выезжать из Фусуна. Отец же, не изменив своего плана, уехал.

Его очень тревожила весть о том, что в районе у горы Нэдо верхушки Армии независимости, не достигнув единства действий, разделились на несколько групп и дерутся между собою за свое влияние, а это, стало быть, грозит опасностью разложения отрядам армии.

Проводник, посланный по приказу Чан Чхоль Хо, должен был сопровождать отца до Аньту. Он сунул в вещмешок продовольствие для обоих: пять-шесть *тве* (мера сыпучих тел, 1,8 литра – ред.) чумизы и небольшой кувшин с соевой пастой. Прицепил к себе топор и револьвер. И вот они отправились в дорогу. Путь до назначенного места в сотни *ли* был безлюден. Я слышал, что в этом незаселенном районе дорога стоила им больших мук. Ночи проводили под открытым небом, у костра, без покрывала, прислоняясь к кучам бревен. Спать приходилось урывками, а рваный сон – не сон. Отец сильно кашлял, и проводник ни минуты не был спокоен.

И после возвращения из Аньту у отца продолжался удушливый кашель. Спустя несколько дней он в таком же состоянии бегал за получением санкции Пэксанской школы.

Эта частная школа имела длительную историю. Она была создана корейскими эмигрантами Фусуна, предтечами нашими, при содействии крестьян. Построили ее давно в унисон с велением времени, когда в Корее оживленно шло движение за создание частных школ.

Мне говорили, что вначале эта школа была маленькая – не больше Сунхваской частной школы в Мангендэ, где учился мой отец. Значит, по своим размерам она была равна двум вместе взятым комнатам крестьянского дома наших дней.

Однако и эта маломасштабная Пэксанская школа была вынуждена надолго закрыть свои двери из-за нехватки финансовых средств.

Когда мы переселились в Фусун, шло активное движение за возобновление работы этой школы. Однако, военщина, науськиваемая империалистами Японии, не дала санкцию на открытие этого учебного заведения. Это очень беспокоило и мучило моего отца.

Куда бы ни пошел, он всегда прежде всего заботился о педагогическом движении и во многих районах создал учебные заведения.

В канун открытия этой школы отец вместе с Чан Чхоль Хо пришли к ее помещению, взяв повозку с партами и скамейками, сделанными в столярной мастерской. Хотя над нашим домом и была вывеска «Лечебница Мурим» и отец не прекращал врачевания, но душу его всегда тянуло к школе.

Отец как почетный директор этой школы сам не преподавал, но заботился о содержании обучения и шефстве над нею. Он выступал в школе с речами, часто руководил внеурочными занятиями воспитанников.

Отец собственноручно написал учебник «Родной язык», которым и пользовались в этой школе. После ее открытия он поехал в Саньюаньпу уезда Люхэ. Вернувшись домой, он вместе с Пак Ги Бэком (Пак Бом Чжо) и составил этот учебник. Написанные отцом учебные материалы были

напечатаны в Саньюаньпу и разосланы по всей Маньчжурии. Этим делом занимались мыслящие люди. В Саньюаньпу работала типография, подведомственная фракции Чоньибу. Здесь печатали учебники. Книги были прекрасно напечатаны литографским способом. Напечатанными здесь учебниками пользовались в корейских школах Маньчжурии.

В Фусуне отец много раз проводил собрания, на которых специально обсуждались проблемы образования. Способные кадры были направлены в Аньту, Хуадянь, Дуньхуа, Чанбай и другие места с целью создания там дневных и вечерних школ во всех районах, где жили корейцы. К тому времени открылась и Югенская школа в селе Дэинцуне в Шибадаогоу уезда Чанбай. Воспитанниками этой школы были Ли Чжэ У, впоследствии ставший бойцом Корейской революционной армии и членом Союза свержения империализма, а также антияпонский борец Кан Дон.

Когда дело в Пэксанской школе вошло в свою колею, отец опять объезжал всю Маньчжурию, налаживая работу с участниками движения за независимость. Главное в деятельности того времени – работа по достижению единства и сплоченности рядов движения за независимость. На повестку дня встала проблема создания единой определенной партии, способной претворять в жизнь линию на переориентировку движения. Поэтому сплочение рядов движения за независимость, являвшееся фундаментом создания партии, стало актуальной задачей времени, к решению которой никто не мог бы стоять спиной. Этому святому делу отец и посвятил весь остаток своей жизни.

К тому времени мелкие разношерстные организации движения за независимость, разбросанно действовавшие в трех провинциях Северо-Востока Китая, слились в три фракции. Так настал в Маньчжурии новый период существования трех фракций: Чоньибу, Синминбу и Чхамибу. Но и эти фракции ушли с головой в грызню за сферы своего влияния, что стало предметом насмешек над ними со стороны народных масс.

В такой ситуации мой отец был уверен в том, что единство и сплоченность борцов является большой исторической задачей, решение которой не терпело ни малейшего отлагательства. Для решения этого вопроса в августе 1925 года он, находясь в Фусуне, обсуждал с представителями КНО в стране и за рубежом и военных организаций необходимые меры по достижению единства и сплоченности рядов движения за независимость и образовал общество по содействию коалиции национальных организаций.

Отцов план того времени заключался, по-видимому, в том, чтобы через посредство этого общества ускорить процесс создания единой партии. Отец спешил с этим делом, каждый день работал напряженнее, чем обычно, дорожа каждой минутой и секундою. К тому времени он уже предчувствовал, что у него слишком мал остаток жизни.

Вскоре он и слег от тяжелой болезни. С весны 1926 года тяжкий недуг приковал его к постели.

Весть о том, что он страдает, пораженный тяжелой болезнью, собрала много посетителей из разных мест. Возвращаюсь из школы – и вижу на ступеньках завалинки незнакомую обувь – то пять, то шесть пар. Каждый

приносил с собой хорошие лекарства, все утешали больного теплыми словами. Почти каждый из посетителей, как бы он ни бедно жил, приносил по крайней мере по одному корешку жизни – женьшеню. Но болезнь уже брала свое и никакие лекарства не помогали. Весна давала густые соки жизни всему на свете, пела о приходе нового сезона, но, к большому несчастью, не могла восстановить здоровье отца, чего так сердечно желали все и каждый из его друзей.

И у меня пропала охота ходить в школу. Однажды утром вернулся с дороги, не дойдя до школы, обеспокоенный ухудшающимся состоянием отца.

– Чего ты не идешь в школу? – строго спросил он меня.

Я ничего не ответил и только глубоко вздохнул.

– Иди, сынок. Так мужчина не сможет заниматься большими делами…

Так он и завернул меня обратно в школу.

Однажды из Гирина к отцу приехали О Дон Чжин вместе с Чан Чхоль Хо. О Дон Чжин, по его словам, всячески старался сплачивать антияпонские патриотические силы, руководствуясь курсом Фусунского совещания, но дело пошло не по его желаниям. С тяжелой думою на душе приехал он к своему наставнику, да и надо было навестить больного, и посоветоваться с ним по делам. Он гневно осудил раскольников.

– С этими упрямцами лучше бы поскорее рассчитаться! – не сдержал своего гнева Чан Чхоль Хо, человек характера прямого и резкого.

Внимательно выслушав обоих, отец взял в каждую из своих рук руки друзей и сказал:

– Нет! Так нельзя. Слияние надо осуществить непременно, если даже это будет стоить огромных сил. Нам нужно слиться и с оружием в руках вместе противостоять врагу. Иначе мы не сможем достичь независимости.

Гости уехали. После этого он с глубокой тревогой рассказывал нам о грызне между группировками, которая продолжалась со времен династии Ли.

– Борьба между фракциями, – говорил он, – толкнула страну в пропасть гибели, а они, эти самозваные участники движения за независимость, еще не опомнились и, расколов ряды на части, грызутся между собой, вот в чем и вся беда! Не положив конец грызне между фракциями, нельзя добиться ни независимости страны, ни цивилизации, ни процветания. Борьба между группировками – причина истощения сил государства, это проводник внешних сил. Проникнут внешние силы – и страна, как правило, погибнет. При жизни твоего поколения непременно надо искоренить грызню между фракциями, добиться сплоченности наших рядов и поднять на борьбу народные массы…

После уроков я ухаживал за больным отцом, уже не отлучаясь из дому. Он просил меня присесть к нему поближе и рассказывал многое, что мне знать не мешало бы. Речь шла, главным образом, о его жизненном опыте. Много поучительного было в его жизни.

Из отцовских рассказов я и сейчас помню наказ о трех готовностях, которыми должен владеть революционер.

– Где бы ни окажись, революционер всегда должен быть готов к трем видам смерти: от голода, от побоев, от холода. То есть быть готовым умереть с голоду, погибнуть

от побоев и замерзнуть. С такими убеждениями и не надо никогда отступать от первоначального великого замысла.

Глубоко запечатлелось в моей памяти каждое из его слов. Поучительным был и его рассказ о друзьях и дружбе.

– Человек не должен забыть друга, с которым подружился в трудный час. Говорят: дома опирайся на родителей, а за порогом – на друзей. Слова–то это какие глубокомысленные. Друг, готовый делить с тобой горе и радость, даже ближе тебе, чем родные братья…

Отцовский рассказ о друзьях и дружбе длился много часов.

– Знаешь, – сказал он, – я начал борьбу с приобретения товарищей. Есть люди, которые начинают движение за независимость с приобретения денег и шестизарядных револьверов. Но я, где бы ни оказался, обретал прежде всего хороших товарищей. Хороший товарищ – он не падает с неба, да и не вырастает из-под земли. Его надо искать и находить, как добывают золото и драгоценные камни, найти и вырастить с приложением всех твоих сил. Поэтому я, знаешь, всю жизнь ходил по Корее и по маньчжурской равнине до появления волдырей на ногах. И потому твоя мама всю жизнь голодает и мытарствует, заботясь не о себе, а приходящих гостях. Если отдать всю душу делу страны и народа, вполне можно обрести хороших товарищей. Все дело в мыслях твоих и твоей душе. Без денег можно и обойтись. При единении мыслей люди могут быть товарищами друг другу. И оттого дружба, не складываемая кучею золота, приобретается даже глотком воды и одною картошкой.

Мой отец не был имущим, не был в чинах, зато он имел много хороших друзей. Если это считается имуществом, то

он, значит, имел самое большое из всех имуществ. Он ничего не жалел, если это идет на пользу товарищей. И поэтому они с риском для собственной жизни охраняли его. Он сумел преодолеть всякие невзгоды и лишения и самоотверженно служить движению за возрождение Родины именно потому, что ему товарищи оказывали бескорыстную помощь…

Не вставая, прикованный к постели, он говорил, что больше всего он тоскует по друзьям, и наказывал мне дружить со всеми хорошими товарищами.

– Только тот, кто готов умереть за товарища, может иметь хорошего товарища.

Его наказ до сих пор свято хранится в моей памяти.

Несколько месяцев моя мать, забыв про еду и сон, сделала все, что могла, ухаживая за больным, страдающим в борьбе со смертью. До слез искренняя была ее забота о больном. Ни с чем не сравнимая, не заменимая ничем теплота ее рук найдется ли такая еще у кого? Но, к великому несчастью, и эти сверхчеловеческие старания не смогли спасти отца.

5 июня 1926 года он ушел от нас под крохотной кровлею на чужбине, отдаленной на тысячи *ли* от родного края. Ушел, не развеяв горечи от гибели родной страны.

– Покидая свою родину, – так начинались отцовские заветы матери, – мы думали: добьемся независимости страны и вернемся домой с тобою вместе. А я, видимо, этого уже не смогу. Станет страна независимой, ты иди на родину с Сон Чжу. Цели своей я не достиг, и тревога моя не улеглась. Заботься о Сон Чжу! Я хотел обучать его в средней школе, но дело это, кажется, провалилось. Если сможешь, обучи его в средней школе. Любой ценою,

говорю, питаясь даже одной жидкой похлебкою. Судьба его братьев потом – в руках Сон Чжу.

Затем отец передал матери два пистолета, которые он постоянно носил при себе, и говорит:

– Если это оружие найдется после моей смерти, хорошего не будет. Зарой его в землю, потом, когда Сон Чжу повзрослеет и станет бороться, передай ему.

А вот как прозвучало его последнее наставление троим сыновьям:

– Я умираю, не достигнув цели. Но вам верю. Вы, сынки мои, никогда не должны забывать, что вы тело страны и нации. Пусть разобьется кость вдребезги, пусть тело в куски разорвется, но вам непременно надо вернуть себе потерянную Родину.

Я горько зарыдал. Смерть отца в единый миг взорвала во мне весь заряд горечи лишенного Родины.

Он умер, посвятив всю свою жизнь делу Родины. Всего себя, все, что ему было дорого, положил он на алтарь Отечества. И когда ему угрожала смертельная болезнь, вызванная неоднократно повторенными зверскими злодеяниями врага и крайними озноблениями, он непоколебимо шел в народ, обращался к своим товарищам. А иссякала сила – опирался на трость, одолевал голод – брал в рот сыпучий комок снега. Ни единого разу не оглядывался назад, не замешкался ни разу, прямо шел только вперед и вперед.

При жизни мой отец ни к какой партийной группировке не принадлежал, никакой власти не жаждал. Без оглядки всего себя посвятил делу возрождения Родины, делу счастья трудового народа. У него не было ни жажды вещей, ни корысти. Попадали в руки деньги – сберегал копейку за

копейкой, все терпел, не покормив даже своих детей конфетками, хотя ему и очень хотелось это делать. На собственные деньги купил орган и бесплатно подарил его школе. Прежде чем думать о самом себе, размышлял о судьбе нации. Прежде чем позаботиться о своей семье, беспокоился об участи Родины. Да, он навстречу холодному ветру всю жизнь шел вперед и вперед. Как человек он жил бескорыстно и чисто, жил как революционер честно и совестно.

Я ни разу не слышал от него слов о своем семейном хозяйстве. От него мне в наследство досталось многое в морально-идейном аспекте. Но наследственного имущества и денег – ни-ни. Сельхозинвентарь и домашнюю утварь, экспонированные сейчас в моем родном доме-музее, оставил нам мой дед, а не отец.

Идея «чивон», три готовности, мысль об обретении товарищей, два пистолета – вот все наследие, доставшееся мне от отца. Это наследие предполагало жестокие мучения и жертвы. Но это было для меня самым драгоценным наследием.

Похороны отца провели как общественные. В день похорон на улицу Сяонаньмынь хлынул поток людей для выражения соболезнования. Со всех концов Северной и Южной Маньчжурии, из Цзяньдао и Кореи нескончаемым потоком текли в Фусун люди: товарищи и друзья покойного, его ученики и вчерашние больные, которые уважали и чтили отца при его жизни. На похоронах присутствовал и начальник Фусунской уездной управы, взяв с собой связку траурных благовонных бумажек с золотой фольгой. Перед могилой покойного он сам сжигал

благовония на огне и со слезами на глазах сделал земной поклон.

Место могилы выбрано в деревне Яндицунь на берегу реки Тоудао-Сунгари, в десяти *ли* от улицы Сяонаньмынь. При жизни он часто ходил в эту деревню – лечил больных, беседовал с сельчанами, имел с ними очень близкие отношения, как в семейном кругу. И после смерти, может быть, моему отцу хотелось быть рядом с теми людьми, с которыми так близко сдружился он при жизни.

В тот день на всей дороге в десять *ли* не утихало горькое рыдание. Зарыдали и те участники движения за независимость, которые несли похоронные носилки.

Корейские женщины в районе Фусуна полмесяца не срывали со своих голов траурные белые ленты…

Так я потерял отца. В один миг потерял отца, учителя и руководителя. Он был плотью и кровью моей, был учителем и наставником, который неустанно и непрестанно вел меня с малолетства по пути революции. Его смерть нанесла мне большой и непоправимый удар. Сердце у меня опустело от невосполнимой потери.

Бывало, я одиноко сидел на берегу реки и заливался слезами, рисуя в воображении синее небо Родины вдали.

Отцовская любовь ко мне, думаю, была необычной. Когда я подрастал, отец всегда откровенно и вдумчиво рассказывал мне о судьбах будущей страны и нации. Любовь моего отца была беспредельно строгой и в то же время бесконечно глубокой. Не от кого больше было мне ждать такой любви, такого наставления, да и надежды на них не стало.

Однако из горя и слез подняло меня именно то необычайное наследие, оставленное отцом, – «чивон», три готовности, обретение товарищей, два пистолета…

А что же делать теперь?

Этого сам я рассудить не мог. Мучили меня безнадежность, беспомощность и безмерные горести.

Но я в том наследии черпал энергию и начал искать себе путь вперед…

ГЛАВА ВТОРАЯ

Незабываемый Хуадянь

Училище «Хвасоньисук»

Разочарование

Союз свержения империализма

Стремление к новой арене деятельности

Ли Гван Рин, героиня Армии независимости

Июль – декабрь 1926

1. Училище «Хвасоньисук»

После похорон отца его друзья задержались на несколько дней в Фусуне, они обсудили вопрос о моем будущем. По их совету и рекомендации я отправился в училище «Хвасоньисук» в середине июня 1926 года.

В это время в нашей стране проходила демонстрация 10 июня.

Это была массовая антияпонская демонстрация, организованная коммунистами, выступившими вновь на арену национально-освободительной борьбы после Первомартовского народного восстания.

Широко известно всему миру, что Первомартовское народное восстание явилось водоразделом в повороте национально-освободительной борьбы от националистического движения к коммунистическому. В восстании передовые люди до мозга костей убедились в том, что буржуазный национализм больше не может быть знаменем национально-освободительной борьбы, и среди них быстро росла тяга к новому идейному течению. Благодаря их деятельности стал быстро распространяться марксизм-ленинизм.

В следующем году после Первомартовского народного восстания появилась в Сеуле профсоюзная организация под названием «Родон Кончжехвэ» (Общество трудовой взаимопомощи – ред.), а вслед за нею – крестьянские, молодежные, женские и другие массовые организации.

С начала 20-х годов нашего столетия под их руководством активизировалась массовая борьба в защиту прав и интересов неимущих масс, против колониальной

политики японского империализма. В 1921 году вспыхнула всеобщая забастовка пусанских портовых рабочих. Впоследствии рабочие поднимали одну за другой забастовки в таких промышленных центрах, как Сеул, Пхеньян, Инчхон, и в других многих районах страны. Под влиянием рабочего движения волна арендаторских конфликтов против японских крупных помещиков и злостных корейских помещиков охватила Намурийскую равнину в Чэрене и остров Амтхэ, повсеместно в стране вспыхивали забастовки учащейся молодежи под лозунгом борьбы против колониально-поработительского просвещения, за свободу образования.

Японские империалисты, прикрыв «сабельный режим» фиговым листком «культурного управления», приобщали лишь несколько прояпонских элементов к участию в «Консультативном совете» при генерал-губернаторстве, чтобы делать вид, что поощряют участие корейцев в политической жизни, а под мишурной вывеской «свободного волеизъявления народа», разрешив выпуск лишь нескольких видов газет и журналов на корейском языке, громогласно заявляли, будто наступил какой-то период благоденствия, но наш народ, не поддаваясь их обману, продолжал борьбу против агрессоров.

Тенденция развития рабочего и других массовых движений потребовала мощных политических руководящих сил, способных осуществлять централизованное руководство ими. Идя навстречу такому историческому велению, в апреле 1925 года была создана в Сеуле Коммунистическая партия Кореи. К этому времени были созданы многочисленные политические партии рабочего класса и в ряде стран Европы.

В первый период своего рождения Коммунистическая партия Кореи еще не имела своей руководящей идеологии, отвечающей действительности, не могла обеспечить единство своих рядов, глубоко пустить свои корни в гущу масс. Ввиду таких основных ограниченностей она не могла в полной мере выполнять роль авангарда рабочего класса, но ее основание явилось значительным событием, показавшим смену старого идейного течения новым и качественное изменение национально-освободительной борьбы, и способствовало развитию рабочего, крестьянского, молодежного и других массовых движений и национально-освободительного движения в целом.

Коммунисты готовились к новой антияпонской демонстрации в масштабе всей страны.

К этому времени скончался Сунчжон, последний король династии Ли. Смерть его вызвала взрыв антияпонских настроений корейской нации. Корейцы, встретившие извещение о смерти короля, все от мала до велика, в траурной одежде горько рыдали. Сунчжон как последний король символизировал династию Ли и после гибели страны, но и он умер, и копившиеся годами горе и скорбь о гибели страны взорвались снова плачем и рыданием. Гремел оркестр. Учащиеся пели песню, от которой массы еще больше скорбели и рыдали.

Прощай, дворец Чхандок!
Навеки прощай!
Иду я на тот свет, в тот край угрюмый.
Вернусь ли снова я –
Никто того не знает.

Век живите
И век здравствуйте,
Соотечественников-белоодежников
Двадцать миллионов!

Их горькие плачи и рыдания послужили сильным, как бомба, толчком и стимулом для новой злобы японским оккупантам.

Там, где корейцы собирались и плакали, появлялась японская полицейская кавалерия, размахивая саблями и дубинками, зверски разгоняла их. Беспощадные удары дубинками обрушивались и на детей начальных школ. Страна погибла, но ты не скорби, король умер, но ты не плачь и заткни свой рот, – таков был удел народа. Таково было подлинное лицо правления генерал-губернаторства, обернувшегося из «сабельного режима» в «культурное управление».

Жестокие репрессии и зверства врага, наоборот, подливали масла в огонь антияпонских настроений корейского народа, которые и без того разгорались ярким пламенем.

Идя навстречу антияпонским настроениям народных масс, коммунисты решили провести антияпонскую демонстрацию в масштабе всей страны по случаю дня похорон Сунчжона и втайне готовились к ней.

Однако этот секрет был выдан японским империалистам фракционерами, проникшими в подготовительный комитет по проведению демонстрации. И вся подготовка к демонстрации сопровождалась беспощадными репрессиями.

Но патриотически настроенный народ не прекращал подготовку к выступлениям. И 10 июня, когда похоронная процессия проходила по улице Чонро, несколько десятков тысяч сеульцев развернули массовую демонстрацию, скандируя лозунги: «Да здравствует независимость Кореи!», «Японские войска, вон восвояси!», «Участники движения за независимость, соединяйтесь!» Гнев и возмущение, накопившиеся за 7 лет «культурного управления», взорвались наконец громким кличем «Да здравствует независимость!»

И учащиеся начальных школ, одиннадцати-тринадцатилетние ребятишки, выстроившись в ряды, вышли на эту демонстрацию. Демонстранты смело дрались, вступив в ожесточенную схватку с вражескими вооруженными до зубов войсками и полицией.

Вследствие происков фракционеров демонстрация 10 июня потерпела поражение, не выдержав варварских репрессий японских империалистов. Если идеи низкопоклонства буржуазных националистов явились одной из главных причин поражения Первомартовского народного восстания, то фракционные акции коммунистов раннего периода послужили главной причиной провала демонстрации 10 июня. Так, фракция Хваёпха, возглавляя демонстрацию, организовала ее со своей фракционной точки зрения, а фракция Сеульпха, противостоя ей, занималась обструкционистскими действиями.

В связи с демонстрацией 10 июня было арестовано большинство главных лиц руководства Коммунистической партии Кореи.

Инцидент с этой демонстрацией догола разоблачил лживость и коварство «культурного управления». В ходе

этого движения наш народ продемонстрировал свою непоколебимую волю и дух борьбы – в любых трудных обстоятельствах вернуть себе потерянную Родину и отстаивать свое национальное достоинство. Если бы коммунисты, освободившись от фракционных взглядов, в едином строю и порядке организовали и возглавили эту борьбу, то движение 10 июня приняло бы более широкий размах и превратилось бы в общенациональную борьбу, нанесло бы более ощутимый удар по колониальному режиму японского империализма.

Движение 10 июня преподнесло серьезный урок, что без преодоления фракционности нельзя добиться ни развития коммунистического движения, ни победы в антияпонской национально–освободительной борьбе.

К тому времени я со своей точки зрения дал анализ результатов движения 10 июня. Мне было странно, почему организаторы этого выступления повторяли тот мирный способ, который наблюдался в дни Первомартовского движения.

Как гласит изречение «К однодневной битве подготовь войска тысячу дней», чтобы мобилизовать народные массы на поле брани, необходимо в достаточной мере воспитать, организовать и подготовить их к сражению. Однако те, кто организовал и возглавил движение 10 июня, не провели заранее тщательную подготовку, они противопоставили вооруженным до зубов войскам и полиции десятки тысяч безоружных людей, и потому не избежали и не могли избежать трагических последствий.

Мне было досадно, горько, я не мог уснуть при мысли об антияпонском движении, которое при каждой его вспышке терпело поражение за поражением, сопровождаясь

массовыми убийствами. От этой неудачи все во мне вскипело, еще более укрепилась воля к борьбе за разгром японских империалистов и возрождение Родины.

Охваченный таким идейным побуждением, я решил достойно проводить годы учебы в училище «Хвасоньисук», оправдывая завет отца, чаяние матери и ожидания народных масс.

Это было двухгодичное военно-политическое училище при группировке Чоньибу, созданное в начале 1925 года с целью подготовки кадров Армии независимости.

Участники движения за независимость и патриотически настроенные просветители, видевшие путь к национальному возрождению в подготовке реальных сил, прилагали активные усилия не только к созданию общеобразовательных школ, но и к учреждению военных училищ, нацеленных на подготовку военных кадров. Их усилиями были открыты в различных районах Маньчжурии ряд военных учебных заведений: курсы «Синхын» (в уезде Люхэ), Шилипинское военное училище (в уезде Ванцин), Сяошахэский военно-учебный пункт (в уезде Аньту), училище «Хвасоньисук» (в уезде Хуадянь) и др.

Главную роль в движении за создание военных учебных заведений играли такие крупные деятели движения за независимость, как Рян Ги Тхак, Ли Си Ен, О Дон Чжин, Ли Бом Сок, Ким Гю Сик, Ким Чва Чжин и другие.

В училище «Хвасоньисук» поступали воины действительной службы, отобранные в ротах при группировке Чоньибу. Число поступающих новобранцев спускали сверху в каждую роту, а рота отбирала и направляла в училище лучших своих юношей. Когда учащиеся пройдут полный двухгодичный курс учебы, их

направляли в свои роты с новыми служебными разрядами, назначаемыми по их успеваемости. Бывало, что некоторые юноши поступали в училище и не из Армии независимости, а по рекомендации отдельных личностей, но это были редкие случаи. Поэтому мыслящие цветущие юноши мечтали поступить именно в это училище.

Теперь почти никого не осталось в живых из товарищей по училищу «Хвасоньисук», которые могли бы вспомнить те прожитые нами годы.

Еще при жизни моего отца я почти не обращал внимания на вопрос о моем будущем и на семейное хозяйство, но после смерти отца невольно приходилось заботиться о своем будущем и о ряде других сложных проблем, связанных с содержанием семьи.

Будучи убит глубоким горем и скорбью по утрате отца, я задумался над своим будущим. Меня не оставляли стремление во что бы то ни стало выполнить волю отца, посвятить всю свою жизнь и всего себя делу движения за независимость страны, а также желание учиться дальше, когда позволят обстоятельства, даже если это и обременит мать.

Уходя от нас, отец завещал дать мне возможность окончить среднюю школу, но семейные обстоятельства не позволили мне даже изъявить желание учиться дальше, как бы мне ни хотелось этого. Если я пойду в школу, то плата за обучение ляжет тяжелым бременем на плечи матери, ей будет невмоготу за счет мизерного дохода от стирки чужого белья и шитья на кого-то обеспечивать бедную семью и каждый месяц оплачивать мою учебу.

А тут еще после смерти отца в один прекрасный день лишился занятий и дядя Хен Гвон, работавший его

помощником. В аптеке, оставленной отцом, почти не было лекарств.

Именно тогда-то друзья отца и предложили мне учиться в училище «Хвасоньисук». В завещании, которое отец оставил матери, прощаясь с нами, содержался и наказ о моей дальнейшей учебе. Последняя просьба отца к матери и дяде – написать его друзьям об этом и воспользоваться их помощью, когда я стану учиться дальше.

По завету отца мать так и поступила. Она написала им письма. Ничего не поделаешь: время было такое безжалостное, что без искренней посторонней помощи ни дня нельзя было прожить. И после похорон отца вопрос о моем будущем становился злобою дня для сторонников движения за независимость, оставшихся в Фусуне.

О Дон Чжин сказал мне:

– Я послал письменную рекомендацию Чвэ Дон О (его псевдоним Исан). Иди в училище «Хвасоньисук», там учись военному делу, тебе это подойдет. А словопрениями независимости не добьешься. Это же воля твоего отца. Окончишь училище, о дальнейшем твоем будущем мы позаботимся. Иди в училище и учись там сколько угодно!

Друзья отца, видимо, думали подготовить из меня себе резерв, продолжателя их дела. Руководители Армии независимости уделяли внимание подготовке своего резерва и делали упор на воспитание кадров. Это было дело похвальное.

И я с удовольствием согласился с предложением О Дон Чжина. Я был очень благодарен деятелям движения за независимость за столь чуткую заботу о моем будущем. Их намерение послать меня в военное училище, подготовить и направить в кадры движения за независимость совпадало с

моим стремлением посвятить всю свою жизнь делу освобождения Родины. Только военное противоборство приведет к победе над японским империализмом, и тот, кто искушен в военном деле, может стать в первые ряды движения независимости – таковы были мои взгляды того времени. Теперь был открыт путь к осуществлению моей мечты. Я видел в этом училище прямой путь, ведущий к арене антияпонской борьбы за независимость. Стало легко на душе, и я поспешил уехать в Хуадянь.

Как-то раз один из иностранных политических деятелей обратился ко мне: «Каким образом Вам, Президент, коммунисту, удалось попасть в военное училище, ведаемое националистами?»

Думаю, вопрос этот вполне возможный, закономерный.

В дни, когда я поступил в училище «Хвасоньисук», я еще не начал свое участие в коммунистическом движении. Мое мировоззрение еще не достигло такого зрелого этапа, чтобы я мог считать марксизм-ленинизм полностью своим собственным идеалом. Если и можно сказать о знаниях о коммунизме, усвоенных мною до тех пор, то это лишь прочитанные мною в Фусуне брошюры «Общий смысл социализма» и «Жизнь Ленина». И, зная понаслышке о развитии новорожденного Советского Союза, где были осуществлены идеалы социализма, я только безгранично сочувствовал социалистическому, коммунистическому обществу.

Вокруг меня было больше националистов, чем коммунистов. Каждый раз при передвижении из одного края в другой преподаватели школ, где я учился, пробуждали во мне больше идей национализма, чем коммунизма. Мы жили в окружении национализма, который

со своим неигнорируемым влиянием имел более чем полувековую историю, хотя и ему было суждено уступить место новому идейному течению.

Говорили, что в училище много бравых юношей, что наряду с политическим обучением ведется и военное, причем обучение ведется бесплатно. Это заставило меня принять решение идти в Хуадянь. Можно мне было и подумать о более идеальной обстановке и условиях учебы?! Будучи не в силах приобрести плату за учебу, я желал учиться дальше, лелеял мечту встать на путь возрождения Родины по завету отца!

Собственно говоря, я в то время возлагал большую надежду на обучение в училище «Хвасоньисук». Я даже оставался доволен тем, что за два года обучения в училище можно пройти полный курс средней школы, да еще и военное дело.

Выйдя из дому, я часто оглядывался назад, на село Яндицунь, где покоится прах отца, и на провожавших меня издалека мать и младших братьев. Мне было грустно, и я шел тяжелой походкой.

Я с беспокойством думал о матери, которой приходилось одной мыкать горе вместе с младшими братьями. Содержать семью одной матери на такой немилой земле, как в Фусуне, в то время было не легко.

Помня наказ матери: путник не оглядывается назад, я старался владеть собою, не падая духом.

Путь по суше от Фусуна до Хуадяня был примерно 300 *ли*. Порядочно живущие люди легко проделывали этот путь в карете, но у меня было мало денег на дорогу, так роскошествовать мне было нельзя.

Хуадянь – это горный городок в провинции Гирин, расположенный в 50 – 60 *ли* от места слияния рек Сунгари и Хуефахэ, он был одним из известных центров движения за независимость в Южной Маньчжурии. Когда я тронулся в путь, один из деятелей движения за независимость в Фусуне, беспокоясь обо мне, говорил:

– Училище «Хвасоньисук» терпит большую нужду, и будет тебе тяжело.

Конечно, когда Армия независимости в целом терпит тяжелый финансовый кризис, может, условия жизни в общежитии училища будут и неудовлетворительными, но такие трудности для меня были нипочем. Я же рос, питаясь похлебкой из неочищенного зерна, ходил в одежде из грубой хлопчатобумажной ткани, и мне думалось: как ни тяжела жизнь в училище, вряд ли она будет тяжелее, чем жизнь в родном доме в Мангендэ.

Меня несколько тревожило только одно: как встретят меня в училище «Хвасоньисук»? Я же еще совсем подросток, нет и военного опыта. Но меня утешала и служила мне большой опорой мысль о том, что там живут друзья моего отца: в Хуадяне – Ким Си У, а в училище – Кан Чжэ Ха.

По прибытии в Хуадянь по наказу матери я в первую очередь навестил Ким Си У. Он был управляющим хозяйственно-интендантской службой в Хуадяне при группировке Чоньибу. Это было самоуправляющееся учреждение, заботящееся о жизни корейцев, проживавших в ведаемом им районе. Такие службы были и в Фусуне, и в Паньши, были они и в таких краях, как Куаньдянь, Ванцинмынь, Саньюаньпу.

Ким Си У, деятель движения за независимость, имел связь с моим отцом еще с того времени, когда он жил в уезде Часон. После Первомартовского народного движения он приехал в Китай, действовал в районах Линьцзяна и Дандуна. В 1924 году он переместился в Хуадянь. Построив в Хуадяне рисоочистительную фабрику, он обеспечивал средства в фонд движения за независимость, обращал большое внимание на просвещение масс.

Построенная им фабрика – это и есть Енпхунская рисоочистительная фабрика на улице Наньдацзе. Он, выполняя должность управляющего, в то же время ведал рисоочистительной мельницей, за счет вырученных от нее денег обеспечивал Армию независимости продовольствием, брал финансовое шефство над училищем «Хвасоньисук» и расположенной неподалеку от него корейской образцовой начальной школой.

Еще с того времени, когда я жил в Линьцзяне, его простота, широкая натура и стойкий характер северянина пленили меня, и я очень любил и уважал его. И управляющий Ким тоже искреннее любил меня, как своего родного сына, как племянника.

Ким Си У и его жена, чинившие во дворе курятник, завидев меня, всплеснули руками, с возгласами изумления и радости тепло приняли меня. Кур у них во дворе было так много, что я чуть было не наступил на них.

Вместе с Ким Си У я направился в училище «Хвасоньисук». Он сопровождал меня в одежде, пропахшей запахом рисовых отрубей, присущим рисоочистительному промышленнику.

Училище находилось на берегу Хуефахэ. Сквозь дзельковую рощу виднелись соломенная крыша с крутым

наклоном и темноватые стены из зеленых кирпичей, какие обычно бывают в любом месте Маньчжурии. За зданием училища, через площадку, стояло училищное общежитие.

И училище, и общежитие были такие невзрачные, каких я себе и не представлял. Полный сожаления, я старался утешать себя: «Пусть, мол, здание и неказистое, это ничего не значит, лишь бы учеба была настоящая, только бы удалось хоть в таком скверном домишке научиться многому поучительному, этого мне и достаточно!»

Однако спортивная площадка здесь была настоящая, большая и просторная.

Подходя к училищу, я с надеждой и любопытством осматривал его. И мне вспомнился случай, когда мы жили в Бадаогоу. В зимнюю стужу без меховой шапки приходил к нам О Дон Чжин, который вместе с моим отцом подолгу советовался об учреждении училища «Хвасоньисук», вот этого самого. Осмотр здания этого училища, куда я пришел поступать, навеял на меня глубокие раздумья.

Встретил меня в своем кабинете начальник училища, человек среднего возраста, низкого роста, с впечатляющим лицом и лысою головой. Это и был Чвэ Дон О.

Он был учеником Сон Бен Хи, главы третьего поколения служителей религиозной секты чхондогё, одного из инициаторов Первомартовского народного восстания, называемых «группой 33-х». Окончив курсы, учрежденные Сон Бен Хи, он вернулся в свой родной край Ичжу, открыл там частную школу *содан*, в которой учил детей служителей секты чхондогё. Так он начал движение за независимость. Он участвовал в Первомартовском движении, а после эмигрировал в Китай, где открыл Религиозный совет служителей чхондогё, развертывал патриотическую

религиозную деятельность среди эмигрантов-соотечественников.

Начальник училища с болью в душе напомнил, что ему не удалось участвовать в похоронах моего отца, что это, может, на всю жизнь останется тяжелым камнем у него на душе. Он вместе с управляющим некоторое время делились воспоминаниями о моем отце. Очень впечатляет наставление Чвэ Дон О, данное мне в тот день.

– Сон Чжу, – говорил он, – ты своевременно пришел в наше училище. Движение за независимость страны переживает новый период, требующий талантов. Уже канули в Лету времена Хон Бом До и Рю Рин Сока, когда действовали наобум. Чтобы взять верх над новыми японскими методами ведения боев и новыми видами вооружений, необходимы свои новые методы ведения боев и новые виды оружия. Кто будет разрешать этот вопрос? Его обязано разрешить именно новое поколение, такое, как ты, Сон Чжу…

Кроме того, начальник училища рассказывал мне много поучительного. Не раз подчеркивая скудность условий питания и ночлега, он наказывал, что надо терпеть и выносить те или иные трудности, заглядывая в будущее независимой Кореи. С первого взгляда мне показалось, что он человек спокойный по натуре, но обладающий поразительным даром слова.

В тот день в доме Ким Си У приготовили для меня ужин. За скромно накрытым столом, говорящим об искренности и сердечности хозяев, уселся я с представителями старшего, отцовского поколения. Меня охватили глубокие чувства. Еще бы! Такая встреча…

На краю круглого стола стояла бутылка хлебной водки. Я думал, что он принес ее для себя, чтобы пить ее во время еды, но, к моему удивлению, налив рюмочку, он предложил ее мне. Мне было так неловко, что я махнул обеими руками, отвергая такое предложение. Я растерялся не на шутку, это было первое в моей жизни обращение ко мне как к взрослому. Был случай, когда Чан Чхоль Хо предлагал мне стакан водки при похоронах моего отца, увидев, что я в глубокой скорби, но то же было обращение к человеку в трауре по отцу, и больше ничего.

Но Ким Си У обращался ко мне как к взрослому. Изменялся и тон обращения. Все это было мне необычно.

– Слыхал я, что ты приедешь, и с горестью вспомнил о твоем отце. Вот и велел я достать бутылку водки. Когда твой отец приезжал в Хуадянь, вот так же вместе садились мы за этот стол. И я предлагал ему рюмку водки. Сегодня ты выпей за отца эту рюмочку. Ты же теперь глава семьи!

С этими словами управляющий непринужденно предложил мне рюмочку, но я не мог легко поднять ее. Рюмочка была такая маленькая, что могла бы поместиться в одной пригоршни, но в ней таился такой неизмеримо большой вес.

За этим столом, где Ким Си У обращался ко мне как к взрослому, я испытывал чувство высокого долга, побудившего меня вести себя, как взрослые, во имя Родины и нации.

Он выделил мне одну комнату, которой он пользовался как спальней и личной библиотечкой. Он говорил мне голосом, не допускающим никаких возражений: уже был разговор с начальником училища, так что не думай столоваться в общежитии, оставайся в моем доме. Он

напомнил еще, что перед смертью мой отец написал ему письмо с просьбой позаботиться обо мне и что он обязан только выполнить его просьбу.

И в Фусуне, и в Хуадяне друзья моего отца проявляли всю свою искренность по отношению ко мне. Так относясь ко мне, они, видимо, и старались выполнять свой долг перед моим отцом. Тогда их такая искренность и такое чувство долга заставляли меня думать о многом. В них таилось заветное чаяние и пожелания представителей отцовского поколения, чтобы новое поколение выполняло достойно свою долю во имя независимости страны, гражданский свой долг. Их ожидания заставляли меня, сына Кореи, представителя нового поколения, испытывать чувство высокой ответственности перед Родиной. И я твердо решил тогда свято хранить в своем сердце завет отца, прилежно учиться и пройти военную подготовку так, чтобы оправдать ожидания народных масс.

Со следующего дня у меня началась новая жизнь в военном училище. Чвэ Дон О провел меня в класс. Увидев меня, курсанты диву дались: откуда взялась такая малютка-боец за независимость! Они, видимо, думали, что я, боец-подросток, бывший на побегушках в какой-то роте, скатился вот к ним.

Среди курсантов, – а их тут было более 40 человек, – не было ни одного такого малолетка, как я. Большинство их – юноши лет 20. Среди них был и женатый с черными усами, уже имеющий детей. Все они доводились мне старшими братьями или даже дядьями. Когда начальник училища представил меня, все дружно зааплодировали.

По распоряжению преподавателя я занял место в первом ряду у окна. Рядом со мною сидел курсант по имени

Пак Чха Сок из 1-й роты. Каждый раз, когда начиналось занятие, он стал коротко наушничать мне на биографии преподавателей и на их кажущиеся ему отличительные стороны из их личных характеров.

С самым глубоким уважением он представил мне военного инструктора Ли Уна. По его словам, Ли Ун – член Военного совета группировки Чоньибу. Он учился в офицерской школе Вампу. То было время, когда к выходцам из того военного училища все относились с уважением как к важным персонам. Он говорил, что его отец в Сеуле ведает большой аптекой, поэтому ему часто присылают *инсам* (женьшень – ред.), он настроен несколько бюрократически, что его дефект это, но он эрудированный, разносторонне способный и пользуется уважением у курсантов.

Еще говорил Пак Чха Сок, что преподают в училище такие предметы, как история Кореи, география, биология, математика, физкультура, военное дело, история мировой революции, и на бумажке написал мне режим дня в училище.

Так завязалась моя дружба с Пак Чха Соком, который позже, когда мы вели вооруженную борьбу, оставлял в моей душе неизбывную боль. Впоследствии он сбился с пути, но в годы учебы в этом училище наша дружба с ним была исключительной, мы относились друг к другу как родные.

В тот день, пополудни, ко мне в дом Ким Си У пришел Чвэ Чхан Гор из 6-й роты вместе со своими товарищами – их было больше десятка. Видимо, с первого взгляда они составили обо мне неплохое впечатление. Я совсем еще малышом поступил в училище, и им, видимо, из любопытства захотелось поговорить со мной.

На голове у Чвэ Чхан Гора был большой шрам. У него был широкий лоб, а брови черные, как и подобает мужчине. Он был высокого роста, крепкого сложения, такой красивый, что если бы на голове у него не было шрама, его вполне можно было бы назвать красавцем. В его манере говорить и держать себя таилось привлекательное, манящее своей мягкостью и вежливостью доброе человеческое качество. С первого же взгляда он произвел на меня неизгладимое впечатление.

– Сон Чжу! Тебе, говорят, только четырнадцать лет, но ты выглядишь не по возрасту взрослым. Как же ты таким малолетком служил в Армии независимости и как поступил в наше училище?

Это был первый вопрос, заданный им мне.

На его устах постоянно блуждала улыбка, он не сводил с меня глаз, будто встретился с закадычным другом, с которым дружил долгие годы, резвясь под одним кровом.

Я говорил ему всю правду, коротко отвечая на каждый интересующий его вопрос.

Узнав, что я старший сын Ким Хен Чжика, они то удивлялись этому, то смотрели на меня завидующими глазами и с еще большим радушием относились ко мне. Чтобы узнать побольше о действительности нашей Родины, которую я испытал, они завалили меня всякими вопросами.

А спустя некоторое время я, в свою очередь, задавал вопросы Чвэ Чхан Гору о службе в Армии независимости.

Он начал свой рассказ с того, как появился у него шрам на голове. Рассказывал он забавно, несколько шутя. Рассказ его был интересным и оригинальным. Себя он всегда представлял третьим лицом, что был его особенностью. Где нужно было говорить: «Так сделал я» или «Я был обманут»,

он говорил: «Так сделал Чвэ Чхан Гор», «Чвэ Чхан Гор был обманут». Говоря такой манерой, он вызывал у собеседников смех.

– Это было в то время, – начал он, – когда Чвэ Чхан Гор был рядовым солдатом Рян Сэ Бона. Однажды Чвэ Чхан Гор поймал сыщика под Кайюанем, конвоируя его, остановился в гостинице. Фу, какой расхлябанный он, Чвэ Чхан Гор! Перед сыщиком клевал носом! Усталость дала себя знать: проделал десятки *ли*. А сыщик в это время, развязав веревку, взял топор и ударил им Чвэ Чхан Гора по голове, да и убежал – дай бог ноги, куда глаза глядят. К счастью, этот подлец не успел ударить прямо в голову. Вот такую трагическую историю имеет этот «орден» на голове у Чвэ Чхан Гора. Если человек распустится, не избежать ему участи Чвэ Чхан Гора…

Мы говорили по душам около двух часов. Он был очень интересным человеком. Сколько было у меня товарищей в молодые годы! Их сотни, тысячи! Но такого интересного парня, как Чвэ Чхан Гор, я увидел впервые. Он всегда представлял себя в третьем лице, умел говорить красиво, речь его лилась гладко, как по маслу.

Впоследствии я еще подробнее узнал о его жизненном пути.

Его отец ведал небольшой гостиницей в Фушуне. Отец желал, чтобы сын, помогая ему, занимался предпринимательством, а он покинул дом и вступил в армию с решимостью посвятить себя борьбе за независимость страны. Когда он служил в Армии независимости, бабушка не раз приезжала в Саньюаньпу, чтобы вернуть внука с этого избранного им пути, но он так

и оставался непреклонным, говоря: «Теперь не время сидеть в своей гостинице, ведь страна обречена на гибель!»

Кроме Чвэ Чхан Гора, Ким Ри Габа, Ке Ен Чхуна, Ли Чжэ У, Пак Гын Вона, Кан Бен Сона, Ким Вон У, я сближался еще с многочисленными юношами, которые приходили в наше училище из разных районов Южной Маньчжурии и Кореи с одним желанием участвовать в антияпонском движении.

Почти каждый день после обеда они приходили ко мне в дом Ким Си У, чтобы поделиться со мной своими мнениями. Я был благодарен и в то же время удивлен тем, что приходили ко мне не один-два, а многочисленные товарищи по учебе. Так стал я сближаться со старшими по возрасту. Они были старше меня лет на 5 – 10. Именно поэтому много было товарищей, старших меня по возрасту, среди моих соратников в период молодежно-ученического движения и подпольной революционной деятельности.

За несколько дней учебы в училище я узнал, что материальное положение училища тяжелее, чем я слышал об этом от одного из деятелей движения за независимость в Фусуне. Если и можно было назвать имуществом что-то в этом училище, так это были только старые столы и стулья, да несколько спортивного инвентаря.

Но я решил жить большой мечтой. Пусть помещения здания и тесны, и темноваты, и ничем не примечательны, но какие бравые молодцы там живут и растут под этой соломенной крышей! У училища нет денег, но много бравых молодцов. В этом отношении его вполне можно было назвать богатым.

Я был очень рад этому.

2. Разочарование

К жизни в этом училище я привык скоро. За каких-нибудь две недели. Трудных предметов для меня здесь почти не было.

Курсанты наши считали математику самым головоломным предметом. Как-то раз, например, на занятии преподаватель позвал нескольких курсантов выйти к доске и решить длинную арифметическую задачу из четырех действий, но никто из них решить ее не смог. Я же решил ее запросто. Они диву дались. Почему так получилось? Это вполне было понятно: они же, оторвавшись от регулярных занятий в школах, целый ряд лет служили в Армии независимости, многое им подзабылось.

С той поры они доставляли мне много хлопот по математике. Некоторые усатые юноши, которые не желали ломать головы над задачками, каждый раз при решении арифметических примеров приходили ко мне, не давали мне покоя своими просьбами и вопросами.

Но, может быть, в отплату за это ли, они рассказывали мне много из пережитого ими. В их рассказах было много поучительного.

И в часы, когда шла военная подготовка, требовавшая больших физических усилий, они старались всячески оказывать мне свою помощь.

В ходе всего этого мы стали близкими друзьями: делились друг с другом даже самыми заветными мыслями. Дай бог, чтобы я, малолеток-новичок, не стал обузой для

старших по возрасту. И я старался не отставать от других в учебе и военной подготовке, легко общался с товарищами по учебе, не скупясь ни на что и в повседневной жизни. И они тепло, участливо относились ко мне, не считаясь с разницей лет.

В общем можно сказать, что мое окружение было неплохим.

Однако спустя некоторое время обучение в училище пошло мне не по нутру. Несмотря на то, что это училище создано друзьями отца, что им ведают соучастники в делах моего отца, я видел в нем старые пережитки идей и методов, оставшиеся в наследство от предыдущего поколения.

История буржуазно-националистического движения охватывала целые десятилетия, но в постановке обучения не было научной теории, которая обобщила бы его историю, дала бы ей критический анализ, сделала бы серьезный вывод. Буржуазные националисты, возглавляя несколько десятков лет националистическое движение, не оставили хоть сколько-нибудь порядочных статей или учебников, которые послужили бы руководством и полезным уроком, всерьез говорили бы об этом движении. Лидеры движения за независимость и борцы-патриоты, приходившие к нам в училище, не имели ясного плана, только и знали, призывая к борьбе за независимость страны, бить кулаком по кафедре. А как подготовить революционные силы, как мобилизовать массы, как обеспечить единство и сплоченность рядов движения за независимость – тут они не имели никакого своего плана. Неудовлетворительными были и наставление, и тактика вооруженной борьбы. История Кореи была изложена по королевским династиям, а

в основе истории мировой революции лежала революция буржуазная.

В училище обучали только идеям национализма и устаревшему военному делу, пахнущему Старой Кореей.

Преподаватели, до мозга костей проникнутые национализмом, хотя и много говорили об антияпонской борьбе и национальной независимости, но их методы борьбы были отжившими свой век. Администрация училища часто приглашала бойцов из Армии независимости, искушенных в боях, чтобы они рассказывали нам о своих ратных подвигах, однако в их рассказах проповедовались методы индивидуального террора, какие применяли Ан Чжун Гын, Чан Ин Хван, Кан У Гю, Ли Чжэ Мен, Ра Сок Чжу[17] и другие.

Курсанты даже выражали недовольство: «Эх, военное училище – это только одно название, да еще говорят, что оно готовит кадры Армии независимости. Нет даже и патронов для стрельб, военную подготовку ведут с деревянными ружьями, можно ли так изгнать япошек?»

Был и такой случай, когда один из курсантов обратился к военному инструктору с вопросом:

– Когда же мы будем иметь современное оружие?

Не на шутку растерявшийся, инструктор, заминаясь с ответом, произнес:

– Скоро оно у нас будет… Ныне кадры Армии независимости ведут активную деятельность, чтобы обеспечить средства в фонд армии и достать оружие из таких стран, как США и Франция…

Из-за каких-то нескольких ружей в то время поглядывали на страны Запада, находившиеся за тридевять земель от Кореи.

Каждый раз на занятии по военному делу, бегая с песчаными мешочками на ногах, я думал: можно ли вот таким образом разгромить японских захватчиков?

В прошлом армия членов секты Тонхак во главе с Чон Бон Чжуном, – их было несколько десятков тысяч, – была развеяна в пух и прах, не устояв против тысячных японских войск на перевале Угымчхи. Тогда японские войска были вооружены современным оружием. Но обстановка была благоприятная: если каждые сто бойцов из армии членов секты Тонхак взяли бы на себя по одному япошке, смогли бы освободить Кончжу и продвинуться до Сеула. Но слабы были вооружения и силы бойцов, и они потерпели поражение.

И вооружения Армии справедливости мало чем отличались от вооружений армии членов секты Тонхак. И у Армии справедливости было несколько современных ружей, но их количество было ограниченным, а большинство бойцов было вооружено клинками, копьями или фитильными ружьями. И не случайно, что историки называют борьбу Армии справедливости борьбой фитильного ружья с винтовкой типа «38». Не трудно представить себе, какое трагическое терпение надо было проявлять и какую неравную битву приходилось вести, чтобы подавить примитивным ружьем винтовку типа «38»: при каждой стрельбе из фитильного ружья нужно было зажигать рукой фитиль, тогда как из винтовки типа «38» делали более десяти выстрелов в минуту.

Когда характеристика фитильного ружья оставалась секретом воинов Армии справедливости, японцы при одном выстреле из него разбегались в панике. А когда узнали его характеристику, они не боялись и ставили его ни во что.

Ясно, каким был исход боя! Бойцы Армии справедливости, выходцы из конфуцианских ученых, верные дворянской морали и моральным канонам, участвовали в боях в стесняющем *тонхо* (ритуальный халат с длинными рукавами – ред.) и в шляпе из конского волоса. Их японские войска подавляли пушками и пулеметами.

А теперь военная мощь Японии несравненно укрепилась. Можно ли учением с песчаными мешочками на ногах подавить сильные войска империалистической страны, выпускавшей серийным методом танки, пушки, военные корабли, самолеты и другие виды современного оружия и тяжелого снаряжения?

Но больше всего огорчала меня в училище идейная отсталость.

Администрация училища, идя только по пути к национализму, предостерегала от других идей, и курсантам приходилось следовать такому течению.

В училище находились и юноши, которые сочувствовали правлению королевской династии или строили иллюзии насчет демократии американского образца.

Таких тенденций больше проявлялось во время семинаров по истории мировой революции. Курсанты, вызванные преподавателем, повторяли только содержание материала, пройденного на занятии, пространно рассказывали о развитии капитализма.

Я не в силах был сдержать моего недовольства их догматическим подходом к учебе. На занятиях по политическому предмету вообще не затрагивали вопрос о живой действительности, такой, как вопрос о независимости Кореи и ее народных массах. Только

механически обучали и проверяли знание материалов, данных в учебниках и в учебной программе.

Будучи убежденным в том, что темой дискуссии должен стать практический вопрос, связанный с будущей судьбой Кореи, однажды я обратился к только что выступавшему курсанту с вопросом: «Какое общество, по-вашему, следует построить в нашей стране после достижения независимости?»

Тот, не задумываясь, с ходу ответил, что следует идти по капиталистическому пути. Он сказал:

– Наша нация лишилась страны под ударами японских самураев потому, что феодалы-правители нашей страны праздно проводили время, сочиняя стихи на лоне природы, когда другие страны шли по капиталистическому пути. Чтобы не повторять такое прошлое, следует построить у нас капиталистическое общество.

А другие заявляли, что надо восстановить феодальные королевские династии.

Не было таких курсантов, которые заявляли бы о необходимости построить демократическое общество или общество, хозяевами которого являются народные массы. То было время, когда национально-освободительное движение переживало период поворота от националистического движения к коммунистическому. Но они, видимо, совершенно не имели в виду такого идейного течения времени.

Были и такие курсанты, которые, сидя сложа руки, заявляли: «Какое общество построить после достижения независимости? Такой вопрос надо рассмотреть потом, это дело будущего. Еще не добившись независимости, ставить вопрос: за капитализм или за восстановление королевских

династий – это все равно что переливать из пустого в порожнее».

Слушая такие выступления, я всем сердцем убедился в том, что националистическое образование, проводимое в училище, – это отжившее свой век. Все – и утверждения о необходимости восстановления феодальных королевских династий, и утверждения о капиталистическом пути развития – казалось мне анахроническим, и оттого было тошно на душе.

Будучи не в силах владеть собою, я встал с места и сказал, что в нашей стране нельзя совершить такую буржуазную революцию, какую совершали в европейских странах, тем более нельзя восстановить старый механизм феодального правления.

Я говорил: «Как капитализм, так и феодальное общество – оба они представляют собою общества, где богачи роскошествуют за счет эксплуатации трудящихся масс. После достижения независимости в Корее нельзя строить такое несправедливое общество. Было бы ошибкой, если смотреть только на промышленную цивилизацию капитализма, а на его бич закрывать глаза. Абсурдны и утверждения о необходимости восстановления феодальной династии. Кто же будет сочувствовать такому правлению феодальной династии, которая продала страну внешним силам? Спрашивается, что делали короли? Сдирали три шкуры с народа, снимали с должностей и отправляли в ссылку верноподданных, выступавших за справедливость, – и только. Добившись независимости Кореи, мы должны построить на родной земле общество, где нет места эксплуатации и гнету, общество, где вольготно живут рабочие, крестьяне и другие слои трудящихся масс…»

Многие курсанты сочувствовали моим утверждениям. Кто же будет выступать против, когда я призывал построить богатое и могучее общество, где нет эксплуатации и гнета, где весь народ равноправен?

По окончании занятия и Чвэ Чхан Гор, крепко пожимая мне руку, поддержал меня, подчеркивая, что я отлично выступил. Он выразил чувство большого удовлетворения, заявляя, что я блестяще распространил коммунистические идеи, не говоря ни одного слова о коммунизме.

Ограниченность этого училища отражала в миниатюре ограниченность самого националистического движения. Мне удалось увидеть в этом училище подлинное лицо националистического движения.

К этому времени и части Армии независимости оказались бессильными, грызлись только за сферу своего влияния. Они почти не развертывали практическую военную деятельность, какую они часто вели в первой половине 20-х годов в Корее и в бассейнах реки Амнок. Они, свившись в контролируемом ими районе, обхаживали, собирая пожертвования в фонд армии.

И деятели Шанхайского временного правительства, выдававшие себя за «всегосударственное правительство, представляющее корейскую нацию», расколовшись на фракции «сторонников автономии» и «сторонников независимости», вели яростную грызню за гегемонию. Этим и объяснялась частая смена глав временного правительства. Бывало, в одном году была двукратная кабинетская чехарда.

Во время Парижской мирной конференции не удалось даже включить в ее повестку дня «петицию о предоставлении независимости Кореи» вследствие гнусных обструкционистских происков представителей США и

других стран – участниц переговоров. Вместо того, чтобы извлечь надлежащий урок из этого, деятели временного правительства, втаптывая в грязь даже национальное достоинство, продолжали подлый, подобострастный фарс с «обращением с петицией».

Когда так называемая «американская парламентская группа по инспекции Востока» приехала в Сеул через Шанхай, по их указке проамерикански настроенные низкопоклонники, находившиеся в стране, подносили американским конгрессменам *инсам*, серебряные и другие драгоценные изделия.

Но даже такое временное правительство в середине 20-х годов не в состоянии было сохранять и свою вывеску, переживая финансовый кризис, и позже, оказавшись в плачевном положении, пребывало на иждивении Чунцинского правительства Чан Кайши.

Многие из руководителей национального движения – выходцы из имущего класса, склонные легко подвергаться политическим колебаниям, перепугавшись перед революционными выступлениями трудящихся масс, совершали предательство и капитулировали перед врагом. Они, обернувшись из «борцов-патриотов» в прислужников японского империализма, в национал-реформистов, стали препятствовать национально-освободительному движению.

Под вывеской «культурного управления» японские империалисты проповедовали, что если корейцы хотят независимости страны, то им не следует выступать против японского правления в политическом отношении, а следует сотрудничать с ним, стремиться обрести автономию под колониальным господством Японии, добиваться развития культуры и экономики и реформирования национальности.

Такую проповедь целиком воспринимали именно руководители национального движения – выходцы из имущего класса. Они под вывеской «реформирования нации» и «подготовки реальных сил» трубили о «развитии» просвещения и промышленности, кричали о «работе каждого над собой», ратовали за «классовое сотрудничество», «всеобщее сплочение» и «национальную автономию».

Такое реформистское веяние охватило и училище «Хвасоньисук». В верхней комнате Ким Си У всегда царило оживление юношей, приходивших ко мне поделиться мнениями по политическим проблемам. Я тогда с увлечением читал литературу по марксизму-ленинизму в личной библиотеке Ким Си У, поэтому естественно тема разговоров сводилась к политическим вопросам.

Когда я был в Фусуне, я прочитал лишь несколько таких книг, как «Жизнь Ленина» и «Общий смысл социализма», но в Хуадяне читал книг намного больше. Прежде я ограничивался просто познанием содержания книг, а после приезда в училище «Хвасоньисук», читая книги, постоянно думал о принципах революции, изложенных в классике, в сочетании с действительностью в Корее. Многое хотелось узнать относительно практики корейской революции.

Нужно разгромить японский империализм, вернуть себе потерянную Родину, но каким образом надо добиваться этой цели? В борьбе за возрождение Родины каких лиц определять врагами, с какими слоями идти в союзе? После достижения независимости каким путем построить социализм и коммунизм? Все это было для меня загадкой.

Когда я брал в руки книгу, чтобы найти ответ на этот вопрос, я терпеливо копался в ней до тех пор, пока не находил подобное содержание. В частности, те места, где был затронут вопрос о колонии, я десятки раз перечитывал. Поэтому, когда приходили ко мне товарищи, была уйма тем для разговоров.

Больше всего велось у нас разговоров о новом идейном течении и о Советском Союзе. В день, когда шел такой разговор, курсанты рисовали каждый перед своими глазами новый мир, свободный от эксплуатации и гнета, и не собирались скоро уходить. Они говорили, что такой разговор им гораздо интереснее, чем теория о восстановлении королевской династии, о капитализме, о реформировании нации. В душе курсантов, бесцельно проводивших время день за днем, начала постепенно зарождаться тяг к новому.

Однако в училище нельзя было свободно говорить о Ленине и об Октябрьской революции. Это запрещала администрация училища.

И в моей душе начали рушиться надежды на училище «Хвасоньисук».

3. Союз свержения империализма

Жизнь в училище «Хвасоньисук» не соответствовала велению времени. Отсталость эта навела меня на такое размышление: устаревшими способами дело не сдвинешь. Вооружение мизерным количеством оружия, переправа мелких вооруженных групп через реку Амнок, расправа с несколькими японскими полицейскими, сбор военных расходов – такими методами борьбы нельзя добиться независимости страны. Мое убеждение углублялось день ото дня.

Я твердо решил новым способом проложить путь к возрождению Родины. Во мнениях о том, что нужно идти новой дорогой, сошлись и мои друзья.

Однако такие взгляды обрели только несколько курсантов. Большинство из них не решились отозваться на новое идеологическое течение, – то остерегались, а то и просто отвергали его.

В училище запрещалось читать коммунистическую литературу.

Так, я беру с собой в аудиторию «Манифест Коммунистической партии» – курсанты, толкая меня в бок, шепчут на ухо: мол, этакую книжечку читай дома. Начальство училища, говорили, пуще всего остерегается «красных книг» и считает их самыми опасными. Угрожали курсантам: за такую вещь будет наказание, а в худшем случае даже и исключение из училища.

– Если мы, боясь контроля, не будем читать даже такие книги, которые хотим читать, то как же нам свершить

большие дела? Пусть нас исключат, но нам надо читать книги, если в них пишется настоящая правда и настоящая суть дела, – настаивал я.

«Манифест Коммунистической партии» я взял из личной библиотечки Ким Си У. Там было много коммунистической литературы. Библиотечка его, можно сказать, отразила картину того времени, когда происходил поворот национально-освободительного движения от националистического к коммунистическому, показала позицию самого Ким Си У, стремившегося идти в ногу с течением времени.

Что же касается меня, то я не мог не испытывать недовольство тем, что руководство училища запрещает курсантам читать такие книги. Независимо от кодекса поведения в училище, мы увлеклись новыми идеями и стремились как можно глубже вникнуть в эту новизну. Нашего пламенного энтузиазма ничем охладить было нельзя. И я, не считаясь с предупреждениями администрации училища, отдал весь жар своего сердца чтению коммунистической литературы.

К тому времени желающих читать такие книги стало так много, что им приходилось ждать своей очереди. И мы определили очередь и срок чтения каждому, требовали вовремя вернуть книги. О таких «правилах» договорились сами друзья по училищу, приверженцы нового идеологического течения. И почти все молодые люди сознательно соблюдали эти нормы.

Частым нарушителем этих «правил» был непоседа Ке Ен Чхун – условленных сроков не соблюдал, место чтения выбирал несерьезно. Так, например, «Манифест Коммунистической партии» задержал у себя более 10 дней.

Я говорю ему: «Передай другим немедленно», а он в ответ умоляет: «Мне же придется несколько мест законспектировать, подожди еще денька два».

На следующий день этот прилежный чтец не явился в аудиторию, из общежития ушел незаметно. Кончились уроки первой половины дня, настала пора обедать, а его все нет и нет. Мы нашли его на берегу реки Хуефахэ, – там он, ничком лежа на траве, весьма сосредоточенно читает.

Я тихо говорю ему: «Увлекаться книгой неплохо, но читай, не пропуская лекций, учитывай притом время и место».

Он пообещал быть осторожным. Но и на следующий день на лекции по истории он украдкой читал книгу, и учитель это увидел, книга была отобрана. И попала она в руки начальника училища, что вызвало большой скандал.

Начальство училища узнало, что запрещенную книгу эту я взял из личной библиотечки управляющего Ким Си У. Ко мне и управляющему направили преподавателя истории, чтобы нас пожурить.

Преподаватель обращается к Ким Си У:

– Вы как управляющий обязаны хорошенько содействовать делу училища. Вы же видите, что курсанты читают такие левые книги, но об этом умалчиваете. Это для вас, управляющего, дело недостойное. Прошу отныне контролировать курсантов, чтобы они больше не брали такие книжицы.

А мне угрожал:

– И тебе, Сон Чжу, лучше бы быть осторожным.

Я, собственно, не мог не возмущаться руководством училища.

Высказал я свой протест Ким Си У, выражая недовольство училищем.

– Чтобы обладать достойными человеческими качествами, человек должен освоить многосторонние знания. Не так ли? Молодежь жадно вбирает в себя новое. А почему руководство училища не дает ей даже право изучать признанные всеми в мире передовые идеи? Сочинения Маркса и Ленина появились даже в простых книжных магазинах. Все грамотные люди читают их. Непонятно, зачем и почему запрещают читать такие книги только в училище «Хвасоньисук».

Ким Си У, протяжно вздохнув, признался:

– Я не могу поступать иначе. Таково мероприятие Чоньибу, такова же установка начальства училища…

Основным мерилом, определяющим ценность человека, является его идеология. Подобно этому, главным эталоном ценности образования, достоинства учебного заведения являются идеи. Однако начальство училища, цепляясь за устаревшие идеи, не соответствующие велению времени, тщетно пыталось приостановить волны нового идеологического течения.

Дело с упомянутой книгой убедило курсантов в том, что в училище действует группа, изучающая марксизм-ленинизм. Делая ставку на это событие, начальство громогласно заявляло об «исключении», «серьезном наказании» и т. п., но это, наоборот, подлило масла в огонь – среди прогрессивной молодежи росли симпатия и любопытство к идеям коммунизма.

А после этого скандала ко мне все чаще и чаще стали приходить курсанты за книгами левого толка.

Я находил среди этих молодых людей будущих единомышленников, которые, по моему мнению, могли бы делить со мною горе и радость. И я начал встречаться с каждым из них.

При жизни мой отец часто говорил: «Хорошенько знакомься с товарищами, больше имей товарищей». Я навсегда запомнил этот отцовский наказ. Какую бы верную и замечательную цель ни поставил ты перед собой, но великий замысел свой не реализуешь, если не имеешь товарищей, которые могли бы делить с тобой горе и радость.

И я со многими курсантами имел контакты. Среди них был и некий Ли из 1-й роты. Он был умен, с отличной успеваемостью, хорош характером и личными качествами, за что его и любили друзья. Но у него, странное дело, идейный настрой был рутинным.

И вот на уроке истории мировой революции этот «умный» парень первым выступил за реставрацию королевской династии.

Раньше мы, встречаясь, кидали друг другу несколько слов. Но потом я с ним так сдружился, что просто жаждал, чтобы он выложил свою душу передо мной.

Это происходило после того, как у нас состоялись футбольные матчи с учениками старшего класса корейской образцовой начальной школы. В тот день Ли играл на поле как нападающий. Но, к несчастью, при стычке с игроком противника ему поранило ногу.

Я, ночуя у него в общежитии, более десяти дней ухаживал за ним. Вот в это время и стали мы открывать душу друг другу.

Он сказал, что на том уроке встал за восстановление королевской династии, но это совершенная чепуха.

– После достижения независимости, – говорит, – наша страна должна стремиться, как ты и говоришь, Сон Чжу, к тому обществу, в котором всем бы хорошо кормилось, счастливо жили бы люди труда. Думается, это правильно. Побыстрее бы изгнать японцев, и мы зажили бы хорошо.

– А сможем ли победить в боях с японцами, – спрашиваю я его, – если мы здесь, в училище «Хвасоньисук», пройдем курс такого военного обучения? Люди-то вон говорят: Япония одна из пяти держав мира. Можно ли справиться с таким сильным противником лишь одними силами Армии независимости, которая не имеет даже ни одной порядочной винтовки?

– Чтобы сражаться, – отвечает мой собеседник, – надо физически закалять организм, уметь метко стрелять. Другого выхода нет. Надо следовать способам тех, кто долгое время занимался движением за независимость. Ведь иного пути нет.

– Нет, – говорю я ему. – Таким способом мы независимости не добьемся. Сейчас я читаю Маркса и Ленина, чтобы найти нужный метод борьбы. Кстати, учиться нам есть чему. Сейчас японские империалисты клевещут на коммунистические идеи, да и твердолобые националисты отвергают социализм. Богатые тоже относятся к нему отрицательно. Нам же, детям рабочих и крестьян, нельзя так легкомысленно отвергать коммунизм, даже не поняв, что это такое. Чтобы стать подлинным борцом за независимость, патриотом, нужно глубоко изучать марксизм-ленинизм.

Не знаю, парень и согласился со мной, но, погрузившись в раздумье, говорит:

– Могу ли и я взять у тебя такую книжку?

– Можешь. Выздоровеешь – получишь. А теперь хорошо лечись, чтобы быстрее подняться на ноги, – воодушевлял я его.

Тяга к новому идеологическому течению неодолимой силой охватила училище. Подавляющее большинство, за исключением кучки твердолобых последователей национализма, стало приверженцами передовых идей.

Среди прогрессивных молодых курсантов я часто проводил обсуждение прочитанных книг. Дискуссии шли и в доме Ким Си У. Он, явно обеспокоенный этим, держался строгих правил: не разрешал входить в библиотечку даже членам своей семьи, не говоря уже о гостях. Порой хозяин, присев на ступеньку завалинки за пустяковыми делами, играл роль сторожа. В таком безмолвном поведении я все же видел его поддержку и чувствовал его щедрую человечность. Но дискуссии наши шли и в доме инспектора училища Кан Чжэ Ха, да и на берегу реки Хуефахэ.

Дом Кан Чжэ Ха мы выбрали для наших дискуссий потому, что его сын Кан Бен Сон был мне знаком и сам Кан Чжэ Ха, и это главное, был другом моего отца, человеком с хорошим идейным настроем.

Кан Чжэ Ха был националистом, но и коммунизма не охаивал. Наоборот, когда я бывал у него в гостях, он сам при мне пропагандировал коммунизм.

– На нас сказывается старый возраст. А вы должны победить, борясь даже коммунистическими методами, – говорил он.

Это придавало нам немало силы. Да в его доме было и не мало книг о коммунизме.

И сейчас, окидывая мысленным взором пройденный нами путь, я думаю, что в то время у нас дискуссии шли на довольно высоком уровне по практическим вопросам корейской революции. В ходе таких дискуссий молодежь могла унифицировать свои взгляды и свою позицию по проблемам корейской революции.

Однажды, когда такая дискуссия проходила в доме Ким Си У, к нам пришел на костылях тот Ли, за которым я ухаживал, и попросил меня дать ему книгу, как раньше договорились.

– Другие товарищи идут новым путем, – сказал он, – а я один лежу в общежитии. Чувствую, не стал ли я отстающим. И вот я к вам пришел.

Вот так и он стал нашим спутником.

Капиталисты говорят, что очень интересно загребать деньги. Но мне больше всего радостнее и интереснее было собрать товарищей. Чрезвычайный восторг, испытываемый при обретении еще хотя бы одного нового товарища, просто не сравнишь с радостью находки куска золота!

Моя борьба за приобретение товарищей первые шаги сделала в училище «Хвасоньисук». С той поры я посвятил всю жизнь делу приобретения товарищей по борьбе.

Когда вокруг меня собралось много надежных товарищей, заняла меня такая мысль: «Как объединить их организационно и как нам начать работать масштабно?» И друзьям я открыл тут свою душу. Помнится, это было на собрании, пожалуй, в конце сентября.

В тот день я, кажется, необычно много говорил о необходимости организации. Рассказывал в таком духе:

«Чтобы освободить страну и создать такой мир, в котором хорошо жилось бы массам трудящихся, нужно проложить себе далекий и трудный путь. Если мы умножим свои ряды и со всем упорством, со всей настойчивостью развернем кровопролитную борьбу, то мы вполне сможем победить. После создания такой организации нужно сплачивать вокруг нее массы, пробуждать их сознательность и, опираясь на их силы, возрождать страну».

Слушая меня, все мои друзья обрадовались и предложили как можно быстрее создать такую организацию.

Я им сказал, что для создания организации необходимо еще дальше проводить подготовительную работу и что нужно как можно больше вобрать в свои ряды товарищей, которые бы имели с нами одинаковые идеи и готовы вместе бороться до победы.

На собрании уточнили круг товарищей, которые в будущем могли бы быть достойны имени члена такой организации. Тут же и распределили поручения по индивидуальному воспитанию определенных людей.

А тут некоторые наши друзья высказали опасения, как бы не означила создаваемая нами новая организация появление еще одной фракции.

– Организация, которую мы хотим создать, – сказал я им, – это революционная организация новой формации, в корне отличающаяся от фракционных групп националистов и коммунистов. Это не такая организация, которая занялась бы фракционной грызней. Эта организация призвана свершить революцию. Мы будем довольны тем, что посвятим каждый всего себя делу революции и будем непрерывно бороться за нее…

Пройдя подготовительный этап, мы в национальный праздник Китая того времени (10 октября) созвали предварительное совещание для создания организации, на котором речь шла о названии будущей организации, ее характере, боевой программе и нормах деятельности. Через неделю, то есть 17 октября 1926 года была официально создана такая организация в доме Ким Си У.

Собрание шло тихо в простой комнате с отопляемым полом, где, конечно, не было и трибуны. Но живой пульс и горячий энтузиазм, воцарившиеся тогда в той комнате, я не забываю и сейчас, спустя вот уже более 60 лет.

В тот день были горячо взволнованы все: и мои друзья, и я. Наконец, настала пора для создания такой организации и она создана. Вдруг мне в голову пришла мысль о покойном отце и КНО. Для создания КНО отцу много лет пришлось преодолевать десятки тысяч *ли*, объединяя разбросанных в разных районах товарищей. После создания КНО он отдал всю жизнь делу претворения в жизнь идеалов общества и умер, не завершив начатого. Детям была передана эстафета недовершенного дела.

Сердце у меня забилось, на глаза навернулись слезы при мысли о том, что наконец-то получились первые плоды в претворении в жизнь отцовского наказа: «Пусть разобьется кость вдребезги, пусть тело в куски разорвется, но вам непременно нужно вернуть себе потерянную Родину».

В программе нашей организации отразился и идеал моего отца.

И сейчас перед моими глазами живо всплывают взволнованные лица участников собрания, которые выступали с пламенными речами. Чвэ Чхан Гор, Ким Ри

Габ, Ли Чжэ У, Кан Бен Сон, Ким Вон У, Пак Гын Вон..., а также Ли Чжон Рак и Пак Чха Сок, которые впоследствии скатились в болото измены. Все мы по-боевому клялись: «Не щадить своей крови и даже жизни во имя революции!»

Были ораторы и умелые, и неумелые. Но все они выступили с замечательными речами. И я тоже произнес речь – довольно длинную для того времени.

На собрании я предложил назвать созданную нами организацию Союзом свержения империализма, в сокращении – ССИ.

ССИ был чистым, живым политическим организмом новой формы, созданным в исторических муках молодежью нового поколения, стремившейся к социализму и коммунизму, для достижения национального и классового освобождения под идеалами борьбы против империализма, за независимость и самостоятельность.

Мы создали этот союз с целью построения социализма и коммунизма, но назвали свою организацию Союзом свержения империализма, чтобы националистов не взяло сомнение, что это, мол, слишком левацкая организация. Столь важное значение мы придали в то время отношениям с националистами.

Мое предложение о названии организации было принято единогласно.

Боевая программа ССИ, оглашенная мною, тоже была принята без изменения. Поскольку ССИ был организацией, нацеленной буквально на свержение всех форм империализма, то и его лозунг был очень внушительным.

Ближайшие задачи ССИ – свержение японского империализма и достижение освобождения и независимости Кореи, его конечная цель – построить в Корее социализм и

коммунизм, далее свергнуть империализм во всех его формах и построить коммунизм во всем мире.

Мы наметили также курс деятельности по осуществлению этой программы.

Участникам собрания раздали Устав ССИ, напечатанный на гектографе.

На собрании Чвэ Чхан Гор предложил избрать меня руководителем ССИ.

Мы, взяв друг друга за руки, веселой кучкой бежали на берег реки Хуефахэ, пели песни, дали торжественную клятву: жить вместе и умереть вместе на пути революции во имя Родины и нации.

Всю ночь я никак не мог сомкнуть глаз. Не спалось – так огромны были мои волнения. Откровенно говоря, в то время нас охватил такой большой восторг, что весь мир мы вроде бы уже держали в своих руках. Как же сравнить такую радость с жалким счастьем миллионеров, сидящих на кучах денег!

К тому времени внутри коммунистического движения было много организаций с громкими названиями.

Но мы свою организацию только что создали. По своему масштабу она была неспособна равняться с другими организациями. Мир пока не знал, появился ли ССИ или нет и что происходит с ним.

Однако мы, создав ССИ, все горели, я бы сказал, лихорадочным восторгом. Так мы гордились за свою организацию – коммунистическую революционную организацию новой формы, в корне отличающуюся от прежних организаций.

ССИ не был производной организацией какой-нибудь фракции. Что же касается его состава, то никто из нас

раньше не был причастен к какой-нибудь фракции, никто не был пришельцем из какой-то эмигрантской организации. Это были представители буквально чистейшего, как снег, как белая бумага, незагрязненного ничем нового поколения. В «крови» ССИ, если можно так выразиться, не было никакой примеси.

В его состав вошли сильные фигуры. Это были люди полноценные, мастера на все руки. Проси каждого о чем угодно – все сделают: то произнесут речь, то напишут статью, то сочинят песни, то покажут мастерство единоборства. Эти молодые люди были готовы сражаться с врагом, если выразиться словами наших дней, «один на сто», даже «один на тысячу». Вот такие люди решили проложить себе грудью новый путь. И ясно, что настроение у них было неудержимо приподнятое.

Каждый раз, когда начатое нами революционное дело переживало суровое испытание, члены ССИ прокладывали путь вперед своей кровью, своей жизнью. Они как ядро отряда корейской революции везде и всюду играли роль ведущего. Многие из детища ССИ – Ким Хек, Чха Гван Су, Чвэ Чхан Гор, Ким Ри Габ, Кан Бен Сон, Ли Чжэ У и др. – были правофланговыми в боевом строю и отдали свою дорогую жизнь на поле героических сражений.

Но были, хотя и единицы, и не такие. Не могу удержать сожаление при мысли о тех, кто вначале стартовал удачно, но в процессе активизации революционной борьбы ушел от идеала ССИ и погряз в болоте предательства.

Теперь уж ни одного нет в живых из плеяды тех, кто, состоя в ССИ, вместе со мной работал. Многочисленные сыны и дочери ССИ, самоотверженно боровшиеся за независимость Родины и построение общества

пролетарских масс, ушли от нас рано в цветущем возрасте, так и не увидев сегодняшнего хорошего мира. Отдавая свою молодость, они закладывали фундамент нашей партии и революции.

На страницах истории ТПК отмечено: ССИ – корни нашей партии, образование ССИ – новый исходный пункт, источник коммунистического движения в Корее и корейской революции. Из его корней произросло все: программа нашей партии, принципы ее строительства и деятельности, костяк для ее основания. С момента создания ССИ наша революция сделала новые шаги, руководствуясь принципами самостоятельности.

Об идеалах ССИ и о нашем высоком духе, я думаю, написано, хотя и эпизодически, Чвэ Иль Чхоном (Чвэ Хен У) сразу же после освобождения Кореи в своей книге «Краткий очерк истории корейского революционного движения за рубежом» в разделе «ССИ и Ким Ир Сен».

Прошло несколько лет. Была создана революционная армия, Лига возрождения Родины и громко звучал призыв мобилизовать все силы 20 миллионов соотечественников. Ряды борцов окружали, как спутники, тысячи, десятки тысяч людей, которые поддерживали наше дело и сочувствовали нам. Настала пора высокого подъема революции. В эти моменты я с большим волнением вспоминал о тех днях, когда мы создали в Хуадяне ССИ.

4. Стремление к новой арене деятельности

Училище «Хвасоньисук» испытывало большие затруднения из-за нехватки средств. Число курсантов не превысило и ста человек. Но в тогдашних условиях Армии независимости не так уж легко было кормить и этих курсантов.

Ведала училищем группировка Чоньибу, но она не могла снабжать его средствами в достатке. Эта группировка установила три системы управления – административную, военную и гражданскую, и с трудом вела работу, которую надлежит выполнять целому государству, за счет жалких пожертвований населения в фонд военных расходов.

Администрация училища для преодоления затруднений со средствами периодически мобилизовывала курсантов на сбор фонда для эксплуатации училища. Курсанты группами по 20 человек возвращались в роты, в которых они служили раньше. Получив там оружие, собирали в течение двух месяцев фонд, обходя районы, находящиеся под контролем Чоньибу, и сменялись другими группами по истечении срока.

Собранные таким образом средства кончались уже через несколько месяцев. Тогда училище вновь обращалось за помощью к Чоньибу в Гирине.

Однажды начальник училища Чвэ Дон О послал в штаб-квартиру Чоньибу инспектора, чтобы достать средства на зимовку. Тот вернулся в училище с пустыми руками и сказал, что командир 3-й роты является проходимцем. Он говорил, что командир этот забрал деньги, выделенные для

училища, и затратил их целиком на свою свадьбу. По слухам, он так растратил эти деньги, что угощал все село в течение нескольких дней, а оставшимися продуктами потчевал даже жителей соседнего поселка.

Слушая такое, я не мог сдержать своего гнева. Средства же не падали даром с неба в сейф Чоньибу. Эти деньги жители копили грош за грошом, питаясь жидкой похлебкой и пропуская даже еду, и вносили их в фонд военных расходов с желанием достижения независимости страны. Они обеспечивали этот фонд во что бы им это ни стало. Для этого даже плели и продавали лапти.

А командир 3-й роты, видимо, закрыл глаза на это. Этот так называемый командир роты, ослепленный личными интересами, похитил даже казенные деньги, начисто опозорив свое воинское звание.

Командир, призванный вести кровопролитный бой с врагом с оружием в руках, без всякого стеснения позволил себе такой мерзкий поступок, – это ли не свидетельство того, что начисто прогнила верхушка Армии независимости?!

После «Договора года Ыльса» один из командиров Армии справедливости, получив сообщение о поражении Сунчханского отряда этой армии, командуемого Чвэ Ик Хеном, развернул активную деятельность в различных районах провинции Чолла, ведя за собой сотни бойцов. Говорят, он, узнав, что его подчиненный разграбил имущество народа, пеняя и на себя за это, распустил свой отряд и скрылся в горах. Этот эпизод дает понять, что этот командир Армии справедливости посчитал посягательство на народное добро несмываемым позором и тягчайшим преступлением. Омерзительный поступок командира 3-й

роты, в конце концов, и сводился именно к посягательству на имущество народа.

Когда мы жили в Линьцзяне, я видел, как порицали люди нескольких бойцов Армии независимости, которые отправились в Корею и насильственно забрали там вола у крестьянина. Командир отряда, в котором состояли эти бойцы, был приглашен в наш дом и подвергся острой критике моего отца.

В те времена был установлен такой порядок: когда появились бойцы Армии независимости в деревнях корейских жителей, контролируемых этой армией, за средствами на военные расходы, старосты деревень роздали жителям уведомления, где было указано, кто сколько денег обязан вносить, кто сколько – зерна, и последние должны были сдавать по этим уведомлениям деньги или зерно в фонд военных расходов. Для бедных крестьян это было тяжелым бременем.

Однако отряды Армии независимости, не внимая этому, старались взимать с населения как можно больше денег. Они определили каждый себе свой район и наперебой расширяли его пределы. Иной отряд Армии независимости даже отнимал у другой вооруженной группы собранный ею фонд путем шантажа. Большие и малые вооруженные отряды соперничали между собой во взимании денег с населения. В их глазах местные жители были лишь налогоплательщиками и прислужниками, которые обеспечивают их деньгами, зерном и ночлегом.

Отвратительные поступки этих отрядов ничем не отличались от действий чиновничества феодального общества.

Феодальные правители Кореи, надев украшенный нефритом головной убор и сидя во дворце, разрабатывали все новые и новые законы о налогах, чтобы выжимать из народа пот и кровь, и эксплуатировали его без всяких ограничений.

Одно время феодальное правительство, затратив колоссальные средства на возведение дворца Кенбок, выдумало даже дорожную пошлину, чтобы восполнить расходы. Если бы оно построило за счет разграбленных таким путем денег хотя бы один вуз или завод, то потомки были бы ему благодарны.

Передовые курсанты училища «Хвасоньисук» досадовали, говоря, что теперь и Армия независимости идет к своему концу, раз ее командир роты разложился до такой степени. Но только сожалели да порицали. Если бы тогда был установлен строгий режим, как сейчас, можно было бы прибегнуть к закону на основе мнений армии и народа или устроить товарищеский суд, чтобы наказать преступника. Но в ту пору не было такого закона и была предельно расхлябана дисциплина, так что с этим нечего было поделать.

Правда, в Чоньибу был аппарат, ведавший гражданскими делами, но это было лишь одно название. Работники этого аппарата только подвергали телесному наказанию жителей, не внесших как следует деньги и военный фонд, и закрывали глаза на незаконные действия таких людей, как тот командир роты. В их правилах была лазейка для верхушек.

После этого инцидента я решил со всей серьезностью бить в набат для Армии независимости и всех участников

движения за независимость. Но дело было в том, каким методом бить в набат.

Чвэ Чхан Гор предложил без промедления выбрать представителей курсантов и выразить протест, обходя все роты с первой до шестой.

Некоторые товарищи предложили опубликовать на страницах газеты «Тэдон минбо» – органа Чоньибу статью, разоблачающую бюрократические действия Армии независимости. Неплохо было бы так сделать, но вряд ли откликнутся на это руководство Чоньибу, командиры других рот и члены редколлегии, чье положение мало чем отличалось от положения того командира 3-й роты.

Я предложил послать изобличающий документ во все роты Армии независимости вместо того, чтобы откладывать дело в долгий ящик, применяя не очень уверенный метод. Товарищи поддержали мое предложение и просили меня написать документ.

Этот изобличающий документ был первой нашей критикой в адрес националистов после организации Союза свержения империализма. Я писал такой документ впервые, но мне казалось, что в нем не сказано все, о чем хотелось сказать. А товарищи одобрили документ, и я дал его Ким Си У, чтобы передать связному Чоньибу. Вскоре этот изобличающий документ был передан всем ротам через связного.

Отклик был немалый. Наверно, этот документ дал сильный толчок даже О Дон Чжину, который никогда не допускал задевать его самолюбие или критиковать Чоньибу, не говоря уже о командире, растратившем военный фонд на свою свадьбу.

В начале следующего года, когда я учился в Гирине, О Дон Чжин говорил мне об этом изобличающем документе. Он сказал, что читал его в 6-й роте вместе с ее командиром и командирами взводов.

– Прочитав изобличающий документ, я дал нагоняй командиру 3-й роты. Думал даже снять его с должности. Подобные людишки срамят Армию независимости, – добавил он.

О Дон Чжин, честно признав, что прогнили верхушки Армии независимости, мучился и досадовал, не умея исправить положение. Как он с таким пылким характером смог взять себя в руки, воочию увидев процесс разложения Армии независимости и будучи не в состоянии приостановить этот процесс!

Слушая О Дон Чжина, я осознал, что разложение Армии независимости мучит не только нас, представителей молодого поколения, но и патриотически настроенных националистов.

Однако никак нельзя было преодолеть морально-политическое разложение Армии независимости одним лишь изобличающим документом. Эта армия неудержимо катилась все дальше по пути отмирания. Не могла быть иною судьба Армии независимости, этой националистической армии, представлявшей и защищавшей интересы имущего класса.

Курсанты нашего училища мало чем отличались от бойцов Армии независимости в том, что они обращались с населением грубо и обрушивали на него чрезмерное экономическое бремя. Они тоже обходили соответствующие районы и собирали наперегонки материалы и зерно, когда мобилизовывались на

реквизицию. Придирались к людям, не откликавшимся на реквизицию как следует. Говоря, что у них, мол, нет чувства патриотизма и они не считаются с Армией независимости, курсанты заставляли их отдать хотя бы свинью или кур.

Курсанты жаловались, что училище кормит их только чумизной кашей с невкусными закусками. Как-то раз один курсант, ужиная в столовой общежития, выразил недовольство тем, что подают только чумизную кашу с супом из сушеной капусты, и даже поссорился с Хван Сэ Иром, заведующим столовой. Хван Сэ Ир честно выполнял свою служебную обязанность, но курсанты сетовали, что заведующий столовой не справляется со своей должностью, когда хоть немного снижается качество питания.

Сразу после освобождения страны я встретился в Ичжу с Хван Сэ Иром, работавшим заместителем председателя уездного народного комитета. Мы вспомнили о днях жизни в училище «Хвасоньисук». Он с улыбкой сказал, что он, учитывая урок того времени, ни в коем случае не привередничает за столом, находясь в деревне.

Я думал, что те, кто капризничает в нашем училище, выражая недовольство чумизной кашей, будут привередничать за столом и в Армии независимости после окончания училища, что такие люди в конце концов превратятся в подлецов, знающих только деньги и власть. Но беда была в том, что через два года такие люди станут офицерами и будут командовать ротами или взводами Армии независимости. Чего можно ожидать от армии, не имеющей готовности питаться чумизной кашей, не говоря уже о решимости умереть с голоду!

С течением времени у меня в душе все больше возрастало разочарование в обучении в училище наряду с

разочарованием в националистическом движении в целом, и прежде всего в движении Армии независимости. «Хвасоньисук» не удовлетворило мои ожидания, а я не мог удовлетворить ожиданий этого училища. Я не мог стать курсантом, какого требует «Хвасоньисук», в то время как это училище не может быть таким, каким я хотел его видеть. Было прямо пропорциональным мое недовольство училищем и его недовольство мною.

Чем глубже я втягивался в передовые, марксистско-ленинские идеи, тем дальше отдалялся я от воспитания в училище «Хвасоньисук». Чем дальше я отдалялся от обучения в этом училище, тем глубже впадал я в духовные мучения. Меня мучила мысль, не значит ли мое отдаление от училища отказ от ожиданий людей, направивших меня в это училище, и нарушение воли отца, который вверил им мое будущее. Совестно было мне при мысли об О Дон Чжине, который пришел на похороны моего отца, преодолев далекий путь в сотни *ли*, утешал и советовал отправиться в училище «Хвасоньисук», сунув мне в карман дорожные расходы. О Ким Си У, налившем мне даже рюмочку вина по прибытии в это училище, о Чвэ Дон О и о Кан Чжэ Ха.

Чтобы быть верным своему долгу перед этими людьми, я должен был привыкнуть к воспитанию в училище, хотя им был недоволен. Можно было соблюдать приличия перед ними, если я буду учиться два года, забыв обо всем, а потом пойду в ту или иную роту и безропотно буду выполнять военную службу в Армии независимости. Ведь не могло же быть, чтобы нельзя было изучать новые идеи или вести работу по расширению фундамента Союза свержения империализма потому, что я служу в Армии независимости.

Однако было немыслимо из-за этаких приличий терпеть воспитание, которое я определил консервативным, и проводить время кое-как день за днем. Не хотелось мириться таким образом со старым образованием.

Тогда как же быть? Вернуться домой и вести домашнее хозяйство, взяв на себя работу аптеки вместо дяди, или поступить в другую школу в одном из городов – Шэньяне, Харбине или Гирине?

После тяжких мучительных размышлений я решил все же бросить учебу в училище «Хвасоньисук», уехать в Гирин и заниматься там в средней школе. Вместо Хуадяня я выбрал Гирин следующей станцией моего жизненного пути потому, что этот город являлся важным политическим центром Маньчжурии, где собирались множество деятелей антияпонского движения за независимость и коммунистов Кореи. Не случайно Гирин называли «вторым Шанхаем». Во внутреннем Китае Шанхай был местом, где собирались корейские революционеры.

Я хотел вырваться из узких пределов Хуадяня, выйти на более широкое поприще и развивать по-настоящему коммунистическое движение, сделавшее первый свой шаг с созданием ССИ, на новой, более высокой стадии. Это была главная причина, почему я бросил учебу в училище «Хвасоньисук».

Первым в моей жизни крупным смелым шагом было то, что я покинул «Хвасоньисук» после полугодовых занятий и направился в Гирин. Вторым таким шагом можно назвать то, что я, формируя новую дивизию после совещания в Наньхутоу, сжег узел со «списками» причастных к реакционной шпионской организации «Минсэндан».

Поныне считаю, что тогда я поступил правильно, решив бросить учебу в училище «Хвасоньисук» и идти в Гирин, в гущу учащейся молодежи. Если бы я не покинул это училище вовремя и вертелся бы в его рамках, то замедлились бы настолько все процессы, приведшие корейскую революцию к бурному подъему в дальнейшем.

Члены ССИ очень удивились, когда я заявил, что пойду в Гирин, покинув училище. Я говорил им:

– Поскольку мы создали ССИ, то теперь необходимо распространять на различные районы его организации и идеалы. Невозможно ничего будет сделать, просиживая в училище «Хвасоньисук». По-видимому, от учебы в таком училище большой пользы не будет. После моего ухода вы тоже должны, пользуясь удобным случаем, занять надежные места или в отрядах Армии независимости, или на других подходящих участках и идти в гущу масс, расширяя сеть организаций ССИ. Вы все члены этой организации и потому обязаны находиться под ее единым руководством, где бы вы ни работали.

С некоторыми товарищами договорился о новой встрече в ближайшем будущем в Гирине.

По вопросу о моем уходе из училища я советовался и с Ким Си У.

– Мне не очень нравится учеба в училище «Хвасоньисук». Хотелось бы уйти в Гирин и учиться там в средней школе, хотя денег у меня на это нет. Посоветуюсь и с моей семьей. Как мне быть, по вашему мнению? – признался я откровенно.

Управляющий очень раздосадован был этим, но принятому мною решению не возразил.

– Коли у тебя такая решимость, помогу и я тебе. Посоветуюсь еще с друзьями. Как говорится, для каждого человека есть телега, которая ему нравится. Если тебе не нравится телега «Хвасоньисук», поезжай на своей собственной, – ответил он.

И у меня гора с плеч свалилась, когда так великодушно понял и поддержал меня Ким Си У, человек, который так радовался и приветствовал больше всех других мое поступление в училище «Хвасоньисук». Он посоветовал мне попрощаться и с начальником Чвэ Дон О как следует, чтобы тот не обиделся. Потом Ким попросил меня непременно зайти к нему, когда отправлюсь в Гирин после встречи с матерью.

Уговорить Ким Си У было не так трудно, чем я предполагал. Но расставание с начальником училища Чвэ Дон О было сопряжено с непереносимой мукой. Сначала он обиделся и долго говорил с досадой:

– Раз мужчина поставил перед собой какую-то цель, не к лицу ему отказываться от нее на полпути. Говоришь, что решил бросить учебу в нашем училище потому, что обучение в нем тебе не нравится. В наше тревожное время вряд ли найдется где-нибудь школа, где занятия по вкусу всем и каждому.

Он повернулся лицом к окну и долго смотрел на небо. На дворе падал хлопьями снег.

– Если училище наше не нравится таким талантливым курсантам, как Сон Чжу, то я тоже уйду отсюда, – проговорил он наконец.

Такие совершенно неожиданные его слова ошеломили меня, и я стоял молча, не находя себе места. Мне казалось,

что я поступил слишком жестоко, говоря начальнику прямо в глаза, что не нравится мне образование в этом училище.

Спустя немного, успокоясь, он подошел ко мне и тихо положил руку на мое плечо.

– Я не буду вмешиваться в вопрос, у кого какая идеология: национализм или коммунизм, если только она нацелена на достижение независимости Кореи. Желаю тебе успеха от всей души.

Вышли на спортплощадку. Он еще долго и задушевно говорил мне хорошие слова, которые послужат мне уроком на всю мою жизнь. А снег падал и падал и на голову ему, и на плечи. Впоследствии я каждый раз, когда вспоминал образ начальника училища, провожавшего меня под хлопьями снега, раскаивался в своей оплошности, что не стряхивал с него снега, густо ложившегося ему на плечи…

Через 30 лет в Пхеньяне состоялась трогательная моя встреча с Чвэ До О. Я был Председателем Кабинета Министров, он – руководящим работником Консультативного совета бывших южнокорейских политических деятелей в Северной Корее по содействию мирному объединению. Но эта встреча была все же встречею ученика с учителем. Идеалы Союза свержения империализма, провозглашенные в Хуадяне, расцвели социализмом на этой земле, победно вынесшей суровые испытания войны.

– В конце концов были правы тогда Вы, Председатель Сон Чжу! – с улыбкою сказал он, называя мое детское имя.

Эти его слова вернули меня в далекое прошлое, на спортплощадку училища «Хвасоньисук», где падал тогда такой густой снег.

Старый учитель, проживший всю свою жизнь в политической обстановке, полной перипетий, подытожил этой короткой фразой ту беседу, что состоялась между нами тогда, 30 лет тому назад.

Моя мать тоже поддерживала то, что я бросил учебу в этом училище. Вначале она очень посерьезнела, узнав, что я покинул училище, но она успокоилась, когда я подробно объяснил ей, почему бросил учебу.

– Ты все время беспокоишься о плате за обучение. Человек не сможет ничего делать, когда он утруждает себя деньгами. Я обеспечу плату за обучение любыми средствами. А ты должен добиться своей цели непременно. Раз решил идти новым путем, иди крупными шагами.

Такой наказ матери глубоко вдохновил меня, вернувшегося в Фусун с новым замыслом.

В Фусуне я видел, как терзаются многие мои друзья, сидя дома, не найдя дальнейшего пути, друзья, с которыми я дружил, начиная со школьной скамьи. Из-за бедности они не смогли поступить в среднюю школу. И мне так захотелось пробудить их и повести по пути революции…

В то время я, только что образовав ССИ, решил пустить его корни в различные районы, и меня подмывало страстное желание заниматься какой-нибудь работой. Тогда я и создал детский союз Сэнар (Новый день – ред.) из патриотически настроенных детей города Фусуна и прилегающих к нему местностей. Это было 15 декабря 1926 года. Как показывает само название, этот союз был коммунистической организацией детворы, борющейся за новый день, когда будет свергнут японский империализм и возрождена Родина, за новый светлый день, когда будет ликвидировано старое и построено новое общество.

Образование детского союза Сэнар послужило важным моментом для расширения сферы деятельности ССИ. Внушительным был лозунг этого союза. Тогда мы выдвинули лозунг «Бороться за освобождение и независимость Кореи!» Чтобы осуществить его, мы поставили очередные задачи по изучению новых, передовых идей и активному разъяснению и пропаганде их среди широких масс и т. д.

Чтобы осуществить задачи этого союза, я определил его организационные принципы и систему работы, а также нормы жизни членов союза. До отъезда в Гирин я руководил их деятельностью.

26 декабря 1926 года на основе опыта организации ССИ и детского союза Сэнар я помог матери создать Антияпонское общество женщин.

После смерти отца мать активно включилась в революционную борьбу. В ту пору она повсюду создавала вечерние курсы не только в уездном центре Фусун, но и во многих окрестных селах, учила корейских женщин родному языку и воспитывала их в революционном духе.

Побыв некоторое время в Фусуне, я отправился в Гирин. По пути я зашел в Хуадянь к Ким Си У, как мы договаривались раньше.

Он сказал, что Ким Са Хон был близким другом моего отца, и дал мне письмо, написанное в его адрес. В письме он просил его помочь мне поступить в школу. Это было моим последним свиданием с Ким Си У.

Ким Си У один из тех, которых я не могу забыть. Он произвел на меня неизгладимое впечатление. Скупой на слова, он сделал многое во имя независимости страны. Он занимался просветительской работой среди масс и

воспитанием подрастающего поколения, покупкой оружия и обеспечением денежного фонда, провожал подпольщиков, отправляющихся внутрь страны, передавал секретные документы и материалы, вел работу по объединению вооруженных организаций и обеспечению единства их действий. Почти не было сферы, которой не касался бы этот человек.

Он не только активно помогал моему отцу в его деятельности, но и со всей искренностью поддерживал также мою работу. Именно Ким Си У стоял на страже на улице в тот день, когда мы создавали Союз свержения империализма, и радовался этому больше всех.

И после разлуки со мной Ким Си У, продолжая эксплуатировать Енпхунскую рисоочистительную фабрику, снабжал Армию независимости продовольствием, оказывал активную помощь корейским учащимся. Когда в Китае шла гражданская война, он, работая председателем Комитета по содействию революции, прилагал большие усилия для охраны жизни и имущества корейцев от посягательств японской армии и войск Чан Кайши, невзирая на неимоверные страдания.

Ким Си У вернулся на Родину в 1958 году. На протяжении всей своей жизни он делал столь многое в интересах нации, но никогда ни слова не молвил об этом. В результате я тоже не мог узнать, где он находился. Он рассказал своим детям о том, какие отношения имел он с моим отцом и со мной, только тогда, когда заболел в Чончхоне тяжелой болезнью и знал, что ему осталось всего лишь несколько дней до смерти.

Выслушав слова отца, сын его изумился и сказал ему:

– Почему ты ни разу не посетил Полководца, имея такую глубокую связь с ним? Он будет очень рад, когда увидит тебя. Сейчас Полководец руководит на месте работой нашего Чончхона. Хоть сейчас пригласить бы его в наш дом, если ты сам не можешь встать. Это же твой долг.

Тогда я действительно руководил на месте работой уезда Чончхон.

Выслушав сына, Ким Си У упрекнул его:

– Перед смертью я говорю вам о прошлых событиях не для того, чтобы вы воспользовались чьей-либо милостью, а для того, чтобы вы, зная историю жизни своей семьи, тоже были преданны Полководцу и поддерживали его изо всех сил. Нельзя задерживать Полководца, занятого государственными делами, хотя бы и на одну минуту…

Вообще Ким Си У был таким прямодушным и добрым человеком. Если бы он последовал совету сына, он, конечно, встретился бы со мною и я тоже увидел бы его. Но этому не суждено было сбыться. И эту досаду я не смогу подавить в себе никогда…

Каждый раз, когда я вспоминаю о периоде, когда я учился в училище «Хвасоньисук» и создавал ССИ, встает в моей памяти наш дорогой Ким Си У. Нельзя и говорить о моей жизни в Хуадяне в отрыве от Ким Си У. Это он оказывал нам наибольшую, неизвестную людям помощь в те незабываемые дни, когда мы в Хуадяне распространяли новые идеи и организовывали ССИ.

ССИ смог вырасти и стать железной когортой непобедимых борцов благодаря тому, что пользовался активной поддержкой таких верных людей, как Ким Си У.

Запечатлев в сердце ожидания такого народа, я отправился в Гирин с далеко идущими замыслами и твердой решимостью осуществить их на деле.

5. Ли Гван Рин, героиня Армии независимости

Когда я вернулся в Фусун, бросив учебу в училище «Хвасоньисук», у нас дома гостило немного деятелей движения за независимость по сравнению с прошлым. Было слишком тихо и грустно в доме, где раньше чуть ли не каждый день бывали гости.

В Фусуне произвел на меня неизгладимое впечатление образ Ли Гван Рин. Она проживала в нашем доме после смерти отца. Говорили, что О Дон Чжин прислал ее в наш дом со словами: «Ты, Гван Рин, обязана многим Ким Хен Чжику, и твой долг – идти в Фусун и хорошенько помогать матери Сон Чжу».

Ли Гван Рин жила вместе с моей матерью, занимаясь работой Южноманьчжурской федерации по просвещению женщин.

Она была женщина стойкого и оптимистичного характера, владела глубокими знаниями и военным искусством, была очень красива, отличалась твердой волей и мужеством. Пожалуй, тогда в Корее не было больше такой знаменитой женщины, как Ли Гван Рин.

В ту пору феодальные обычаи давали себя знать так сильно, что женщины были вынуждены даже закрывать лицо вуалью, выходя на улицу. А Ли Гван Рин даже ездила на коне, одевшись в мужскую одежду. И люди смотрели на нее с удивлением, будто пришла она из другого мира.

Впрочем, спустя несколько дней после возвращения домой я заметил, что у нее как-то меньше стало бодрости, чем раньше.

Она очень удивилась, узнав, что я бросил учебу в училище «Хвасоньисук». Это было понятно. Не легко было поступить в это военное училище даже при желании, и всем не терпелось попасть туда, а тут я покинул его.

Однако, выслушав подробно о причине моего ухода из училища, она сказала, что я принял правильное и смелое решение, и поддержала мою решимость отправиться в Гирин. Но в то же время и грусти своей скрыть не могла.

По-видимому, такой толчок дал ей мой поступок, то, что я отверг училище националистического толка и порвал с ним идейно. Тогда предприимчивая, быстро все воспринимающая Ли Гван Рин, несомненно, глубже чуяла конец Армии независимости и национализма, увидев и такое изменение в моей жизни. И мать тоже сказала, что она переменилась во многом и на днях стала еще больше молчаливой и тихой.

Сначала я просто думал, что это выражение своего рода муки, наблюдаемой обычно у незамужней женщины такого возраста. Тогда ей было 28 лет. То был период раннего бракосочетания, когда 14 – 15-летних девушек уже выдавали замуж, закрутив им косы в пучок. А на девушек лет 28 все махнули рукой, говоря, что они в жены уже не годятся. И было не мудрено, что терзается душою из-за своего будущего такая «старая дева», как Ли Гван Рин, что упустила брачный возраст.

Все чаще теперь наблюдался у нее такой мрачный вид, и однажды я спросил ее, почему так осунулось и помрачнело у нее лицо.

Она со вздохом ответила, что время течет неудержимо, а дела, а жизнь не идут, как тебе того хочется.

– При жизни твоего отца, Сон Чжу, я не знала усталости, пройдя пешком хотя сто и двести *ли* в день. Но после его смерти не идет у меня на лад никакое дело. Может даже ржаветь пистолет у меня на поясе. Просто беда, что не на кого мне полагаться. Армия независимости, наверное, не успеет сделать своего большого дела, на какое мы рассчитываем. Сейчас она в плачевном положении. Непонятно, о чем там думают наши старики в верхушке. Они только важничают перед другими и даже не выходят на работу. Здоровенные мужчины, способные воевать, а увлекаются лишь своей семейной жизнью. А парни только и знают нюхать пудру девушек… Несколько дней назад один юноша, слывший удалым бойцом, женился, вышел из Армии независимости и укатил в Цзяньдао. Люди дают тягу один за другим, оглядываясь вокруг, беря пример с других. Пусть женятся те, кому подошла пора, но кто будет добиваться независимости Кореи, когда после женитьбы бросают винтовки? Непонятно, почему они ведут себя так недостойно, – проговорила она с досадой.

Только теперь я понял ее мучение и уныние. Эта девушка отдала себя движению независимости, не выйдя даже замуж, а здоровенные мужчины, бросив ружье, удирают, ища себе тихое пристанище. И она не могла не негодовать против этого.

Ли Гван Рин вела жаркие бои с японскими солдатами и полицейскими, переправляясь через реку Амнок с шестизарядным револьвером на поясе, тогда как девушки, получившие образование, ходили в модных нарядах, охваченные новым веянием цивилизации.

Думаю, в истории нашей страны редки случаи, когда женщина, одевшись в мужскую одежду и заткнув пистолет за пояс, стала профессиональным воином и встала на борьбу с чужеземным врагом. Я высоко оцениваю поступок Ли Гван Рин и потому вспоминаю о ее жизненном пути, выделив это отдельной темою в своих мемуарах. Просто немыслимо было, чтобы в нашей стране, где пустила глубокие корни привычка уважать мужчин и презирать женщин, женщины ринулись на поле боя с пистолетом в руке.

Факт, что в прошлом женщины нашей страны сопротивлялись чужеземным агрессорам в разные периоды разными методами. Но, несмотря на всю разницу этих методов, мы можем видеть здесь одну общность. То есть в большинстве случаев их сопротивление проявлялось в пассивной форме, основанной на феодально-конфуцианской верности.

Каждый раз, когда вторгались иноземные захватчики, мучили и убивали народ нашей страны, женщины укрывались в глубоких горах или в буддийских храмах, чтобы не допустить им опозорить себя и нарушить их целомудрие. А женщины, не успевшие укрыться, сопротивлялись врагу, идя на самоубийство. Во время нашествия японских самураев в году Имчжин число вот так погибших патриоток, зарегистрированных в масштабе страны, превысило более чем в 30 раз число верных патриотов, павших в бою. По этому факту можно представить себе, какую незыблемую верность сохраняли женщины нашей страны.

Говорят, что когда Чвэ Ик Хен погиб за Родину на острове Цусима, устроив голодовку, его жена после трехлетнего траура покончила с собой, следуя за мужем.

И с точки зрения человеческой морали следовало бы достойно оценить такой поступок как самое благородное выражение преданности Отечеству и верности мужу.

Известно, тут есть проблема, над которой следует задуматься. Когда все будут умирать, то кто же будет бить напавшего на страну врага, кто будет ее защищать?

С модернизацией государства произошли изменения и в образе мыслей наших женщин и в их взглядах на жизнь. Женщины нашей страны, сопротивлявшиеся врагу пассивными методами – методами укрытия и самоубийства, участвовали вместе с мужчинами в антияпонских демонстрациях, встав грудью против штыков солдат и полицейских, кидали бомбы во вражеские учреждения.

Однако, кроме Ли Гван Рин, не было другой женщины, которая взяла бы в руки ружье и в течение 10 с лишним лет участвовала бы в вооруженном сопротивлении на чужбине как боец Армии независимости.

Ли Гван Рин была хороша собою, и ей стоило немало усилий, чтобы избавиться от ухаживающих за нею мужчин, которые находились везде. Красота, знания и семейная обстановка давали ей возможность преподавать в школе или жить роскошно, безбедно и без зависти, выйдя замуж за хорошего человека. Но она без малейших колебаний отдала всю себя движению независимости.

Отец ее принадлежал к средним слоям имущего класса. Он сам обрабатывал свою землю в Сакчжу, владея несколькими гектарами пашни, лесом и домом из комнат в 10 *кан*, крытым хотя бы и соломенной крышею.

Когда Ли Гван Рин было 12 лет, ее отец потерял жену и через два года вторично женился на 16-летней девушке. Ли Гван Рин не могла звать матерью женщину, которая старше ее всего на два года. К тому же отец, строго соблюдавший феодальные обычаи, не захотел послать дочь в школу, когда ей минуло уже 15 лет, а думал только найти ей подходящего жениха и выдать ее замуж.

Ли Гван Рин завидовала подругам, ходившим в школу, и постоянно упрашивала отца послать ее в школу. Отец на это не пошел. И вот в свои 15 лет она убежала из дому, недовольная его отказом. Когда его не было дома, она тайком пошла на реку Амнок и, оставив у лунки платье и обувь, ушла прямо в Ичжу. Там она при помощи дальнего родственника поступила в Янсильскую школу. Училась около полугода спокойно, а осенью написала отцу письмо с просьбой прислать ей плату за обучение.

Отец проживал все это время в слезах, считая, что дочь утонула в реке. Вдруг получив ее письмо, он обрадовался, что она жива, и тут же направился в Ичжу. И придя, сказал ей:

– Теперь я не буду мешать тебе учиться. Пиши мне в любое время, когда тебе что-нибудь понадобится.

С тех пор Ли Гван Рин с головой окунулась в занятия без тревоги за деньги, нужные для платы за обучение. Она добилась высокой успеваемости, и администрация школы рекомендовала ее в отделение домашнего искусства Пхеньянского женского колледжа.

Продолжая учебу год, другой, она стала постигать и мирские явления, и вступила в Корейское национальное общество по рекомендации моего отца. Так стала она участвовать в подпольной деятельности как достойный член

революционной организации. Именно к этому времени она усвоила от моего отца идею «чивон». Она вела подпольную работу по вовлечению в организацию товарищей из учащихся Пхеньянского женского колледжа, Сунсильской средней школы, Суньиской женской школы и Квансонского колледжа.

Иногда она посещала Мангендэ, идя как бы на экскурсию. Находясь в нашем доме, она то обсуждала с моим отцом какие-то возникшие у нее вопросы, то помогала моей матери в ее работе.

В те времена еще не были налажены пути сообщения, но весною многие учащиеся Сунсильской средней школы и Квансонского колледжа, взяв с собой обед, ходили на прогулку в Мангендэ, известное своей чудесной природой.

А как вспыхнуло в Пхеньяне Первомартовское народное восстание, Ли Гван Рин мужественно встала во главе демонстрантов. Когда же демонстрация была приостановлена, она вошла в общежитие и, сделав передышку, вновь вышла на улицу и, скандируя лозунги, вдохновляла подруг по учебе на продолжение борьбы. А когда восстание потерпело поражение и начался повальный арест организаторов демонстрации, она вернулась в родной край и стала профессиональным деятелем движения за независимость. Она решила для себя так: нельзя заниматься учебой, отсиживаясь в школе, пока не будет спасена порабощенная страна. Вначале работала управляющим делами молодежного союза Кванчже, созданного О Дон Чжином.

Еще до перехода в Маньчжурию Ли Гван Рин застрелила из пистолета двух японских полицейских в родном краю и бросила их трупы в лунку на реке Амнок,

что ошеломило людей, и не только этого края. Весь окружающий мир был потрясен поступком неизвестного патриота.

После вступления в Армию независимости она проникала в Корею для сбора средств в фонд военных расходов. Однажды она попала в лапы полицейскому и подверглась допросу. Сложилась опасная обстановка, так как в узелке у нее был пистолет. Узелок этот она несла на голове. Полицейский настойчиво требовал развязать узелок, она же, делая вид, будто развязывает узелок, быстро выхватила пистолет, расправилась с полицейским, утащив его в лес.

Она часто ходила в Корею для сбора военного фонда, и на этом пути бывали у нее всякие случаи. Как-то раз она, получив задание от О Дон Чжина, вела работу по сбору средств в военный фонд в районах провинции Южный Пхеньан. Собрав средства, она вместе с членом организации, действовавшей внутри страны, возвращалась в штаб. По пути они заночевали в Саньдаоване. Члены другой вооруженной группы, находившейся в этой округе, напали на них и, угрожая пистолетом и стреляя в воздух, требовали отдать деньги. В руках Ли Гван Рин и сопровождавшего ее мужчины было несколько сотен *вон*. Он, перепуганный, покорно отдал деньги, которые были у него. Но она не отдала ни гроша, а, наоборот, отогнала налетевших громким криком…

В период, когда мы развернули антияпонскую вооруженную борьбу, в партизанских отрядах было много храбрых женщин-бойцов, но раньше не было в Корее подобных Ли Гван Рин женщин. В колледже она освоила лишь вышивание и швейное мастерство за столом, а тут

проявила такое мужество и отвагу. Одно время газеты «Тоньа ильбо» и «Чосон ильбо» громко шумели о Ли Гван Рин.

Она была также женщиной, обладавшей незыблемой верностью и стойкой волею.

После Первомартовского народного восстания активизировалась в Южной Маньчжурии работа по объединению организаций движения за независимость. Но эта работа не шла успешно потому, что все организации, пренебрегая каждая работою другой группы и выдвигая себя на первый план, преследовали корыстную цель. Каждый раз дискуссия об объединении буксовала и кончалась бесполезными разговорами и трениями.

В целях преодолеть эту трудность, с которой столкнулось движение по объединению, мой отец решил привлечь в эту работу ветеранов движения за независимость. Первым кандидатом на это был назван Рян Ги Тхак. Было нелегким делом привести из Сеула в Южную Маньчжурию этого человека, находившегося под надзором врага. После глубокого раздумья отец поручил это задание Ли Гван Рин и послал ее в Сеул с письмом этому ветерану.

Рян Ги Тхак пользовался большим влиянием среди националистов. Он родился в семье филолога в Пхеньяне. Давно он прилагал огромные усилия к воспитанию масс в духе антияпонской борьбы и независимости, проводя патриотическую деятельность на страницах газет и педагогическую работу. Он был известен тем, что составил первый в Корее «Корейско-английский словарь» и руководил движением за погашение японских кредитов. Он много лет сидел в тюрьме по «делу 105-ти», был причастен и к обществу Синминхвэ (Общество нового народа – ред.),

Шанхайскому временному правительству (член Государственного совета), Революционной партии Корё (председатель). Он вместе с О Дон Чжином создал также Чоньибу. С учетом такой истории деятельности участники движения за независимость уважали его независимо от своей принадлежности к группировке.

Ли Гван Рин, прибывшая в Сеул, была схвачена сыщиками и брошена в камеру предварительного заключения Чонроского полицейского участка. Каждый день палачи подвергали ее жестоким пыткам – то вливали в ноздри воду с молотым красным перцем, то запускали бамбуковые иглы под ногти, то подвешивали к потолку, закрутив обе руки за спину. Иногда заставляли ее лежать на полу и, положив на ее лицо доску, давили на нее ногами. Пинали, били и топтали, требуя сказать, откуда она – из Китая или из России, и с какой целью явилась сюда. Наконец налепили на обе ноги зольное тесто и, облив его керосином, поджигали его, угрожая сжечь ее.

Но Ли Гван Рин не сдалась и упорно протестовала:

– Я безработная и брожу в поисках работы. Пришла в Сеул работать домашней портнихой или няней у какого-нибудь богача. Зачем вы так мучите ни в чем не повинного человека?..

Ли Гван Рин так настойчиво сопротивлялась, что полиция была вынуждена выпустить ее на волю через месяц.

Но она не могла даже передвигаться. В конце концов, собрав остаток сил, вернулась в Синцзин вместе с Рян Ги Тхаком.

По прибытии в Синцзин она слегла из-за последствий тяжких пыток. Коллеги, ухаживавшие за ней, пригласили

старого доктора для осмотра, когда болезнь не только не отступала, но еще и усиливалась. Доктор пощупал пульс и установил вздорный диагноз, что она беременна. Может быть, это была ирония старого доктора, который вздумал вдруг пошутить с известной красавицей.

Ли Гван Рин, ошеломленная, упрекнула доктора, что он говорит вздор. Но он повторил, что она беременна. Не успел он и слова сказать, как она бросила в него деревянную подушку, на которую клала голову, и закричала:

– Ты, проклятый, зачем так глумишься над молодой женщиной, что не вышла даже замуж и воюет с ружьем в руках, участвуя в движении за независимость! Какая тебе польза от оскорбления меня? А ну, скажи еще раз!

Перепуганный доктор убежал, не успев даже надеть обувь…

Мой отец ценил такую дерзновенность Ли Гван Рин и давал ей много важных заданий. Она справлялась с любым его поручением. По заданиям моего отца она ходила в Пхеньян и Сеул, выполняла срочные задания по обеспечению связи, вела просветительную работу среди женщин.

Когда мой отец работал внутри страны, Ли Гван Рин сопровождала его для охраны и оказания помощи. Она преодолевала пешком десятки тысяч *ли*. Ходила в Ичжу, Сакчжу, Чхосан, Канге, Пектон, Хвэрен и другие северные пограничные районы, в Цзяньдао, а также в Сунан, Кандон, Ынрюр, Чэрен, Хэчжу и другие западные районы Кореи, даже в провинцию Кенсан. Почти не было такого места, куда не ступала бы ее нога.

В ту пору Ли Гван Рин была первой корейской девушкой, которая переходила через гору Пэкту.

Так в свою золотую молодость, которую люди хотят проводить наиболее благословенно в своей жизни, она под дождем и снегом на чужбине служила в армии, выполняя непосильную для женщин задачу.

У меня щемило в груди, когда я видел, как мучится из-за идущего к закату движения за независимость эта женщина, которая со всей яростью развернула энергичную деятельность везде и всюду в тревожном мире, заткнув за пояс два пистолета и горя пламенным чувством патриотизма.

Когда я начал готовиться к отъезду в Гирин, Ли Гван Рин сказала, что она тоже, как я, впредь будет делать что-то в Гирине. Но она не смогла осуществить это свое решение…

Учась в Гирине, я видел ее два-три раза в доме Сон Чжон До. Она попросила меня рассказывать о современном положении, и я долго говорил ей о перспективах революции нашей страны. Она сказала, что ей нравится наш метод работы, но по-прежнему не могла вырваться из рамок Чоньибу. Ли Гван Рин относилась к кругу левых националистов, она одобряла коммунизм, но не могла поддерживать его своими действиями.

Видя образ Ли Гван Рин, мучащейся перед лицом отмирания националистического движения, я испытывал жгучую боль в сердце. В националистическом лагере было немало таких патриотов, как Ли Гван Рин, которые посвящали всего себя движению за независимость, жертвуя своей личной жизнью. Но даже такая женщина, как Ли Гван Рин, которая имела твердую волю и беззаветную преданность своему делу, не знала, как быть, потому что не было верного руководителя. Союз свержения империализма

делал только что первый шаг, поэтому она не могла присоединиться и к линии нашего движения.

Я видел, как терзается без духовной опоры Ли Гван Рин, которой так доверял и которую воспитывал с такой теплотой мой отец, и жаловался на отсутствие в национально-освободительном движении настоящего руководства, призванного сплотить воедино все патриотические силы Кореи и вести их за собой.

Мучения Ли Гван Рин послужили мне толчком, и я глубоко осознал, что мы, представители нового поколения должны воспрянуть духом во имя революции. «И для таких патриотов, как Ли Гван Рин, которые еще блуждают, не имея верного компаса, мы должны как можно скорее проложить новый путь, соответствующий чаяниям всего народа, и тем самым приблизить новую эпоху революции, когда все борцы, стремящиеся к независимости страны, смогут продвигаться вперед по единому руслу», – решил я.

С этой решимостью я и форсировал подготовку к отъезду в Гирин.

В течение полувека после последней встречи с Ли Гван Рин в Гирине я непрерывно продолжал искать ее.

Когда мы боролись в Восточной Маньчжурии, организовав партизанский отряд, в его рядах было немало женщин в возрасте около 20 лет. Видя мужественный облик этих женщин, которые открывают новую страницу истории национально-освободительной борьбы с такой же несгибаемой волей и боевым духом, какие и у мужчин, я рисовал перед глазами образ Ли Гван Рин – героини Армии независимости. Было очень досадно, что я не знал, где и что она делает. Пытался я узнать о ней по разным каналам, но никак не мог уточнить ее дальнейшую судьбу.

После освобождения страны я побывал и в Сакчжу – родном краю Ли Гван Рин, пытался найти ее, но там тоже ее не оказалось.

Мы узнали место ее жительства только в начале 70-х годов. Наши сотрудники Института истории партии приложили большие усилия и, наконец, уточнили, что она живет в Китае, выращивая сына и дочь.

Среди людей, которые боролись вместе с Ли Гван Рин, прокладывали с нами новый путь те, кто знакомился с коммунистическими идеями под влиянием Союза свержения империализма, как, например, Кон Ен и Пак Чжин Ен. Они погибли с достоинством, смертью храбрых, как подобает революционеру.

Однако Ли Гван Рин была вынуждена прекратить борьбу на полпути, ибо не встретила верного руководителя, который мог бы повести ее по правильному пути.

Все же при жизни О Дон Чжина она, переживая немало страданий и обходя многие места, старалась осуществить курс на пролетарскую революцию, намеченный на Куаньдяньском совещании.

Летом того года (1927 г.), когда я отправился в Гирин, Ли Гван Рин вместе с Чан Чхоль Хо и другими бойцами Армии независимости занималась просветительской работой среди масс, соорудив в деревне Нэдосан шалаш и выращивая картофель. Видимо, О Дон Чжин намеревался развивать эту деревню у подножия горы Нэдо в базу деятельности Армии независимости.

Однако после ареста О Дон Чжина прекратилась и такая деятельность. Среди левых сил национализма О Дон Чжин больше, чем кто-либо другой, склонялся к коммунистическому течению. После ареста этой опоры не

было активистов, которые вызвались бы посвятить себя делу проведения в жизнь курса Куаньдяньского совещания. В Чоньибу были несколько лиц, сочувствовавших коммунизму, но они не могли задавать тон в его работе.

После создания Кунминбу в результате слияния трех группировок верхушки националистических сил быстро превратились в реакцию, и стало опасно даже произносить слово «коммунизм». Руководители Кунминбу совершали без всякого стеснения даже такие предательские акты, как доносы на деятелей левых сил национализма, сочувствующих коммунизму, в японскую полицию и убийство их из-за угла.

Ли Гван Рин тоже пришлось метаться в поисках убежища, подвергаясь непрерывному преследованию и шантажу террористов Кунминбу. И в конце концов она вышла замуж за какого-то китайца и зарылась в семейную жизнь. Но, как говорится, неудачнику ни туда, ни сюда, ей не удалось обзавестись и семьей, как хотелось.

Так увядал напрасно «цветок Армии независимости» – «единственная женщина среди мужчин», которая появилась на пустынной земле Маньчжурии как Утренняя звезда и, приковывая к себе внимание людей мира, заставляла врагов трепетать.

Образно говоря, она была деятельницей движения за независимость, отправившейся в дальний рейс на деревянной лодке, именуемой национализмом. Лодка эта была слишком убогою, чтобы рассекать свирепые волны безбрежного океана – антияпонской войны за независимость, сопровождавшейся неимоверными трудностями и испытаниями. На такой неказистой лодке

никак нельзя было доплыть до берега возрожденной Родины, до заветного края своей борьбы.

Бесчисленное множество людей тронулись в рейс на подобном судне, но большинство из них остановились на полпути, не добравшись до намеченного берега. Так остановившись, они стали искать теплое местечко с тем, чтобы зарабатывать на пропитание и жить спокойно, выдавая себя за «патриотов, скорбящих о судьбе Родины». Иные из верхушки, заявившей, что она «представляет» нацию, превратились в ремесленников, приготовляющих пластырь в городе, или в монахов, скрывшись в глубоких горах.

Было более или менее сносным лишь то, что не изменив своим убеждениям, зарылись в семейную жизнь или ушли с головой в занятие, дающее средства к существованию. Среди деятелей движения за независимость, прокладывавших курс националистического движения вместе с Ли Гван Рин, были и люди, которые, изменив отечеству и нации, превратились в лакеев японских империалистов.

После расставания с нами Ли Гван Рин в течение более чем полувека проживала на чужбине и вернулась на Родину лишь несколько лет тому назад. Она сказала, что ей не терпелось возвратиться на Родину после того, как узнала, что я – Сон Чжу, сын Ким Хен Чжика, которого она так уважала в период Армии независимости. Сказала, что ей так хотелось видеть страну, руководимую Сон Чжу, где наверняка стала бы явью идея Ким Хен Чжика о построении общества всеобщего равенства. Сказала, что ей хотелось лечь в землю, на которой она родилась и росла и которую она со слезами и тоской рисовала перед глазами, лежа на

сырой земле бескрайной равнины Маньчжурии, где дует холодный ветер, подложив руки под голову вместо подушки и глядя на звезды в ночном небе.

Однако Ли Гван Рин пришлось испытать несколько лет неизвестные другим духовные мучения, прежде чем принять решение – вернуться на Родину. У нее были сын и дочь, внуки и внучки. Не легко было женщине на старости лет решиться вернуться на Родину одной, оставив всех любимых детей на далекой чужбине, куда вряд ли попасть ей снова.

Но, тем не менее, Ли Гван Рин решила, наконец, возвратиться в родное Отечество, даже если и придется ей расстаться со своими детьми навсегда. Это было смелое решение, которое не посмел бы принять никто, кроме такой вот женщины с твердой волею, как Ли Гван Рин. Она не смогла бы принять такое решение, если бы не отдала целиком свою цветущую молодость во имя Родины. Ценность Отчизны могут ощущать всем сердцем только люди, которые посвятили ей всю свою душу и тело, горюя, радуясь и проливая кровь за нее.

Увидя седовласую Ли Гван Рин, которая вернулась одна в Отечество, оставив всех детей на чужбине, я бесконечно восхищался ее горячей любовью к Родине и ее благородным взглядом на жизнь.

Ли Гван Рин, бывшая двадцатилетней девушкою, когда мы расстались в Фусуне, появилась передо мною седой старухою, которой уже перевалило за восемьдесят. Нельзя уже было найти и следов того красивого румяного лица, привлекавшего внимание многих.

Было ни слуху ни духу об этой женщине, когда мы искали ее с глубокою болью в сердце. А тут явилась она с

густой сединою на голове. Воспоминание о тех безжалостных днях, которые разлучили нас более чем полвека, навеяло на меня глубокую грусть.

Мы дали ей жилой дом в центре Пхеньяна, где можно любоваться красивым пейзажем, и выделили ей кухарку и врача, учитывая ее преклонный возраст. Дом этот находился недалеко от того места, где раньше стоял женский колледж, в котором она училась в свои девичьи годы. Товарищ Ким Чен Ир определил это место, учитывая живую душу Ли Гван Рин. Он посетил ее дом и позаботился о том, чтобы меблировка, освещение и отопление отвечали ее потребностям и вкусу.

Ли Гван Рин, невзирая на старость, выращивала во дворе кукурузу. Она сказала, что хочет угостить меня блюдами из кукурузы, – она знала, что в детстве я очень любил кукурузу. Прошло уже более полувека, но она все еще помнила даже мою любимую еду. Когда мы жили в Фусуне, летом она покупала на рынке молодую кукурузу и жарила ее моим младшим братьям на заднем дворе дома…

Когда она умерла, мы, учитывая заслуги ее молодых лет перед Родиною и нацией, устроили похороны как следует и погребли ее прах на Кладбище патриотов.

Люди, которые живут в разных краях земного шара, но искренне любят свою Отчизну и нацию, в конце концов, возвращаются на незабываемую родную землю, где они родились и где находятся могилы их предков, хоть когда-то да встречаются и обмениваются чувствами друг с другом, хотя они и взяли свой старт в разных местах земли.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Ученические годы в Гирине

В поисках передовых идей

Учитель Шан Юэ

Коммунистический союз молодежи Кореи

Расширяя сеть наших организаций

Демонстрация силы сплоченности

Публичная лекция Ан Чхан Хо о современном положении

Слияние трех фракций

Выбор Чха Гван Су

Урок события в Ванцинмыне

За решеткой

Январь 1927 – май 1930

1. В поисках передовых идей

Я прожил дома примерно месяц, там встретил Новый год и в середине января покинул Фусун. В Гирин прибыл в полдень, по улицам шумно шли прохожие.

Мне казалось неудобным все время расспрашивать дорогу, доставая блокнот с адресами близких друзей отца и перелистывая его ознобшими пальцами. И я заранее запомнил все улицы и адреса, куда мне следовало идти. Оживленный вид крупного города гордился своей длительной историей с первого взгляда, казалось, своей дивностью подавляет меня, жившего лишь в тиши деревни.

Я вышел с перрона. От нахлынувшего волнения не мог двинуться с места. Глаза мои приковало к себе волнующее зрелище преображенного мира, которое звало меня к новой жизни.

В тот день в этом многолюдном городе необыкновенное впечатление произвели на меня торгаши водой: они кишмя кишели на улицах. Даже прохожие, злясь, бурчали себе под нос: «Жить в Гирине стало все туже. Одно время слыл-то он водным городом, даже дебаркадером, а ныне что? Нет и питьевой воды, и снуют вот так торгаши водою».

С первого шага тяжесть городской жизни, где за глоток воды приходится плату отсчитывать на счетах, невидимой рукой давила мне душу, но я, как бы сопротивляясь этой тяжести, расправив грудь, бодро и энергично шагал в город.

Когда я прошел немного от станции Гирин по улице Чалуцзе, ведущей к сопке Бэйшань, увиделась крепостная стена, которая разделяла город на внутренний и внешний,

виднелись и ворота с надписью «Чаоянмынь». Поблизости от них стояли крепостные ворота Синькаймынь. Кроме этих ворот, в Гирине были Бахумынь, Линьцзянмынь, Фусуймынь, Дэшэнмынь, Бэйцзимынь, всего 10 крепостных ворот. В то время эти ворота охраняли войска Чжан Цзосяна. Выветренная местами крепостная стена Гирина говорила, что это древний крепостной город.

Я впервые приехал в Гирин, но он показался мне не так уж чуждым. Может быть, оттого ли, что давно мечтал я побывать в нем и здесь много друзей моего отца. В моем блокноте было записано более 10 адресов близких друзей и товарищей моего отца. Их следовало навестить и передать им поклон. О Дон Чжин, Чан Чхоль Хо, Сон Чжон До, Ким Са Хон, Хен Мук Гван (Хен Ик Чхор), Ко Вон Ам, Пак Ги Бэк, Хван Бэк Ха – все они были друзьями моего отца в Гирине, их следовало мне увидеть.

Первый визит я решил нанести О Дон Чжину и направился в его дом, находившийся между улицами Чалуцзе и Шанбуцзе. Собственно говоря, я внутренне напрягался и тревожился: не обидится ли командующий О. Ведь я бросил учиться в училище «Хвасоньисук», куда я поступил по рекомендации друзей отца.

Но О Дон Чжин, как и прежде, радушно относился ко мне. Я ему объяснил, почему бросил учиться в училище и уехал в Гирин. Он помолчал некоторое время, не говоря ни слова, и только с серьезным выражением на лице закивал головой.

– Вот какая неожиданность! Вдруг вот ты и в Гирине. Невольно вспоминается твой отец. И он тоже так неожиданно бросил учиться в Сунсильской средней школе. Тогда это очень огорчало меня. Но позже я подумал, что

твой отец был прав. И все-таки я удивляюсь твоей решительности: через шесть месяцев, так скоро, бросить училище и приехать в Гирин! Если Гирин тебе по душе и подходит тебе по твоему идеалу, то гнездись здесь.

Больше он ничего не сказал, выслушав о мотивах моего приезда в Гирин. Действительно, у него было широкое мышление, характерное для таких людей, как он. И я был очень благодарен ему за это.

Но он с сожалением добавил к этому:

– Раз уж ты решил учиться в Гирине, лучше бы взял с собой и семью, переселился бы сюда вместе с матерью и младшими братьями, свил бы себе тут гнездышко…

Когда О Дон Чжин приезжал на похороны моего отца, он не раз предлагал моей матери переселиться в Гирин, где много друзей моего отца. Мать была благодарна за их внимание, но из Фусуна не уехала. Ведь тут, в селе Яндицунь могила отца, можно ли бросить ее и переселиться в Гирин?..

В тот же день О Дон Чжин представил мне своего секретаря Чвэ Иль Чхона. Он гордился им, и потому я имел определенное представление о нем. Этот человек слыл известным литератором в группировке Чоньибу. Эта встреча впоследствии ввела нас в исключительно крепкие товарищеские узы.

Пополудни О Дон Чжин провел меня в «Саньфончжань», чтобы представить меня сторонникам движения за независимость. Среди них были Ким Са Хон, которому Ким Си У написал письменную рекомендацию для меня, и Чан Чхоль Хо, начальник охраны группировки Чоньибу. «Саньфончжань» означает в переводе гостиницу «Саньфон». В Китае гостиницу называют и «чжанем».

Кроме Ким Са Хона и Чан Чхоль Хо, в этой гостинице было много и незнакомых мне деятелей движения за независимость.

Гостиница «Саньфон» вместе с рисоочистительной мельницей «Тайфэнхэ» являлись двумя опорными пунктами, которыми деятели движения за независимость пользовались как местами для ночлега и явок.

И переселенцы из Кореи часто пользовались гостиницей «Саньфон». Хозяином гостиницы был земляк священника Сон Чжон До. Он жил в Чынсане провинции Южный Пхеньан Кореи, по совету священника Сона приехал в Гирин и ведал этой гостиницей. Хотя по вывеске она – гостиница, но больше была похожа на общежитие или дом для сходок.

Расстояние от гостиницы до японского консульства было примерно 100 метров. Мне показалось, не случится ли неприятность с деятелями движения за независимость из-за этой близости, ведь они постоянно приходили в нее, а напротив, рукой подать – японское консульство, это логовище разведывательной деятельности в районе Гирина. Сыщики и полицейские днем с огнем тщились поймать их, протягивая свои щупальца ко всему, что тут есть. Но деятели движения за независимость бывали тут часто, говоря: «Под коптилкой темно». Как это ни странно, но на деле так оно и было. Ни разу не случилось в этой гостинице такого несчастья, как арест патриотов. Поэтому и мы, когда создавали свои организации, часто пользовались этой гостиницей.

Прочитав письменную рекомендацию от Ким Си У, Ким Са Хон, обращаясь ко мне, сказал:

– Один мой приятель, очень мне близкий, кореец по имени Ким Ган, учительствует в Юйвэньской средней школе. Как ты думаешь? Не хочешь ли учиться там?

По его словам, это была частная школа. Построенная общественными кругами нового течения, отличалась она самой прогрессивной направленностью в Гирине.

Действительно она слыла школой, широко известной в общественных кругах своей прогрессивной направленностью. Об этой школе не раз писала газета «Цзичан жибао». Еще в 1921 году газета писала, что Юйвэньская средняя школа хотя и бедная в материальном отношении, но отличная по успеваемости и пользуется поддержкой широкой общественности.

В этой школе часто сменялись директора из-за конфликта по вопросам о финансовых средствах и злоупотреблении директором своей должностью. К тому времени, когда я приехал в Гирин, не прошло и несколько дней после вступления Ли Гуанханя в должность директора вместо Чжан Иньсюаня, выходца из Цзиньлинского университета в Нанкине.

Одна лишь четырехкратная смена директоров говорила о том, как дорожила Юйвэньская средняя школа справедливостью, основами морали. Меня привлекала такая атмосфера обновления в этой школе.

На следующий день Ким Са Хон представил меня преподавателю этой школы Ким Гану. Ким Ган отлично владел английским языком.

В его сопровождении я встретился с директором Ли Гуанханем. Он, будучи человеком, принадлежавшим к левой фракции китайского национализма, был другом бывшего премьера Чжоу Эньлая по средней школе,

патриотически настроенным интеллигентом, находившимся с малых лет под его влиянием. Об отношениях между премьером Чжоу и директором Ли Гуанханем я узнал позже, спустя уже несколько десятилетий. Как-то раз на встрече с посетившим нашу страну премьером Чжоу Эньлаем, вспоминая молодые годы, я напомнил о китайцах, оказавших мне большую помощь, и назвал имя директора Ли Гуанханя. Премьер Чжоу, услышав его имя, очень обрадовался и сказал, что они вместе учились в средней школе при Нанькайском университете в Тяньцзине.

А в тот день директор спросил меня:

– Что будешь делать в будущем, когда окончишь школу?

Я без малейшего колебания ответил:

– Хочу отдать себя делу возрождения страны.

Он положительно оценил мой ответ, назвав его замечательной мечтою.

Оттого ли, что велась с ним такая откровенная беседа, директор с удовольствием согласился с моей просьбой учиться во втором классе, не пройдя первого.

В период своего молодежно-ученического движения и подпольной деятельности я не раз пользовался его помощью. Зная, что я часто пропускаю уроки, отвлекаясь на революционную работу, он закрывал на это глаза, всячески мне покровительствовал, чтобы не придирались ко мне реакционные преподаватели, подкупленные военщиной. Когда китайская военщина или японские консульские полицейские приходили в школу арестовывать меня, он предупреждал меня, чтобы я успел скрыться за оградой. Вот таким патриотически настроенным интеллигентом был этот

директор, поэтому многие здравомыслящие люди могли действовать под его покровительством.

Когда я возвратился к О Дон Чжину после поступления в Юйвэньскую среднюю школу, к счастью, он и его жена предложили мне столоваться не в общежитии, а в их доме до окончания школы. Я эту их благосклонность принял. Откровенно говоря, мне очень повезло, если иметь в виду материальное положение, в котором я находился тогда.

Я должен был учиться, пользуясь поддержкой матери, но она ослабела от болезни. Ведь и зимой и летом она целыми днями без отдыха стирала чужое белье, занималась шитьем по найму и посылала мне каждый месяц примерно 3 *воны*. На эти деньги я должен был покупать тетради, учебники, из них же приходилось платить за обучение, и мне на жизнь оставались какие-то крохи, на которые нельзя было даже купить и пару обуви.

Раз таково было у меня положение, то нельзя было не воспользоваться советом и помощью друзей отца. Находясь в Гирине, я сперва кормился в доме О Дон Чжина, а после его ареста – около года в доме Чан Чхоль Хо, несколько месяцев в доме Хен Мук Гвана. Некоторое время был и в доме Ли Уна, командующего группировки Чоньибу, пришедшего на смену О Дон Чжину.

Крупные фигуры, проживавшие тогда в Гирине, в большинстве своем имели глубокие дружественные отношения с моим отцом, окружали меня всесторонней заботой и любовью. Часто посещая квартиры друзей отца, я стал знакомиться со многими кадрами Армии независимости и руководителями движения за независимость, встречался с разношерстными людьми, приходившими в Гирин.

К тому времени почти все кадры группировки Чоньибу постоянно находились в Гирине. Группировка эта имела колоссальный центральный аппарат, состоящий из административных, финансовых, юридических, военных, учебных, дипломатических, прокурорских, контрольных учреждений, имела даже местные органы, взимала и налоги с корейских соотечественников, проживавших в контролируемых ею районах. Она действовала подобно независимому государству. Для охраны этого огромного аппарата группировка имела при себе постоянную охрану, состоявшую из 150 с лишним воинов.

Гирин – один из провинциальных центров Китая. Он, как и Мукден, Чанчунь, Харбин, был одним из политических, экономических и культурных центров Маньчжурии.

Главарем Гиринской военной комендатуры был Чжан Цзосян, двоюродный младший брат Чжан Цзолина. Он не всегда слушался японцев. Если они делали донос, кто является коммунистом, а кто – элементом неблагонадежным, он заявлял, что это их не касается, и отказывался принимать их донос. Он поступал так скорее по своей неграмотности или из-за чрезмерного самолюбия, чем из каких-то политических убеждений. Такой его характер создавал благоприятные условия для революционеров и участников общественного движения.

Большинство корейцев, переселившихся в Маньчжурию, проживали в провинции Гирин.

По ряду таких обстоятельств, гонимые японскими войсками и полицией многочисленные сторонники движения за независимость и коммунисты Кореи собрались в Гирин. Таким образом, этот город превратился в арену

политической деятельности для корейцев, стал ее центром. Не случайно, что японцы и оценили его как «очаг антияпонского выступления в трех провинциях, Северо-Востока Китая».

Во второй половине 20-х годов нашего столетия Гирин служил местом сосредоточения глав группировок Чоньибу, Чхамибу и Синминбу, являвшихся основными силами националистического движения Кореи в Маньчжурии. Такую работу, как издание газет, открытие школ, деятели движения за независимость вели в основном в Хуадяне, Синцзине и Лунцзине, но их главы развертывали свою деятельность в Гирине.

В Гирине шныряли и фракционеры из группировок Эмэльпха, Хваёпха и Сосанпха, чтобы расширить сферу влияния своих фракций. И из участников коммунистического движения почти все видные фигуры, выдававшие себя за особых персон, пробирались в Гирин. Словом, здесь скапливались люди всех мастей: и националисты, и коммунисты, и фракционеры, и эмигранты. В этот провинциальный центр собирались и представители учащейся молодежи, стремившейся к новому и блуждавшей в поисках истины.

Одним словом, Гирин можно было назвать местом сосредоточения идейных течений всех мастей и всех разновидностей. Здесь я, подняв знамя коммунизма, развертывал свою революционную деятельность.

Когда я приехал в Гирин, некоторые члены ССИ, как мы договорились в Хуадяне, уже обосновавшись в Гирине, состояли в Вэньгуанской средней и других школах, в железнодорожном депо и речном вокзале.

Не успела облететь по городу весть о моем приезде в Гирин, как они нагрянули в дом командующего О Дон Чжина. «Со всем у нас тут туго – с деньгами, с питьевой водой и с дровами, зато хорошо – книг уйма», – вот, мол, каково их впечатление от жизни в Гирине. Да, положение было именно такое. Я в шутку говорил им: когда богат книгами, можно терпеть и муки голода. Это была и моя искренняя исповедь.

Хорошее впечатление производила и на них Юйвэньская средняя школа. По их словам, среди преподавателей и сотрудников школы есть люди, принадлежавшие гоминьдановской правой фракции, но абсолютное большинство преподавателей находились под влиянием коммунистической партии, либо преклонялись перед тремя народными принципами.

Это меня успокаивало.

Впоследствии было выяснено, что и преподаватели Шан Юэ и Ма Цзунь были членами Компартии Китая.

Мы поклялись в новом городе прилежно учиться истине революции и отдавать все силы борьбе за осуществление цели ССИ.

И члены ССИ, оставшиеся в Хуадяне, тоже отправлялись в поисках арены своей деятельности в уезды Фусун, Паньши, Синцзин, Люхэ, Аньту, Чанчунь, Итун и другие корейские населенные районы Маньчжурии. Среди них находились и товарищи, которые обратно возвращались в свои роты, чтобы служить в Армии независимости.

В таком городе, как Гирин, где обстановка так осложнялась, незначительным активом завоевать массу людей на свою сторону, чтобы они прислушивались к

нашему голосу, и бороться за осуществление идеалов ССИ было не легко.

Но мы были полны твердой решимости: каждому стать искрой, воспламенять сердца десятка и сотни окружающих людей и поднять их на борьбу, а той сотне – снова тысячу, десятки тысяч людей и таким образом преобразовать мир.

Моя деятельность в Гирине начиналась с дальнейшего глубокого изучения марксизма-ленинизма, что начиналось еще в Хуадяне. Общественно-политическая обстановка в Гирине подливала масла в огонь моей решимости еще глубже познать новое идейное течение. Я больше увлекался чтением работ Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, чем учебными предметами, которым обучали в школе.

Китай того времени переживал период бурных революционных лихолетий. Здесь выпускали в переводе много замечательных книг, издаваемых в СССР и в Японии. В Пекине выходил журнал «Фаньи юэкань» («Ежемесячник переводов» – ред.), на его страницах часто публиковались прогрессивные литературные произведения, привлекавшие внимание учащихся и молодежи. Таких книг, которых нельзя было и увидеть в Фусуне и Хуадяне, здесь можно было доставать сколько угодно. Но у меня не было денег на книги. Вам, читателям, даже трудно поверить, если я скажу, что в то время я обувался в спортивную обувь только тогда, когда ходил в школу, а, вернувшись домой, бегал почти разувшись.

К тому времени в библиотеке, находившейся на улице Нюмасянцзе, брали за чтение книг по 10 *чон* в месяц, и я каждый месяц брал читательский билет. Возвращаясь домой из школы, заходил в библиотеку, по нескольку часов читал там книги и газеты. Вот таким-то образом я и мог читать

разные печатные издания, расходуясь на это вот так незначительно по своему карману.

А когда за неимением денег не удавалось взять хорошие книги, зная, что они поступили в книжный магазин, я подбивал учеников из богатых семей покупать эти книги. У них-то мы затем брали и читали их. Среди учеников из богатых семей были и такие, которые книг не читали, но все же брали и клали их в книжный шкаф ради декорума, чтобы пощеголять ими.

К тому времени в Юйвэньской средней школе заведовали ее работой на демократических началах. И заведующего библиотекой избирали раз в полгода на общем собрании учеников. Избранный заведующий имел право составлять план работы школьной библиотеки и доставать книги.

В годы учебы в Юйвэньской средней школе два раза избирали меня заведующим библиотекой. Пользуясь этим случаем, я доставал много книг и по марксизму-ленинизму.

Книг-то было достаточно, но было очень жаль, что на чтение их времени никак не хватало. Я старался экономить для чтения каждую минуту, чтобы за предоставленное мне время для учебы как можно больше прочесть книг и глубоко вникнуть в суть их содержания.

Мой отец с детства воспитывал во мне привычку после чтения книг излагать их главное содержание и поучительные моменты. Эта привычка давала себя знать. Когда тщательно читаешь книгу, ухватываясь в ней за главное, то, каким бы сложным ни было ее содержание, можно было четко и ясно познавать его, и за короткий срок прочитать много книг.

В годы учебы в средней школе я читал книги ночами напролет, и читал их не только из увлечения чисто научными знаниями, или из-за простого любопытства, особой пытливости. Я копался в книгах и не для того, чтобы стать учеными или продвинуться по лестнице служебной карьеры. Я пытался найти в книгах ответы на вопросы: как разгромить японских империалистов и вернуть себе страну? Как ликвидировать социальное неравенство и создать счастливую жизнь для людей труда? Где бы и какие бы книги ни читал я, всегда стремился найти ответы на эти вопросы.

В ходе таких стремлений, можно сказать, утверждалась моя позиция – относиться к марксизму-ленинизму не как к догме, а как к оружию практики, найти критерий истины не в абстрактной теории, а всегда в конкретной практике корейской революции. К этому времени с большим увлечением я читал «Манифест Коммунистической партии», «Капитал», «Государство и революция», «Наемный труд и капитал» и другие произведения классиков марксизма-ленинизма и посвященные им книги.

Вместе с политической литературой я читал много и революционных художественных произведений. Особый интерес привлекали к себе произведения Горького и Лу Синя. Если в Фусуне и Бадаогоу я читал много таких книг о жизни старых времен, как «Сказание о девушке Чхун Хян», «Сказание о девушке Сим Чхон», «Сказание о флотоводце Ли Сун Сине», «Путешествие на Запад», то в Гирине читал «Мать», «Железный поток», «Моление о счастье», «Подлинная история А-Кью», «На берегу реки Амнок», «Мальчик-бродяга» и другие революционные произведения,

также прогрессивные повести, посвященные действительности того времени.

Позже, в дни антияпонской вооруженной борьбы, когда приходилось выносить такое суровое испытание, как Трудный поход, я черпал силу и мужество в таких революционных романах, как «Железный поток», прочитанных в годы учебы в Гирине. Литературные произведения оказывают важное воздействие на формирование мировоззрения человека. Вот почему при каждой встрече с писателями я говорю им, что надо больше создавать революционных романов и повестей. Ныне и наши писатели создают немало крупных революционных произведений.

Пробуждению нашего политического сознания способствовало и непосредственное знакомство с несправедливыми общественными явлениями того времени и трагической жизнью народа.

К тому времени среди переселенцев, приходивших из Кореи в Маньчжурию, было много тех, кто уходили через Гирин в другие края. Нам приходилось часто слышать от них о мрачной действительности нашей страны.

Переселенцы, переправлявшиеся через реку Амнок, проезжали из Дандуна по Южноманьчжурской железной дороге до Чанчуня, а оттуда уезжали по Дунчжиской магистрали в Северную Маньчжурию или через Гирин по магистрали Гирин – Чанчунь в близлежащую горную глушь, или от Мукдена уезжали по железнодорожным линиям Мукден – Хайлун и Гирин – Хвэрен в Дуньхуа, Эму, Нинань.

В зимнюю стужу и ранней весной на Гиринском вокзале и в гостиницах мы часто встречались с

переселенцами из Кореи. Среди них были люди, которым приходилось пережить всякие муки и невзгоды.

Однажды я вместе с моими товарищами смотрел в театре выступление *чанси*. После этого выступления эта самая исполнительница *чанси* пришла к нам и спросила, не знает ли кто-нибудь человека по фамилии Чвэ, и назвала имя своего любимого. Мы были удивлены тому, что артистка говорила по-корейски: ведь в Корее нет такого выступления *чанси*.

Ее звали Ок Бун, родом она из провинции Кенсан. Однажды ее отец, встретившись с соседом за рюмкой, договорились породниться между собой, если у одного родится сын, а у другого – дочь. А если у обоих народятся сынки или дочки, то пусть они станут названными братьями или сестрами. И, как по заказу, в одной семье родился сын, а в другой – дочка. В знак их помолвки они, разрезав шелковый платок на две части, взяли их каждый с собой. Они жили бедно, вынуждены были покинуть родной край в поисках средств к существованию. Семья жениха обосновалась в Гирине, успела приобрести квартиру и послать его в Вэньгуанскую среднюю школу. Семья имела небольшую рисоочистительную фабрику и жила без нужды. А семья невесты добралась до Дандуна. Кончились все деньги, собранные на дорогу, пришлось продать дочку Ок Бун китаянке. Она училась под кнутом исполнению *чанси*, стала артисткой. А когда она достигла зрелого возраста, жаждала встречи с парнем, которого родители на родине выбрали ей в женихи. Каждый раз при выступлении в новом районе она тайком от хозяйки посещала корейцев и обращалась к ним с привычным для себя вопросом.

В тот день и состоялась волнующая встреча между артисткой Ок Бун и женихом, парнем, который учился в Вэньгуанской средней школе. Ок Бун, отказавшись быть артисткой, хотела остаться у мужа. Но китайская хозяйка гастрольной труппы потребовала огромную сумму денег в качестве выкупа за девушку. И она обещала парню вернуться в Гирин, когда она, сэкономив за несколько лет деньги, возместит ими выкуп за себя.

При виде такой трагедии сердце мое обливалось кровью, пылало гневом и возмущением. Учащиеся осыпали китайскую хозяйку, такую бесчеловечную, признающую только деньги, гневной бранью, называя ее «гадюкой».

Жизнь в крупном городе, где сотни тысяч людей, обливаясь потом, вели борьбу за существование, не могла скрыть бич классового общества.

Как-то летним днем под палящим солнцем мы с товарищами возвращались с сопки Бэйшань. На дороге шла ссора между рикшей и богачом. Видимо, богач, приехавший на двуколке, дал мало денег за проезд. Рикша, протянув руку, потребовал увеличить плату, ссылаясь на то, что отныне наступил мир «трех народных принципов» и следует обращать внимание на «народное благоденствие». Вместо того, чтобы увеличить плату, толстосум крикнул ему в ответ: «Ты знаешь лишь «три народных принципа», а не знаешь «пять конституционных прав», – и ударил тростью рикшу.

Возмущенные учащиеся набросились на богача и потребовали доплатить ему…

Такие испытания вызывали в нас недовольство и сомнения: почему мир устроен так, что одни катаются на двуколках, а другие тащат их, одни роскошествуют в

великолепных домах с двенадцатью воротами, а другие нищенствуют, прося милостыню?

Революционное мировоззрение, можно сказать, формируется в том случае, когда человек, начиная сознавать свое классовое положение и свои интересы, проникается ненавистью к эксплуататорскому классу, духом защиты интересов своего класса, а далее станет на путь революции, решившись построить новое общество.

Читая классиков марксизма-ленинизма и другие революционные книги, я начал сознавать свое классовое положение и, знакомясь с общественными явлениями, убедился в их глубоком неравенстве, и росли во мне идеи ненависти к эксплуататорским классам и эксплуататорскому обществу, и, в конечном счете, я встал на путь борьбы, решившись преобразовать и перестроить мир.

Чем больше читал я труды Маркса и Ленина, чем глубже вникал в них, тем больше горело во мне стремление как можно скорее распространять их революционное учение среди учащейся молодежи.

Первое знакомство в Юйвэньской средней школе завязалось у меня с корейским учеником Квон Тхэ Соком. В первые дни моей учебы в этой школе корейских учащихся было только четверо. Из них только он и я увлекались коммунистическим молодежным движением, а остальные были равнодушны к политическому движению. Они знали только деньги, думали только об одном: окончив школу, заниматься торгашеством.

Мы с Квон Тхэ Соком были сходны и в стремлении, и в оценке общества, поэтому с первого дня сошлись и характерами. Из китайских учеников сближался со мной

Чжан Синьминь. Он все время ходил со мной, чаще всего обменивался мнениями по политическим вопросам. Темы наших разговоров охватывали широкий круг разных проблем, начиная с социального неравенства и кончая реакционностью империализма, агрессивными поползновениями японских империалистов в Маньчжурии, предательскими действиями гоминьдановцев.

Еще к тому времени в Гирине марксизм-ленинизм оставался лишь предметом сочувствия для учащейся молодежи. Одни только из любопытства перелистывали классику: «Посмотрим, что за личность Маркс, он, дескать, выдающийся человек», а другие только и думали: «Если не знаешь, что такое марксизм, значит, отстающий от тенденции времени».

Учитывая опыт, приобретенный в Хуадяне, я сперва организовал в Юйвэньской средней школе секретный кружок для чтения из нескольких товарищей-единомышленников. Кружок считал своей миссией и целью твердое вооружение прогрессивно настроенной учащейся молодежи идеями и теорией марксизма-ленинизма. Эта организация расширялась с необыкновенной быстротой, а после распространилась и на Вэньгуанскую, первую, пятую и женскую средние школы, педучилище и на ряд других учебных заведений Гирина.

С расширением рядов членов кружка для чтения мы достали одну из комнат рисоочистительной мельницы, ведаемой сторонниками движения за независимость, и с помощью членов Общества корейских учащихся в Гирине сами ведали библиотекой.

Теперь у нас библиотеки имеются повсюду. Если примем еще решение, то построим такую большую

библиотеку, как Народный дворец учебы. Но в те времена, собственно говоря, только нашими силами, одними голыми руками оборудовать библиотеку было не легко. Надо было покупать книги, поставить книжные полки, достать столы и стулья, а денег у нас не было. И по воскресеньям приходилось работать по найму на стройке железных дорог: перетаскивать шпалы на плечах и таскать гальку с берегов реки. И ученицы выходили на рисоочистительную мельницу подбирать необрушенный рис в рисовой крупе. Так мы с трудом зарабатывали несколько грошей и покупали книги.

Мы, оборудовав таким образом библиотеку, да еще с секретными книжными полками, предназначенными специально для революционных книг, вывешивали в разных пунктах города объявления с кратким, но интересным содержанием книг. И учащиеся наперебой стали приходить к нам в библиотеку.

Чтобы привлечь к себе учащихся, мы заимели в библиотеке и повести о любви. И многие юноши и девушки приходили, чтобы прочесть именно повести о любви. Таким образом мы, вызвав в них интерес к книгам, начали выдавать им одну за другой книги общественно-политические. Когда они, читая их, начинали постепенно пробуждаться, тогда мы стали выдавать им из секретных книжных полок труды классиков марксизма-ленинизма и революционные романы.

Тогда мы выдавали им и романы Ли Гван Су, такие, как «Возрождение», «Бездушие», «Первопроходец». Накануне Первомартовского движения Ли Гван Су, находясь в Токио, составил «Декларацию о независимости от 8 февраля». Он отдал себя делу движения за независимость, писал много

прогрессивных произведений, поэтому юноши и девушки с увлечением читали его повести. Но впоследствии он, изменившись, не мог писать произведений, имеющих воспитательное значение, и в конце концов написал такое реакционное произведение, как «Жена революционера». После создания Антияпонской партизанской армии я, возглавив ее отряд, отправился в Южную Маньчжурию и по пути сделал кратковременную остановку в Фусуне, где и прочел этот роман. «Жена революционера» рисует пошлую жизнь одной женщины. Когда ее муж, коммунист, слег в постель, она вступает в любовные отношения со студентом медучилища, приходившим лечить ее мужа. Этот роман направлен на надругательство над коммунистами и компрометацию коммунистического движения.

По субботам и воскресеньям мы часто собирались в Гиринской церкви или в Бэйшаньском парке, там проводили сбор, где делились своими впечатлениями о прочитанных книгах. Вначале были и такие учащиеся, которые выступали с пересказами содержания повестей о любви. Но собравшиеся для дела более серьезного потребовали прекратить пустяковый разговор. После такого посрамления и сами учащиеся, погрязшие в романах о любви, стали добровольно читать романы революционные.

Для более широкого распространения революционных идей среди учащейся молодежи и масс мы применяли и метод *таншу*.

Однажды у меня заболела шея и пришлось пропустить урок, чтобы сделать компресс. Возвращаясь из школы, я заглянул на сопку Бэйшань: там вокруг слепого сидела масса людей, слушая его. Я подошел поближе. Слепой умело и интересно выучил наизусть отрывок из старой

книги «История троецарствия». Он с особым увлечением читал такие моменты, как тот, когда Чжугэ Лян, пустившись на хитрость, одним ударом громит вражеские позиции, читал, бия в барабан. Прекратив вдруг рассказ на самом занимательном месте, он протянул руку к слушателям, прося подаяния. В то время китайцы такое выступление называли *таншу*. Это был хороший метод для привлечения масс.

Впоследствии и мы таким же образом распространяли революционные идеи.

Среди нас был оригинальный парень: у него хорошо подвешен язык, он умел красиво говорить и балагурить. По нашему поручению он работал среди верующих и лучше, чем священники, читал молитвы и выучивал наизусть библию. Вот ему и поручили такое задание – исполнить *таншу*. Он исполнял его лучше, чем при чтении библии. В комнатах для гостей и в парках, где собиралось много людей, интересно читал наизусть роман с поучительным содержанием и всякий раз получал высокие оценки. Слепой брал деньги за исполнение *таншу*, а он денег не брал. Зато он, прекратив свой рассказ на самом интересном моменте, выступал с агитационной речью, обещал завтра в какой-то час продолжать свой рассказ. На следующий день люди минута в минуту собирались в условленном месте, чтобы дослушать роман.

Из людей, сдружившихся через книги, глубокое впечатление произвел на меня Пак Со Сим.

На оживленной улице Гирина был большой дом книги «Синьвэньшушэ». По нескольку раз в неделю я заходил в этот магазин. Его посещал и Пак Со Сим как постоянный покупатель. Каждый раз он перед книжной полкой, где

продавались общественно-политические книги, подолгу стоял, чтобы узнать о поступивших в продажу книгах. Поэтому там мы не раз встречались с ним. Он был худощав, высокого роста, интеллигентен.

Когда мы вместе с учащимися покупали уйму книг для ученической библиотеки, он бывал доволен, словно подбирая книги себе, и давал нам советы: какова эта книга, какие книги обязательно надо купить и прочесть. Так книги сводили нашу дружбу с Пак Со Симом. Когда я ходил в школу из Дундатаня, некоторое время он вместе со мной жил в одном доме, где я столовался.

Пак Со Сим – пришелец из Сеула. Он, человек со слабым здоровьем, не пожелал участвовать в коммунистическом движении, писал короткие статьи для газет и журналов. Его заметки, вероятно, были опубликованы в газете «Хэчжо синмун» («Морской прилив» – ред.) и журнале «Чосончжигван» («Свет Кореи» – ред.). Он не проявлял большую заинтересованность в общественном движении, но всеми фибрами души ненавидел фракционеров. Он был человек прямой и сведущий, поэтому деятели общественного движения, приходившие в Гирин, пытались перетянуть его каждый на свою сторону.

Пак Со Сим ночи напролет читал «Капитал», изданный на японском языке. Он был заядлый книголюб: если у него нет денег, закладывает в ломбард даже свою одежду, но книгу обязательно покупает. Он был не стиляга, который, прочитав несколько книг, разъясняющих работы классиков марксизма-ленинизма, выдает себя за большого теоретика, а человек, штудировавший почти все важнейшие труды Маркса и Ленина.

Пак Со Сим был для меня незабываемым учителем, предлагавшим мне прочесть «Капитал» и разъяснявшим его содержание. И в «Капитале», как и почти во всех трудах Маркса, немало трудных для понимания мест. Он читал нам пояснительную лекцию на тему «Капитала». Для понимания работ классиков нужны были популярные справочники о них и нужен был проводник. Пак Со Сим честно выполнял роль проводника. Он был человек действительно эрудированный.

Был случай, когда я обратился к нему с просьбой рассказать о положениях классиков марксизма-ленинизма о пролетарской диктатуре. Он за несколько минут выучил наизусть положения классиков марксизма-ленинизма о диктатуре пролетариата, изложенные ими с различных сторон на разных этапах развития истории. Судя по теории и знаниям, его можно было назвать корифеем марксизма. Однако и у такого Пак Со Сима было и непонятное, темное место.

Однажды я спросил у него: в книгах классиков марксизма-ленинизма говорится, что классовое освобождение пролетариата – прежде всего, а после – освобождение национальное, но в нашей стране рабочие и крестьяне должны прежде всего освободиться от ига японского империализма, только тогда они могут освободиться и в классовом отношении, не так ли? В то время по этому вопросу среди наших товарищей шел большой диспут.

К тому времени в классике марксизма-ленинизма мало указывалось относительно теоретического объяснения взаимоотношений между классовым освобождением и национальным освобождением рабочего класса. Насчет

национально-освободительной борьбы в колониальных странах было немало вопросов, требовавших научного объяснения. На мой вопрос Пак Со Сим дал ответ довольно туманный.

И еще я спросил: «В классике марксизма-ленинизма в общем плане указывается, что революция в метрополии тесно связана с революцией в колониальных странах, и подчеркивается только значение победы революции в метрополии. А если так, то возьмем, к примеру, нашу страну. Не означает ли это, что она может стать независимой только тогда, когда рабочий класс Японии выйдет победителем в революции у себя? Значит, мы должны сидеть сложа руки до тех пор, пока он победит?»

И на этот вопрос Пак Со Сим ответить не смог. Он некоторое время смотрел на меня удивленными глазами. Потом сказал:

– Как указывается в трудах классиков, ставить классовое освобождение пролетариата выше, чем национальное, считать борьбу рабочего класса в метрополии важнее, чем национально-освободительная борьба в колониальных странах, – это вопрос об общепризнанной в мировом масштабе линии международного коммунистического движения.

Я отрицательно покачал головой: мне было непонятно это. Ему тоже было досадно, и он откровенно признался, что изучал марксизм-ленинизм чисто с научной точки зрения, что ему и думать не приходилось о нем в сочетании с конкретной революционной практикой – с вопросами о достижении независимости Кореи и коммунистическом строительстве в ней.

Почему-то его слова огорчили меня. Никакого не будет толку, если, как он говорил, будешь изучать коммунистическое учение только с научной точки зрения, оторвавшись от практики.

К тому времени самые большие переживания, которые мы с товарищами испытывали, изучая передовые идеи марксизма-ленинизма, заключались в разнице между обстановкой в Корее и обстановкой в России, когда совершалась Октябрьская революция: ведь и мы тоже решили, как и русские, перестроить общество революционным путем и освободить страну.

Как осуществить пролетарскую революцию в такой колониальной стране, как Корея, являющаяся отсталым полуфеодальным государством? Как держать связь с революциями в соседних странах, прежде всего в Китае, в условиях, когда из-за жестоких репрессий японского империализма приходилось оставить Родину и вести борьбу на китайской земле? Как выполнить национальный долг перед корейской революцией и интернациональный долг перед мировой? Жизнь выдвинула перед нами ряд сложных вопросов.

Для поиска правильного ответа на эти вопросы требовалось много времени, приходилось и дорого отплачиваться за это.

В дни изучения марксизма-ленинизма мы с Пак Со Симом были в близких отношениях, он был глубоко втянут в наши революционные устремления.

Он вступил в Антиимпериалистический союз молодежи и Коммунистический союз молодежи, вместе с нами самоотверженно участвовал в работе по воспитанию и просвещению детей и молодежи. Тот, кто копался только в

книгах, теперь, приняв смелое решение, вышел на практическую арену. Велик был его энтузиазм.

Но он страдал тяжелой болезнью. Впоследствии мы отправили его в Калунь для лечения туберкулеза. Он построил себе шалаш на брегу реки Укайхэ, примерно в 5 *ли* от Цзяцзятуня, сам варил себе кашу, жил в одиночестве.

В дни, когда я действовал в Калуне и Уцзяцзы, выкроил время и посетил его. Он очень обрадовался моему приходу. Мы делились воспоминаниями о прошлом, обсуждали уйму вопросов.

Тогда он впервые показал мне фотоснимок своей жены. Я этому крайне удивился. Мне думалось тогда, что он с женой или в разводе, или нет ее в живых. По этой фотографии можно было видеть, как она красива, и видно было, что это женщина образованная, вполне современная. Он сказал, что недавно от нее из Сеула пришло письмо.

– Почему же ты не взял ее сюда с собою?

– Она из богатой семьи, дочь богача, – ответил он.

– А когда женился, ты что – не знал, что она из богатой семьи?

В ответ на мой вопрос он тяжело вздохнул и говорит, что после женитьбы изменилось его мировоззрение.

Его ответ тогда звучал для меня слишком странно, и я снова спросил, действительно ли он забыл о ней. Он откровенно сказал, что да, до сих пор он считал ее забытой, но недавнее письмо заставило его часто вспоминать о ней.

И я от души предложил ему, что если он искренне любит ее, надо ее взять к себе. И еще я ему сказал:

– Если не можешь воспитать даже свою жену, то как можно свергнуть старый мир и построить новый? А будет у

тебя жена рядом, она поможет тебе поскорее избавиться от болезни. С нею это будет сделать легче.

Он согласился с этим, но вздохнул.

– Я послушаюсь тебя, Сон Чжу. Ведь это ты предлагаешь. Но моя жизнь на исходе. Песня моя уже спета…

У него не было детей. Да не было и имущества для потомков, не было и наследия духовного. По его словам, он решил было посвятить свою жизнь изучению марксизма-ленинизма и хотел обязательно написать книгу, которая послужила бы интересам рабочего класса, но и это ему не удалось. С горечью сетовал он, что когда был еще в расцвете сил, не знал настоящей истины и не мог о ней писать, а когда эту истину познал, здоровье не позволяет заняться этим трудом.

Эти его слова очень меня огорчили. Он был верен наукам, был так прилежен, пытлив и ищущ. Если он, не погрузившись только в книги, пораньше бы вник в практику нашей борьбы, то нашел бы ценную теорию, которая послужила бы революционному делу рабочего класса, имел бы он и практические заслуги. Настоящая теория рождается в практической борьбе и на практике проверяется и ее правильность. Эта практика, о которой нам ни на минуту не следует забывать, – это независимость Кореи, счастье нашего народа. К сожалению, он ушел от нас, только что познав эту истину.

Да, жену свою из Сеула он все-таки привез. Пользуясь ее прилежным уходом, он до последней минуты своей жизни писал короткие статьи и заметки. Умер он в Калуне.

Наши предки говорили: «Если ты утром познал истину, не будет обидно умереть вечером». Но нам очень обидно,

что такой человек, как Пак Со Сим, который мог бы сделать многое, ушел от нас, только что познав истину.

Я провел в Гирине более трех лет. В моей жизни он остается тем краем, который произвел на меня поистине неизгладимые впечатления. В нем я постиг марксизм-ленинизм как научное учение, с его помощью еще глубже убедился в практической истине, ведущей к независимости Кореи и счастью народа.

Если я мог быстро постичь истину нового идейного течения, то это произошло от горя и гнева, что родился сыном лишенной Родины нации. Нестерпимые несчастья и страдания нашей нации заставили меня рано самостоятельно мыслить и смело дерзать. Я близко к сердцу воспринял судьбу своей многострадальной Родины и нации как свою собственную судьбу. Она внушила мне высокое чувство национального долга.

В годы моей деятельности в Гирине утвердилось мое мировоззрение, которое укрепилось во мне как несокрушимая вера, что и стало идейно-духовной пищей на всю мою жизнь.

Накопленное и испытанное в Гирине помогло мне в дальнейшем заложить основу самостоятельных революционных идей.

Учеба – это основной процесс, который обязательно следует проходить революционеру для самовоспитания, это необходимый духовный труд, который нельзя прекращать ни на единый денек для создания духовного капитала, призванного содействовать прогрессу и преобразованию общества. Исходя из опыта, приобретенного мною в ходе поиска передовых идей в Гирине, я и поныне подчеркиваю, что учеба есть первейший долг революционера.

2. Учитель Шан Юэ

Если Пак Со Сим открыл мне путь к «Капиталу», то дорогу к «Матери» Горького и ко «Сну в красной беседке» проложил мне Шан Юэ – преподаватель литературы Юйвэньской средней школы.

Прошло немного времени, как он взошел на кафедру. Всю школу облетела новая весть: пришел новый преподаватель литературы – выпускник факультета английской литературы Пекинского университета. Ученики взволнованно ждали первого урока литературы.

Но в сердцах школьников, встречающих нового педагога, таилась и тревога. Нас беспокоила мысль: что будет, если ведомство просвещения назначило агента спецслужбы преподавателем литературы? Кстати, среди преподавателей Юйвэньской средней школы, назначаемых ведомством просвещения, немало было неблагонадежных элементов, подкупленных военщиной.

Прошло немного времени после того, как Чжан Сюэлян по указке Чан Кайши замахал гоминьдановским флагом над маньчжурской землей. Из Шэньяна чанкайшистские спецслужбы уже протягивали к Гирину свои щупальца. Гоминьдановские холуи пока не успели цепко схватить в свои лапы Юйвэньскую среднюю школу, но каждое действие преподавателей и учеников школы, сильных новыми идеями, теперь постоянно находилось в поле зоркого взора военщины и ее приспешников.

Именно в такое время и был назначен к нам новый преподаватель. И вполне естественно, что воспитанники, напрягши нервы, ждали урока литературы.

Новый учитель первой же лекцией развеял в пух и прах настороженность школьников и «монополизировал» наше внимание. Да это было и понятно: всего лишь за час он добился понимания учениками большого сюжета произведения «Сон в красной беседке» в 120 глав. Взяв существенное из произведения, он крепко увязал его в своем рассказе с важнейшими жизненными деталями. Большое умение рассказчика сразу позволило нам полно и глубоко понять роман – его жизненную логику и процесс отмирания одной дворянской семьи, где безраздельно царила патриархальная традиция.

После урока учитель вышел из класса. Среди учеников раздались восторженные возгласы: «Вот и закатилось золотишко в Юйвэньскую среднюю школу!»

На уроке учитель очень распространенно рассказывал о содержании самого произведения, но об авторе сказал мало. На следующий день я встретил его прогуливающимся по краю спортплощадки школы и попросил поподробнее рассказать о Цао Сюэцине, авторе этого романа. Он сказал, что времени было мало и ему пришлось сократить свой рассказ о биографии писателя, но вполне естественно и то, что я об этом спрашиваю. Потом он подробно рассказал мне о жизни Цао Сюэциня и об истории его семьи.

Когда он кончил свое объяснение, я тут же обратился к нему еще с несколькими вопросами насчет взаимоотношений, взаимообусловленности между происхождением писателя и классовым характером произведения.

И на эти мои вопросы он дал исчерпывающие и ясные ответы. Заметив, что это – его личное мнение, он сказал:

– Да, это факт, что происхождение писателя влияет на классовый характер его произведения, но абсолютным фактором, определяющим характер его творчества, является не происхождение, а мировоззрение самого автора.

В подтверждение своего суждения он и взял Цао Сюэциня. Писатель родился, сказал он, в дворянской семье, окруженной особой заботой императора Канси, рос в среде богатых людей, но он сумел показать образно реальность обреченного на провал феодального Китая и неизбежность его крушения, потому что мировоззрение его прогрессивно.

– Очень хорошо, что ты, Сон Чжу, пришел ко мне, – одобрительно сказал он. – Если ты встретил что-то непонятное или тебе хочется получить к чему-то дополнительное пояснение, то без всяких колебаний и немедленно обращайся к преподавателям за помощью. Таким должен быть подход ученика к науке, к поиску. Не стесняйся временем и местом, пусть это тебя не сковывает, больше задавай вопросов. Я люблю таких учеников, которые много спрашивают.

Мне понравились его слова: «Больше задавай вопросов». Надо сказать, что еще в годы ученичества в начальной школе я слыл как ученик, задающий много вопросов. И в Юйвэньской средней школе я все беспокоил учителей своими многочисленными вопросами.

Учитель Шан Юэ сказал, что у него есть и «Сон в красной беседке», и справочник-конспект о биографии Цао Сюэцине и что я в любое время могу брать у него книги, если захочу. Итак мне посчастливилось быть первым гостем в доме учителя.

Мой дедушка часто говорил: то, что ученик часто бывает в доме учителя, поощрять не стоит. И многие старшие на том же настаивали, как и мой дед. Что скрывать, такие люди нашлись среди представителей старшего поколения, которые росли, вызубривая в частной школе *содан* строки учебника «Тонмонсонсыб». Последователи дедовского взгляда на этот счет встречались среди и тех взрослых, которые считали себя «цивилизованными», мол, благодаря новым наукам. Эти люди говорили: «Если ученик часто заглядывает в жизнь и быт своего учителя с черного хода, то такой воспитанник не считает своего наставника человеком необычным. И учителю надо вести себя так, чтобы воспитанники считали его святым человеком, который не ест и даже не мочится. Тогда он может быть вправе учить других. Для этого ему надо жить, отгородив себя от других надежной ширмой». Таков был подход дедушки к учительскому делу.

Я слышал от него, что подобное мнение у него сложилось давно, когда еще мой отец в детстве учился в *содан*.

Называли в те времена эту школу Сунхваским *содан*. Там учительствовал некий Ким Чжи Сон. Он был ужасным любителем выпить. За водкой он забывал все, бывал просто вне себя. Мой отец был тогда старостой класса. Учитель почти каждый день принуждал старосту бегать за водкой. Вначале отец послушно выполнял такую учительскую просьбу. А однажды отец увидел его, заядлого пьяницу, в грязной канаве, в которую он свалился по пути из школы домой. С этого дня соображения отца на этот счет изменились.

И вот как-то раз, вручая моему отцу в руки большую бутылку, учитель опять послал его за водкой. Перешагнув через порог, отец бросил эту бутылку на скалу, и она разлетелась вдребезги. Вернувшись в школу, доложил учителю:

– За мной гонялся тигр, я упал на камни и бутылку разбил…

Слушая его, учитель, пораженный этой чепухой, с горькой усмешкой промолвил:

– Так, значит, с горы Пэкту тигр добрался до Мангендэ. Какой отвратительный вид был у меня! До того, как ты, Хен Чжик, стал врушкою. Я виноват, что посылал тебя за водкой…

После этого учитель бросил пить.

Хотя наставник расстался с горилкой, но в памяти моего отца глубокий след оставил вид учителя, который, упав во хмелю в канаву, насытил воздух вокруг запахом водки. Вот из этой истории и взят исток убеждения деда, что учитель может закрепить за собой право педагога, только живя за ширмой.

Когда учитель Шан Юэ еще не успел отгородить себя от людей такой ширмою, мне и удалось вторгнуться в глубину его жизни, которая не была еще открыта никому.

На полках его личной библиотечки стояли сотни книг. Это была самая обильная, самая оригинальная из виденных мною библиотек. Учитель Шан Юэ, я бы сказал, был книжным богачом. На полках его было много и романов на английском языке и биографической литературы.

Я никак не мог отойти от полки. «Если проштудировать все эти книги, что тут на полках, то получатся ли знания в объеме вуза? Как мне повезло, что он, учитель Шан Юэ,

пришел в нашу школу!» – погруженный в такие мысли, я брал что попадало в руки и заглядывал в книги.

– Позвольте спросить, – обращаюсь я к учителю, – сколько лет заполняли вы эти полки?

Он с улыбкою подошел к полкам и глянул на меня глубоко душевным взглядом.

– Кажется, около десяти лет.

– А сколько, по-вашему, нужно лет, чтобы прочитать все эти книги?

– Если со всей прилежностью, то года за три, а с ленью – за сотню.

– Если я пообещаю прочесть все эти книги за три года, то вы можете допустить меня до этой библиотеки, открыть мне все ее книги?

– С удовольствием. Но только при одном условии.

– Если вы разрешите мне читать их, я приму все условия.

– Условие вот какое. Будь ты, Сон Чжу, писателем. Я давно хотел вырастить в своем резерве одного-двух писателей, которые служили бы пролетарской революции. Не будешь ли ты, Сон Чжу, одним из них?

– Спасибо вам за столь большое доверие. Собственно, предмет этот, литературу, я особенно люблю. С большой симпатией отношусь и к профессии писателя. Только не знаю, выберу ли я для себя дорогу литературы после достижения независимости страны. Мы, знаете, сыны народа, лишенного Отечества. Мой отец всю жизнь прожил в муках, прошел все лишения, чтобы вернуть потерянную Родину, и умер, не доживая до этого. Я решил продолжить дело отца и посвятить себя в будущем борьбе за независимость. Вот каков мой величайший идеал, большая

моя надежда. Борьба за освобождение нации станет моей профессией.

Прислонившись к полке, он с серьезным выражением на лице то и дело кивал головой. Подойдя ко мне, положил руку мне на плечо и тихо сказал:

– Молодец, Сон Чжу! Если борьба за независимость станет твоим идеалом, то я всю эту библиотечку тебе открою. Условие – этот идеал.

Я получил от него «Сон в красной беседке» и вернулся домой.

А в следующий раз он дал мне повести Цзян Гуанцзы «На берегу реки Амнок» и «Мальчик-бродяга». Я с большим интересом читал эти произведения. Неизгладимое впечатление произвела на меня, в частности, повесть «На берегу реки Амнок», главные герои которой – корейские девушка и парень, Ун Го и Ли Мэн Хан.

А потом я получил от него «Мать» Горького.

Так у нас с ним складывались особенные отношения через книги, литературу. Он давал мне читать любую книгу, какую бы я ни попросил. А книги, каких нет у него в библиотечке, доставал сам у других. Настолько был он заботлив обо мне, тратил на меня свое время не жалея. А в качестве «оплаты» за книги он обязательно требовал от меня отзывов о прочитанном.

Мы делились с ним мнениями и насчет произведения Горького «Враги» и романа Лу Синя «Моление о счастье».

Мы, естественно, часто обменивались своими взглядами на литературу. В центре нашей беседы тут была проблема – миссия литературы. Много разговоров было о том, как она отражает реальную действительность, как влияет на развитие общества.

Шан Юэ охарактеризовал литературу как светоч, ведущий человечество к разуму. Если машина стимулирует развитие производства, часто говорил он, то литература совершенствует достоинства человека, который приводит в действие эту машину.

Шан Юэ с особой признательностью относился к Лу Синю и его произведениям. Он был литературным другом Лу Синя, одним из руководимых им кружковцев. В бытность свою в литературном кружке Шан Юэ написал рассказ «Обух топора», которому Лу Синь дал добрую оценку. В рассказе говорится о выступлении местных жителей Лошаня против феодальных привычек. По словам Шан Сяоюань, дочери учителя, Лу Синь, прочитав этот рассказ, выразил свое недовольство им. Он заметил, что в произведении не хватает остроты.

Преодолев незрелость первоначального периода творчества, Шан Юэ создал в 30-е годы идейно и художественно отточенные произведения, такие, как роман «Заговоры», заслужившие положительную оценку читателей. В то время этот роман печатался сериями на страницах журнала в провинции Юньнань. В 80-е годы издательство «Народная литература» в Китае выпустило этот роман.

Кроме этих произведений, Шан Юэ подарил читателям романы «Копье» и «Проблема собаки». И перейдя на педагогическую работу, он ни на минуту не прекращал своей писательской деятельности. И конечно же отнюдь не случайно, что он и меня намеревался вести к литературной трибуне.

У него я брал даже «Избранные сочинения Чэнь Дусю». Чэнь Дусю был одним из основоположников

Коммунистической партии Китая, одно время держал в руках реальную власть партии.

В самом начале он не очень хотел, чтобы эта книга попала в мои руки, опасаясь, как бы я не оказался под негативным влиянием правоуклонистской капитулянтской линии Чэнь Дусю. По словам учителя, до его поступления в Пекинский университет Чэнь Дусю был деканом литературного факультета и многие преподаватели и студенты гордились, что Чэнь Дусю работал в их университете.

– Одно время и я, признаться, почитал Чэнь Дусю. Я читал издаваемый им журнал «Синьциннянь» («Новая молодежь» – ред.) и первые его статьи. Я, собственно, увлекался ими даже незаметно для самого себя. Но теперь и в моих взглядах на Чэнь Дусю произошли перемены.

Так признавался сам Шан Юэ. По его словам, в период движения 4 мая и основания компартии Чэнь Дусю пользовался любовью огромной массы людей. А потом интерес к нему сполз наземь потому, что он ратовал за правооппортунистическую линию.

Оппортунистические ошибки Чэнь Дусю наиболее всего проявились в его подходе и его позиции по крестьянскому вопросу. Еще в 1926 году Сталин отметил, что крестьянство является основной силой на антиимпериалистическом фронте Китая и самым главным, надежным союзником рабочего класса. А Чэнь Дусю крестьянством пренебрег. Он, боясь столкновения крестьян с выходцами из *тухао* (местный богач – ред.), выступил против вмешательства крестьян в администрацию и их активной самозащиты. Короче говоря, он хотел ограничить борьбу крестьян за свои интересы.

Ошибка его заключалась в том, что он под предлогом борьбы против империализма выступил против революции в деревне и боялся, как бы не удалилась буржуазия от революционного фронта. Его капитулянтская линия, наоборот, стимулировала измену буржуазии революции.

Таковы были взгляды учителя Шан Юэ на Чэнь Дусю.

В статьях Чэнь Дусю, как справедливо отметил Шан Юэ, содержались элементы капитулянтства, которые нанесли бы огромный вред делу революции.

Прочитав «Избранные сочинения Чэнь Дусю», мы много часов беседовали с учителем Шан Юэ, обмениваясь взглядами на крестьянский вопрос. Беседы шли по проблемам: каковы общность и различие места крестьянского вопроса в корейской и китайской революциях, что надо учесть в ленинской стратегии по крестьянскому вопросу, как побудить крестьян выполнять роль главного отряда революции.

Я ответил:

– Как земледелие считается основой основ на свете, так и крестьянство, может быть, должно рассматриваться как величайшая сила на свете.

Подтверждая правоту моих слов, Шан Юэ сказал:

– Пренебречь крестьянством – значит пренебречь земледелием, пренебречь землей, так что любая революция в этом случае не избежит провала, какой бы хороший идеал она ни имела.

Он добавил еще, что ошибка Чэнь Дусю состоит в том, что он забыл об этом принципе.

После такой беседы я, в конце концов, убедился в том, что учитель Шан Юэ – коммунист. И он, в свою очередь, понял, что я занимаюсь комсомольской работой. У него

были удивительные восприимчивость и способность распознавать сущность вещей.

Шан Юэ вступил в КПК в 1926 году. Он руководил в родном краю крестьянским движением, был арестован гоминьдановской реакционной военщиной, более года мучительно страдал в армейской тюрьме в провинции Чжэцзян. Впоследствии он был освобожден на поруки при помощи военного врача-корейца. Заменив фамилию и имя на Се Чжунву, он переселился в Маньчжурию и по ходатайству Чу Тунаня начал преподавать в Юйвэньской средней школе в Гирине.

После того, как мы обменялись мнениями по крестьянскому вопросу, мы часто беседовали с ним о политических проблемах. К тому времени среди молодежи и учащихся Гирина оживленно шли политические дискуссии. Китай переживал период большой революции, в Корее происходил подъем массового движения. Поэтому была уйма проблем, которые вызывали полемику.

В то время среди корейской молодежи стал предметом разговора вопрос: какой метод лучше – Ли Чжуна или Ан Чжун Гына? Шли жаркие дискуссии. Многочисленная молодежь, учащиеся придавали решающее значение методу борьбы Ан Чжун Гына.

О его методе я с особым вниманием выслушивал учителя Шан Юэ. Он сказал: поступки Ан Чжун Гына, конечно, патриотические, но метод его борьбы авантюристический. Его взгляд совпадал с моей мыслью. Я думал, что в борьбе против агрессии японского империализма ни в коем случае невозможно победить, опираясь на террористические акты, на методы расправы с крупными одним-двумя приспешниками военщины, и что

достичь намеченной цели можно лишь при условии воспитания народных масс, пробуждения их сознательности и мобилизации всего народа на борьбу.

Обменялись мы с ним также мнениями об истории агрессии японского империализма в Корее, его колониалистской политике в Корее, о его агрессивных поползновениях в Маньчжурии, о настроениях военщины, о необходимости сплоченности и сотрудничества народов Кореи и Китая в борьбе против империализма и агрессии.

К тому времени среди учеников Юйвэньской средней школы шло много разговоров вокруг позиции Лиги Наций по вопросам разоружения. При этом немало учащихся питали иллюзии в отношении Лиги Наций. Поэтому я и написал статью, в которой говорилось, что Лига Наций прибегает к обманным трюкам в вопросе разоружения. Многие школьники поддержали мою статью. Ознакомившись с нею, Шан Юэ сказал, что мой взгляд правильный.

После прибытия в Гирин Шан Юэ, хотя и прервалась нить связи с организацией компартии, много раз выступал с просветительными лекциями по разъяснению произведений Горького, Лу Синя и других прогрессивных писателей. Как-то по приглашению членов тайного читательского кружка он читал лекции на тему «Выступим против империализма!» Специальные лекции эти шли неделю в школьной библиотеке. Отклики на эти лекции были замечательными. И я этими добрыми отзывами вдохновлял учителя.

Прогрессивностью своих идей, высокой ответственностью за воспитание подрастающего поколения, большой эрудицией, особенно в проблемах культуры и

истории Востока и Запада старых и современных времен, Шан Юэ пользовался любовью воспитанников.

Это, конечно же, было не по душе реакционным преподавателям, подкупленным военщиной, и они подло пытались подорвать его авторитет как педагога. Воспитанники школы, пользовавшиеся поддержкой и защитой преподавателя Шан Юэ, также стали предметом клеветы и инсинуации с их стороны.

Один из таких преподавателей по фамилии Фэн угрожающе предложил директору школы Ли Гуанханю исключить корейских школьников из учебного заведения. А инспектор по спорту Ма изощрялся в попытках пустить недобрую репутацию против меня – мол, корейцы враждебно относятся к китайским учителям. И каждый раз, когда происходили такие неприятности, Шан Юэ заступался за меня.

Преподаватель английского языка тоже с нескрываемой враждой относился к ученикам, стремившимся к новому идеологическому течению. Он был до мозга костей проникнут идейкой низкопоклонства, с жгучим презрением относился к народам Востока. Этот низкопоклонник дошел даже до того, что позволил себе сказать вот такое: люди Запада едят тихо, а китайцы за обеденным столом слишком шумят и чавкают, что является выражением их дикости. Он сам был китаец, но разыгрывал из себя европейца.

Он с нескрываемым нахальством наговаривал всем об «отсталости» народов Востока. Это нас задело, и вот мы, когда нам довелось помогать поварам в столовой, нарочно приготовили блюдо *танмен* (вид лапши – ред.). Потом к столу пригласили преподавательский состав.

Блюдо было горячее, и потому в тот день в столовке было полно чмоканья. И тот самый преподаватель английского языка ел *танмен* с шумным чмоканьем. Он дул на это огненное кушанье, не жалея легких своих, и брал в рот лапшу с величайшим трудом. Видя это, ученики покатывались со смеху. Он догадался, что так это блюдо они приготовили нарочно, чтобы загнать его в тупик с его «культурой» и вкусами. И, покраснев до ушей, он поспешно удалился из столовой.

После этого, вот так проученный, он больше не говорил таких оскорбительных слов против народов Востока. Кстати сказать, он был чрезмерно пропитан духом низкопоклонства перед Западом, и ученики школы не проявили своего энтузиазма на уроках английского языка.

В 1929 году нажим на Шан Юэ со стороны реакционных преподавателей еще более усилился. Однажды он убедительно утверждал, говоря о спорте, что в нем, в спорте, главное качество – его массовость, а не опора на узкий круг мастеров. При этом он имел в виду, что баскетбольную площадку школы монополизируют особо отобранные игроки. Недовольные этим его выступлением, игроки-хулиганы группою напали на него, когда он после уроков возвращался из дому в корпус школы. Предвидя это, я позвал комсомольцев и членов Антиимпериалистического союза молодежи, и мы заблаговременно предотвратили готовившуюся пакость. Пожурив хулиганов, мы разогнали их.

– Каких славных холуев вскормил Ма! Сволочи, хуже червей! – жаловался Шан Юэ, глядя на сверкающие пятки улепетывающих нахалов.

– Это не удивительно. Это же тоже одна из форм классовой борьбы, не так ли, учитель? Надо предусмотреть в дальнейшем и более острые столкновения, – сказал я, улыбаясь, может быть, и горько.

– Да, ты прав, – подтвердил он мои слова. – Мы же сейчас боремся с военщиной…

Впоследствии Шан Юэ отчаянно боролся за возвращение в школу тех воспитанников, которые подлежали несправедливому исключению из школы по указанию ведомства просвещения. За это его сняли с должности преподавателя, и он ушел из Юйвэньской средней школы.

В то время я руководил массовыми организациями в Чанчуне и Калуне. Когда я вернулся в школу, прибежал ко мне Квон Тхэ Сок и передал мне письмо учителя Шан Юэ.

В письме было написано: «Я уезжаю побежденным в схватке с военщиной. Но в будущем мы ее победим. Ты, Сон Чжу, решил прожить жизнь как сын Родины и народа. За твой идеал я , где бы ни находился, пошлю тебе, Сон Чжу, наилучшие пожелания».

Такими были последние слова учителя Шан Юэ.

После этого мне не довелось ни разу встретиться с ним. Только я однажды узнал, что он жив. В 1955 году он прислал мне свою статью «Исторические отношения между мною и Маршалом Ким Ир Сеном в детстве», а в 1980 году подарил мне «Исторический очерк Китая». В то время я, читая их, вспоминал об ученических годах в Юйвэньской средней школе, когда мы обсуждали с ним ситуации в Корее и Маньчжурии, рассуждали об агрессивной политике японского империализма, о совместной борьбе народов

Кореи и Китая. И я от всей души благодарил моего старого учителя.

Каждый раз, когда посещали нашу страну китайские руководители, я спрашивал их об учителе Шан Юэ. Однако встреча с учителем, к моему большому сожалению, не состоялась. Вернее было бы сказать, что я, со своей стороны, не выполнил свой моральный долг бывшего его ученика. Но государственная граница, действительно, странная и необычная вещь!

Шан Юэ работал профессором в Китайском народном университете в Пекине и в 1982 году скоропостижно скончался.

В 1989 году к нам приехала Шан Цзялань, старшая дочь моего учителя, которая работает сотрудником в НИИ механики АН Китая. А в 1990 году со мной встретилась Шан Сяоюань, его третья дочь. Она преподает в Китайском народном университете.

Когда я заметил на лицах этих дочерей облик моего старого учителя, с которым расстался 60 лет назад, я испытывал неудержимую радость. Пускай нации разные, но близкие чувства не меняются. Эти человеческие чувства не знают барьера в цвете кожи, в языке и вероисповедании. Если была бы рядом площадка Юйвэньской средней школы, то я, нарвав горсть цветов сирени, расцветающей на той площадке, сказал бы им:

– Видите, вот эти цветы любил ваш отец. Я часто встречался с учителем Шан Юэ именно под этой сиренью.

Покинув Гирин, он работал в Харбине, Шанхае, Пекине, Ханькоу, Чунцине, Нинся, Яньане и в других местах. Самоотверженно трудился, занимаясь партийной, педагогической, культурной и журналистской работой.

Одно время, сказали мне, был заведующим общим отделом Маньчжурского провинциального комитета партии.

До последних минут своей жизни он не забывал меня, был верен интернациональным чувствам к близкому соседу Китая, моей Родине – КНДР. Его прах покоится сейчас на кладбище погибших патриотов на горе Бабаошань в Пекине.

Если человек имеет такого учителя, о котором может вспоминать всю жизнь, он, несомненно, счастлив. Значит, могу сказать, что и я счастливый человек.

Когда я тоскую по учителю Шан Юэ, который оставил в памяти о моей молодости неизгладимый след, я мысленно шагаю и шагаю по площадке Юйвэньской средней школы.

3. Коммунистический союз молодежи Кореи

Благодаря активной деятельности членов Союза свержения империализма и тайного читательского кружка быстрыми темпами распространялись идеи марксизма-ленинизма и происходили качественные изменения в сознании учащейся молодежи. Передовая идеология помогала ей глубоко осознать свою миссию перед историей и нацией.

Продолжая повышать политическую сознательность учащейся молодежи, мы объединяли ее в различные организации. Только через такие организации можно было еще шире распространять марксистско-ленинские идеи и быстро выращивать ее руководящее ядро.

Моя революционная деятельность началась именно с молодежно-ученического движения. Так мы начали свою революционную деятельность и придавали молодежно-ученическому движению столь большое значение не только потому, что я был еще учеником, но и потому, что было очень важно место и роль этого движения в деле повышения сознательности рабочих, крестьян и других широких слоев масс и сплочения их вокруг организации.

Марксистско-ленинская теория сравнивает движение учащейся молодежи с ролью моста. Иначе говоря, она определяет, что это движение играет роль моста в распространении передовых идей, в просвещении и пробуждении масс и вовлечении их в революционное движение. Мы тоже одобрили эту теорию.

По мере углубления и развития революции происходили коренные перемены и в наших взглядах и позиции в отношении роли учащейся молодежи в ней. Мы вышли из рамок старой концепции, определившей движущей силой в революции в основном только рабочих и крестьян. Мы же определили это по-новому: учащаяся молодежь тоже составляет достойную главную силу в революционной борьбе. Об этом свидетельствует путь, пройденный молодежно-ученическим движением.

В важных исторических событиях, представляющих собой вершины антияпонской патриотической борьбы в нашей стране до ее освобождения, таких, как Первомартовское народное восстание, движение 10 июня, волнение учащихся в Кванчжу[18], учащаяся молодежь всегда боролась мужественно, идя впереди. Мы открыли силами молодежи новую историю коммунистического движения, развернули 15-летнюю антияпонскую вооруженную борьбу, сделав учащуюся молодежь костяком этой борьбы. И сегодня учащаяся молодежь играет роль ударника в нашей революции.

Можно сказать, что и в южнокорейской революции ведущими силами выступает учащаяся молодежь. Она была повивальной бабкой восстания 19 апреля[19], она же явилась начинателем народного сопротивления в Кванчжу[20] (1980 г.) и знаменосцем июньского сопротивления, свергнувшего власть «5-й республики».

Всему миру известно, что учащаяся молодежь стояла в первых рядах движения 4 мая, которое китайцы считают началом нового демократического движения.

Корейский народ прокладывал не проторенный человечеством путь и в этом процессе непрерывно творил

новый опыт. Богатый опыт его длительной исторической борьбы показывает, что не так отвечает реальным условиям нашей страны старая теория, не считавшая учащуюся молодежь даже прослойкой.

В движении учащейся молодежи в Корее до первой половины 20-х годов наблюдались некоторые недостатки: неустойчивая классовая и антиимпериалистическая позиция и недостаточная связь с массами. Верхушку движения составляли в большинстве своем выходцы из интеллигенции и главное внимание движения было обращено в основном на просветительскую деятельность. Мы же, уделяя серьезное внимание предупреждению подобных недостатков в движении учащейся молодежи, прилагали все усилия к тому, чтобы сделать успешно первый практический шаг.

Но когда мы решили создать свою организацию и объединить в нее учащуюся молодежь, возникли сложные вопросы. При этом самым трудным был вопрос: каким методом и в какой форме создавать нашу организацию в условиях существования старых молодежных организаций, созданных националистами и фракционерами? В Гирине уже существовали различные организации, такие, как Гиринское общество молодежи, Гиринское общество корейских учащихся, Детское общество и другие.

Не будь их, можно было бы создавать беспрепятственно новые организации подобно тому, как построить новый дом на пустом месте. Но нельзя было совсем игнорировать то, что ведут работу с учащейся молодежью уже существующие организации различных направлений.

После серьезного обсуждения мы решили игнорировать имеющие только вывеску и не действующие организации из

существующих и создать новые, а организации, действующие хотя бы и не очень активно, сохранять, использовать и преобразовывать их.

Первой организацией, созданной нами в Гирине, явилось Гиринское общество корейских детей. В то время в Гирине имелось Детское общество, созданное националистами. Но это было одно название, а корейские дети Гирина даже не знали, что существует такая организация. В апреле 1927 года мы создали в церкви Сон Чжон До легальную организацию – ГОКД.

Вместе с Ким Вон У и Пак Иль Пха (Пак У Чхон) я руководил проходившим там собранием, на котором были созданы отделы общества: организационный, пропаганды, культуры и спорта, а также группы по школам и районам.

О тогдашних делах, наверно, хорошо помнит Хван Гви Хон, которая училась в Гиринском женском педучилище и ведала отделом пропаганды этого общества.

Общество это охватывало всех корейских детей в Гирине, включая детей рабочих, крестьян, средних и мелких торговцев и предпринимателей, националистов. Цель ГОКД заключалась в том, чтобы воспитывать детвору на антияпонских идеях и выращивать ее надежным резервом революции. Это общество выдвинуло в своей программе главной задачей своих членов изучение новой, передовой идеологии и пропаганду ее среди широких масс.

В мае того же года мы преобразовали Гиринское общество корейских учащихся в Общество корейских учащихся в Гирине. Первое общество имело немало членов и определенное влияние. Оно было организовано с целью обеспечения дружбы корейской учащейся молодежи Гирина и находилось под попечением националистов. Сон Чжон До

был одним из его советников. Когда мы намеревались реорганизовать ГОКУ в ОКУГ, иные товарищи предлагали совсем оттеснить первое, ссылаясь на то, что оно является чисто дружеской организацией, которой ведают националисты. По их мнению, организация, основанная на национализме, мол, останется в конечном счете националистической, как бы много инокачественного ни добавлялось в нее в количественном отношении. Суть таких утверждений состояла в свержении национализма как старого идеологического течения.

В те времена шла острая конкуренция за завоевание масс. Коммунисты и националисты, противостоя друг другу, наперегонки тянули массы на свои стороны, а внутри самого коммунистического движения разные группировки лезли из кожи вон в попытках привлечь массы к себе во что бы то ни стало. Так, сегодня фракция Сеульпха взяла в свои руки руководство Коммунистического союза молодежи Кореи, а завтра Хваёпха в ответ на это создает Ханянское молодежное общество. А когда послезавтра Хваёпха организует Всеобщую федерацию рабочих и крестьян Кореи, то Сеульпха, в свою очередь, противодействуя этому, создает Кенсонское общество рабочих и крестьян. Это было своего рода злободневное веяние. Сектанты даже организовывали наперебой террористические группы с целью сковать руки другим фракциям.

Однако мы, коммунисты нового поколения, не могли идти по их стопам. Если бы мы пренебрегали ГОКУ и создали в Гирине другую, новую молодежную организацию, следуя методу сектантов, то возникла бы сложная проблема в отношениях с националистами и раскололись бы ряды

учащейся молодежи. Это было бы только вредно для общего дела и никакой пользы не принесло бы.

Мы решили вступить в ГОКУ и, сохраняя его легальное положение, постепенно преобразовать его из чисто дружеской, товарищеской организации в революционную. Я, коммунист, стал его почетным председателем, но оно привлекало к себе мало внимания администрации китайской военщины, так как действовало под вывеской националистов. Руководя работой ГОКУ, я реорганизовал его в ОКУГ.

Внешне новое общество выступало как организация, обеспечивающая дружбу корейской учащейся молодежи, но на деле действовало как революционная организация, осуществляющая идеалы Союза свержения империализма. Переименовав ГОКУ в ОКУГ и превратив его из чисто дружеской организации в революционную, мы обрели ценный опыт в молодежно-ученическом движении.

С момента, когда начали действовать созданные нами организации, стала меняться атмосфера в городе Гирине. Прежде всего неузнаваемо изменился режим дня учащейся молодежи и детей. Члены ГОКД и ОКУГ каждый день проводили утренние сборы по соответствующим районам. А в воскресенье все члены этих организаций, живущие в городе, поднимались рядами на гору Бэйшань, шествовали с песнями по улицам и устраивали спортивные соревнования на площадке у подножия Бэйшаня.

В работе с учащейся молодежью и детьми мы применяли разнообразные методы и формы соответственно их вкусу и уровню сознательности. Среди учеников, состоявших в ГОКД, было немало сыновей и дочерей христиан. Они подвергались религиозному влиянию своих

родителей так сильно, что верили, будто на свете действительно существует бог. Не было никакого толку разъяснять им, что бога нет и наивно верить в его существование.

Однажды я предложил учительнице одной корейской начальной школы, находившейся под нашим влиянием, вместе с учениками, верующими в бога, пойти в церковь и совершить богослужение. По моему совету она пошла в церковь, взяв с собой нескольких учеников, и предложила им целый день молиться, повторяя: «Всеведущий и всемогущий господь, мы голодны, дай нам хлебцы и хлебушка». Но им никак и никакая пища никем не была доставлена, и они по-прежнему голодали. После этого я предложил этой учительнице пойти вместе с учениками на пшеничное поле, где уже убран урожай, собирать оставшиеся колосья. Она пошла на поле, взяв с собою учеников, и они собрали много колосков. Затем эти колосья обмолотили, испекли хлеба и раздали его ученикам. Вкушая этот хлебец, они стали думать, что лучше доставать себе пищу трудом, чем выпрашивать ее у бога молитвами.

Возможно, это весьма простой эпизод, но и такое было своеобразным способом преобразования сознания молодежи и детей в ликвидации старых обычаев.

Мы выступали против того, что ученики ходят совершать богослужение, и неустанно воспитывали их так, чтобы они не оказались в плену суеверия. Но здесь мы вовсе не преследовали цель уничтожения самой религии. Наша цель состояла в предотвращении такого явления, что молодежь и дети, попав под влияние суеверия и абсолютизируя догмы Иисуса, становятся вялым и бездеятельным существом, никудышным в делах

революции. Конечно, не может быть, чтобы верующий не мог принимать участия в революции. Но молодежь и дети, у которых недостаточно научного понимания о мире, могут подвергаться отрицательному влиянию элементов непротивления, содержащихся в религии.

Когда я прибыл в Гирин, некоторые члены Детского общества пели псалом, даже проходя по улицам. Так сильно было влияние на молодежь и детей религии в этом краю. Но как ринуться на огневую точку врага с псалмами на устах? Нам нужны были не верующие, распевающие псалмы, а смелые бойцы, поющие гимн о последнем решительном бое.

Вот почему мы широко распространяли среди молодежи и детей революционные песни. И вскоре члены Детского общества, ходившие до этого с псалмами по улицам, шествовали теперь по городу с молодцеватым видом, распевая «Детскую патриотическую песню» и «Песню о Гиринском обществе корейских детей».

Из мероприятий, которые приняли мы и проводили после создания ГОКД и ОКУГ, до сих пор не забываются семинары по родному языку, проводившиеся во время летних каникул в том году. В этих семинарах принимали участие корейские дети, посещавшие китайские начальные школы, и все дети, не знающие родного языка. Большинство из них родились в Маньчжурии, и говорили они на китайском языке лучше, чем на корейском.

С этого времени мы выдвинули лозунг: «Корейцы должны знать свою Корею!» На семинарах лекции читали по очереди Ке Ен Чхун, Ким Вон У и Пак Со Сим. До тех пор у нас не было профессиональных учителей. И все активисты организации выступали в роли учителя или

лектора. После 20-дневных семинаров все их участники без исключения могли читать детские журналы.

В соответствии с вкусами и склонностями молодежи и детей общества организовали пикник на горе Лунтаньшань и прогулку в Цзяннаньский парк, экскурсию и путешествия в культурные памятники старины, часто устраивали лекции, дискуссии, разные занятия, ораторские конкурсы, читательскую конференцию, распространяли песни, развивали художественную самодеятельность и проводили всякие другие мероприятия.

В то время мы широко использовали Цзяннаньский парк и гору Бэйшань в качестве явочных пунктов. Цзяннаньский парк был расположен на красивом острове на реке Сунгари, напоминающем остров Нынна в Пхеньяне. Капиталисты Гирина высадили на этом острове много деревьев, красиво обустроили его как ботанический сад и наживали деньги, взимая с жителей входную плату. На поляне выращивали арахис. В этом парке мы часто проводили тайные собрания под видом гуляний.

Гора Бэйшань была более благоприятным, чем Цзяннаньский парк, местом для тайных собраний. Парк мы использовали, главным образом, летом, когда он утопает в густой зелени, тогда как Бэйшань можно было свободно использовать во все времена года без сезонных ограничений. Бэйшань была парковой зоной, где собиралось людей больше, чем где бы то ни было в Гирине. Поэтому на этой горе и вокруг нее была размещена сеть бытового обслуживания наиболее густо, чем в других местах города. По обе стороны дороги в гору стояли тесными рядами столовые, ресторанчики, палатки, где продавали мороженое, магазины игрушек, табачные киоски,

галантерейные лавки, чайные, увеселительные заведения и т. д. Там был также большой магазин «Цзингуан», где продавали специально европейские товары.

Бэйшань привлекала к себе внимание людей не только своей природной красотою. На этой горе находились многие знаменитые памятники старины, в том числе храм Яованмяо. В этом храме совершали жертвоприношения «лекарственному духу».

В Гирине каждый год три дня с 4 по 6 июня определяли сроком обряда приношения жертв и проводили на Бэйшане официальные мероприятия по празднованию рождения «лекарственного духа» под ведением провинциального правительства. В этих мероприятиях участвовали не только простой народ, но и государственные чиновники. Срок жертвоприношения в три дня объявлялся законным отпуском по работе.

Когда проходили эти мероприятия, полиция устанавливала временный полицейский пост восточнее шоссе у подножия горы Бэйшань, проводила сюда телефонные провода, а на горе даже размещала группу полицейских, чтобы обеспечивать порядок в сети учреждений бытового обслуживания. Были установлены неусыпный надзор и контроль, чтобы не возникал пожар от огня, в котором сжигали благовония в храмах Яованмяо, Гуандимяо и Няннянмяо. За эти три дня божественных мероприятий даже кучера и рикши зарабатывали денег в 10 раз больше, чем в обычные дни.

Торговцы считали эти три дня обряда жертвоприношений самым удобным для них моментом для наживы, а знатные и передовые люди города использовали их как самое удобное время для общественного

просвещения масс под вывеской провинциальных курсов распространения общих знаний. Появлялись всюду просветители разных профессий и, размахивая кулаками, произносили страстные речи о патриотизме, морали, законности, эстетике, о предпринимательстве, о физкультуре, санитарии и т. д. Наблюдалось поистине поразительное зрелище, какое нельзя было видеть больше нигде, как только тут – на горе Бэйшань.

В такой суматохе и мы тоже то разъясняли массам передовые идеи, то проводили тайные собрания. Подвал храма Яованмяо служил нам как бы специальным помещением для заседаний. Монах этого храма был человеком, которого мы привлекли на свою сторону.

В годы учебы в Гирине я часто читал и публичные лекции, порою выступал с речами на дискуссиях, организуемых националистами. О Дон Чжин, Ли Тхак и другие руководители Чоньибу, пользуясь важными памятными датами, такими, как «день национального унижения» (29 августа), 1 марта, день рождения Тангуна (3 октября) и т. д., часто устраивали публичные лекции и дискуссии для соотечественников, учащейся молодежи и детей города.

Члены ОКУГ часто спорили: чей метод был более правильным – Ли Чжуна или Ан Чжун Гына? Но как они ни спорили, их дискуссии не было видно конца. Поэтому летом того года, когда ГОКУ было реорганизовано в ОКУГ, мы организовали в церкви Сон Чжон До дискуссию по этому вопросу с участием всех корейских учащихся города. После этой дискуссии намного пробудились молодежь и дети Гирина. Они впервые поняли, что террор не помогает, а петиция и подавно, что полагаться на помощь других

держав – это химера, что нужно найти новый путь, чтобы добиться независимости Кореи.

В то время на дискуссиях и читательских конференциях, проведенных в Гирине, широко обсуждались вопросы, связанные с практикой корейской революции.

Ежегодно каждое воскресенье первой недели мая мы объявили «Днем Общества детей». В этот день мы для создания атмосферы сплоченности устраивали также спортивные соревнования корейской молодежи и детей города Гирина с участием их родителей, знатных людей и деятелей движения за независимость.

Сплотив таким образом учащуюся молодежь и детей, мы вовлекли их в работу по просвещению и воспитанию масс. Даже члены Общества детей лет десяти во время каникул шли в ближайшие села Цзяндун, Людамынь, Синьаньтунь, Дахуангоу и просвещали крестьян, помогая им и в полевых работах.

В Гирине, где шла острая фракционная грызня, мы сплотили воедино молодежь и детей, которые тут действовали вразнобой. Это был, несомненно, ценный успех и опыт.

С активизацией деятельности ГОКД, ОКУГ и марксистско-ленинского читательского кружка быстро росли в Гирине и его окрестностях революционные силы нового поколения с их ядром – членами Союза свержения империализма.

Даже японский генеральный консул в Гирине пронюхал это и стал обращать внимание на нашу деятельность. Напуганный быстрым ростом новых революционных сил в Гирине и его окрестностях, он в официальном докладе министру иностранных дел своего правительства писал, что

эти силы отличаются высокой организованностью и впредь могут выступать грозным противником, так что следует обратить на этот факт серьезное внимание.

Мы, махнув рукой на сектантскую грызню и не оглядываясь ни на кого и ни на что, шли в гущу народных масс и самостоятельно прокладывали путь революции. Из-за своей фракционности Коммунистическая партия Кореи не смогла обеспечить единства своих рядов и была расколота на части, а националистические силы не располагали надлежащей исполнительной способностью и не могли уходить своими корнями в массы. Вот почему японские империалисты боялись нас больше, чем их. Весть о том, что в Гирине возникло новое движение, долетела до Кореи и Внутреннего Китая, не говоря уже об отдельных районах Маньчжурии. Это известие широко распространялось, главным образом, учащимися, которые занимались в Гирине, и их родственниками.

Многочисленные юноши и девушки стекались в Гирин из Кореи, Японии, Приморья и различных районов Маньчжурии, с тем чтобы присоединиться к нашему движению. Приехала к нам молодежь самых разных политических убеждений, разной биографии и принадлежности к организациям: юноши из Армии независимости, нуждавшиеся учащиеся, которые занимались в Японии без материальной поддержки, молодые люди, боровшиеся в России с белогвардейщиной, юноши, которые, окончив офицерскую школу Вампу, участвовали в Гуанчжоуском восстании, парни, скрывавшиеся в разных местах от преследования гоминьдановской реакции, приверженцы Ленина, сторонники Сунь Ятсена, поклонники Руссо и т. п. К этому

времени пришли к нам также Ким Хек, Чха Гван Су, Ким Чжун, Чхэ Су Хан, Ан Бун и другие.

Мы воспитывали и приняли их в ССИ и одновременно с этим расширяли сеть организаций в различных школах города.

В ходе этого мы думали, что необходимо создать такую организацию, которая могла бы охватывать больше людей, имея более широкую сеть, чем ССИ. Исходя из этого, 27 августа 1927 года мы преобразовали ССИ в Антиимпериалистический союз молодежи, а на следующий день без промедления создали из актива ССИ Коммунистический союз молодежи Кореи. АСМ был нелегальной антиимпериалистической массовой организацией, унаследовавшей лозунги и программу ССИ без изменения. Организация состояла в основном из корейской молодежи, но мы вовлекали в нее также и китайскую молодежь, придерживающуюся стойкой антиимпериалистической позиции.

АСМ внес большой вклад в дело объединения широких масс антияпонски настроенной молодежи в революционные ряды и упрочения в массах базы для антияпонской борьбы.

Эта организация охватывала Вэньгуанскую среднюю школу, Гиринскую среднюю школу № 1, Гиринскую среднюю школу № 5, Гиринское педагогическое училище, Гиринскую женскую среднюю школу, Гиринский юридический институт и все учебные заведения города, где занимались корейские учащиеся. Она пустила свои корни в Цзяндуне, Синьаньтуне и других сельских местностях вокруг Гирина, а также в уездах Люхэ, Хуадянь, Синцзин и прилегающих к ним районах. Ее сеть распространялась на все места, где была корейская молодежь.

Спустя некоторое время АСМ начал печатать на ротаторе пропагандистские материалы.

В ту пору мы по субботам после уроков сразу шли в окрестные деревни, чтобы как можно больше объединить молодежи. Обратно возвращались во второй половине воскресенья, выполнив свою работу.

Мы создали комсомол немедленно после преобразования ССИ в АСМ потому, что немногим более за полгода в Гирине, Фусуне и их окрестностях росли различные легальные и нелегальные массовые организации, вовлекавшие в свои ряды учащуюся молодежь, и что в таких условиях была насущно необходима организация, призванная руководить всеми ими в едином порядке.

Создание нового авангарда молодежи было закономерным требованием развития молодежного движения того времени. До тех пор я имел связи со всеми организациями, и связи между ними поддерживались лично через меня. Чвэ Чхан Гор, Ким Вон У, Ке Ен Чхун и другие тоже участвовали в работе организаций учащейся молодежи только в качестве отдельных молодых коммунистов.

Создание новой авангардной организации выдвинулось как настоятельное требование обстановки.

В то время японский империализм торопился с захватом Маньчжурии. Империалисты Японии, усиливая репрессии над корейским народом, лезли из кожи вон, чтобы подавить в Маньчжурии антияпонские выступления корейского и китайского народов, делая это в сговоре с реакционной военщиной.

Корейская молодежь повсюду поднялась на борьбу против японского империализма и реакционной военщины Китая. Такая обстановка выдвинула насущную

необходимость организации сильного авангарда, способного сплотить учащуюся молодежь организационно, руководить ею в едином порядке и искусно направлять ее борьбу.

И в свете реального положения молодежного движения, в котором происходил процесс раскола рядов вследствие грызни узколобых националистов и фракционеров за гегемонию, создание авангарда, призванного спасти молодежь от кризиса раскола и повести ее по верному пути единства и сплоченности, встало перед коммунистами нового поколения эпохальной задачей, не терпящей ни малейшего отлагательства.

В те времена на Северо-Востоке Китая существовал Маньчжурский коммунистический союз корейской молодежи – нелегальная молодежная организация. Действовали и легальные молодежные организации – Молодежные федерации Южной, Северной и Восточной Маньчжурии, Гиринский, Гильхвэский, Самгакчжуский союзы молодежи и др.

Сектанты разных толков наперегонки тянули к себе эти молодежные организации. Националисты различных группировок тоже протягивали к ним свои руки, перегоняя друг друга. В результате сами члены этих организаций не знали, в какого характера организации они состоят, коммунистического или националистического, таким образом учащаяся молодежь была расчленена на разные группы. Были учащиеся, находившиеся под влиянием фракций Эмэльпха и Хваёпха. А дети националистов стояли на стороне разных группировок Чоньибу, Чхамибу или Синминбу, в зависимости от того, к какой из этих группировок принадлежат их отцы, разделялись также на

консервативные и новаторские группы. Они всегда враждовали друг с другом из-за разных взглядов и принадлежности к организации.

Так что до зарезу нужен был новый авангард для того, чтобы объединить расколотое молодежное движение, освободить молодежь из-под влияния националистических сил и фракционеров и повести ее по настоящему пути коммунистической революции.

Откровенно говоря, об этом не пришлось бы нам беспокоиться, если бы тогда Коммунистическая партия Кореи справлялась со своей ролью хотя бы частично. Существовали партия с коммунистическими идеями и многие молодежные организации, но проку от них никакого не было. Это было очень досадно, это нам до боли щемило грудь.

Корейская революция из-за своих особенностей столкнулась со сложными вопросами. На каждом шагу путь ей преграждали многие трудности и препятствия. То и дело возникали сложные проблемы в отношениях с сектантами и националистами, в отношениях с китайским народом и Коминтерном. В довершение всего корейские коммунисты, действовавшие в Маньчжурии, подвергались двойной угрозе со стороны японского империализма и реакционной военщины Китая.

В таких условиях для искусного руководства революцией необходимо было испытанное, надежное руководящее ядро, способное справиться с этим делом, и правильная руководящая теория.

В процессе борьбы за реализацию идеалов ССИ выросло немало хороших молодых коммунистов. Было выпестовано настоящее ядро, способное прокладывать

новый путь молодежного и коммунистического движения в нашей стране, из молодых коммунистов нового склада, не знающих ни фракционной грызни, ни низкопоклонства, свободных от жажды власти и не запятнанных старьем.

В процессе поиска новых идей в Хуадяне и Гирине и прокладки пути борьбы вместе с ССИ мы обрели также определенную руководящую теорию, связанную с практикой корейской революции.

Я решил тогда создать комсомол в качестве авангардной организации, воплощающей в себе эту руководящую теорию, и приступил к разработке его Программы и Устава. В программе особо подчеркивалось, что комсомол руководствуется теорией, тесно связанной с практикой корейской революции, и последовательно отвергает фракционность.

На основе такой подготовки 28 августа 1927 года в подвале храма Яованмяо в Бэйшаньском парке мы провели собрание, на котором было решено создание КСМК. В собрании участвовали Чвэ Чхан Гор, Ким Вон У, Ке Ен Чхун, Ким Хек, Чха Гван Су, Хо Рюр, Пак Со Сим, Пак Гын Вон, Хан Ен Э и другие активисты АСМ и молодые коммунисты.

Я сделал доклад. Уже вышла брошюра с его содержанием. В тот день мы, как во время создания ССИ, пели «Интернационал», положив руки друг другу на плечи.

КСМК был нелегальной молодежной организацией, которая боролась против империализма, за национальное освобождение и коммунизм, он был создан из молодежи, закаленной и проверенной в различных революционных организациях, ядром его стал актив АСМ.

Этот союз представлял собой авангард молодых коммунистов Кореи, призванный возглавлять различные массовые организации.

После основания комсомола мы уделяли особое внимание обеспечению чистоты рядов и укреплению их идейно-организационного единства и сплоченности. Без этого нельзя было сохранить организацию в тогдашних условиях, когда усугубились вылазки жандармерии, полиции, спецслужб и вредительские акты реакционеров и фракционеров.

Комсомол придавал особое значение идейному воспитанию своих членов и прилагал много усилий к занятиям по повышению их политико-теоретического уровня и уровня руководства. В ту пору среди комсомольцев проводились глубокое изучение и дискуссия по таким темам, как «об империализме», «колония и вопрос нации», «очередные задачи борьбы за корейскую революцию» и т. д.

Мы уделяли очень серьезное внимание жизни комсомольцев в организации. Тогда в комсомоле проводились собрания раз в месяц по проверке личной подготовленности, где комсомольцы выступали с отчетами о своей жизни. Комсомольцы закалялись в жизни своих организаций, и комсомол вырос в коллектив с высокой организованностью и дисциплиной.

Мы давали комсомольцам многие и разнообразные поручения: руководить низовыми организациями, просвещать учащуюся молодежь и массы, воспитывать жителей деревни в революционном духе, что помогло им непрерывно закалять себя в практической деятельности.

Вместе с тем мы беспрестанно расширяли ряды комсомола за счет лучших юношей и девушек, закаленных в революционных организациях. Таким образом, в короткий срок сеть комсомола разветвлялась не только в городе Гирине и в его окрестностях, но и в обширных районах Маньчжурии, включая Дуньхуа, Синцзин, Хуадянь, Фусун, Аньту, Паньши, Чанчунь, Харбин, а также в северной части и в других районах Кореи. Комсомол играл роль авангардного отряда в корейской революции. Общепризнанным признаком коммунистического движения является то, что партия брала на себя руководство массовыми организациями. Однако в нашей стране партия не справилась со своей ролью, так что комсомол, взяв на себя и работу партии, должен был руководить также рабочими, крестьянскими и женскими организациями наряду с руководством своими подведомственными организациями молодежи и детей.

После создания КСМК мы шли в гущу масс без особого шума, спокойно. Пусть нас не признает никто, но надо только делать дело, полезное для революции и народа, – такова была наша позиция и воля. Молодые коммунисты нового поколения не рвались к тщеславию и прокладывали шаг за шагом путь революции, тогда как другие, зарясь на гегемонию, сновали туда и сюда, хвастаясь своей «ортодоксальностью».

Комсомол играл блестящую роль в ускорении организационного сплочения молодежи, выращивании ядра и укреплении силы нашей революции. Создание комсомола дало большой толчок деятельности молодых коммунистов, направленной на создание партийной организации нового типа, играло главенствующую, ведущую роль в

осуществлении этого дела. Большинство членов первой партийной организации, созданной летом 1930 года, были передовыми молодыми борцами, выпестованными прежде всего комсомолом.

А недавно мы учредили День молодежи, отмечаемый нами 28 августа, в день создания Коммунистического союза молодежи Кореи.

4. Расширяя сеть наших организаций

После создания АСМ и КСМК мы начали расширять поприще своей деятельности во многих районах. Наши активисты нескончаемым потоком текли из Гирина в другие местные районы для расширения сети организаций.

В то время и я как ученик уходил с этой целью в разные районы. Часто бывал даже в местах, отдаленных от Гирина на сотни *ли*, чтобы найти там новую арену деятельности. По субботам я уезжал вечерним поездом из Гирина в Цзяохэ, Калунь, Гуюйшу и в другие места, а на следующий день возвращался ночным поездом. Неизбежные обстоятельства порой заставляли меня отсутствовать на лекциях. Большинство преподавателей, кроме директора школы Ли Гуанханя и учителя Шан Юэ, считали мое отсутствие странным. Были и такие, которые догадывались: у него нет отца, семья бедная, может быть, он зарабатывает деньги на обучение.

По своему положению я был ведь еще учеником, и мне немало мешало всяких ограничений и сковываний. Да и времени мне всегда не хватало, – лекции, внеурочные занятия, работа с многими организациями в свободное время, было много и всякого другого.

Во время каникул мы могли действовать свободно, не ограниченные временем. В обычные дни мы тщательно проводили подготовительную работу, а с началом каникул разъезжались по разным местам – где-то создавали и укрепляли организации, где-то проводили просветительную работу среди масс. Словом, работы хватало.

Идти в народ – это становилось своего рода социальной атмосферой и в самой Корее. На каникулах многочисленные учащиеся шли в гущу крестьянских масс и проводили среди них просветительную работу. Так, летом того года, когда я был в училище «Хвасоньисук», издательство газеты «Чосон ильбо» в Корее предприняло просветительные меры: образовало просветительные группы из учащихся средней школы и выше, возвращающихся на каникулы, провело для них семинары и направило их в сельскую местность. Члены просветительных групп на родине провели работу по ликбезу, используя учебное пособие по корейскому языку, составленное издательством.

Приехали на каникулы на Родину и корейские учащиеся из Японии. Они создали разъездные лекторские группы и по всей стране проводили просветительную работу. Религиозные секты чхондогё и Общество христианской молодежи тоже шли в массы крестьян и содействовали культурному развитию деревни.

Но просветительное движение учащихся внутри Кореи не могло подняться до стадии воспитания масс в революционном духе и объединения их в организации. Оно не вышло за рамки чисто реформаторского движения, направленного на ликвидацию культурной отсталости нации. И это движение в середине 30-х годов стало переживать период спада. На этом сказывались и жестокие репрессии генерал-губернаторства, которое считало все народные движения, стремившиеся к пробуждению национального сознания, сопротивлением его колониалистской политике. Причиной тому послужила также идейная ограниченность самих руководителей движения.

В том, что движение шло по руслу голого реформаторства, можно убедиться, например, по содержанию деятельности участников движения в деревне. Главными при этом были ликвидация неграмотности и санитарная перестройка бытовой обстановки в деревне. Так, в круг деятельности членов Общества христианской молодежи вошел весь комплекс культурно-просветительных проблем, открывающих сельскому населению дорогу к современной жизни: начиная от улучшения кулинарии и чистого ухода за колодцем и кончая куроводством, шелководством и употреблением оформленных властями удостоверений и заявок.

А мы уделяли большое внимание тому, чтобы, пользуясь благоприятными условиями, когда пока не было прямых репрессий со стороны японского империализма, тесно сочетать просветительную деятельность в деревне с объединением масс в организации и воспитанием их в революционном духе, развивать и превращать ее в одну из форм активной политической борьбы. Наша работа в массах проводилась в направлении пробуждения сознания людей и объединения их в различные массовые организации. Главной линией при этом были патриотическое воспитание, революционное воспитание, воспитание в духе борьбы против империализма и классовое воспитание.

Мы смогли приложить столь огромные усилия для воспитания масс в революционном духе именно потому, что мы, выбившись из скорлупы старого мышления, носители которого считали массы только невежественными, нецивилизованными предметами просвещения, имели и абсолютизировали такие взгляды, согласно которым народ является истинным нашим учителем и основной движущей

силой в революции. С таким взглядом мы шли в гущу народа.

«Идти в народ!» – с той поры это стало девизом на всю мою жизнь.

Идя в народ, я начал свою революционную деятельность, продолжаю революцию и сегодня в гуще народа. Идя в народ, я подвожу итоги своей жизни. Если было бы у меня такое мгновение, когда хоть раз поленился бы общаться с народом, хоть раз забыл бы о его существовании, то я не смог бы сохранить до сегодняшнего дня такую чистейшую, подлинную любовь к народу, которая сложилась у меня еще в десятилетнем возрасте, я не стал бы верным слугой народа.

Каждый раз, когда думаю о сегодняшнем нашем обществе, где максимально обеспечиваются права народа и безгранично умножается разум и творчество народа, я мысленно приношу благодарность гиринским временам, которые впервые посадили нас в «поезд в народ».

Мы начали по-настоящему идти в гущу народа с зимних каникул 1927 года.

Для детей богатых семей зимние каникулы были буквально райскими днями. Всю зиму они то валялись дома, заглядывая в любовные романы, то отправлялись туристскими поездами в Чанчунь, Харбин, Пекин и другие крупные города. В новогодний праздник по лунному календарю лакомились изысканными блюдами, увлекались веселыми играми с бамбуковой хлопушкой, заряженной порохом. Издревле у китайцев есть обычай веселиться целый месяц с первого января до второго февраля по лунному календарю. Они называют второе февраля Днем *лунтайтоу* (день, когда дракон поднял голову).

Праздничные торжества кончаются лишь тогда, когда съедят всю вареную голову свиньи.

Но мы не могли, как они, развлекаться туристскими поездками и праздничными играми. Зато мы размышляли: как использовать каникулы для того, чтобы больше сделать для революции?

Когда начались каникулы, я поехал с художественной агитбригадой в Чанчунь. Потом сразу же по возвращении оттуда мы отправились в Фусун. Со мной поехали Пак Чха Сок и Ке Ен Чхун, пообещав провести всю зиму в моем доме.

Зимние каникулы того года мы проводили в больших хлопотах.

Как только я прибыл домой, меня окружили члены детского союза Сэнар. Они откровенно жаловались на трудности в работе их союза.

Слушая его председателя, я узнал, что ждали своего решения не один и не два вопроса, их оказалось много.

Чтобы помочь им преодолеть трудности, мы выделили много часов работе с членами союза. Руководителей его ознакомили с методами работы художественной агитбригады, поделились с ними опытом общественной деятельности, работы в массах и внутрисоюзной работы, приняли участие в политических дискуссиях и в собраниях по проверке личной подготовленности.

Оказав помощь в деятельности детского союза Сэнар, мы смогли еще организовать Пэксанский союз молодежи из передовых представителей молодежи Фусуна и его окрестностей. Назвали союз Пэксанским в том смысле, что это организация молодежи, живущей вокруг горы Пэкту. Этот союз был разновидностью АСМ. Эту же организацию

мы назвали не Пэксанским АСМ, а просто союзом молодежи. Это было нужно так для того, чтобы ввести в заблуждение врага и замаскировать эту организацию. Пэксанский союз молодежи проводил легальную деятельность, замаскировав себя так, как будто он находится под влиянием национализма.

Приведя в действие членов этого союза, мы создали еще вечерние школы в Цинвацзы и других близлежащих деревнях.

Росли молодежные организации, умножались их ряды. В этих условиях я думал, что должна быть здесь газета, которая давала бы идеологическую «пищу» широким массам молодежи и другим слоям местного населения. Газетное дело нам пришлось начинать буквально с нуля. По собственному желанию нам хотелось, чтобы разовый тираж газеты составлял хотя бы 100 экземпляров. Но у нас не было ни ротатора, ни бумаги.

В Фусуне была, правда, маленькая китайская типография, но ей нельзя было заказать печатание из-за содержания издаваемой нами газеты. И я, наконец, решил написать газету от руки. К этому делу мы привлекли активистов детского союза Сэнар и ПСМ. На выпуск 100 экземпляров газеты у нас ушло более недели. И вот наконец 15 января 1928 года был выпущен в свет учредительный номер газеты под названием «Сэнар».

Размышляю вот сейчас над этим и даже самому не верится: откуда у нас взялась такая огромная сила, чтобы столь много написать от руки! Нередко восхищенным взглядом я окидываю те времена, полные энтузиазма и молодости. В то время мы видели свое единственное

счастье в том, чтобы целиком и полностью отдавать себя делу революции.

Молодость, лишенная надежды на будущее, дерзания, огонька, юношеского задора, боевой воли и романтики, – это не молодость. В молодые годы следует иметь высокий идеал и настойчиво бороться за его претворение в жизнь, преодолевая всякие трудности. Все плоды, выращенные потом и кровью юношества, имеющего новые идеи и здоровый организм, входят в фонд бесценных богатств Родины. Народ никогда не забывает о героях, создавших это достояние.

В пожилом возрасте человек вспоминает пройденные молодые годы. Это годы самые дорогие, потому что именно тогда он может максимально много трудиться как никогда потом уж в своей жизни, и время это, когда можешь вот как много трудиться, – самое у тебя счастливое.

Потом я газету «Сэнар» печатал уже на ротаторе, с большим трудом приобретенном у близких друзей отца.

Самой своеобразной деятельностью за зимние каникулы 1927 года могу считать выступление художественной агитбригады. В работе Фусунской агитбригады приняли участие члены детского союза Сэнар, Пэксанского союза молодежи и Общества женщин. Этот коллектив около месяца гастролировал в Фусуне и в прилегающих к нему деревнях. Наряду с гастрольными выступлениями мы везде создавали свои организации и проводили просветительную работу среди масс. Зимой того года мы создали и поставили в Фусуне такие пьесы, как «Кровопролитие на международной конференции» (Мирная конференция в Гааге в 1907 г. – ред.), «Ан Чжун Гын стреляет в Ито Хиробуми» и «Письмо от дочери».

Перед гастролями агитбригада несколько дней выступала в городе Фусуне. Тут военщина без всякого основания арестовала и посадила меня в тюрьму. Несколько приверженцев феодализма донесли на меня военщине, мол, содержание художественной самодеятельности не отвечает их курсу.

В те дни Чжан Вэйхуа, мой друг по начальной школе, сделал все, что мог, чтобы освободить меня из неволи. Он уговаривал своего отца оказать нажим на полицию, чтобы она не производила обыск в моем доме. Отец его приходил в мой дом когда-то лечиться, познакомился с моим отцом и стал ему близким другом. Он был крупным богачом, но проявил себя совестливым человеком. Когда мой отец в Фусуне выступил инициатором возобновления работы Пэксанской школы и был в очень затруднительном положении в получении санкции на это, он помог отцу получить эту санкцию.

Вот и на этот раз он, такой влиятельный человек, оказал необходимое давление на военщину и она, да и не имевшая никаких улик, ничего не могла поделать со мной и меня выпустила.

В то время корейцы Фусуна группами пошли в ведомство военщины и коллективно протестовали, требуя освободить меня. Моя мать обратилась за помощью к организациям и подняла народ. И даже влиятельные китайцы осудили акты военщины и потребовали выпустить меня на волю. И через некоторое время военщина вынуждена была освободить меня.

Выйдя из полицейского участка, я с художественной агитбригадой поехал в деревню Фучуньхэ. Самодеятельные артисты выступали там три дня подряд. Пришли посмотреть

на наши представления и из соседних деревень. Так что слухи о нашей агитбригаде широко распространялись здесь по окрестностям. Услышав о нас, пришли к нам и сельчане Дуцзидун и пригласили к себе самодеятельных артистов. Мы с удовольствием приняли это приглашение.

Представление в Дуцзидуне прошло с большим успехом. По просьбам сельчан нам пришлось не раз продлевать назначенный срок пребывания тут. Когда закончилось первое выступление, ко мне за сцену прибежал председатель детского союза Сэнар и сообщил, что меня зовет старшина села.

За изгородью дома, в котором мы только что дали представление, меня ждал солидный пожилой человек с трубкой во рту. Из-под густых и длинных бровей его на меня смотрели внимательные глаза. Парень из Дуцзидуна, приведший нас до своего села, подошел ко мне и сказал:

– Вот это старик Чха Чхолли.

Как только я услышал эти слова «Чха Чхолли» (Чхолли означает тысячу *ли* – ред.), отвесил старцу почтительный поклон.

– Прошу прощения за то, что так поздно кланяюсь вам. И не успел поздороваться с вами. Мне сказали, что вы пошли погостить в соседнее село.

– Да, был там в гостях. И поспешил вот сюда на представление агитбригады. Так ты сын Ким Хен Чжика, если не ошибаюсь?

– Вы правы.

– Такой сын был у него? Значит, ему теперь спокойно должно быть хоть и под землей. Такое замечательное представление у меня первый раз в жизни, прежде такого не видал.

Старик так почтительно, с таким ритуалом относился ко мне, что я просто растерялся от такого ко мне обращения.

– Прошу вас, не надо так. Перед вами стоит такой же, как и ваш сын, а вы…

Старик пригласил меня к себе в гости.

Шагая с ним рядом, я потихоньку, осторожно спрашивал его:

– Позвольте спросить… Мне говорили, что вы одолеваете в день тысячу *ли*. Это правда?

– Ха-ха! И до тебя такие слухи докатились. В молодости я был таким. Не тысячу, а пятьсот *ли* одолевал…

Слушая его, я думал, что старик этот не напрасно слыл большим борцом за независимость страны. Понятное дело, «Чхолли» – это не его настоящее имя, это прозвище, которое ему дал сам народ, благодаря чему он и слыл среди корейцев Маньчжурии почти как волшебник.

Помню, мой отец с восхищением рассказывал о походке этого старика. По словам отца, так его начали прозывать еще с тех пор, когда он служил бойцом в Армии справедливости в районе Канге.

После переселения в Маньчжурию он, подчинившись группировке Чхамибу, был, как говорится, под рукой Сим Рён Чжуна. Когда эта администрация попала под распоряжение Шанхайского временного правительства, наиболее решительно этому противился Чха Чхолли. Об этом тогда шло много разговоров. Но старика горячо поддерживали некоторые деятели группировки Чоньибу, которые не очень хотели, чтобы организации Армии независимости находились в руках временного правительства. Большую часть руководства Чоньибу составляли выходцы из армии, и они в большинстве случаев

пренебрежительно относились к временному правительству, в составе которого были гражданские чиновники.

В тот день старик много рассказывал о разных поучительных фактах. Он с горечью и жалостью говорил, что в былые времена корейская нация могла бы отразить иноземных захватчиков – японских самураев, она развивалась бы как достойный народ независимого государства, но потеряла родную страну по вине прогнивших, бездарных правящих кругов – феодалов. Старик утверждал, что движение за независимость не совершишь словами, надо больше уничтожать япошек с оружием в руках. Обращая мое внимание на коварность японских самураев, он сказал, что по отношению к этим врагам надо быть очень бдительными.

– Ты слыхал, молодой человек, как провалилась Кенсонская спичечная фабрика? Товар этой фабрики, спички с маркой «Обезьяна», был широко известен. Спички-то были спичками, а тут марка была особой, что привлекала интерес людей. На марке был рисунок – обезьяна несет на плече ветку персика. Японцы пришли в Корею и построили фабрику по производству зажигающихся обо что угодно спичек. Но, знаете, япошки не могли зашибать деньгу из-за этих вот корейских спичек. Островитяне строили всякие козни и, наконец, придумали коварную вещь – начали массово скупать, десятками тысяч, эти спички с маркою «Обезьяна», увозили их на какой-то безлюдный остров, там замачивали их в воде и потом сушили, такими вот и продавали их затем на базарах. Ясно, что такие спички не зажигались, и покупатели отмахнулись от них, стали покупать только японские. А та спичечная

фабрика, Кенсонская, продала марку товара японской компании и совсем провалилась. Вот какие они, япошки…

Это факт или нет, подтвердить не могу, но рассказ этот стоил, образно говоря, десятка тысяч *лян* для понимания японского империализма.

Старик рассказал, как он в молодости успевал три раза выстрелить из мушкета, пока самураи выстреливали пять раз из пятизарядной винтовки, но теперь старость не позволяет ему сражаться с врагом, и ему очень скучно быть запертым в четырех стенах комнаты.

Он сказал еще, что очень хорош был танец, поставленный нами, с пением «Тансимчжур» («Единодушие» – ред.). Он жаловался, что в прошлом пошла насмарку Армия справедливости потому, что не были объединены силы, да и теперь вон Армия независимости стала хиреть, преследуемая японцами, и это тоже потому, что люди не объединили свои силы и действуют вразброс, каждый сам по себе.

– Пусть корейцев соберется хотя бы трое, но им нужно сплачиваться друг с другом в схватках с японцами, – так взволнованно говорил он.

И был прав. Такие слова никто не мог сказать, кроме того, кто до мозга костей испытывал ценность принципа: в сплоченности – путь к победе, а раскол ведет только к гибели.

Взяв меня за руки, старик сказал:

– Я уже стар, пожалуй, уже не в силах сражаться за независимость Кореи. А молодое поколение должно бороться на славу.

Слушая его, я всем своим существом испытывал высокую миссию, – я как сын Кореи должен свершить революцию и оправдать ожидания народа.

Слова старика и больно, и горячо тронули струны моего сердца. Впоследствии в нашей борьбе большим поучением стал его наказ: корейцы, пусть их соберется хотя бы трое, должны сплотиться в борьбе против японского империализма.

В людях мы не только пробуждали сознание, подымая их на борьбу, но и учились у них. И в то время, как и сейчас, народ был нашим учителем.

И вот я теперь каждый раз, когда встречаюсь с руководящими кадрами, сердечно советую им: идите в народ. Я часто подчеркиваю: быть в гуще народа – значит принимать тонизирующее средство, а уходить от него – принимать яд. Иди в народ – там всегда найдется такой человек, как старик Чха Чхолли. В народе есть и философия, и литература, и политическая экономия.

Впоследствии мне довелось услыхать, что старик Чха Чхолли, служивший командиром охраны группировки Чхамибу, был убит из-за угла своим же начальником Сим Рён Чжуном.

Получив эту скорбную весть, я с гневом и возмущением вспоминал слова старика: «Пусть корейцев соберется хотя бы трое, но им нужно сплачиваться друг с другом в борьбе против японцев». Если бы руководители группировки Чхамибу объединяли свои силы, как учит жизненный девиз старика, то не произошло бы такой трагедии, такого несчастья.

Новогодний праздник по лунному календарю мы отметили в Дуцзидуне.

После праздника я, вернув агитбригаду в Фусун, сам отправился вместе с Ке Ен Чхуном и Пак Чха Соком в Аньту. В этом уезде был поселок Нэдосан, где жили только корейцы. Горная глухомань таилась в дремучем лесу у подножия горы Пэкту. Это было, как говорится, первым селом под небом. Название Нэдосан происходило от смысла того, что в лесу высится гора, подобная острову. Китайцы и называют ее Нэйдаошань в том смысле, что эта гора напоминает сосок груди.

Уже давно в эту деревню приходили участники движения за независимость Кореи. Одно время здесь был и Хон Бом До, старейший предводитель Армии независимости, был здесь и Чвэ Мен Рок.

Сюда, в деревню Нэдосан, мы уже раньше направили члена ССИ Ли Чжэ У (Ли У) с поручением объединить молодежь этой местности в организацию. У нас был план – в будущем превратить окрестности горы Пэкту в большую революционную базу.

Ли Чжэ У был уроженцем провинции Хванхэ. Его отец еще тогда, когда он был в Чанбае, имел связи с моим отцом и участвовал в движении за независимость. Оттого и Ли Чжэ У, естественно, смог идти со мною рука об руку.

Я расстался с ним в Хуадяне. С ним я встретился, когда мы создали в Фусуне Пэксанский союз молодежи. Тогда я с ним обсуждал вопрос о создании филиала ПСМ в поселке Нэдосан. Ли Чжэ У и в шутку и всерьез сказал мне: не поручай только задание, прошу тебя хоть разок прийти самому к нам и помочь на месте.

Расстояние от Фусуна до Нэдосана – более 300 *ли*. Смотришь с китайской земли – это последний поселок Маньчжурии, а смотришь со стороны корейской – это

первое село за горой Пэкту. Окрестность Нэдосана в 40 километрах была безлюдной.

Мы прибыли в эту деревню к вечеру. Нас провел Ли Чжэ У в дом Чвэ – врача по народной медицине.

По словам хозяина, в комнате, где мы остановились, два раза бывал Чан Чхоль Хо, здесь была и Ли Гван Рин. Я испытывал от этого какие-то серьезные, глубокие чувства. «Здесь бывал мой родной отец, – думалось мне, – останавливались и его друзья. А вот теперь в эту местность мы пришли с «плугом» революции».

В Нэдосане мы пробыли несколько дней. Мне стало понятно, почему Ли Чжэ У так настойчиво просил меня прийти сюда. Дело в том, что обосноваться в Нэдосане пришельцам было трудно.

В этой деревне жили в основном люди по фамилиям Чвэ, Ким и Чо. Горцы жили, отгородив себя крепким барьером от внешнего мира. Так, свадьбы-то устраивались всего лишь тройственные: дочь семьи Чвэ выходит замуж за сына дома Кима, его дочь – за сына дома Чо, а дочь Чо становится невесткой семьи Чвэ. Бракосочетание так пошло в этом узком ущелье, что все семьи в деревне соединились родственно-кровными отношениями. Встречаясь на дороге, называли друг друга «братишка», «дяденька», «сватишка» и т. д.

Почти все обитатели этой деревни верили в чхонбульгё (название религиозного учения – ред.). Истоком этого вероисповедания стало предание старины, согласно которому, с неба были ниспосланы 99 фей и, купаясь в Небесном озере на вершине горы Пэкту, опять поднялись в небо. На основании такой легенды они построили на горе большой храм-молельню площадью 99 *кан*, именуемый

«Донгдоггун», и там два раза в год молились. И в самой этой деревне они воздвигли храм «Чхонбуль» и произносили там молитвы раз в десять или в семь дней.

Как раз следующий день после нашего прибытия был молитвенным днем у чхонбульгёистов. Нас Ли Чжэ У провел ближе к храму. Смотрим – удивительное зрелище! Верующие – и мужчины, и женщины – сделали прическу вверх, как у людей древнего государства Когурё, собрались в одном месте в разноцветной одежде и совершили обряды – ударили в тарелки *квэнгвари* и *чжэгым*, били в барабаны, стучали в деревянные колотушки. Извлекались весьма торжественные звуки: «донг-дог-гун!», «донг-дог-гун!» Потому и храм назвали «Донгдоггун».

Здесь, в Нэдосане, говорил Ли Чжэ У, просто голову разрывает на части вот этакое чхонбульгё. У него было одно простое понятие: религия есть опиум. И естественно, что он сам косился на чхонбульгёистов. В Фусуне, где так сказал мне Ли Чжэ У, я тоже с ним согласился. Но серьезное выражение на лицах чхонбульгёистов на обрядах и тот самый торжественный «донг-дог-гун!» заставили меня еще раз глубоко поразмышлять над этим.

В тот день я и Ли Чжэ У в сопровождении Чвэ навестили главу секты чхонбульгё Чан Ду Бома.

Он был одно время в Армии независимости. А когда эта армия ослабела, он бросил оружие и пришел сюда, в Нэдосан, и основал здесь религию чхонбульгё, по канонам которой верующие молятся «небесному духу» горы Пэкту, желая, чтобы небо покарало самураев и сниспослало корейской нации счастье.

Беседуя с главой секты, я не мог оторвать своего взора от кистей проса, подвешенных под потолком комнаты.

Такие кисти я видел и в доме Чвэ, такие же торчали они и здесь, в доме главы верующих. Я спросил Ли Чжэ У, хранят ли они так зерно на семена. Он с недовольством ответил, что это они употребляют такие кисти на молитве.

Здесь не занимались рисоводством, поэтому жители для поминовения усопших варили вместо очищенного риса просо. В каждом доме подвешивали его на столбах или под потолками комнат. Бывало, что у них кончалось продовольствие и им грозил голод, но и тогда они не трогали этих кисточек проса. А когда они идут на молитву в храм на горе Пэкту, просо это и пускалось в дело: аккуратно колотили его на крупорушке, веяли зерно при помощи веялки, деревянной ложкой удаляли из него сечку, семена трав, пылинки и соринки, завертывали в *чхамчжи* (бумага старого корейского производства – ред.) крупы одного и того же размера, потом промывали в родниковой воде и варили зерно для поминовения.

– Вот же это проклятое чхонбульгё, – с неприязнью говорил Ли Чжэ У, – совсем одурачило оно нэдосанцев. С ума посходили. Прав Маркс, когда сказал: религия – опиум. Это, думаю, самое золотое слово из самых золотых изречений. Сомневаюсь, можно ли перевоспитать этих служителей культа на новых идеях?

Дальше он откровенно сказал, что порой ему в голову приходит такая мысль: сжечь тот самый храм «Донгдоггун», который вытравил всю душу из нэдосанцев, все мысли выдавил из их голов.

Я покритиковал его за такой узкий взгляд на вещи.

– Конечно, я не отрицаю марксово положение, что религия – опиум, но ты ошибаешься, если думаешь, что это положение применимо во всех случаях. Можно ли бездумно

надеть колпачок «опиум» на чхонбульгёистов, которые молятся небу, чтобы оно покарало самураев и дало корейской нации счастье? Я думаю, что в данном случае эта религия патриотическая и все ее верующие – патриоты. Если у нас самих есть настоящее дело, то мы должны объединять этих патриотов в единую силу.

Мы сидели и серьезно обменивались мнениями. И пришли наконец к выводу: не свергать чхонбульгё, а активно поддерживать антияпонские настроения верующих.

Находясь здесь около десяти дней, мы довольно успешно налаживали работу с жителями деревни. Чхонбульгёисты сразу подтвердили мои слова о том, что одной верой в религию нельзя добиться возрождения Родины.

Зимой того года нэдосанцы действительно искренне, сердечно относились к нам. Главным продуктом питания у них была картошка, но особенно вкусной была каша с картошкой и фасолью. Ке Ен Чхун отпускал по этому поводу шуточки: пукнешь – пол пробьешь.

Если бы мы в то время не были в Нэдосане, если бы мы, сидя в Гирине, слушали только информацию Ли Чжэ У, если бы мы только по слухам оценивали обстановку, то на нас не произвело бы такое хорошее впечатление чхонбульгё. А мы в Нэдосане смотрели «Донгдоггун», следили за серьезным выражением на лицах у молящихся верующих и видели кисти проса, подвешенные под балкой в каждом доме. Поэтому мы и смогли дать справедливую оценку религии чхонбульгё и самим верующим.

Обладать в жизни народными качествами, иметь народное мышление, отвечающее интересам народа, – этого не добьешься, сидя за столом, тем более пустым

фразерством. Это дается, как правило, во время прямых контактов с народом, что позволяет собственными глазами видеть, своими ушами слышать не только голоса людей, но и их дыхание, видеть свет их глаз, выражение на лицах, манеру говора, жесты и походку.

Здесь мы провели прежде всего политическую работу по просвещению жителей села. А потом создали в этом поселке филиал ПСМ и Детскую экспедицию.

После моего возвращения в Гирин мой дядя Хен Гвон ведал делами ПСМ. Он вместе с Ли Чжэ У создал организации ПСМ в селах Дэшуй, Токкор, Чольгор, Яошуйдун, Имсугор, Чжиянгай и других поселках района Чанбая, а также в Синпха, Почхоне, Хесане, Капсане, Самсу и многих других местностях Кореи.

ПСМ возложил на Ли Чжэ У груз руководителя своей организации чанбайского района. Он прекрасно справлялся с возложенными на него ответственными обязанностями. Воспитывая в революционном духе жителей окрестностей горы Пэкту, дяде Хен Гвону и Ли Чжэ У пришлось преодолеть немало испытаний. И это не пропало даром. Впоследствии, когда мы развернули здесь революционную борьбу, нам большую помощь оказали местные жители.

Каникулы – это кратковременный перерыв в учебе и отдых. Но я за зимние каникулы того года научился многому, чего не найдешь в книгах.

Закончились зимние каникулы, и мы вернулись в Гирин. Здесь мы подвели итоги полугодовой деятельности КСМК и АСМ, поставили перед собой новую задачу – как можно больше создавать различные массовые организации, которые охватывали бы широчайшие массы населения, и прежде всего молодежи.

Для выполнения этой задачи Ким Хек, Чха Гван Су, Чвэ Чхан Гор, Ке Ен Чхун, Ким Вон У и другие комсомольские активисты выехали в уезды Синцзин, Люхэ, Чанчунь, Итун и Хуайдэ, а также в Корею. Прибыв на места, они быстрыми темпами расширяли сеть комсомола, АСМ и других различных массовых организаций.

Я остался в Гирине и провел работу по созданию в Синьаньтуне Крестьянского союза. Сплачивать крестьян в организации – это дело весьма важное и направлено оно на то, чтобы сделать их движущей силой революции. Особенно для нашей страны, в которой абсолютное большинство населения составляли крестьяне, завоевание крестьянства на сторону революции стало ключевой проблемой, от решения которой зависела победа революции.

Мы выехали в деревню Цзяндун и создали там Крестьянский союз, филиал АСМ и Общество женщин. Организовали в Калуне и Дахуангоу филиалы АСМ.

И в Цзяохэ создали филиал АСМ. С молодежью в Цзяохэ я установил связь после встречи с Кан Мен Гыном – заведующим орготделом Ресинского союза молодежи. Он, по-видимому, много слышал обо мне от Чан Чхоль Хо. Цзяохэ для Чан Чхоль Хо было, так сказать, промежуточной станцией. Во время поездок из Гирина в Фусун и обратно он бывал обычно в доме Кан Мен Гына в Цзяохэ и рассказывал ему о молодежно-ученическом движении в Гирине. А, вернувшись в Гирин, он подробно информировал нас о Цзяохэ. Итак, Кан Мен Гын познакомился с нами, и я поинтересовался молодежным движением в Цзяохэ. Именно в этот момент он приехал в Гирин повстречаться со мною.

Тогда я, учась в школе, жил в доме Чан Чхоль Хо, что в Дундатане. Кан Мен Гын был старше меня более чем на десять лет. А он, называя меня уважительно, будто я старше, подробно рассказывал мне о своих трудностях в делах и почти умоляюще просил меня помочь ему. Я, со своей стороны, не только глубоко сочувствовал ему. Я просто восхищался его энтузиазмом, свойственным революционеру. Да ведь он приехал-то ко мне, простому ученику средней школы, из далекого Цзяохэ, расположенного в 180 *ли* от Гирина.

В то время в уезде Цзяохэ были две молодежные организации: на северо-западе от горы Лафашаня – Ресинский союз молодежи, а на юго-востоке – Лафаский. Корейские юноши и девушки в Цзяохэ состояли в основном в этих организациях.

Вначале молодежь с пылкой идейной устремленностью вступила в организацию, перед ней светился какой-то идеал, а затем она постепенно начала разочаровываться поведением руководителей националистического движения, которые занимались только грызней за должности и сбором денег на военные цели. К тому же молодых людей привели в замешательство пустые слова «модных» марксистов, которые ходили с громкими тезисами о «пролетарской революции» и о «гегемонии».

Вполне понятно было поэтому, каково было настроение у Кан Мен Гына. Не без основания он сказал, что, не видя верного пути, идет то вправо, то влево. Я ознакомил его с состоянием молодежно-ученического движения в Гирине, с нашим опытом работы.

Я попросил его по возвращении в Цзяохэ получше подготовиться к созданию филиала АСМ. Перед уходом

вручил ему несколько книг по марксизму-ленинизму. Конечно, я, со своей стороны, очень старался помочь ему своими советами, но после его ухода очень обеспокоило меня дело в Цзяохэ. Что-то щемило мое сердце. Думал, думал, как ему помочь, и, наконец, решил поехать в Цзяохэ. Преодолел перевал Лаоилин, и вот я тут. Это было, помнится, весной 1928 года.

Кан Мен Гын обрадовался моему приезду, сказал, что и без того он и сам намеревался еще раз приехать ко мне в Гирин. И добавил: когда был в Гирине, ему думалось, что никаких помех не будет, а, вернувшись к себе, едва взялся за дело, они и встали перед ним, эти трудности, и не одна, не две, им уже и счету не было.

Оказалось, что сельская молодежь Цзяохэ разошлась во мнениях прежде всего по вопросу: каким методом создавать организацию. Некоторые предложили немедленно выйти из Ресинского союза молодежи, из этой, мол, организации националистов, а потом создать АСМ из определенного круга единомышленников, а другие и без всякого обоснования настаивали на том, чтобы распустить сам этот Ресинский союз молодежи.

И в вопросе о приеме молодежи в организацию они не имели единого взгляда, а уж о верном взгляде и говорить было нечего. Говорили: такой-то человек – «враждебный элемент», такой-то «колеблющийся», значит, трудно принимать таких в свою организацию. Так сказать, «запятнанных» уже исключили заранее из списка будущих членов этой организации.

В тот день я с ними лег в комнатушке, подложив под голову деревянный валик вместо подушки. Чтобы создать организацию, говорю им, нужно побольше завоевать масс

на свою сторону, а для этого, прежде чем делить людей на разные половины, надо терпеливо воспитывать и убеждать их в правоте своего дела, важно прежде всего это.

Надо, чтобы молодежь не попала под влияние националистов и сектантов. Нужно повысить роль передовых активистов Ресинского и Лафаского союзов молодежи. В таком духе разъяснял я им свою позицию. Потом мы обсуждали с ним каждое из предстоящих нам дел.

Подобрав пять активистов Ресинского союза молодежи, я создал тут Цзяохэский филиал АСМ. И после этого я часто ездил в Цзяохэ и работал там с членами АСМ.

Я начал объединять в нашу организацию также юношей и девушек, состоявших в МФВМ. Почти все корейские молодые люди, которые в то время учились в Лунцзине в трудных материальных условиях, состояли в этой федерации. Все они были под влиянием фракционной группировки Хваёпха.

А однажды ко мне пришел заведующий орготделом МФВМ Ким Чжун – ученик Тонхынской средней школы, который ознакомился с выпускаемыми нами в Гирине журналами и брошюрами. В то время я от него подробно узнал о молодежном движении в районе Лунцзина.

После пребывания в Гирине Ким Чжун продолжал поддерживать с нами связь и пропагандировал наши идеи среди учащихся Тэсонской, Тонхынской и Ынчжинской средних школ и других учебных заведений города Лунцзина. Через них мы вооружали передовыми идеями молодежь Цзяньдао и шести уездных центров в Корее, в том числе Хвэрена и Чонсона.

В это время я уделял внимание и работе с рабочими.

В Гирине было немало больших и малых предприятий, таких, как, например, ТЭС, железнодорожное депо, спичечная, текстильная и рисоочистительная фабрики. Но у рабочего класса влиятельной организации не было. Только весной 1927 года было создано общество Хансонхвэ, цель которого – содействовать обеспечению занятости и бытовым услугам корейских рабочих.

Мы воспитывали одного молодого человека, который раньше работал на Гиринской ТЭС, а потом уехал в деревню. Мы приняли его в АСМ и помогли ему возвратиться и снова работать на той же ТЭС. После того, как он начал объединять тут передовых рабочих, нам была предоставлена возможность работать с ними.

Приведя в действие членов Общества корейских учащихся в Гирине, мы организовали вечернюю рабочую школу и приняли в нее в основном работников речного вокзала Сунгари. В годовщину Первомартовского народного восстания, в первомайский праздник, в «День национального унижения» мы пришли к ним – выступали перед ними с речами, дали художественные представления. На основе такой подготовительной работы в августе 1928 года был создан Антияпонский профсоюз, руководителем которого стал активист АСМ.

Раньше главным объектом нашей работы были молодые учащиеся, и мы старались ускорить процесс повышения их сознательности и объединения их в организацию. А теперь мы начали заниматься новыми делами – впервые расширяли сферу своей деятельности в гуще рабочего класса, объединяли рабочих в единую организацию.

Антияпонский профсоюз, образованный в основном из корейских рабочих, привел в действие легальное общество

Хансонхвэ. Оно постепенно стало приобретать ясный политический характер. Когда поднялась всеобщая забастовка рабочих в Вонсане, Хансонхвэ послало собранные деньги Вонсанской федерации труда в помощь забастовщикам. А летом 1930 года, когда в Корее случились большие наводнения, оно совместно с другими организациями корейцев создало Общество вспомоществования и собрало пожертвования для пострадавших от наводнений. Общество это задало свой тон и в борьбе против прокладки железной дороги Гирин – Хвэрен.

Мы, действуя в основном в районах Гирина и Цзяохэ, перестроили молодежные организации, находившиеся под влиянием националистов и фракционеров, в революционные организации. В ходе этой работы мы накопили немало полезного опыта.

Можно сказать, что жизнь революционера начинается с общения с массами, у него кончается жизнь, когда он уходит от масс.

Если период моего обучения в училище «Хвасоньисук», когда я создал Союз свержения империализма, положил начало моему молодежно-ученическому движению, то годы обучения в Юйвэньской средней школе в Гирине, когда создал комсомол, АСМ и расширял сеть их организаций, думаю, были периодом бурного развития моего молодежного движения, когда я, выйдя из рамок школы, шел в гущу рабочих, крестьян, различных слоев народных масс и везде и всюду сеял семена революции.

Деятельность молодых коммунистов нового поколения и их влияние в то время люди называли «гиринским ветром».

5. Демонстрация силы сплоченности

С созданием и расширением организаций мы приступили к практической работе, к неотступной своей борьбе.

Прелюдией к ней была стачка учащихся Юйвэньской средней школы в Гирине, вспыхнувшая летом 1928 года.

До этого времени в ней ряд вопросов, связанных с ее жизнью, начиная со столовой и кончая финансами и библиотекой, разрешались без особых затруднений в соответствии с демократическим волеизъявлением прогрессивно настроенных преподавателей и учащихся. И наша деятельность в школе сравнительно свободно развертывалась, не подвергаясь каким-либо большим притеснениям. Это был плод, добытый учащимися школы в борьбе во взаимодействии с ее учебно-административным советом.

Но реакционно настроенным преподавателям, действовавшим по наущению военщины, был вообще не по нутру этот демократический порядок, утвердившийся совместными усилиями преподавателей и учащихся. Они, наоборот, пытались подорвать этот порядок и распоряжаться по своему усмотрению всеми вопросами, выдвигавшимися в управлении учебным заведением.

Среди преподавателей школы, направленных сюда ведомством просвещения, были и приспешники военщины, чутко пронюхивающие атмосферу своим реакционным нюхом. Заведующий учебной частью, заведующий воспитательными делами, инспектор спорта и другие

реакционно настроенные преподаватели – все были подкуплены спецслужбой врага. Они постоянно пронюхивали идейные настроения учащихся и деятельность их революционных организаций через консервативно настроенных учащихся из семей помещиков и чиновников, пресмыкавшихся перед военщиной, а также через хулиганствующих юношей.

Летом 1928 года мы чуть ли не каждый день развертывали в школе массовое движение в знак протеста против разбойнической отправки второй партии японских войск в Шаньдун и варварских убийств в Цзинане.

Отправка войск в Шаньдун являлась важным событием, называемым краеугольным камнем дипломатии Танаки в Китае.

Япония отправила первую партию своих войск в район Шаньдуна после образования кабинета Танаки Киити в мае 1927 года. К тому времени чанкайшистская Национально-революционная армия, преследуя мукденские войска Чжан Цзолина, продвигалась на Шаньдунский полуостров. Чтобы охранять военщину Чжан Цзолина, своего верноподданного выкормыша, от наступления войск, совершавших поход на север, кабинет Танаки под вывеской охраны жизни и имущества японцев отправил в Циндао 2000 штыков войск, дислоцировавшихся в Люйшуне, а затем еще 2000 штыков подкрепления из Японии – в район Шаньдуна.

Отправкой первой партии войск был остановлен поход на север. Чан Кайши обещал обеспечить безопасность жизни и имущества японских резидентов, проживавших в районе Шаньдуна, и японские войска были эвакуированы из Шаньдуна осенью того же года.

Но весной 1928 года, когда был возобновлен революционный поход на север, фашистский кабинет Танаки решил отправить вторую партию войск, поднял на ноги дислоцированные в Тяньцзине войска и дивизию Кумамото силою в 5000 штыков из Японии, которые заняли полосу отчуждения вдоль железных дорог на Шаньдунском полуострове, захватили Циндао и Цзинань. Одновременно с этим вступила в Цзинань и чанкайшистская Национально-революционная армия. Вспыхнуло вооруженное столкновение между войсками двух стран.

Японские оккупационные войска варварски истребляли в Цзинане бесчисленное множество китайцев. Японскими войсками был убит и дипломат гоминьдановского правительства.

Троекратная вопиющая отправка японских войск в Шаньдун вызвала взрыв антияпонских настроений среди корейского и китайского народов. И в самой Японии развертывалось мощное движение в знак протеста против их зверств, возвышался голос порицания дипломатии Танаки.

Конечная цель отправки войск Японии в Шаньдун – отторгнуть Маньчжурию и район Хуабэй от Китая и превратить их в свою колонию. Для достижения этой же цели необходим был опорный пункт. Такой же опорой был Чжан Цзолин. Если хорошенько вскармливать и поддерживать его, то без труда удастся покорить Маньчжурию, – таков был расчет японцев. Выстрел, раздавшийся в Цзинане, был опасным сигналом, предвещавшим о массовом варварском погроме, который в будущем унесет тысячи, десятки тысяч жизней в Китае. Когда японские империалисты без разбору убивали даже

своих резидентов с целью состряпать предлог для отправки войск, китайская нация предчувствовала надвигавшиеся на нее бедствия.

Мы организовали одну за другой лекции, ораторские выступления и митинги, на которых разоблачали агрессивную политику японских империалистов и гоминьдановское предательство, поднимая дух учащихся.

Реакционно настроенные преподаватели, называя это коммунистической пропагандой, сочли это предлогом для репрессий. Они совершили внезапный налет на библиотеку и, отобрав прогрессивные книги, кричали, будто нашли какую-то большую улику, и оказывали нажим на директора Ли Гуанханя, требуя изгнать всех корейских учащихся из школы. Они, называя корейских учащихся либо главными зачинщиками коммунизма, либо «японскими шпиками», заявляли, что они враждебно относятся к китайским преподавателям, поэтому, оставляя их в школе, нельзя спокойно вести занятия. Учащиеся, принадлежавшие к правому крылу, действуя в унисон с ними, нарушали по своему усмотрению демократический порядок, утвердившийся в школе, надругались над прогрессивно настроенными учащимися, клеветали на директора и передовых преподавателей.

И преподаватель Шан Юэ оказался объектом их нападок номер один.

Оставив безнаказанными грубые, дикие действия реакционных преподавателей и подстрекаемых ими учащихся, нельзя было спокойно вести и изучение наук и молодежное движение. Для того чтобы объединенными силами, организованно изгнать реакционных преподавателей и защитить утвердившийся в школе

демократический порядок, мы подняли на стачку членов комсомола и Антиимпериалистического союза молодежи.

Наши требования заключались в следующем:

Во-первых, улучшить обращение с учащимися.

Во-вторых, обеспечить занятия по тем предметам, в которых нуждаются учащиеся.

В-третьих, не оказывать нажим на прогрессивно настроенных преподавателей и директора.

И прогрессивно настроенные преподаватели оказывали нажим на провинциальное ведомство, заявляя, что если не будут удовлетворены требования учащихся, то они призовут к борьбе общественные силы. Повсеместно в городе были расклеены листовки и воззвания с требованием изгнать реакционно настроенных преподавателей. Такие прокламации влетели и в их квартиры, и в провинциальное ведомство.

Когда в этой школе стачка шла на подъем, и другие учебные заведения, солидаризируясь с ней, оказывали нажим на провинциальную администрацию.

Стачка готова была распространиться на весь город, и ведомство вынуждено было снять заведующего воспитательными делами и других реакционно настроенных преподавателей и удовлетворить наши требования.

Это была первая победа, одержанная нами в массовой борьбе. Она дала нам уверенность в том, что если мы, ясно определив мишень, мобилизуем как следует массы, то мы сможем победить в борьбе. В первой нашей стачечной победе мы обрели опыт, в этой же стачке обрели и закалку. В связи с этим событием учащаяся молодежь стала больше верить нам и уже смелее следовала за нами.

Подытожив успех, достигнутый нами в этой стачке, мы стали готовиться к мобилизации разбуженной нами учащейся молодежи на активную антияпонскую борьбу в более крупном масштабе.

К этому времени все более активизировались и происки японских империалистов, которые с давних времен вели подготовку к агрессии в Маньчжурии.

В мае 1928 года командующий Квантунской армией Японии Мураока, ссылаясь на необходимость противостоять изменениям положения во Внутреннем Китае, замышлял продвинуть смешанную 40-ю бригаду в Мукден (Шэньян) и переместить туда свое командование. Вслед за этим они спровоцировали взрыв поезда на железнодорожном мосту на подступах к Мукдену, на стыке южноманьчжурской железной дороги и железной дороги Пекин – Мукден, в результате чего был убит Чжан Цзолин, возвращавшийся из Пекина в Мукден. Все это была преднамеренно запланированная предварительная работа, направленная на создание предлога для агрессии в Маньчжурии.

В случае захвата Маньчжурии японскими империалистами могут быть созданы большие преграды на пути нашей деятельности, ареной которой являлась северо-восточная часть Китая. До этих пор Маньчжурия оставалась территорией Китая, поэтому японские империалисты не могли просто так по своей воле расправиться с корейскими коммунистами и деятелями движения за независимость, но в случае оккупации ими Маньчжурии дело примет другой оборот.

Троекратной отправкой войск в Шаньдун японским империалистам удалось подавить Чан Кайши, глубже

протянуть свои щупальца к китайскому материку. Тщательно проводя военную подготовку к агрессии в Маньчжурии, они в качестве составной части этой подготовки торопились завершить давно начатую прокладку железной дороги Гирин – Хвэрен, соединяющей Гирин, провинциальный центр Маньчжурии, с Хвэреном – северным пограничным городком Кореи.

Еще с периода Мэйдзи Япония имела поползновение проложить хоть и насильно железную дорогу на участке Гирин – Хвэрен. Японские империалисты придавали ей большое стратегическое значение.

После так называемого «совещания по восточным проблемам» кабинет Танаки представил императору «доклад», в котором, имея в виду значение маньчжурско-монгольских железнодорожных магистралей, прежде всего прокладки железной дороги Гирин – Хвэрен, назвал их ключом к политике Японии в отношении континента.

Этот пресловутый «доклад» был проникнут гнусным поползновением и бредовой мечтой о мировом господстве, как и «Моя борьба» Гитлера, впервые в Европе выступившего с доктриной о мировом господстве. Всем известно, что первоочередная политика, выдвинутая в этом «докладе», заключалась в агрессии в Маньчжурии и Монголии, и что первейшим рычагом для обеспечения этой агрессии являлась именно прокладка пяти железнодорожных магистралей Маньчжурия – Монголия, включая железную дорогу Гирин – Хвэрен.

В этом «докладе» Танака намекнул на то, что с завершением постройки этих железнодорожных магистралей, прежде всего прокладки железной дороги Гирин – Хвэрен, они будут иметь большой обходный путь,

соединяющий всю Маньчжурию и Корею, и прямую линию, ведущую в Северную Маньчжурию, что позволит им послать войска и необходимые стратегические материалы куда угодно, подавить и национально-освободительное движение в Корее.

Усердные и неутомимые умы Японии считали, что если прокладка линии Гирин – Хвэрен даст им возможность послать войска и грузы по линии Цуруга – Чхончжин – Хвэрен – Гирин, то это позволит сократить путь, значительно сэкономить и время маневрирования войск и перевозки материалов. Именно в этом заключалась причина того, что японские империалисты, объявив прокладку линии Гирин – Хвэрен государственной политикой, невзирая ни на какие трудности, так и завершили ее в течение длительного периода – целых 26 лет.

Японские империалисты, мотивируя свои действия несправедливым договором, заключенным с морально разложившимися и неспособными чиновниками последнего периода Цинского Китая, намеревались по своему усмотрению воспользоваться правом на прокладку железных дорог в Маньчжурии. Широкие слои населения Китая, и прежде всего учащаяся молодежь, рассматривая это как посягательство на китайскую нацию, решительно выступали против конвенции о прокладке железной дороги за счет иностранных займов, поднимались на массовую борьбу за ее отмену.

Но реакционная военщина вместо того, чтобы прислушиваться к справедливому голосу народа, пыталась насильно построить железнодорожную линию Дуньхуа – Тумынь, в то же время намеревалась организовать торжественное открытие линии Гирин – Дуньхуа,

назначенное на 1 ноября 1928 года, чтобы войти в доброе расположение народа.

Чтобы остановить прокладку линии Гирин – Хвэрен, нужна была смелая практическая борьба. Такое выступление послужит для врага набатом, предвещающим то, что корейский и китайский народы не позволят ему оккупировать Маньчжурию, а для широких масс – сигналом, зовущим их к сопротивлению агрессии японских империалистов в Маньчжурии.

Для того чтобы организовать массовую антияпонскую борьбу против прокладки линии Гирин – Хвэрен, в первой декаде октября 1928 года мы провели в подвальном помещении храма Яованмяо в Бэйшаньском парке совещание руководителей организаций комсомола и Антиимпериалистического союза молодежи.

На этом совещании обсуждали вопросы о лозунгах борьбы с врагом, о ее методах и направлениях действия, распределили и конкретные поручения каждому. Было подробно обсуждено и содержание транспарантов, воззваний и листовок о предстоящей демонстрации.

Исходя из того, что выступления против прокладки железной дороги Гирин – Хвэрен должны стать совместной борьбой народов Кореи и Китая, мы решили написать листовки, воззвания, транспаранты и все другие прокламации на корейском и китайском языках. Было решено также выступать на улицах с агитационными речами тоже на двух языках.

На этом собрании было четко намечено, что в дни борьбы надо приводить в действие в основном организованные в различных школах города ученические самоуправляющиеся общества, Общество корейских

учащихся в Гирине, Общество детей и другие легальные организации, а таким нелегальным организациям, как комсомол и Антиимпериалистический союз молодежи, на всякий случай в открытую не выступать.

После совещания на горе Бэйшань мы без сна и отдыха готовились к демонстрации.

Тогда очень хлопотала Хан Ен Э, состоявшая в агитбригаде. Она была ученицей Гиринской женской средней школы. Будучи членом Общества корейских учащихся в Гирине, она все теснее примыкала к нам, активно участвовала в выступлениях художественной самодеятельности и обмене впечатлениями о прочитанных книгах. Затем стала и членом комсомола. Она была такая тихая и скупая на слова, в обычное время ее и не замечаешь, где она, не бросалась она в глаза.

Но она обладала и таким бесценным качеством – она не брезговала ничем, будь это дело зазорное или трудное, ей все по душе, только бы пошло на пользу революции. При выступлениях художественной самодеятельности она вызывалась выполнять и такую роль, которой чурались другие, а когда читательский кружок нуждался в учебных материалах, она добровольно гектографировала книги в сотни страниц и раздавала их товарищам.

Хан Ен Э почти не спала ночами во время подготовки к демонстрации. Она, поставив гектограф в каком-то чужом сарае, вместе с членами Общества детей копировала десятки тысяч воззваний и листовок. На улицах она на корейском и китайском языках выступала с пламенными речами перед сотнями слушателей. Она так и прослыла у нас девушкой-оратором…

Будучи руководителем Коммунистического союза молодежи Кореи, я оказывал свое влияние и на китайскую учащуюся молодежь потому, что еще с раннего периода мы в Гирине подняли знамя коммунистического движения. Когда мы его начали, еще не появился на свет и Маньчжурский провинциальный комитет Компартии Китая, а в Гирине была всего лишь небольшая горстка комсомольцев.

Проводя работу Коммунистического союза молодежи Кореи, я в то же время вел комсомольскую работу и в среде китайской молодежи. Ввиду того, что мы выполняли ответственную роль в комсомольской организации, за нами следовали и многие китайские юноши и девушки. Имея с нами живую и крепкую связь, комсомольскую работу вели и Чао Яфань, бывший руководителем комсомольской группы Гиринского педучилища, и Чэнь Ханьчжан, ответственный за комсомольскую работу в районе Дуньхуа.

В дни подготовки к демонстрации к нам поступили сведения о том, что администрация железных дорог решила 1 ноября 1928 года организовать открытие железной дороги Гирин – Дуньхуа.

Мы решили на несколько дней раньше, чем было запланировано, начать свою демонстрацию, чтобы, подняв факел борьбы против прокладки железной дороги Гирин – Хвэрен, сорвать и открытие железной дороги Гирин – Дуньхуа.

На рассвете 26 октября, когда еще не забрезжило, агитбригада распространила листовки и воззвания на улицах Гирина, вывесив их на людных местах. И наблюдательные группы в составе двух или трех человек

членов Общества детей заняли свои места, когда рассветало.

А утром учащиеся различных школ в условленный час одновременно провели в школах митинги, на которых выступили с заявлениями в знак протеста против прокладки железной дороги Гирин – Хвэрен. Эти митинги вылились в демонстрации. Улицы мгновенно заполнили тысячи учащихся. Они шли с транспарантами: «Долой агрессоров – японских империалистов!», «Все на борьбу против прокладки японскими империалистами железной дороги Гирин – Хвэрен!» Эти призывы были написаны на корейском языке. Появились здесь и плакаты на китайском языке с надписью «Долой японских империалистов!», «Долой предателей!», «Мы против прокладки линии Гирин – Хвэрен!» Демонстранты ворвались на площадку провинциального Дома собраний за воротами Синькаймынь. Им преграждали путь сотни военных и полицейских. Демонстранты, натолкнувшись на них, ждали наших дальнейших распоряжений, скандируя боевые лозунги. Что бы ни случилось, но надо было продвинуть вперед колонны демонстрантов. Мы подняли на ноги группы пикетчиков, организованные из рабочих, окрестных крестьян и учащихся для охраны демонстрации.

Демонстранты, впереди которых стояли пикеты, положив руки на плечи друг другу, двинулись вперед, невзирая на штыки. На площадке Дома собраний состоялся массовый митинг, на котором я обратился к тысячам собравшихся с призывом сплоченными силами корейской и китайской учащейся молодежи решительно выступать против попыток японских империалистов проложить железную дорогу Гирин – Хвэрен.

После митинга все более вдохновленные демонстранты направились в сторону улицы Синьшицзе, где находилось японское консульство. В обычное время почти никто не рисковал появляться здесь из-за произвола консульской полиции. Перед японским консульством демонстранты громко скандировали антияпонские лозунги, ничего не боясь. Они продолжали демонстрацию, шествуя по улицам Гирина: Дамалу, Бэйцзинлу, Чунцзинлу, Шанъицзе и другим.

Японская железнодорожная компания, оказавшись под ударом демонстрантов Гирина, продлила на неограниченный срок открытие железной дороги Гирин – Дуньхуа. Японские торговцы, оставив свои магазины, удирали и скрывались в своем консульстве. Были разбиты вдребезги даже окна больницы «Дунъян», находившейся в ведении Компании южноманьчжурской железной дороги.

С каждым днем демонстрация шла на подъем.

Учащиеся, разбившись на несколько групп, устроили трибуны в разных пунктах города, их было более десяти, и там с рассвета допоздна, не глядя и на ночь, демонстранты выступали с речами в знак протеста против прокладки этой железной дороги.

Антияпонские выступления, начавшиеся в Гирине, распространились на всю Маньчжурию. Учащаяся молодежь и население Чанчуня, откликнувшись на наши выступления, развернули яростную борьбу под лозунгом борьбы за уничтожение империализма, против прокладки шести железнодорожных магистралей. Они совершили налет на квартиру начальника управления железной дороги Гирин – Чанчунь.

Тогда и в Харбине и в Тяньцзине развернулась решительная борьба в знак солидарности патриотов, невзирая на многочисленные жертвы.

Поднялись и корейские соотечественники, проживавшие в Яньцзи. Чуть ли не каждый день писали о нашей борьбе и газеты в Корее.

Когда демонстрация принимала все более широкий размах, мы развернули еще более энергичную борьбу за бойкот японских товаров. Народные массы, вытащив из японских магазинов на улицу товары с японскими ярлыками, тут же сжигали их. Некоторые товары выбросили в реку Сунгари.

Борьба против прокладки железной дороги Гирин – Хвэрен, слившись с борьбой за бойкот японских товаров, вылилась во всестороннюю антияпонскую борьбу, принимая все более широкий размах. Встревоженные этим, японские империалисты подстрекали реакционную военщину на кровавые убийства. Эта военщина и открыла огонь по демонстрантам.

До этой поры мы придерживались позиции сдерживания реакционной военщины. Но поскольку она, стоя на стороне японского империализма, подвергла нас репрессиям, и нам нельзя было оставаться на позиции сдерживания ее. Под лозунгом «Долой реакционную военщину, спевшуюся с японским империализмом!» мы перешли к более крупной демонстрации, сочетая ее с похоронами жертв кровавого произвола. К этой демонстрации присоединились многочисленные жители города, и она приняла наивысший, общенародный размах. Эта борьба длилась более 40 дней.

Японские империалисты, пытаясь поправить положение, спешно вызвали Чжан Цзосяна, пребывавшего в Мукдене, но попытками умиротворения и успокаивания, предпринятыми Гиринской военной комендатурой, не удалось сломить уже столь высокий дух борьбы масс.

Выступления против прокладки железной дороги Гирин – Хвэрен нанесли ощутимый удар по японским империалистам. Их особенно встревожило то, что корейский и китайский народы выступают сплоченными силами против оккупации ими Маньчжурии.

Наша борьба дала большой толчок националистам и тем, кто думал только удрать от борьбы, смертельно перепугавшись агрессии японцев.

А до этого времени националисты относились к нам, учащейся молодежи, прямо скажем, весьма неважно. Но они начали смотреть на нас другими глазами, увидев, как учащаяся молодежь в возрасте десяти-двадцати лет справлялась с такими большими делами, на которые они не смогли даже и осмелиться. С этой поры они уже перестали относиться к нам так пренебрежительно, признавшись, что на арену национально-освободительной борьбы выступили свежие силы из нового поколения, совершенно отличного от поколения старого.

В ходе борьбы против прокладки железной дороги Гирин – Хвэрен мы еще раз твердо познали, что силы народных масс неиссякаемы, что правильная революционная организация масс проявит такую большую силу, которую не сломить ни огнем, ни мечом.

И во мне тогда еще более укрепилась вера в силы масс, в силу народа. В ходе этой борьбы становились и более испытанными и методы нашего руководства движением.

Боевую, революционную закалку на практике проходили мы, в том числе и я, росли и крепли и наши организации.

6. Публичная лекция Ан Чхан Хо о современном положении

В феврале 1927 года круги соотечественников Гирина были охвачены невиданным оживлением, встретив высокого гостя. Прибыл в Гирин через Пекин ветеран движения за независимость Ан Чхан Хо, занимавший тогда важный пост в Шанхайском временном правительстве.

Соотечественники в Гирине встретили его так торжественно, будто он – глава государства. Мы тоже искренне приветствовали его с задушевной песней «Ухожу я из Родины». Эту песню сочинил он, расставаясь с Отечеством, когда эмигрировал за границу. Она начинается словами «Ухожу, ухожу я, ухожу, оставив тебя» и кончается строкой «Ухожу я, но ты не горюй, Корея, моя любовь». После «аннексии Кореи Японией» учащаяся молодежь пела эту песню с особенной любовью. Больше всех пели эту песню эмигранты, и называли ее «Песнею эмигранта».

Корейцы всем сердцем любили песню «Ухожу я из Родины» и так же горячо и глубоко любили и уважали ее автора Ан Чхан Хо. Многие ценили личные качества и способности этого человека, говоря о нем четко и кратко: «Он кандидат в президенты». И это было не очень преувеличенное выражение. Даже руководители организаций Армии независимости, не считавшиеся с временным правительством, почитали самого Ан Чхан Хо весьма высоко, называя его «пионером движения за независимость».

Миру широко известно, что Ито Хиробуми, хорошо знавший цену Ан Чхан Хо, одно время даже предлагал ему сформировать кабинет Тосана (псевдоним Ан Чхан Хо) при условии поддержки политики Японии, пытаясь взять его в свои руки.

Сейчас земля Кансо провинции Южный Пхеньан известна как колыбель Чхоллима (легендарный крылатый конь, пробегающий в день тысячу *ли*, – ред.), родина Тэанской системы работы, метода и духа Чхонсанри. Но в период японского господства она была известна как край, родивший таких деятелей движения за независимость, как Ан Чхан Хо. Поскольку он был уроженцем Кансо, то люди западных районов Кореи обычно гордились тем, что он – их земляк.

Ан Чхан Хо утверждал, что наша страна поглощена японскими империалистами, потому что низки, недоразвиты национальные достоинства, качества нашего народа. И он организовал такие ячейки движения за независимость, как Общественная федерация, общество Синминхвэ, Товарищество молодых учащихся, Национальная ассоциация корейцев, группа Хынсадан, основал ряд учебных заведений и других учреждений культуры, в том числе Чомчжинскую и Тэсонскую школы, Тхэгыкскую библиотеку, а также издавал газету «Тоннип синмун» («Независимость» – ред.), внеся большой вклад в просвещение нации.

Среди ветеранов движения за независимость был и известный педагог по имени Ли Сын Хун (псевдоним – Намган). Когда речь идет о Ли Сын Хуне, люди думают прежде всего об Осанской школе, самом знаменитом его детище. Это была известная частная школа, основанная Ли

Сын Хуном, и содержалась она за счет его личных средств. Он был даже принят императором Рюнхи[21] за заслуги в деле воспитания подрастающего поколения. В течение четырех столетий ни один из простолюдинов западных районов Кореи не был принят императором, а вот Ли Сын Хун первый из них встретился с королем наперекор прецеденту. Одного этого факта достаточно, чтобы представить себе, какой популярностью пользовался он тогда.

А ведь ставший столь знаменитым и авторитетным Ли Сын Хун раньше одно время торговал вразнос латунной посудой с целью нажить деньжонок, и позже стал богачом, имевшим недвижимое имущество в 500 с лишним тысяч *вон*. И вот этот человек приехал в Пхеньян, послушал речь Ан Чхан Хо, который разъяснял, что основой спасения и независимости страны является выращивание «реальных сил» путем развития просвещения. Восхищенный этой речью, он отрезал пучок волос на своей голове и, вернувшись в родной край, начал свою педагогическую деятельность. Пламенная речь Ана, преисполненная чувства любви к своей Родине и нации, вызвала переворот во взглядах на жизнь этого крупного торговца.

Это один из эпизодов, свидетельствующих о влиятельной и притягательной силе Ана как пионера национального движения.

Итак, «Тонья ильбо», «Чосон ильбо» и другие газеты Кореи сообщили крупными шрифтами весть о прибытии Ан Чхан Хо в Гирин.

Учащаяся молодежь посещала гостиницу «Саньфон», где он остановился, и упрашивала его прочесть публичную лекцию перед корейскими учащимися Гирина. И деятели

движения за независимость тоже обивали пороги у него, упрашивая его выступить с публичной лекцией.

И Ан Чхан Хо охотно принял их предложение.

Деятели движения за независимость по разным каналам сообщили, когда и где Ан Чхан Хо будет читать публичную лекцию о современном положении, вдобавок к этому вывесили большие объявления по улицам Шанбуцзе, Чалуцзе, Тунтяньцзе, Хэнаньцзе, Бэйдацзе, Нюмасянцзе и по другим улицам.

Соотечественники Гирина, читавшие эти объявления, оживились и взволновались этим важным известием и даже при встрече здоровались друг с другом, непременно повторяя: «Знаете ли вы, что приехал господин Тосан?»

Накануне, перед публичной лекцией, вечером я долго разговаривал с О Дон Чжином об Ан Чхан Хо.

О Дон Чжин (псевдоним – Соньам) с глубоким волнением и благодарностью вспоминал своего бывшего учителя, который обучал его в Тэсонской школе и с которым он встретился на чужбине через целые 17 лет. Он рассказывал, какие вопросы Ан Чхан Хо задал ему, когда он поступил в педагогическое отделение Тэсонской школы, и как этот учитель любил его в годы его ученичества. Он даже спел «Песню об учащейся молодежи», сочиненную Аном, вспоминая с глубоким уважением о том, какие титанические усилия тот прилагал, чтобы привить подрастающему поколению дух независимости. В частности, он говорил о жизни тех незабываемых дней, вспоминал много эпизодов, свидетельствующих о красноречии Ана.

При своей жизни и мой отец тоже не раз говорил об ораторском искусстве Ан Чхан Хо. Еще в годы жизни в

Мангендэ я со слов отца узнал, что Ан Чхан Хо начал движение за независимость с пламенной речи и что слава его никак немыслима в отрыве от его красноречия.

Когда Ан Чхан Хо произносил свою речь, говорили, даже хозяйки простых домов, восхищенные его необыкновенным красноречием и глубиной теории об «идеальной деревне», жертвовали свои кольца и головные шпильки на осуществление этой его идеи. Правда ли это или нет? Если правда, то в чем секрет того, что его речь так трогала сердечные струны людей? Как хорошо было бы, если бы такая крупная личность постоянно находилась не в Америке или в Шанхае, а здесь, в Гирине…

– Если мне будет предоставлено право выбирать президента после достижения независимости страны, я буду выдвигать на этот пост в первую очередь кандидатуру господина Ан Чхан Хо, – сказал мне О Дон Чжин в тот вечер.

Эти слова удесятерили мои ожидания и любопытство к публичной лекции этого выдающегося человека.

Вначале Ан Чхан Хо провел церемонию, посвященную памяти погибшего патриота Ра Сок Чжу, на Дадунском заводе, расположенном за воротами Чаоянмынь, а потом приступил к лекции.

Представители трех группировок, деятели движения за независимость, действовавшие в этом городе, знатные люди, учащаяся молодежь, пришедшие на церемонию, почти все собрались в зале, где должна пройти публичная лекция. Все места были заняты полностью, и многим пришлось слушать лекцию, стоя у стен.

В тот день Ан Чхан Хо читал лекцию на тему «Будущее национального движения в Корее». Прочел он ее, как и

предполагалось, прекрасно. Публика с самого начала была захвачена его красноречием, и было чем восхищаться. Он пылко говорил о дальнейшем пути корейской нации, продемонстрировав свою большую эрудицию в познании истории Востока и Запада, их прошлого и настоящего. В зале то и дело раздавались всплески аплодисментов горячих и бурных. Конечно, главное было в содержании его лекции, в его позиции.

В своей лекции он горячо и глубоко, увлеченно растолковывал «теорию совершенствования национальных достоинств» и теорию об «идеальной деревне». Первая состояла из двух компонентов: «трактовки обновления собственных достоинств» и «концепции движения за укрепление национальной экономики».

В чем суть его «трактовки обновления собственных достоинств»? Она состоит в том, что наша страна, слаборазвитая по нынешним понятиям, стала японской колонией потому, что у нашей нации низок уровень собственного достоинства и самовоспитания, и поэтому каждый должен повысить свое достоинство с тем, чтобы жить честно, работать добросовестно и жить дружно. В его утверждениях было что-то вроде толстовщины, выраженной в «теории самосовершенствования», и взгляда Ганди, считавшего, что человек не может овладеть свободой до тех пор, пока он не преобразует и не закалит самого себя.

То было время, когда симптомы серьезного мирового экономического кризиса проявились в разных сферах жизни и заставили людей дрожать от тревоги и страха за свою судьбу. Поднял голову империализм, носивший крайний фашистский характер и жестоко душивший самостоятельность человека штыком и петлей.

Мелкобуржуазная интеллигенция трепетала перед лицом могучей силы вооруженного пушками и броней империализма. В обстановке такого времени она нашла духовное убежище в непротивлении. Непротивленчество было последним приютом, который ищут люди, слабые революционным духом или вовсе его не имеющие и устрашившиеся угрозы нападения империалистов. Не имея силы воли к противоборству с контрреволюцией, эта интеллигенция в конце концов стала кричать о непротивлении.

У нас в стране непротивленчество нашло свое выражение в реформизме. После первомартовского народного восстания некоторые руководители национального движения, отказавшись от революционной позиции – ликвидации колониального господства японского империализма методом активного сопротивления, широко развернули движение за выращивание «реальных сил» нации, нацеленное на повышение моральных качеств и уровня экономической жизни нашего народа. Они считали высшим знаменем национального движения развитие просвещения и национальной промышленности. Современная интеллигенция, составлявшая главную силу руководства национального движения, пыталась спасти нацию от экономической катастрофы посредством постоянного пользования отечественными товарами и развития национального предпринимательства. Она выбросила лозунг «Свое хозяйство – за счет своих собственных сил!» и вела общенациональное движение за поощрение материального производства, направленное на прокладывание пути к экономическому самообеспечению.

Руководитель этого движения Чо Ман Сик проходил всю свою жизнь в корейских брюках, блузе и *турумаги* (халат – ред.) из хлопчатобумажной ткани, что символизировало его привязанность к постоянному пользованию товарами отечественного производства. Даже визитная карточка у него была из *ханчжи* (бумага старого корейского производства – ред.). И обувь он носил не иностранную, а только корейскую.

Насаждению национал-реформизма во многом способствовала статья Ли Гван Су «Теория преобразования нации». Читая ее, легко понимаешь сущность реформизма и его опасность.

Когда я читал эту статью, мне претило больше всего то, что Ли Гван Су считал корейскую нацию «низшей». Я думал, что Корея – страна слаборазвитая, но никогда не считал, что корейская нация – «низшая».

Нет, наша корейская нация есть нация цивилизованная и мудрая, создавшая первые в мире бронированный корабль и металлический шрифт, славная нация, внесшая огромный вклад в развитие культуры Востока. Наши предки сделали немалый вклад и в развитие японской культуры. Обладая стойким духом самозащиты, наша нация никогда не мирилась с агрессией иноземных врагов и издревле демонстрировала свою мощь на всю Азию. Мораль нашего народа, чистая, как хрусталь, вызвала восхищение во всем мире.

Разумеется, обычаи и привычки нашего народа не свободны от недостатков. Но эти недостатки не решающие, не составляющие главное качество нации, они частные и второстепенные. И нельзя же второстепенное выдавать за главное в национальном характере.

Пропагандируя свою «Теорию преобразования нации», Ли Гван Су говорил, будто корейцы порабощены по причине своей «низшей национальности». Но нет, Корея порабощена не из-за «низшего качества» самой нации, а из-за коррупции и бездарности правителей. Тон утверждения Ли Гван Су, так сетовавшего на «низость» корейской нации, смахивал на тон японских империалистов. Им стоило только открыть рот, как из него лилась несусветная клевета на нас как на «низшую нацию». Они разглагольствовали, что Япония, мол, должна «охранять», «руководить» и «контролировать» эту «низшую» нацию.

«Теория преобразования нации» – это открытый ренегатский акт Ли Гван Су, составленный в угоду оккупантам – японским империалистам. В вознаграждение за этот ренегатский акт он, бывший участник движения за независимость, получил возможность избежать кары и писать свои повести о любви, спокойно сидя под самым носом генерал-губернаторства.

Вначале он как романист пользовался большой любовью читателей. Массы любили его за произведения передового содержания, отвечавшие вкусу читателей. Он писал много романов в новом стиле, и его называли чуть ли не основоположником современной прозы Кореи. Однако его «Теория преобразования нации» охладила любовь читателей к нему. Элементы реформизма, промелькнувшие в его романах, в этой его статье проявились во всей своей наготе.

Современная интеллигенция, ведшая национальное движение по руслу реформизма, намеревалась даже создать частным образом корейский вуз за счет средств, собранных через движение за возмещение государственных займов. Но

генерал-губернаторство не разрешило основывать такой вуз, который мог бы стать кузницей кадров для движения за независимость страны.

Ненасильственное движение за поощрение развития материального производства тоже натолкнулось на сопротивление японских империалистов. Генерал-губернаторство не могло закрыть глаза на то, что корейцы пользуются только корейскими товарами, не употребляя навязываемые им Японией предметы потребления. Они с самого начала считали эту кампанию за антияпонское движение, имевшее целью бойкот японских товаров, и яростно препятствовали ей.

Реформистское движение, проводившееся под вывеской выращивания «реальных сил», явилось консервативным и пассивным движением сопротивления, которое проповедовало любовь к стране и нации как идеал, но как метод предполагало лишь ненасильственное выступление. На самом деле это была бредовая мечта – стремление ковать экономическую силу нации в пределах, допускаемых генерал-губернаторством, и лишь так противостоять экономической экспансии японского империализма. Ведь это азбучная истина – Япония не допустит свободного развития национальной промышленности Кореи, которая похоронит и саму Японию. Но эти идеалисты полагали, что путь к существованию нации будет открыт, если создать предприятия и широко пользоваться товарами отечественного производства. Чем объяснить такое?

Деятели национального движения, которые разложились и скатились в болото реформизма, не видели и не хотели видеть саму природу империализма. Они перешли от вооруженного сопротивления к мирному

культурному движению, что означало отступление в методах борьбы. А это и было движение, исповедующее мирное сосуществование или примиренчество с колонизаторами. В обстановке мирного сосуществования или примиренчества неизбежно происходит перерождение. И в самом деле немало реформистов позже выбыли из рядов национального движения или превратились в ренегатов – лакеев японских империалистов.

Теория выращивания «реальных сил» Ан Чхан Хо (ее называли также теорией подготовки) как разновидность концепции самоподготовки была теоретической опорой национал-реформистов. Он называл корейскую нацию самой низшей в мире по духовному воспитанию и даже утверждал, что наша нация сможет построить суверенное независимое государство только тогда, когда она цивилизуется по крайней мере до уровня американцев и англичан.

Вместе с тем атмосфера в зале показала, что, видимо, большинство публики сочувствует утверждениям оратора. Были и такие, что даже и слезу пустили, восхищенные его речью. Конечно, нельзя было отрицать того, что через эту публичную лекцию красной нитью проходил и дух патриотизма.

Что же касается меня, то я разочаровался, обнаружив в его речи опасные элементы, которые могут выхолащивать стремление народных масс к активной борьбе. Словом, в его утверждениях были сомнительные моменты.

Конечно, и я сочувствовал утверждениям оратора о том, что каждый должен работать над собой, повышать свои личные качества и на этой основе выращивать реальные силы нации. Но никак не мог я одобрять его мнение, что

наша нация является нацией самых низких духовных качеств в мире, и его реформистскую методику выращивания «реальных сил». Во всяком случае подготовка реальных сил должна быть процессом, способствующим борьбе за независимость, но сама она не может заменить собою революцию в целом.

Однако Ан Чхан Хо пытался заменить борьбу за независимость выращиванием «реальных сил». Борьба за независимость не развивается сама собой в результате выращивания этих сил, а он ни слова не сказал о том, как организовать силы нации, как мобилизовать их на достижение окончательной победы. В частности, ни слова не было сказано о насильственной борьбе, которая должна быть основной формой национально-освободительной борьбы.

Было сомнительной проблемой и утверждение, что в Маньчжурии необходимо развивать промышленность, которая, мол, могла бы стать основой независимости. А кто же предоставит кредиты на строительство, например, электростанции той нации, которая лишена государственной власти? Пусть какие-то державы дадут кредиты, но разве можно строить электростанцию и наладить рисоводство на чужбине, когда вся территория родной страны оккупирована японскими империалистами? А оставят ли японские самураи в покое корейцев, чтобы они занимались такими делами?..

Я не мог дальше слушать такую лекцию спокойно и задал оратору вопросы, правда, письменные, следующего содержания:

«Вы говорили о необходимости выращивать «реальные силы» корейской нации путем развития промышленности и

просвещения. А возможно ли это в условиях, когда страна целиком оккупирована японскими империалистами?

Вы говорили, что наша нация является низкой по уровню духовного воспитания. Что вы имеете в виду конкретно?

Вы говорите о таких державах, как США и Англия. Неужели нам нужно следовать их примеру? Можем ли мы добиться независимости при их «помощи»?»

Эта записка была передана ему через учащихся, сидевших в первых рядах, и председательствующего. Я, охваченный духом противоречия, посмел задать такие вопросы в письменном виде, но на душе у меня не было спокойно, когда увидел, как председательствующий с тревожным выражением на лице устремлял взгляд в сторону, где сидели учащиеся.

Я беспокоился, как бы не слишком сильно разочаровались почитающие Ан Чхан Хо деятели движения за независимость и сотни слушателей, если у оратора испортится настроение от этих вопросов. Если не будет успеха от публичной лекции Ан Чхан Хо, то и О Дон Чжин, прилагавший особые усилия для организации лекции, мог бы обидеться на меня, задавшего такие письменные вопросы.

Разумеется, я не ожидал и не желал подобного результата. Я задал оратору эти вопросы с надеждой, чтобы он, получив их, хоть на минутку бы пересмотрел свои утверждения и не продолжал распространяться о вредных идеях, противоречащих национальному достоинству и духу самостоятельности. В то же время меня подмывало услышать от него самого, которого уважают как ветерана движения за независимость, новый курс или стратегию

движения за независимость, которые он еще не высказал публике.

Однако дело обернулось совершенно иначе, чем я предполагал. Он некоторое время молча разглядывал мою записку, а потом спросил председательствующего о чем-то. Позже Сон Чжон До сказал мне, что Ан Чхан Хо спросил председательствующего, знает ли он Ким Сон Чжу, чье имя проставлено под запиской. И вдруг речь Ан Чхан Хо охладела – та речь, которая брала в оборот аудиторию таким пылким тоном. Оратор поспешно кончил лекцию, которую до этого читал так уверенно и гладко, и торопливо покинул кафедру. Видимо, он принял мои вопросы очень серьезно. Они были заданы мною ему совсем не для такого воздействия, они были скорее лишь намеком на что-то, а не ударом, на который надо вот так отвечать, а оратор даже без единой реплики сам прекратил лекцию на полдороге.

Разочарованные его поступком слушатели хлынули к выходу, а некоторые и вслух высказали свое недоумение, почему он стал вдруг таким тщедушным.

А в этот момент и произошло такое неожиданное событие. Гиринская военная комендатура подняла на ноги несколько сот жандармов и полицейских, которые внезапно влетели в зал, где шла всего лишь мирная публичная лекция, и арестовали более 300 человек. Мигом оказались в камере полицейского управления Хен Мук Гван, Ким Ри Дэ, Ли Гван Рин и многие другие деятели движения за независимость, не говоря уж о самом ораторе Ан Чхан Хо.

Этим повальным арестом дирижировал за кулисами Кунитомо из полицейского департамента генерал-губернаторства в Корее. Появившийся в Мукдене одновременно с приездом Ан Чхан Хо в Гирин, Кунитомо

сообщил Ян Юйтину, командующему китайской жандармерией, что в Гирине собралось несколько сот корейских коммунистов, и предложил ему арестовать их.

По приказу Яна полицейские и жандармы Гиринской военной комендатуры под закулисным дирижированием Кунитомо вели обыск жилых домов корейцев и развернули невиданную операцию по повальному аресту, налетев на Дадунский завод.

Хотя Ан Чхан Хо читал публичную лекцию неудовлетворительно, но мы не могли сдержать своего пламенного гнева от того, что враги забрали его и несколько сот корейцев, ни в чем не повинных. Тем более еще и потому, что Ан Чхан Хо был арестован в момент, когда он уже прекратил свою лекцию, получив вот эти письменные вопросы. Мне даже подумалось, будто эта цепная реакция была вызвана моими письменными вопросами. Очень мучила меня эта мысль.

Военщина Чжан Цзолина, господствовавшая на Северо-Востоке Китая, вступила в сговор с Японией через «соглашение Мицуи» и подвергала жестоким репрессиям корейских коммунистов и деятелей антияпонского движения за независимость. Это соглашение было пресловутым договором, имевшим своей целью искоренить очаги национально-освободительной борьбы корейцев в Маньчжурии. По этому соглашению выдавали даже премии приспешникам, схватившим корейских патриотов. Нашлись даже реакционные китайские чиновники, которые занимались лживыми доносами, чтобы заполучить эти премии.

Кампания группового ареста, проведенная на Дадунском заводе, тоже явилась жестокой репрессией,

совершенной реакционной военщиной Чжан Цзолина при подстрекательстве японских империалистов.

Мы немедленно созвали собрание членов Союза свержения империализма и серьезно обсуждали меры по освобождению арестованных. Потом встретились с деятелями движения за независимость и обсудили с ними, каким методом освободить заключенных. Они же, перепуганные насмерть, оказались тут совершенно беспомощными.

Мы утверждали, что Ан Чхан Хо и всех других арестованных можно освободить, если оказать давление на Гиринскую военную комендатуру сплоченными силами. Подчеркивали при этом, что самой действенной мерой является мобилизация сил масс. А эти деятели отвечали нам: «Вряд ли вы с пустыми руками сможете заставить сдаться эту жестокую комендатуру. Может быть, надежнее будет дать им деньги и взятки, нежели шуметь, подняв массы». Они опять проявили свою привычку не доверять силам масс.

Я настойчиво уговаривал их, что сплоченными силами масс вполне можно решить вопрос, который не решишь и деньгами. Затем мы провели в Гиринской церкви, которую содержал Сон Чжон До, массовый митинг с участием деятелей движения за независимость, корейских знатных людей, учащейся молодежи и детей города. Мы объясняли участникам митинга, что комендатура в сговоре с японскими самураями схватила многих корейских патриотов и ни в чем не повинных соотечественников, и предупреждали, что она может отдать японской полиции всех арестованных, получив за это даже и небольшую сумму денег. Мы обратились к ним с призывом: «Ясно, что

корейские патриоты будут подвергнуты жестоким наказаниям, если они будут отданы в руки японцев. Поэтому корейцы, любящие соотечественников и Родину, должны сплотиться единой волей и встать на массовое движение за освобождение патриотов».

Когда мы развернули движение за освобождение Ан Чхан Хо, немало людей недоумевающе качали головами. Не говоря уже о националистах, нашлись такие и среди тех, кто участвовал в коммунистическом движении, даже среди учащейся молодежи, находившейся под нашим влиянием. Они говорили: зачем, мол, так стараются спасти Ан Чхан Хо люди, которые задали даже письменные вопросы против его теории.

Я ответил им:

– Мы ставим под вопрос идеологию Ан Чхан Хо, но не выступаем против него самого как человека. Он тоже кореец и патриот, борющийся за независимость Кореи. Как же нам не спасти его?

Тогда я выдвинул на первый план великий принцип – многострадальные корейские соотечественники должны объединить свои силы в такой трудный момент.

Я отвергал публичную лекцию Ан Чхан Хо с тем, чтобы он более активно включился в священную борьбу за возрождение Родины, отказавшись от низкопоклоннической, реформистской позиции и нигилистического подхода к своей нации. Цель нашей идеологической борьбы с националистами заключалась не в том, чтобы свергнуть их, а в том, чтобы пробудить их и сплотить как можно больше людей под знаменем антияпонской борьбы.

После массового митинга, проведенного под знаком освобождения Ан Чхан Хо, на стенах зданий и на телеграфных столбах города Гирина появились листовки и воззвания с надписью: «Китайская полиция без всяких оснований заключает в тюрьму и истязает корейских соотечественников», «Китайские власти не должны попасться на удочку японских империалистов!», «Немедленно освободить брошенных в тюрьму корейских соотечественников!»

Мы также послали статьи в редакции китайских газет и возбудили общественное мнение. Молодежь, дети, жители Гирина каждый день шли массами в комендатуру и кричали, требуя освобождения заключенных. Иногда даже устраивали демонстрацию перед комендатурой. Мы прилагали все усилия к тому, чтобы реакционная китайская военщина не могла отдать в руки японских империалистов арестованных корейских деятелей движения за независимость.

Под таким давлением масс комендатура выпустила на волю Ан Чхан Хо и всех других заключенных, продержав их в заключении более 20 дней. Очень обрадовало меня освобождение Ан Чхан Хо, достигнутое нами в напряженной борьбе. Мы посетили деятелей движения за независимость, чтобы встретиться с Ан Чхан Хо, который был выпущен на волю и вернулся к своим коллегам. Я втайне надеялся, что он хоть немного поймет наше чувство, выраженное в заданных ему вопросах.

Однако он весьма поспешно покинул Гирин сразу же после выхода из тюрьмы. Не знаю точно, с какими чувствами вернулся он в Шанхай, но глубоко уверен, что он покинул Гирин, воспрянув духом, с новым боевым

настроением. Об этом свидетельствовала и его дальнейшая жизнь. Он, не запятнав имени патриота, до последней минуты своей жизни стойко вынес все выпавшие ему на долю испытания.

Мы с ним ни разу больше не встретились. Спустя 10 с лишним лет, когда мы вели вооруженную борьбу в горах Пэкту, он был арестован японцами и умер от болезни, нажитой им за решеткой.

Тогда я, узнав об этом, очень горевал, что он, посвятивший всю свою жизнь делу просвещения и сплочения нации, умер так рано и не увидел дня независимости своей Родины. Однако на этом не прервалась навсегда моя связь с ним, установленная необычным случаем. Он ушел, но после освобождения страны его младшая сестра Ан Син Хо работала вместе с нами, став заместителем председателя Центрального Комитета Союза демократических женщин Кореи.

Вернувшись с триумфом на Родину после освобождения страны, я узнал через действовавших внутри страны патриотов, что она живет в районе Нампхо. В то время там работал товарищ Ким Ген Сок посланцем. Я дал ему задание найти Ан Син Хо. Спустя несколько дней поступило донесение, что она найдена. Я спросил его по телефону, каков у нее идейный настрой. Он ответил, что она ходит всегда с библией под мышкой и, видимо, является завзятой верующей. Я сказал ему, что она – младшая сестра известного павшего патриота и потому, наверно, хранит чувство патриотизма, хотя она верит в бога. Посоветовал ему помогать ей как следует, не упуская ее из-под своего партийного влияния. Он не очень охотно ответил, что это будет сделано.

То было время, когда на верующих у нас смотрели сквозь призму предрассудков. И не сразу это отрицательное явление исчезло, несмотря на наше неоднократное предупреждение.

Через несколько месяцев он сообщил мне радостное известие – Ан Син Хо вступила в партию и отдает всю себя построению новой Кореи, а партийный билет носит при себе, вложив его в страницы библии. Мне дорого было знать, что патриотический дух Ан Чхан Хо покоится не только в земле.

Глядя на Ан Син Хо, честно работающую на благо Родины и народа, мы вспоминали о полном перипетий жизненном пути ее брата – борца за независимость и с глубоким волнением вспоминали его заслуги перед нацией.

Во время Совместного совещания представителей Севера и Юга Ким Гу, враждовавший всю свою жизнь с коммунизмом, удивился, встретившись в Северной Корее с Ан Син Хо. Он, наверно, не мог даже и представить себе, чтобы коммунисты выдвинули младшую сестру одного из лидеров Шанхайского временного правительства на пост заместителя председателя ЦК Союза демократических женщин Кореи. Она была его любимой и невестою в молодости.

Наше доверие к ней было именно доверием к самому Ан Чхан Хо. В то же время это было и наше почтение и поклон перед всеми предшественниками движения за независимость, которые связаны с нами кровными узами патриотизма в рамках единой нации, независимо от идеалов и вероисповедания.

7. Слияние трех фракций

20-е годы можно охарактеризовать в общем плане как период ускорения процесса соединения антияпонских патриотических сил в единый фронт. Предтечи и патриоты Кореи, искренне заботившиеся о будущей судьбе нации, прилагали огромные усилия для единства и сплоченности антияпонских сил. Они убедились в том, что это и есть фундамент для достижения независимости страны.

Различные организации рабочего движения, быстро появившиеся по мере распространения нового идеологического течения под влиянием Октябрьской социалистической революции в России и Первомартовского народного восстания, объединились в середине 20-х годов во Всеобщую федерацию рабочих и крестьян Кореи. Работа по объединению антияпонских патриотических сил проводилась и в лагере национализма.

В 1927 году в обстановке созревания условий создания единой национальной партии создалось общество Синганхэ – организация совместного фронта коммунистического и националистического лагерей, которая вначале объединяла в своих рядах десятки тысяч человек.

Процесс объединения антияпонских патриотических сил приобретал широкий размах и в Маньчжурии, превратившейся в очаг движения за независимость. Многочисленные мелкие организации этого движения, появившиеся в Маньчжурии, как грибы после дождя, после «аннексии Кореи Японией», проходили бесконечный процесс объединения и разъединения и, наконец, к 1925

году разделились в основном на три группировки Чоньибу, Синминбу и Чхамибу. Эти фракции действовали каждая независимо.

Но эти три организации, как средневековые княжества, работали врозь, повернувшись спиной друг к другу. Каждая из них, проводя линию на границе подчиненной ей территории, занималась делами без всяких кооперативных связей с другими фракциями. Такая ситуация поставила их перед опасностью отдельного уничтожения перед лицом непрекращающихся нападений японских империалистов. Инциденты в Хуньчуне, Синцзине, Гумалине и ряд других непрерывных крупных убийственных операций японских войск и «соглашение Мицуи» нанесли большие удары организациям Армии независимости в Маньчжурии.

После позорного поражения в сражениях на Фэнвудуне и Циншаньли непрерывно наращивались силы японской армии с целью сдерживания военных действий Армии независимости. Был пущен в ход и пресловутый принцип психологической войны: если убит один японский солдат, то убивайте в отместку десять корейцев. Эти убийственные операции загоняли растущую Армию независимости в пассивное положение.

В такой обстановке лидеры всех фракций, с головой ушедшие в грызню за гегемонию, были вынуждены искать путь слияния организаций движения за независимость в качестве меры преодоления трудностей, на которые натолкнулась Армия независимости.

С самого начала появления трех фракций передовики движения за независимость, признав актуальную необходимость их соединения, делали все возможное, чтобы осуществить слияние.

К тому времени три администрации бесполезно тратили свои силы на соревнование за расширение подчиненных им территорий, относясь друг к другу с враждой и неприязнью. Грызня за гегемонию иногда порождала трагические столкновения и кровопролитие.

Летом 1925 года я стал очевидцем того, что руководители трех фракций проводили в Фусуне крупное собрание, на котором председательствовал мой отец, и серьезно обсуждали вопрос о путях объединения организаций. Собрание шло 10 дней в трех местах – в Фусуне, Ваньлихэ и Яндицуне. Места собрания менялись. Результатом этого форума было создание Общества по содействию коалиции национальных организаций.

Деятели общества ускоряли подготовительную работу по созданию единой национальной партии и вместе с тем, поддерживая непрерывную связь с руководителями различных групп, много раз проводили совещания с целью обсуждения вопроса самоуправления проживающих в Маньчжурии корейских соотечественников и слияния организаций революционного фронта.

Собрание продолжалось в разных местах. В дни собрания возникло еще такое сказочное «дело с *ванба*».

К тому времени Ким Дон Сам, Чвэ Дон О, Хен Мук Гван, Сим Рён Чжун, Рим Бен Му, Ким Дон, Ли Ен, Сон Сан Ха и другие руководители трех фракций, собравшись в Синьаньтуне, проводили собрание по вопросам слияния организаций. Это село расположено примерно в 12 километрах на юго-запад от железнодорожной линии Гирин – Чанчунь. Синьаньтунь вместе с Гирином, Синцзином и Хуадянем были очагами политического движения в Маньчжурии, которые можно пересчитать по пальцам.

Полиция японского консульства, пронюхав тайну собрания по сотрудничеству трех фракций, направила на места пять лазутчиков в форме простых жителей.

Шпики добрались до поселка Дунсяншугоу близ Синьаньтуня и начали осведомляться о собрании, претворяясь, будто ловят черепаху. Подоплеку этой шпионской затеи разоблачила сельская молодежь и сама же расправилась со всеми этими шпиками. Молодые люди, связав этих агентов одной веревкой, потопили их в реке Сунгари.

Полиция японского консульства в Гирине, проинформировав об этом событии полицейское ведомство Китая, пыталась навязать ему проведение совместного обыска мест этого происшествия и Синьаньтуня. Предлог? Мол, корейцы убили добрых граждан Японии. Об этом участникам собрания, делегатам трех фракций, сообщил О Ин Хва, служивший в то время в полицейском ведомстве переводчиком. Делегаты, объявив перерыв собрания, покинули Синьаньтунь.

В народе это прозвали «делом с *ванба*». «*Ванба*» – по-китайски черепаха в пренебрежительном выражении.

Собрание по объединению организаций движения за независимость сопровождалось множеством трудностей, перипетий и зигзагов. Если первой трудностью была цепкая слежка и подрывные акты японских империалистов, боявшихся слияния трех группировок, то наибольшей трудностью стало противоборство между группами, возникшими в каждой из фракций. Так, фракция Чоньибу разделилась на группы Чхоксонхвэпха и Хебихвэпха, а в Синминбу противостояли друг другу группы Кунчжонпха и Минчжонпха, в Чхамибу одни группы выступали за

Чхоксонхвэпха, другие – за Хебихвэпха. Дрались они каждая друг против друга. Ким Дон Сам, Ли Чхон Чхон, Ли Чжон Гон и другие лица группы Чхоксонхвэпха вышли из фракции Чоньибу, а группа Кунчжонпха во главе с Ким Чва Чжином и Хван Хак Су рассталась с фракцией Синминбу.

Собрание чаще всего проводилось в Гирине. Тут на улице Шанъицзе был рисоочистительный завод «Фусинтай», владельцем которого был кореец. Участники движения за независимость, проживавшие в Гирине, использовали конторку завода как спальню, так и рабочий кабинет. Частыми клиентами был здесь и те, кто приезжал из Северной, Южной и Восточной Маньчжурии или уезжал в эти районы. В «Фусинтае» не проходило ни одного тихого дня.

По календарю начинался новый год, но собрание проходило непрерывно, можно сказать, бесконечно. «Фусинтай» находился как раз около дороги, по которой я ходил в Юйвэньскую среднюю школу, и мне предоставлялись довольно часто случаи общения с участниками собрания – представителями фракций.

Хозяин «Фусинтая» был националистом, который с симпатией относился к коммунизму. Мелкий предприниматель, получая оплату за порушку и очистку зерна, он зарабатывал деньги себе на пропитание.

Однажды я захожу на этот рисоочистительный завод и знакомые старики представляют меня Ким Чва Чжину, Ким Дон Саму, Сим Рён Чжуну и другим делегатам трех фракций.

– Вот перед вами сын Ким Хен Чжика.

А потом сказали как бы в шутку:

– Но знаете, дружки, по идеям он с нами врозь, идеи у нас с ним не одни и те же.

Так мне и приклеили вот такой ярлык.

Я отвечаю им, улыбаясь:

– Что вы говорите! Не понимаю, почему вы так говорите. Вы-то, уважаемые, хотите независимости Кореи? Вот и я тоже за независимость Кореи. Значит, идеи у нас и не могут быть иными.

– А мы так говорим потому, что вы за какое-то социалистическое движение.

Вот тут мне и предоставилась хорошая возможность для пропаганды коммунизма.

– Сейчас молодежь выступает за коммунистическое движение. Это тенденция мировая. Да к этому стремятся прежде всего люди молодые. Почему бы и нам, корейской молодежи, не бороться за коммунизм, если все другие так поступают? Если мы не видим новое, если все время цепляемся за старенькое, что же будет с будущим Кореи? У вас-то, уважаемые, свое дело, а мы же поколение другое. Мы обидимся, если вы не поймете биения нашего молодого сердца.

– Чем бы ты ни занимался, – отвечают старики, – это нас не касается. Вряд ли вы свергнете нас.

Я вежливо спрашиваю:

– А почему вы говорите, что мы, молодежь, собираемся вас свергать?

Подобные случаи и после не раз бывали.

По дороге порой заглядываю в «Фусинтай», но почему-то не слышу и речи о соединении трех организаций. Лидеры Армии независимости так затягивали свои собрания, что даже раздражало нервы.

Общаясь с руководителями этих трех фракций, я мог вникать и в глубь их будничной жизни. А она-то была у них такая серая и скучная.

Как я уже говорил, близ Чаоянмыня, в окрестности Гирина, была гостиница «Саньфон», когда объявлялись перерывы собраний, руководящие кадры Армии независимости собирались в этой гостинице и устраивали всякие заговоры для сдерживания противостоящих им группировок.

А неподалеку от гостиницы находилась церковь Сон Чжон До, которую мы использовали как место для массовой работы. И естественно, что по субботам после обеда и по воскресеньям случалось и мне заглядывать в жизнь верхушек Армии независимости – клиентов этой гостиницы.

В выделенной для них комнате всегда лежала шахматная доска – такая, что вся лоснилась от пятен, оставляемых запачканными руками шахматистов. Эти шахматы хозяин гостиницы сделал специально для скучающих гостей, пусть, мол, развеют свою скуку хоть за ними.

Старички Армии независимости целыми днями тем и занимались, что или трепали языками, или объявляли шах королю.

Хозяин и хозяйка так усердно ухаживали за главарями армии, что у них уже почти иссякла вся силушка. Приходят гости – и они кормят их самыми хорошими рисовыми блюдами, а рис – очищенный на мельнице «Тайфэнхэ», подавали им к столу и мясо, и *тубу* (соевый творог – ред.), и рыбу, и всякое другое.

Командиры Армии независимости как усядутся, так целые ночи и проводят за шахматами, а на ночную трапезу еще получают *куксу* из гречневой муки.

И все это, как сказала хозяйская дочка, даровое. Она даже жаловалась, что от волнения даже спать не может, да и некогда ей поспать-то, все время на побегушках, – то за табаком, то за водкою.

Однажды она сказала матери:

– Мама, мы так ухаживаем за ними, что не пройдет и трех месяцев, как мы станем нищими.

А мать за это возьмет доченьку да еще и отругает:

– Чего нам для них жалеть-то? Ведь они-то сражаются, чтобы вернуть потерянную Родину. Как все будет готово, так они и уйдут воевать. Больше такой чепухи и не говори.

Однако храбрецы эти, командиры Армии независимости, вообще и не собирались идти на поле боя. Собрав оружие, они скрыли его в сарайчике и праздно проводили день за днем, даже и не вспоминая о нем. Когда мы заходим, старики открывают какие-то бухгалтерские журналы, делая вид, будто чем-то занимаются. Им, сказать по правде, конечно же, не хотелось показаться лодырями перед молодежью, вот они и ведут себя так, с настороженной оглядкою на других.

Бывало, иной день они, грохоча кулаками и деревянными валиками по столу, осыпали собеседников руганью, какую непозволительно бы вырвать изо рта у любого хулиганствующего брехуна. Дело в том, какая группа одержит реальную власть после слияния трех фракций? Каждая из них выдвигала вперед свою группу и клеветала на другую. Дескать, наша группа, видишь, имеет более длительную историю и большие заслуги, чем ваша,

имеет больше территории, больше жителей и так далее. А свечереет – и они опять сидят вместе за попойкой, всю ночь наговорятся во хмелю и на другой день поднимаются из своих постелей к полудню.

Однажды в воскресенье мы отправились в «Тайфэнхэ». И встретились там с пожилым человеком – министром финансов Шанхайского временного правительства, с которым и пришлось вести нам словесную войну.

Он со своими партнерами приехал в Гирин, и вот уже несколько месяцев участвуют они в собрании по слиянию трех группировок. Он охотно заигрывал с молодежью, порой высказывал даже «прогрессивные» слова. И мы на встречах относились к нему с почтением, открывали перед ним всю свою душу, выплескивали из нее все, что в ней было.

В тот день мы, разговаривая с ним о том о сем, немножко покритиковали Шанхайское временное правительство. Мы, молодые, окружив его тесным кольцом, «атаковали» его:

– Вы и ваши коллеги нисколько не думаете о судьбе Родины и нации. Какова участь у нашего народа – это вас нисколько не интересует. Даже на чужбине вы, изгнанные из Родины, деретесь друг с другом, чтобы каждый из вас занял высокий чиновный пост. Так скажите, пожалуйста, как вы смеете говорить о патриотизме, враждуя между собою? Пускай вы будете и в чинах, – чего вы так-то добьетесь? Всего-навсего соберете в деревнях пожертвования на военные цели, командуя несколькими крестьянскими семьями. К чему эта ваша грызня за власть, какая власть и над кем?

И такой знатный министр финансов растерялся перед нашими упреками и советами и ничего не мог молвить в ответ. И вдруг, вконец рассердившись, обругал нас за то, что мы, мол, обидели его.

– Вы против меня? Да, да, вы правы! Вы люди умные, а мы же дураки. Вот выйду и посрамлю и себя и вас всех!.. – рычал он.

И с таким отчаянным криком он тут же, увы, вдруг начал поспешно раздеваться и бросать одежду куда попало. Вижу: он собирается голым выбежать на улицу и в таком непотребном виде, мечась по улице, показать при всех себя как опозоренного нами корейца. Он, видимо, думал: «Да, обиделся, зато посрамлю и саму нацию!»

За всю свою жизнь я встречался с таким множеством совершенно разных людей, но такого нахала больше нигде и никогда не видел. Вывеска-то у него – боже мой, министр временного правительства, а по поведению – ужасный нахал и хулиган. Просто беда, если он, действительно, выбежит за стены мельницы тогда уж и верно – позор министра финансов будет и нашим позором, это уж позор корейца.

Мы бросились его успокаивать и с большим трудом, собрав раскиданную им одежду, насилу надели ее на него.

Возвращаясь домой, мы тогда пообещали друг другу больше никогда не общаться с такими типами. Всего лишь за критику он, так разобиженный, посмел голым выбежать на улицу! Как же ему, такому нахалу, быть честным в движении за независимость! Другое дело, если так поступает несмышленыш с голым пупком, а он-то ведь человек солидного возраста, что же это за политический деятель такой!..

Этим человеком было крепко опозорено Шанхайское временное правительство. В то время в Маньчжурии и без того много людей уже косилось на это правительство за фракционную грызню, за попрошайническую дипломатию, за разбазаривание военных расходов и дармоедство. Да и то сказать, это временное правительство не ограничивалось только сбором подушного налога и обязательной сдачей «пожертвований для спасения Родины». Дело дошло до того, что стали выпускать облигации, искали толстосумов и давали им так называемые «удостоверения» о назначении на должности начальников провинций, уездов и волостных управ, получая с них за это соответствующую мзду, то есть попросту продавали чины и должности.

Пока националисты не достигли слияния группировок и продолжали грызню между фракциями, японские империалисты заслали к ним своих приспешников и при их помощи без особого труда арестовывали борцов за независимость. Самой горькой утратой тогда был арест О Дон Чжина. Японская полиция использовала своего агента Ким Чжон Вона, который соблазнил О Дон Чжина сладкими словами: мол, если связаться с корейцем Чвэ Чхан Хаком, с этим крупным владельцем золотого прииска, находящимся в Чанчуне, то можно иметь большой фонд для движения за независимость. Поддавшегося такому соблазну доброго человека арестовали на вокзале Синлуншань близ Чанчуня.

Получив эту весть, я так был возмущен и встревожен, так убивался, что даже потерял аппетит.

Но, как говорится, беда приходит не одна. После этого О Ген Чхон, сын арестованного, сгорел в пожаре в Гиринском кинотеатре. Я ворвался в театр и успел вынести его на спине, но жизнь ему спасти не удалось. Нестерпимо

мучилась жена О Дон Чжина, сраженная такими неожиданностями – заключением мужа в тюрьму, смертью сына. Мы, как могли, утешали ее, ухаживали за ней, но утешения ей в таком горе не нашлось. От тяжелых душевных переживаний эта несчастная женщина сошла с ума и вскоре скончалась.

Арестованный О Дон Чжин не на жизнь, а на смерть боролся на судебном процессе. А та фракционная публика под предлогом борьбы за единство трех фракций каждый день устраивала пирушки и убивала время в грызне за власть. При виде такой позорной картины могла ли у нас быть душа на месте?

А «полакомившись» на аресте О Дон Чжина, японские полицейские с озверелыми глазами лезли из кожи вон, чтобы как можно больше схватить участников антияпонского движения.

Несмотря на все это, лидеры трех группировок не опомнились и продолжали заниматься только пустым фразерством.

И вот вижу однажды: эти людишки на дворе мельницы, отгороженной крутым забором, бегают, мечась туда и сюда, бог знает отчего, в штанах, полных песку, – мол, упражняемся в беге. Как же противно было смотреть на это! «Что это за затея такая? – думалось мне. – Что делают эти самозваные борцы за независимость Кореи?! Ведь на пороге японская агрессия в Маньчжурии, с каждым днем судьба Родины все ближе и ближе к пропасти».

Не в силах сдержаться, с переполнившим сердце жаром говорю им:

– Мы уж было поверили, что после ареста О Дон Чжина вы многое переосмыслили. Япошки вон не брезгуют

никакими способами и средствами, арестовывают активных участников антияпонского движения одного за другим, расправляются с ними, как хотят. А вы что, собравшись здесь, только и знаете, что заседать. Так, что ли? Верно это? Мы, учащаяся молодежь, желаем, чтобы эти три фракции поскорее объединились и чтобы все участники движения за независимость в Южной, Северной и Восточной Маньчжурии объединили свои силы, чтобы все корейцы сплотились воедино для общей борьбы.

Но и после этого руководители трех организаций не прекратили свою грызню и продолжали убивать время за пустословием.

Мне не терпелось, я очень досадовал. Те, кто выдавал себя за деятелей коммунистического движения, погрязли в фракционной грызне. К тому же националисты, у которых было определенное число войск, тоже оказались в таком плачевном состоянии. Просто мне было досадно и обидно.

Мы думали, думали и, наконец, решили воздействовать на этих националистов посерьезнее. И создали сатирическую пьесу на тему об этой их грызне за власть. Именно она и остается известной до наших дней драмой: «Грызня трех князей за престол».

Как только мы подготовили эту постановку, я пригласил всех руководителей трех группировок:

– Вы, наверно, устали от ваших собраний. Вот мы для вас, уважаемые, и создали пьесу. Прошу вас посмотреть эту драму, а заодно утолить и вашу усталость.

Они радостно приняли это приглашение и охотно пришли в церковь Сон Чжон До.

После песен, вокальных и танцевальных номеров мы в самом конце представления дали эту драму. Вначале

старики очень обрадовались, говоря, что пьеса поставлена интересно. А как только поняли, что эта пьеса о грызне трех человек за престол сатирически высмеивает их самих, злобно покраснели, и им оставалось только показать нам пятки. И пробормотали:

– Сволочи, смеете нас оскорблять? Посмотрите-ка, ведь этот Сон Чжу совсем падший человечек-то…

На следующий день я рано утречком иду к ним и, как ни в чем не бывало, спрашиваю:

– Отчего же это вы вчера вечером ушли с пьесы-то? Ведь интересно было бы досмотреть ее до конца, верно ведь?

Тут старики в крайней злобе набросились на меня:

– Ты что, забыл, как там ругали нас вчера вечером?

Я им от всей души отвечаю:

– Незачем вам обижаться на пьесу-то, уважаемые. Вы все время ссоритесь, и вот мы, с досады, измученные вашим скандалом, и поставили эту пьесу. Ведь она, вчерашняя наша пьеса, выражает мнение всей нашей молодежи. И вам следовало бы знать, к чему наша молодежь стремится, чего массы желают.

Видимо, и пьеса, и наши глубоко аргументированные слова явно воздействовали на них, и они, похоже, задумались: надо, мол, и нам все-таки хоть что-то сделать, иначе стыд-то какой перед этими людьми.

Вот после этого эти три фракции объединились, хотя бы и формально, в единую так называемую организацию Кунминбу. Это было объединение «наполовину» – коалиция оставшихся в Чоньибу лиц, группы Минчжонпха фракции Синминбу и группы Сим Рён Чжуна из Чхамибу.

Ушедшие из Чоньибу, а также группа приверженцев Чхоксонхвэ из Чхамибу, группа Кунчжонпха из Синминбу отдельно создали так называемое Временное новаторское собрание, которое существовало параллельно с администрацией Кунминбу.

И, находясь под одной крышей Кунминбу, лидеры различных групп сидели спиной друг к другу и мыслили по-разному.

Так отвергая новое идеологическое течение и продолжая грызню между группировками, консервативные силы националистического лагеря, наконец, прекратили свое существование. Они не хотели идти на сражение с японскими захватчиками и проводили время за фракционной грызней и словесной полемикой потому, что у них не было твердой решимости добиться во что бы то ни стало возрождения Родины силами самой корейской нации.

История поставила перед нашей национально-освободительной борьбой неотложную задачу – сменить старое поколение на новое. Мы верили, что именно молодые коммунисты могут быть главными деятелями, призванными справиться с задачей по смене поколений.

8. Выбор Чха Гван Су

Когда я вспоминаю годы жизни в Гирине, перед моими глазами всплывают вереницею незабываемые лица. И в первом их ряду всегда вижу Чха Гван Су.

Встретился я с ним в первый раз весной 1927 года. Впервые мне рекомендовал его Чвэ Чхан Гор. После закрытия училища «Хвасоньисук» Чвэ Чхан Гор служил в Армии независимости в Саньюаньпу уезда Люхэ, где была расположена одна из опорных баз Чоньибу.

Однажды неожиданно пришел ко мне связной от него с письмецом. В нем он писал, что вскоре в Гирин поедет его друг Чха Гван Су, и советовал мне познакомиться с ним. Он добавил, что и сам на днях съездит в Гирин.

Спустя несколько дней я читал в Доме христианской молодежи публичную лекцию. Когда я после нее вышел из Дома, появился передо мною невесть откуда взявшийся юноша в очках, чуть наклонив голову набок, и спросил меня ни с того ни с сего, знаю ли я Чвэ Чхан Гора. Я ответил, что знаю, и он протянул мне руку даже без представления. Это и был не кто иной, как Чха Гван Су.

Первая наша беседа была такою, что он говорил мало, давая больше говорить мне. Он задавал вопросы, я отвечал.

Он произвел на меня впечатление человека неделикатного и необщительного, и он ушел куда-то, не сказав куда.

Спустя некоторое время Чвэ Чхан Гор приехал в Гирин, как и обещал. В Гирине находилось руководство Чоньибу, и его центральная охрана занимала казарму, расположенную

за воротами Синькаймынь. Он приехал, пользуясь случаем, когда его рота должна сообщить о чем-то этой центральной охране. Я сказал ему, о чем мы беседовали с Чха Гван Су и какое впечатление он произвел на меня, заметив, что душу свою он мне не открыл.

Чвэ Чхан Гор ответил, что Чха Гван Су произвел такое же впечатление и на него, когда они встретились в первый раз, и добавил, что это человек правдивый.

Как-то раз командир роты Армии независимости, в которой состоял Чвэ Чхан Гор, получил донесение, что в школе в Люшухэцзы имеется учитель, пропагандирующий коммунизм. Командир роты приказал сейчас же схватить его.

Чвэ Чхан Гор опасался, как бы этот учитель, Чха Гван Су, не подвергся истязанию со стороны бойцов Армии независимости, которые без всяких оснований считают коммунистов еретиками. Он дал секретное задание бойцам, которые находились под его влиянием.

Эти бойцы, получившие задание от Чвэ Чхан Гора, ужинали в доме, где Чха Гван Су находился на полном пансионе. Наверно, им подали очень скудный ужин. Говорили, что в миске у кого-то даже оказались подохшая моль и отруби, когда разбавили ложку чумизной каши водой.

Бойцы, привыкшие угощаться везде, ворчали угрожающе:

– Разве это каша? Вы не считаетесь с Армией независимости, что ли?

Тут уж Чха Гван Су заступился за хозяина дома:

– Сами члены этой семьи уже несколько дней не брали в рот ни зернышка и утоляют голод одной зеленью. А кашу

эту варили, взяв чумизу в долг у помещика, чтобы угощать вас, дорогих гостей. Виноват помещик, который дал плохое зерно, а не хозяин, угостивший вас искренне от всей души.

Выслушав такие слова Чха Гван Су, вдруг примолкли и те, что орали так сердито. К его безупречным доказательствам они придраться не смогли. И крикуны, которые вначале так грозили хозяину, были восхищены личной доблестью учителя. Они ушли, не только не тронув его, но даже и доложили командиру роты, что Чха Гван Су «не коммунист, а настоящий патриот».

Чвэ Чхан Гор сказал, что с первого же знакомства С Чха Гван Су он убедился, что это человек, с которым стоит дружить. У Чвэ Чхан Гора был такой характер, что он полностью доверял и сердечно относился к тому, кого он однажды оценил как человека достойного. И я поверил в то, что Чха Гван Су хороший человек, раз он так понравился Чвэ Чхан Гору.

Спустя неделю, как ушел Чвэ Чхан Гор, вдруг снова появился Чха Гван Су. Он сказал, что за это время познакомился с Гирином, хотя и знакомился с ним понемногу, и ни с того ни с сего спросил, какое у меня мнение по вопросу о союзе с националистами.

Надо сказать, что в то время внутри коммунистического движения шла острая дискуссия по вопросу о союзе с националистами в связи с тем, что Чан Кайши изменил Коммунистической партии Китая. Взгляд на этот вопрос был своего рода пробным камнем, дающим повод к тому, чтобы различить подлинного коммуниста от оппортуниста. Поэтому, думаю, и Чха Гван Су сразу же после знакомства со мной поинтересовался моим мнением по этому вопросу. Собственно, тут ничего удивительного и нет, потому что

вследствие измены Чан Кайши в китайской революции создалась весьма сложная ситуация.

До измены Чан Кайши китайская революция находилась в стадии бурного подъема. Сотрудничество Коммунистической партии Китая и Гоминьдана служило мощным фактором, способствовавшим революции.

Со второй половины 20-х годов китайская революция приступила к свержению реакционного режима во всей стране методом революционной войны. Летом 1926 года Национально-революционная армия начала Северный поход под лозунгом свержения империализма, свержения военщины и ликвидации феодальных сил, заняла Хунань, Хубэй, Цзянси, Фуцзянь и другие провинции. Потом она заняла один за другим важные города в бассейне реки Янцзы и оказала сильное давление на реакционную военщину Чжан Цзолина, захватившую даже Хуабэй (территория Китая севернее реки Хуанхэ – ред.) под закулисным дирижированием японских империалистов.

Рабочие Шанхая троекратным героическим восстанием заняли город, а жители Уханя и Цзюцзяна, воодушевленные победоносным ходом революции, начавшей Северный поход, отняли у английских империалистов территорию сеттльмента. Рабочий класс откликался на наступление армии, совершающей Северный поход, всеобщими забастовками, а крестьяне вместе с рабочими участвовали массами в войне, в походе на север, презирая смерть.

Вот в такой-то момент Чан Кайши и сорвал сотрудничество Гоминьдана и Коммунистической партии и стал на путь измены революции. С целью монополизировать право на руководство революцией он заговорщицким методом начал отстранять коммунистов от

руководства в Гоминьдане и правительстве, активно вел закулисные переговоры для получения поддержки империалистических держав.

– Если бы Чан Кайши не совершил подобного изменнического действия, китайская революция шагнула бы дальше вперед и, следовательно, вопрос союза с националистами не приобрел бы такой острый характер, как сейчас, – говорил Чха Гван Су в негодовании.

Когда упрочилась революционная база в Гуандуне и встал на повестку дня революции поход на север, Чан Кайши без промедления установил военную диктатуру и перешел к фашистскому терроризму против Коммунистической партии. В марте 1926 года он, спровоцировав инцидент с кораблем «Ятсен», выгнал Чжоу Эньлая и всех других коммунистов из офицерской школы Вампу и 1-го корпуса Национально-революционной армии. В марте 1927 года он силой оружия распустил Наньчанский и Цзюцзянский городские комитеты Гоминьдана, поддерживавшие три основные политические установки Сунь Ятсена. А 31 марта он предпринял налет на место массового митинга в Чунцине и зверски уничтожил множество горожан.

12 апреля 1927 года в Шанхае он совершил варварское массовое истребление революционно настроенных жителей города. Кровавая бойня распространилась и на периферию.

После этого инцидента китайская революция вступила в период временного спада.

Внутри международного коммунистического движения появились люди, которые, подчеркивая необходимость извлечь урок из такого положения китайской революции,

ударились в крайность и настаивали на отказе коммунистов от сотрудничества с националистами.

Видимо, такая обстановка натолкнула Чха Гван Су на что-то, от чего стоило бы себя уберечь.

На что мы ориентировались? Корейские коммунисты обязаны сотрудничать и с националистами во имя возрождения Родины – это была позиция, которой придерживались мы со времени создания ССИ.

В тот день я так разъяснял это Чха Гван Су:

– Некоторые разложившиеся националисты Кореи, капитулировав перед японскими империалистами, проповедуют «автономию» и национал-реформизм, но патриотически настроенные националисты и интеллигенты с твердой волею борются внутри страны и за ее пределами за независимость Кореи. Корейские националисты, испытывающие на себе варварское колониальное господство японского империализма, сильны антияпонским духом, поэтому нам надо идти рука об руку с такими националистами и национальной буржуазией.

Такие взгляды на союз с националистами были основаны на нашей самостоятельной трактовке национализма. В то время, как и сейчас, мы считали национализм своего рода патриотическим идейным течением, которое первым появилось на арене национально-освободительной борьбы.

И вообще национализм возник как передовая идеология, защищающая интересы нации.

Можно сказать, что национализм выступил на исторической арене с факелом цивилизации и призывами к «суверенитету и независимости», «защите страны и безопасности народа», «отпору агрессии Запада и Японии»

именно в годину, когда в обстановке неудержимого крушения политики королевской династии судьба страны была поставлена на карту вследствие внутренних и внешних политических осложнений и принуждения внешними силами открытия дверей.

Когда безжалостно был растоптан национальный суверенитет внешними силами и страна превращалась в место конкурентной борьбы великих держав за захват концессий, появилось идейное течение, защищающее интересы нации, и стало руководящей идеологией народных масс. Это неизбежное явление, отвечающее закону развития истории.

Нельзя считать справедливым утверждение, что с самого своего начала национализм стал идеологией класса капиталистов, так как нарождающаяся буржуазия, подняв знамя национализма, шла во главе национального движения.

В период буржуазного национального движения против феодализма в основном совпадали интересы народных масс с интересами нарождающейся буржуазии. Следовательно, национализм отражал общие интересы нации.

Позже с развитием капитализма и превращением буржуазии в реакционный правящий класс национализм стал идейным орудием для защиты интересов класса капиталистов. Поэтому необходимо всегда различать настоящий национализм, подлинно защищающий интересы нации, и буржуазный национализм как идейное орудие, представляющее интересы класса капиталистов. Если отожествлять эти два аспекта, неизбежна серьезная ошибка в практике революции.

Мы выступаем против буржуазного национализма и остерегаемся его, но поддерживаем и приветствуем настоящий национализм, ибо идеи и чувства, составляющие основы настоящего национализма, зиждутся на патриотизме. А патриотизм – это общие идеи и чувства, которыми обладают как коммунисты, так и националисты. Это, если сравнить его с математикой, «наибольший общий делитель», который дает возможность мириться коммунистам и националистам, сплотиться и сотрудничать друг с другом в рамках единых национальных интересов. Любовь к Родине и нации есть, образно говоря, большая артерия, соединяющая коммунизм с настоящим национализмом, есть движущая сила, приводящая настоящий национализм к коалиции с коммунизмом.

В прошлом настоящие националисты, подняв знамя любви к Родине и нации, совершили немалые подвиги в борьбе за модернизацию страны и возвращение государственной территории, оккупированной и разграбленной иноземными захватчиками. В настоящее время наша страна расколота на Север и Юг, где существуют разные системы и идеи. И в этой обстановке мы, твердо уверенные в возможности объединения Родины, упорно боремся за его осуществление, ибо мы видим абсолютный фактор свершения великого дела национального согласия именно в любви к Отечеству и нации, которой живут как коммунисты, так и настоящие националисты.

В нашей стране, единонациональном государстве, подлинный национализм есть патриотизм. Это своего рода неотвержимая истина. Исходя из такого принципа, я неизменно придавал важное значение сплочению и

сотрудничеству с патриотически настроенными, подлинными националистами, видел в этом прочную гарантию победы нашей революции.

Таковы наши взгляды и наша позиция, которых мы всю жизнь придерживались и придерживаемся и ныне с той поры, когда мы участвовали еще в молодежно-ученическом движении.

И в тот день, когда состоялась моя встреча с Чха Гван Су, я подчеркивал, что истинный национализм следует отличать от буржуазного. Выслушав меня, Чха Гван Су крепко взял в свою мою руку и взволнованным голосом назвал мое имя:

– Сон Чжу!

Не думаю, что я убедил его своей превосходной логикой. Наверно, его сочувствие вызвали моя позиция и образ моих мыслей. Я все проблемы разбирал на основе реальной действительности Кореи и придавал приоритет не пустым разговорам, а революционной практике.

И вот он стал раскрывать передо мной свою душу. Изменилось мгновенно его отношение ко мне. До этой поры говорил главным образом я, а он слушал, задавал вопросы. А теперь он сам рассказывал, что хотел, и без всяких моих вопросов.

Когда мы сблизились с ним душами, он оказался человеком глубокой души, солидным, с большой эрудицией. Он был старше меня на семь лет, учился даже в вузе в Японии, умел хорошо писать и красноречиво выступать, обладал поистине доброй душой и снискал заслуженную симпатию у молодежи, пользовался широкой популярностью как знаток марксизма. Они с Пак Со Симом

часто вели горячие дискуссии по вопросам марксизма, не желая признавать себя слабыми в познаниях.

Ким Чхан, лидер фракции Хваёпха, не находил себе места от растерянности, когда Чха Гван Су полемизировал с ним. Он уступил Гван Су место в дискуссиях о марксизме. Раньше Чха Гван Су считал его крупной птицей в компартии, но после нескольких встреч с ним стал принимать его лишь за ученика средней школы. Однажды мы организовали дискуссию Чха Гван Су с Син Иль Ёном, деятелем фракции Сосанпха, но Син тоже не мог с ним соперничать.

У Чха Гван Су была такая примета: он шагал, чуть наклонив голову влево. Он говорил, что эта привычка пристала к нему еще в малолетстве, когда он ходил, слегка скосив голову, так как на шее у него возникла опухоль.

Он уроженец провинции Северный Пхеньан. С детства слыл он среди сельчан мальчиком умным, догадливым. Еще подростком он переправился в Японию и учился там, конечно, в тяжелых условиях без всякой материальной поддержки. Именно в этот период он стал читать марксистско-ленинскую литературу, стал сочувствовать коммунизму.

Когда он осваивал новые идеи, обучаясь в такой нужде, в Японии коммунистическое движение вступило в период спада. Созданная недавно Коммунистическая партия Японии крайне ослабла из-за первого ареста ее руководителей в июне 1923 года и белого террора во время сильного землетрясения в районе Канто. Вскоре она была распущена вследствие происков оппортунистов, проникших в руководство партии. Было бесполезно искать какое-нибудь движение и перелистывать книги Маркса, сидя в

такой вот Японии, где коммунистическое движение пошло на спад.

И он вернулся в Сеул. Там он встретился с деятелями коммунистического движения. А среди этих людей, исповедовавших марксизм-ленинизм, было так много фракций и групп, что он просто не мог в них разобраться.

Чтобы определить, чья позиция правильная, а чья – нет, и чтобы найти себе путь вперед, он начал изучать историю коммунистического движения раннего периода в нашей стране, его родословную и сектантские отношения. Он затратил на это немало времени, но это оказалось таким же занятием, что блуждать в лабиринте. Существовало множество разных сектантских организаций вроде партии из трех человек и фракции из пяти. Все группировки эти противостояли непримиримо, враждуя и ненавидя одна другую, а на деле между ними не было никакой существенной разницы ни в идейных позициях, ни в политических взглядах.

Чха Гван Су сказал, что он наблюдал в стране немало происков фракционеров, но инцидент в кафе «Рагян» был их кульминацией. Что тут произошло? Члены фракций Хваёпха и Пукпхунхвэпха проводили совещание в кафе «Рагян». А люди из фракции Сеульпха, недовольные сговором этих двух фракций, налетели на них, избили и тяжело ранили нескольких участников этого совещания. Раненые предъявили иск на хулиганов через японский суд. Спустя несколько дней люди из фракции Пукпхунхвэпха подвергли побоям членов фракции Сеульпха и тоже нанесли им тяжелые ранения. Тогда раненые этой фракции предъявили иск на этих насильников тоже через японский суд.

Такая сектантская грызня дошла до того, что все фракции, организовав каждая свою террористическую группу, противоборствовали одна с другой как настоящие противники.

«Как же могут разложиться до такой степени люди, которые вроде бы участвуют в коммунистическом движении?» – думал Чха Гван Су.

Он жаловался на них денно и нощно. И после глубокого раздумья покинул Сеул и прибыл в Маньчжурию. По его словам, он надеялся на то, что в Маньчжурии, недалекой от СССР, можно будет обнаружить линию, приводящую к Коминтерну, и найти новый путь коммунистического движения Кореи.

В Маньчжурии он столкнулся с декларацией общества Чоньухвэ (Общество верных друзей – ред.). В декларации фракционеры предлагали прекратить взаимную клевету друг на друга и вести открытые дискуссии для того, чтобы избавить корейское коммунистическое движение от сектантской борьбы. Они утверждали, что следует указать массам верный путь вперед, развернув теоретическую полемику. Но открытые дискуссии, предложенные в упомянутой декларации, были бы на руку не корейскому коммунистическому движению, а тайной полиции Японии.

После создания Коммунистической партии Кореи фракция Хваёпха, ведя сектантскую грызню против фракции Сеульпха, опубликовала в газете список 72 членов подготовительного комитета съезда деятелей массового движения, который она собиралась проводить. Это она сделала так с целью показать, что она сильнее других фракций. А на самом деле это означало, что фракционеры, ослепленные борьбой за захват гегемонии, откровенно

передали японским империалистам список руководителей компартии. По этому списку японцы арестовали руководителей компартии в широком масштабе. В результате этой кампании арестов чуть ли не все деятели фракции Хваёпха были брошены в тюрьму.

Было ясно, какое будет последствие, если забыть этот урок и снова вести открытые дискуссии, как это предлагали фракционеры.

Чха Гван Су, сведущий в обстановке в Японии, осуждал декларацию общества Чоньухвэ, называя ее копией «доктрины Хукумото» – оппортунистического течения, возникшего внутри коммунистического движения в Японии.

Хукумото утверждал, что для восстановления партии нужно различать через «теоретическую борьбу» людей с чистым революционным сознанием и людей с нездоровой идеологией и объединить лишь «чистые элементы». Его предложение, раскольническое и фракционное, причинило большой вред рабочему движению в Японии.

Чха Гван Су махнул рукой на декларацию общества Чоньухвэ, составители которой проглотили целиком теорию Хукумото и даже скопировали ее фразы.

Разочаровавшись в преступных действиях фракционеров, он направился в Люхэ, решив стать учителем в деревне и жить спокойно, внедряя в сознание детей дух нации. Там он встретился с Чвэ Чхан Гором и по его рекомендации прибыл в Гирин.

Он признался, что, бродя под холодным дождем на чужбине, с нетерпением ждал появления правильной линии борьбы и руководителя, которые дали бы ему силу и надежду.

Подробно рассказав о своей биографии, он дрогнувшим голосом проговорил:

– Сон Чжу, сможем ли мы вести коммунистическое движение с взаимным доверием и товариществом? Без фракционности и драки за гегемонию!

В этой фразе прозвучал итог и урок его жизни – жизни человека, так долго бродившего по далеким чужбинам в поисках пути революции.

Я тоже крепко пожал его руку и с волнением сказал, что мы, представители нового поколения, не должны идти по раскольническому пути, как фракционеры, а должны тесно сплотиться единой мыслью и волею и продвигаться вперед по прямому пути революции.

Он без утайки, откровенно признался, о чем думал, когда Чвэ Чхан Гор рекомендовал ему меня. Узнав, что мы ведем в Гирине движение учащихся, он думал: «Невероятно, что этот ученик средней школы так глубоко освоил марксизм-ленинизм и так успешно ведет коммунистическое движение. Но проверю сам, какой он на самом деле».

Да ведь вначале и я считал этого общительного, шустрого и деятельного парня за завзятого молчуна.

Вскоре он стал членом нашего ССИ. Летом того же года я послал его в Синьаньтунь. Это была деревня, расположенная недалеко к западу от автомагистрали Гирин – Чанчунь, которую корейские патриоты хотели превратить в «идеальную деревню». Поселок этот был одним из очагов политического движения, созданных лишь в нескольких населенных пунктах корейцев в Маньчжурии. Дело воспитания жителей этой деревни в революционном духе позволило бы нам проложить первый канал, соединяющий

нас с крестьянскими массами. Я хотел поручить это задание именно ему.

Когда я предложил ему поработать в Синьаньтуне, он глянул на меня недоуменно, мол, чего это он задумал.

– Я с трудом нашел линию движения и приехал из деревни в город. Зачем направляешь меня опять в деревню? – спросил он не то в шутку, не то всерьез и продолжал. – Иные развертывают движение в Сеуле, Токио, Шанхае и других крупных городах. И этим они еще не довольствуются, обращаются даже в Коминтерн, вертясь, как белка в колесе. А что же нам делать в таком узком месте, как эта деревушка?

Он отвергал старый метод движения, но сам еще не избавился от старых взглядов на наше движение.

– Ошибка думать, – говорю ему, – что революцию можно вести только в крупных городах. Нам следует идти и в город, и в деревню, во все места, где только живет народ. Абсолютное большинство населения нашей страны составляют крестьяне. Большинство корейцев в Маньчжурии тоже живет в деревне. Не пойдешь в гущу крестьянских масс – не поднимешь народ на борьбу за возрождение Родины, тогда немыслима даже победа коммунистического движения в нашей стране. Я тоже буду работать в деревне после окончания школы. Ошибочно также и думать, что авторитет коммунистов повышается только тогда, когда они ходят в Коминтерн. Коммунисты уважают Коминтерн потому, что дело рабочего класса носит международный характер и что рабочий класс может порвать цепь международного капитала своей международной сплоченностью. Когда мы будем активно бороться за выполнение своего национального и

интернационального долга, тогда сможем и получить санкцию Коминтерна и приблизим долгожданный день возрождения Родины… Сейчас все так называемые деятели движения идут только вверх. От села в уезд, от него в Сеул, от Сеула в Коминтерн… Они полагают, будто сохранить авторитет и получить санкцию можно, только идя вверх. Нельзя же оторваться от масс и идти все вверх и вверх, мол, ведя революцию для пролетарских масс. Нет, мы должны идти вниз. Идем вниз, в гущу рабочих и крестьян.

«Идти не вверх, а вниз», – повторил он про себя серьезным тоном и погрузился в размышления. Немного погодя он ударил кулаком по столу и воскликнул:

– Это весьма серьезное открытие!

Появление Чха Гван Су пополнило ядро ССИ. Так сказать, наше движение приобрело знаменитого теоретика, способного тягаться по знаниям и с выдающимися личностями из верхушки Коммунистической партии Кореи.

С тех пор он делил с нами горе и радость в течение трех с лишним лет. Он внес немеркнущий вклад в развитие молодежно-ученического движения, ускорение процесса воспитания масс в революционном духе и закладку фундамента антияпонской вооруженной борьбы. Немыслимо в отрыве от имени Чха Гван Су революционное воспитание жителей Синьаньтуня, Цзяндуна, Цзяохэ, Гуюйшу, Калуня, Уцзяцзы, Люхэ и их окрестностей.

Сначала он участвовал в работе по революционному преобразованию сел корейских жителей окрестностей Гирина, потом он вместе с Ким Вон У, Ке Ен Чхуном, Чжан Вэйхуа, Пак Гын Воном, Ли Чжон Раком и Пак Чха Соком в работе по сплочению молодежи заселенных корейцами пунктов района Люхэ в Южной Маньчжурии, а также

Калуня, Гуюйшу, Уцзяцзы и других районов центральной части Маньчжурии, сделав центром своей деятельности Гирин. В последний период своей жизни он участвовал в деятельности по созданию Антияпонской народной партизанской армии в Аньту.

Где бы он ни был, с людьми он дружился быстро, держал себя всегда с благородным тактом, люди относились к нему с глубоким доверием и уважением. Да иначе и не могло быть по отношению к нему, шустрому, деятельному и эрудированному.

В Самгванской школе в деревне Гуюйшу Чха Гван Су преподавал обществоведение. Это был одним из популярнейших уроков, которые ученики ждали с наибольшим ожиданием и интересом. Он часто читал учащейся молодежи и крестьянам публичные лекции, разучивал с ними песни. Был широко известен некролог, который он читал на траурном митинге, посвященном памяти Пэк Син Хана.

Чха Гван Су чаще всего бывал в Синьаньтуне. Одно время он работал там учителем в Гильхынской школе. Проживая в доме инспектора этой школы, он воспитывал крестьян, молодежь, женщин села в революционном духе и вовлекал их в Антиимпериалистический союз молодежи, Крестьянский союз, Общество женщин и Общество детей, превращая село в революционное.

Это село находилось под влиянием националистов и фракционеров. Фракционеры, заходившие туда по пути, произносили мудреные слова вроде «теории пролетарской революции», другое еще что-то подобное, и потому, услышав подобную речь социалистов, старики и другие

пожилые люди только покачивали головами. В их душах крепенько укоренились феодальные обычаи.

Так что поначалу и Чха Гван Су было трудно примоститься в этой деревне. Он снял комнату в частном доме, оклеил стены обоями, чтобы не стыдно было приглашать гостей, потом приблизил к себе двух-трех грамотных стариков и поручил им задание вести пропаганду среди пожилых сельчан.

По вечерам старики с курительными трубками за спиной приходили к нему в гости. Кто-то из стариков, подготовленный хозяином к этой беседе, рассказывал о житье-бытье и как бы мимоходом говорил:

– Плохой наш мир. Чтобы его переустроить, надо первым делом убрать с дороги помещиков.

Так гости слушали хотя бы всего лишь несколько слов о революции и расходились.

Вот так Чха Гван Су воспитывал сначала стариков, а затем организовал вечерние курсы и читал публичные лекции, создал бодрую атмосферу в деревне – танцевали и пели все вместе. И жители деревни говорили, что они не возражают против такого социализма, какой предлагает им этот учитель, и включились в дело революции.

Когда Чха Гван Су устроился в Синьаньтуне, я посещал его по субботам после уроков. Тогда мы выходили на гаоляновое или кукурузное поле за окраину Гирина и там, сняв школьную форму, одевались по-крестьянски, уходя вот так от вражеской слежки.

Находясь в Синьаньтуне, я знакомился с опытом работы Чха Гван Су, помогал ему в делах. В ходе такой работы я стал глубже понимать его, а он – меня. Так мы развернули через него работу по воспитанию жителей

Синьаньтуня в революционном духе. Однажды он появился в Гирине и затащил меня в Бэйшаньский парк. Когда мы уселись там в доброй тени, он сказал мне, что есть человек по имени Хо Рюр, достойный нашего внимания. По его словам, этот человек был причастен к делу революции еще в годы, когда он учился в Тонхынской средней школе в Лунцзине. Недавно Хо Рюр приехал в Гирин с целью поступить в юридический институт, но надежду свою на учебу бросил, будучи не в состоянии платить за обучение.

Чха Гван Су обратил внимание на Хо Рюра потому, что за его спиной стояли влиятельные люди. Он сказал, что Хо Рюра послал в Гирин Ким Чхан. Он еще продолжал питать иллюзии к Ким Чхану. Слова его меня удивили.

Ким Чхан был одним из крупных руководителей коммунистического движения раннего периода в Корее. Он работал заведующим отделом пропаганды во время существования первой Компартии Кореи, играл ведущую роль и при создании второй. Позже он, избегая опасности быть арестованным, уехал в Шанхай и организовал там шанхайский филиал Коммунистической партии Кореи. Ким Чхан был представителем фракции Хваёпха и действительным организатором «маньчжурского бюро» Коммунистической партии Кореи.

Ким Чхан направил юношу, находившегося под его влиянием, в Гирин, ибо он с нескрываемым вожделением взирал на нас. Когда распространились во многие места слухи, что мы в Гирине развернули движение учащейся молодежи, подняв знамя коммунизма, он стал обращать внимание и на нас. Когда наши силы начали возрастать, он послал толковых людей, видимо, хотел оказать на нас свое влияние.

И сам Ким Чхан прибыл в Гирин и имел частые контакты с учащейся молодежью. Не раз читал и публичные лекции. Я тоже слушал однажды его лекцию. Как-то сообщили, что с публичной лекцией выступит «большой знаток марксизма». И мы вместе с Чха Гван Су пошли в дом Ли Гым Чхона, расположенный за воротами Дадунмынь, где остановился Ким Чхан. Но он высказал абсурдное мнение, вредное для революционной практики, и мы в нем разочаровались.

В тот день Ким Чхан, выдавая свою фракцию за «ортодоксальную» в корейской революции, клеветал на другие группы. Он даже выдвинул нелепую концепцию, что корейская революция, мол, является пролетарской революцией и потому только рабочие, бедные крестьяне и батраки могут стать ее движущей силой, а все остальные непролетарские элементы не могут быть движущей силой революции.

Тогда я, слушая речь Ким Чхана, глубоко осознал, что его утверждения являются опасным софизмом, который мог бы ввести народные массы в заблуждение и причинить огромный вред революционной практике, что без борьбы с подобным софизмом нам нельзя идти по верному пути коммунистического движения.

Чха Гван Су сказал, что у него тоже такое мнение, как и у меня, и признался, что он почтенно относился к Ким Чхану, не зная сути его воззрений. В то время фракционеры повсюду тянули руки к молодежи, чтобы умножать силы своих групп.

Тогда и Ан Гван Чхон, представитель фракции Эмэльпха, появился в Гирине, приодевшись в белое *турумаги*, и пытался расширить силы своей группы,

выдавая себя за «вождя» коммунистического движения. Одно время он работал ответственным секретарем компартии из фракции Эмэльпха, поэтому обладал необыкновенным самолюбием. В Гирине было немало людей, которые преклонялись перед ним, как перед «корифеем марксизма».

Чха Гван Су сказал мне, что Ан Гван Чхон является известным теоретиком. Да и я встречался с ним раза два с надеждой услышать от него хотя бы одно слово, которое помогло бы нам в нашей практической деятельности. Он, как и Ким Чхан, тоже умел произносить речи весьма гладко.

Все слушатели восхищались его речами, но не надолго. Впечатление при одной его речи изменилось сразу, когда он сказал глупость, пренебрегая массовым движением. Он утверждал, что в революции можно победить и без борьбы масс, если полагаться на силы Коминтерна или какой-то большой страны. С жаром разглагольствовал, что не нужно, мол, вести массовую борьбу, напрасно проливая кровь, в такой малой стране, как Корея, а надо добиваться независимости при помощи большой страны. Это был настоящий софизм, предлагающий строить крепость на песке.

И я подумал тогда, что и этот человек, как и Ким Чхан, тоже не больше чем пустозвон.

– Мы никак не можем понять ваши слова. Зачем же вы организовали компартию и ведете коммунистическое движение, если вот так недооцениваете массовую борьбу? Зачем вы здесь, в Гирине, призываете людей встать на революцию? – спросил я его.

Опровергая его речь, я сказал, что нельзя победить в борьбе руководству компартии из нескольких человек, без

пробуждения, сплочения и мобилизации масс на борьбу, что это бредовая мечта – добиться независимости благодаря чужой милости, без веры в свой народ.

Он сделал вид, будто ему не охота беседовать с нами, так как у нас слишком низок уровень. Он сказал, что нужно пройти огонь, воду и медные трубы, чтобы понять такую вещь, и ушел с насмешкою. И больше мы с ним дела не имели.

В ту пору фракционеры выступали то с левооппортунистической теорией: «Корейская революция является пролетарской революцией», «Построим социализм сначала в районе корейских жителей в Маньчжурии», то с теорией правооппортунистической: «Корейская революция есть революция буржуазно-демократическая и национальная буржуазия должна взять в свои руки гегемонию в этой революции, поскольку очередной задачей встает освобождение нации».

Среди фракционеров нашлись и люди, которые утверждали, что в Корее, где сложилась особенная, неблагоприятная политическая обстановка, можно вести движение только идеологическое, но нельзя развернуть движение политическое. Были и такие люди, которые говорили: «Сначала независимость, а потом революция». А также были и такие, что ошеломили массы ультрареволюционным лозунгом: «Свергнуть капитализм и завершить мировую пролетарскую революцию!»

Мы с Чха Гван Су вели теоретическую полемику и с таким человеком, как Син Иль Ён.

Да что и говорить, встречались со многими и весьма разными фракционерами. И все они без исключения были модными стилягами, зараженными честолюбием и

мелкобуржуазным ячеством, были закоренелыми низкопоклонниками перед большими странами и догматиками.

В тот день я сказал Чха Гван Су, что хотя Ким Чхан и такой «известный» человек, но и к нему нельзя питать иллюзии, поскольку он набил язык и руку на фракционной деятельности, и добавил:

– Нам в любом человеке следует видеть, кто бы он ни был, сперва его идею, подход к революции и взгляд на народ, прежде чем обращать внимание на его популярность, биографию, занимаемый пост.

Чха Гван Су на это ответил так:

– Я считал полезным не поворачиваться спиной, а идти рука об руку с такой крупной личностью, как Ким Чхан, поскольку мы сделали лишь первый шаг в коммунистическом движении. А сейчас я порываю связь с Хо Рюром.

Такое резкое изменение его позиции озадачило меня. Конечно, можно сразу же прекратить все связи с Хо Рюром, если он давно заражен фракционностью, но и с ним надо идти рука об руку, воспитывать и его, если он сбился с пути временно, не понимая чего-то. И мы решили встретиться с ним.

И вот как-то я в сопровождении Чха Гван Су направился в деревню Цзяндун, где находился Хо Рюр. Пройдешь некоторое время от Гирина через мост на реке Сунгари в сторону Дуньхуа – увидишь деревню Цзяндун у подножия горы Лунтаньшань. Мы решили создать там организацию нашего АСМ, заняться здесь воспитанием масс и в дальнейшем превратить деревню в революционный поселок, такой же, как Синьаньтунь.

Встретились мы с Хо Рюром. Оказалось, он был честным и серьезным человеком. С какой точки зрения ни смотри, он был человеком, которого жалко оставлять на произвол судьбы, чтобы он погряз в болоте фракционности.

И я поручил Чха Гван Су поработать с ним, оказать на него наше положительное влияние, а сам часто ходил в эту деревню, помогая ему, в чем он нуждался.

И Хо Рюр не обманул наших ожиданий. Он, пришедший к нам пустить корни фракционности, в конце концов повернулся спиной к Ким Чхану, выступая против фракционности.

Так вот нам удалось создать в деревне Цзяндун революционные организации и на этой основе воспитать жителей всей деревни в революционном духе, вырастить Хо Рюра активистом ССИ. А дальше из него вырос руководящий работник АСМ и комсомола.

9. Урок события в Ванцинмыне

Осенью 1929 года в Ванцинмыне уезда Синцзин фракцией Кунминбу был созван съезд по слиянию Молодежной федерации Восточной Маньчжурии и Молодежной федерации Южной Маньчжурии. Он назывался съездом МФЮМ.

Руководители Кунминбу ратовали за то, чтобы в соответствии с объективными условиями, сложившимися после слияния трех фракций, ликвидировать разбросанность молодежного движения и установить единое руководство движением. И они, выступив как организатор объединенного съезда двух молодежных организаций, пытались создать на нем единую организацию – так называемый Союз молодежи Кореи. Они намеревались использовать съезд с целью поставить заслон молодежным организациям от влияния нового идеологического течения и держать в своих руках все организации корейской молодежи в Маньчжурии.

В принципе мы действовали самостоятельно, независимо от этих двух организаций, так что мы могли бы и не приезжать на этот съезд. Но нельзя было поручить работу съезда одним деятелям Кунминбу.

МФЮМ и МФВМ немало подвергались влиянию фракционеров, и в их рядах сложилась сложная ситуация. В худшем случае съезд, наоборот, усугублял бы раскол молодежного движения.

Мы считали необходимым с инициативой принять участие в работе съезда, чтобы не допустить раскола

молодежи и оказать на делегатов молодежных организаций свое благотворное влияние.

Я решил прийти на съезд МФЮМ как делегат от Пэксанского союза молодежи. Я отправился из Гирина вместе с Ким Са Хоном.

Он должен был поехать в Ванцинмынь для участия в конференции Революционной партии Кореи. На все нужные дорожные расходы деньги он мне выдал. РПК была создана деятелями Армии независимости после образования Кунминбу на основе ее хартии. Националисты говорили, что Кунминбу – это самоуправляющаяся администрация, а РПК – единая национальная партия, призванная направлять и контролировать всю деятельность националистического лагеря. Но фактически РПК осталась всего лишь разновидностью Кунминбу.

Вначале я намеревался поехать прямо в Ванцинмынь, но мне захотелось повидаться с Ким Хеком, Чха Гван Су и Чвэ Чхан Гором. И я не надолго побывал в уезде Люхэ. В этой местности они работали с большим размахом, расширяя сеть организаций АСМ.

В то время Чха Гван Су, создав спецгруппу в Тонсонской школе в Гушаньцзы, растил и воспитывал новых коммунистов. Для вида этот коллектив называли спецгруппой, а внутренне – Обществом по изучению общественных наук. В нем был организован филиал АСМ.

Не только в Гушаньцзы, но и во многих других деревнях Южной Маньчжурии они создали такие общества и воспитывали многочисленных юношей и девушек, из которых создали организации комсомола и АСМ.

На месте я убедился, что мои товарищи в Люхэ сделали больше, чем то, что мне было доложено.

Закончив свои дела в Люхэ, я собирался уехать в Ванцинмынь. Чха Гван Су добровольно пожелал сопровождать меня. Он высказал такое предположение:

– Очень беспокоюсь, что ты туда поедешь один. Ведь верхушки фракции Кунминбу с недобрым намерением тайком следят за действиями молодых приверженцев коммунизма.

Когда мы прибыли в Ванцинмынь, там были уже делегаты из многих молодежных организаций: Гиринского, Гильхвэского, Самгакчжуского и других союзов молодежи.

По прибытии я сразу же пошел к Хен Мук Гвану. После создания Кунминбу он находился не в Гирине, а в Ванцинмыне. Увидев меня, он сказал:

– Ставка Кунминбу возлагает на тебя, Сон Чжу, большие надежды. Задай-ка свой тон на съезде. До конца съезда будь у меня дома. Не думай жить и столоваться где-то в другом месте. А дома мы поговорим о будущем молодежного движения.

Я был благодарен ему за внимание, но, вежливо отказавшись от его приглашения, остановился в доме Кан Хон Рака – дальнего родственника по линии моей матери. Я не мог бы остановиться в доме Хен Мук Гвана, куда часто приходят те, кто занимается подготовкой съезда.

Кан Хон Рак был интеллигентом, принадлежавшим к левому кругу националистов, преподавал в Хвахынской средней школе. В этой школе деятели Армии независимости воспитывали учеников в духе национализма, как и в Тэсонской средней школе в Восточной Маньчжурии. Как бы ни вбивали им в головы дух национализма, из них вышли только коммунисты. Вывеска-то – национализм, а содержание – коммунизм.

О Син Э, жена Кан Хон Рака, была красива лицом, вполне современная женщина. За удивительное пение ее в организациях Южной Маньчжурии называли «Соловушкой» вместо имени.

Перед съездом по предложению Кунминбу было проведено предварительное собрание с участием представителей молодежных организаций разных районов и была избрана подготовительная комиссия съезда, в состав которой вошли Чвэ Бон и многие другие мои товарищи. С Чвэ Боном я познакомился еще тогда, когда учился в училище «Хвасоньисук». Он как один из руководителей МФЮМ часто выступал с речами в районах, где проживают корейцы. И в училище «Хвасоньисук» он своими блестящими речами привлекал внимание слушателей. Теоретически зрел, умен и активен в делах. После он, близко общаясь с нами, перешел на сторону коммунизма.

И меня тоже избрали в состав подготовительной комиссии. Члены ее серьезно обсуждали проблемы и разработали проект резолюции съезда, который был бы приемлем для всех и каждого. И другие документы были подготовлены по нашим планам.

На следующий же день по прибытии в Ванцинмынь я начал работу с молодыми делегатами. Первым делом я провел собрание молодежи на площадке Хвахынской средней школы. Пользуясь встречей молодых делегатов из разных районов, я хотел и сам познакомиться с ними поближе и вместе с тем оказать на них наше влияние. Без этой предохранительной меры они могли бы стать идеологической игрушкой в руках лидеров Кунминбу. На этой встрече я отметил, что для достижения подлинного единства корейского молодежного движения его ряды

должны сплачиваться единой идеей и единой волею и что такая сплоченность должна зиждиться на новых, передовых идеях.

Но то, что было сказано в моей речи, по-видимому, было немедленно передано лидерам Кунминбу. Через Ким Ри Габа я узнал, что они очень напрягают свои нервы и зорко следят за моими действиями. Теперь стало понятно, почему Чха Гван Су так беспокоился, когда я уезжал из Люхэ.

Ким Ри Габ – один из первых членов ССИ. После закрытия училища «Хвасоньисук» он, находясь в доме помолвленной невесты Чон Ген Сук, недалеко от Ванцинмыня, проводил работу по революционному воспитанию жителей этой местности. Большой размах и дерзание позволили ему справиться с этим трудным делом масштабно и удачно. Вселять в людей дух коммунизма в районах действия националистов, размахивающих флагом антикоммунизма, – дело это было весьма не из легких.

Он прибыл в Ванцинмынь на съезд в качестве наблюдателя. На следующий день после моего выступления с речью в Хвахынской средней школе он пришел ко мне и предложил поужинать вместе в доме его невесты и поделиться сокровенными думами. Он намеревался сообщить мне что-то о настроениях деятелей Кунминбу.

Он сказал мне, что в Кунминбу строят гнусный заговор – арестовать весь состав подготовительной комиссии съезда. И посоветовал мне:

– Лучше бы тебе немедленно скрыться, пока они не успели еще протянуть к вам свои черные руки. Я еще посмотрю, как пойдет дело, а если будет трудно, ночью уйду из Ванцинмыня.

По его словам, Хен Мук Гван при всех руководителях Кунминбу объявил нам войну, открыто сказав: «И он, Сон Чжу, не одинаков с нами по идеологии, так что надо пойти на поединок».

У меня, собственно, не было намерения заранее скрываться. Зачем? Да и ни вреда я не причинил Кунминбу, вряд ли они будут меня арестовывать. Так я держался твердо. То, что Хен Мук Гван сейчас враждует по отношению ко мне из-за моей коммунистической пропаганды, – это тоже нелогично. Все гиринские националисты давно знают, что я за коммунистическое движение. Да и он, конечно же, догадывался об этом, поскольку одно время мы жили с ним под одной кровлей. Нет, непонятно, почему они теперь хотят арестовать меня. Чепуха! Мы не призывали к свержению Кунминбу. Прозвучал только призыв – сплачиваться всей корейской молодежи на основе новых идей. Как же это может стать причиной преследований?!

Я был готов пойти даже и на переговоры с руководителями Кунминбу, если это понадобится.

Когда я вернулся в дом Кан Хон Рака, ко мне в комнату вошла О Син Э и сообщила еще об одной зловещей неприятности – войска Кунминбу уже арестовали Чвэ Бона и нескольких других членов подготовительной комиссии. Хозяйка попросила меня немедленно уйти, так как и меня они ищут.

Выслушав ее, я не мог удержаться от возмущения и гнева. С первого дня своего прибытия в Ванцинмынь мы прилагали все усилия к тому, чтобы превратить съезд МФЮМ в один из важнейших моментов для образования

единого фронта с националистами. В таком направлении был составлен и проект резолюции съезда.

Но представители высшего эшелона Кунминбу хотят ответить на наши искренние усилия террористическим актом.

Я решил пойти на переговоры с Ко И Хо, который в Кунминбу был ответственным за молодежную работу. Чха Гван Су, осведомившись о подлых деяниях Кунминбу, спешно прибежал в дом Кан Хон Рака вместе с членами АСМ, их было несколько человек. Они настаивали на том, чтобы члены подготовительной комиссии, ставшие предметом налета Кунминбу, прежде всех покинули Ванцинмынь.

Но я не мог скрываться перед опасностью для личной жизни. Я думал: теперь, когда на съезде мы не сможем достигнуть своей цели, у нас остается единственный метод действия – освещать нашу справедливую позицию на переговорах с террористами Кунминбу.

Чтобы сотрудничать с националистами, все-таки надо было хоть раз с открытой душой и сердцем поговорить с ними. Обстановка была зловещая, но именно теперь, думалось мне, настал подходящий шанс для переговоров. Да надо было встретиться с ними и для спасения уже арестованных товарищей. И на этот риск должен пойти я.

В этом я убедил моих товарищей. Поручив другие дела Чха Гван Су, я поспешил к Ко И Хо.

Что же касается Ко И Хо, то он в консервативной группе Кунминбу держался самой негативной позиции. В лагере националистов этот тип слыл «теоретиком».

Я вошел в его комнату. Он совсем растерялся, просто не мог найти себе места. Он, конечно же, и не думал, что я сам приду к нему. Я прямо спросил:

– Почему арестовали Чвэ Бона и других членов подготовительной комиссии?

Он, прикидываясь ничего не знающим, ответил, что и они теперь ищут этих членов.

Его двурушничество удвоило мое возмущение. Но я, стараясь быть сдержанным, пытался все же хоть в чем-то убедить его.

– Фракция Кунминбу созвала съезд под девизом единства молодежного движения, а вы, прежде чем выслушать на съезде выступления молодежи, совсем перепуганы даже проектом резолюции и арестовали делегатов. Это, я бы сказал, крайне поспешное самоуправство. Вы говорите: «Нам не понравился документ съезда, и поэтому мы арестовали членов комиссии». Тогда скажите – какое место вас не устраивает? Да ведь это еще только проект. Если что-то не нравится, давайте внесем в него поправки. Вы организаторы съезда, так что если что-то вам не нравится, то надо собрать молодежь и посоветоваться с ней. Так оно должно быть. Если же держать под арестом ни в чем не повинных людей, то как же им тогда свободно воспринять новое идеологическое течение? Как же им быть стойкими антияпонскими борцами, будучи под арестом-то?

Ко И Хо силился оправдаться и даже лгал прямо в лицо:

– Я думал только так: жаль, что молодежь, видимо, чрезмерно активно действует. А об аресте я и сам понятия не имею.

Я же на это говорю ему прямо:

– И вы одно время в Сеуле участвовали в ученическом движении, даже хотели ехать в Советский Союз, чтобы не попасть в лапы японской полиции. Итак, вы, пожалуй, знаете, что такое коммунизм, насколько распространяется в мире это идеологическое течение. Сейчас среди тех, кто поднялся на революцию, почти нет такого, который не имел бы представления о коммунизме. И о себе так можно сказать. Что же касается меня, то я ходил в училище «Хвасоньисук», созданное участниками движения за независимость, три года провел в Гирине в домах руководителей Армии независимости. Таков я. Но я вступил не в националистическое, а в коммунистическое движение. Наша молодежь следует новому идеологическому движению. Это потому, что молодежь твердо верит: в идеале коммунизма лежит путь к ускорению возрождения Родины, путь к счастливому будущему нашей нации. И вы тоже встали на борьбу за независимость Отечества, значит, и вы должны помочь молодым людям, этим борцам за будущее Родины и нации. А вы, вижу, арестовываете их. Скажите, это позволено?

Потом я сделал акцент на том, что не следует преследовать молодежь, приверженцев нового идеологического течения, а надо, идя с нею рука об руку, развернуть совместную борьбу против японского империализма.

И в самом деле, если исключить из своих рядов молодежь, стремившуюся к коммунизму, не существовала бы и сама МФЮМ.

Ко И Хо, усмехаясь прямо мне в лицо, твердил свое:

– Пусть Кунминбу бросит МФЮМ, но ни в коем случае не отдаст ее в руки коммунистов.

Я спрашиваю, в чем причина такого решения, а он цинично изрек: «Как же нам идти с ними рука об руку?» и привел пример, что в уезде Паньши фракционеры из группы Эмэльпха, образовав так называемую «дубинную дружину» из террористов, совершили налет на националистов.

И мы уже знали, что летом 1929 года в районе Саньюаньпу какие-то лица из фракционной группировки Эмэльпха, стремясь свергнуть националистов, дали полиции гоминьдановской военщины ложную информацию о том, что-де участники движения за независимость Кореи замышляют мятеж.

Эти фракционеры, с недовольством относясь и к нам, выступавшим за единый фронт с националистами, совершили хулиганские действия. Так, эта «дубинная дружина» нападала на руководящие кадры АСМ. Поэтому, остерегаясь ее хулиганства, члены АСМ в районе Люхэ действовали под защитой вооруженной группы Чвэ Чхан Гора.

Я еще раз попытался убедить Ко И Хо в том, что мы, молодежь, в корне отличаемся от этих сектантов. Эти фракционеры, я говорю ему, выступают не только против националистов, но и против нас, дерутся они даже между собой, разделившись на группировки, эти подлецы грызутся все время, так что нельзя мерить нас и этих мерзавцев на общий аршин.

Однако он до конца мне не открылся, не откликнулся по существу на мои искренние советы.

– Если вы все-таки попытаетесь сломить дух молодежи, – строго заявил я, – то запятнаете историю своими неискупимыми преступлениями. Не знаю, сможете ли вы физически уничтожить несколько человек, но не сможете подавить

идеи молодежи, которая стремится к коммунизму. Вас на это хватит, если захотите, убьете и меня. Погибнуть я уже готов.

Вот так вполне серьезно сказал я ему и думал, что это в определенной мере воздействует на него. Но лидеры Кунминбу, наоборот, стремясь к более упрямому противоборству, той же ночью объявили тревогу отряду Армии независимости, дислоцированному в Ванцинмыне, и подняли шумиху, чтобы арестовать нас.

Для предотвращения кровопролития я срочно направил Чха Гван Су в Саньюаньпу. Не исключено, что главари Кунминбу могут протянуть щупальца и к нашим товарищам в Люхэ. Я предложил комсомольцам и членам АСМ, приехавшим на съезд МФЮМ, той же ночью покинуть Ванцинмынь. Я сказал товарищам, что поскольку руководители группировки Кунминбу, созвав съезд МФЮМ, совершают инсинуации против прогрессивной молодежи, надо уйти со съезда и разоблачить их террористические акты путем опубликования заявления.

Итак, съезд не состоялся, и я решил покинуть Ванцинмынь.

Мои товарищи предложили поехать в Саньюаньпу уезда Люхэ, где работает Чвэ Чхан Гор, разработать там заявление и разослать документы по всей Маньчжурии, затем провести съезд только при нашем участии. Но ехать туда было опасно: там было сильно влияние Армии независимости.

И я не решался, куда поехать: в Саньюаньпу или в Линцзе? И решил, наконец, поехать в Линцзе, а там уж определить направление дальнейших действий. В Линцзе можно сделать небольшую передышку, потом заехать в

Гирин, а если и там ситуация будет неблагоприятная, направиться в Фусун и руководить там массовыми организациями до тех пор, пока не притихнет ветер террора Кунминбу. Таков был мой план.

В тот день вечером я вернулся к Кан Хон Раку и сказал:

– Сплю тут – меня захватят. Поеду в Линцзе. Прошу хоть немножко денег на дорогу.

Выслушав меня, он вздохнул и сказал с беспокойством:

– Но как тебе отсюда бежать? Ведь тебе не знакомы дороги.

– Пойду большаком на 32 километра – и все. Не беспокойтесь.

Я сказал ему, что в Линцзе могу пожить немножко, поскольку там есть член организации, который учился в Вэньгуанской средней школе. Кан Хон Рак и его супруга, видимо, успокоились и завернули мне в платок пищу на дорогу и несколько кусков тянучки.

А тот член организации, который учился в Вэньгуанской средней школе, – это Син Ен Гын, директор Ханхынской школы в Линцзе.

В Линцзе пришел я на следующий день к полудню.

Ученицы старшего класса школы искренне позаботились обо мне. Ан Син Ен, невеста Син Ен Гына, действовавшая в Цзяндуне как член АСМ, а потом приехавшая в Ханхынскую школу, со своими подругами накрыли мне обильный стол, где лежали густой кисель из маша и *рэнкук* (холодный бульон – ред.). Обед был так вкусен, что и теперь я о нем не могу забыть.

После обеда я, очень усталый, узнал многое о школе. И тут меня склонило ко сну. Конечно, пройдя 32 километра за ночь, устал я смертельно.

Син Ен Гын боялся, как бы не разбудил меня школьный звонок. Он без звонка пригласил учеников в класс, заманивая их рукою. И сами уроки вел тихо.

В Линцзе я услышал, что люди из Кунминбу, в конце концов, расправились с арестованными членами подготовительной комиссии съезда. В ущелье Хуаймаодигоу в Ванцинмыне были убиты шестеро таких перспективных молодых людей в возрасте 21 – 22 лет: Чвэ Бон, Ли Тхэ Хи, Чи Ун Сан, Ли Мон Рер, Ли Гван Сон и Чо Хи Ен.

Шестеро юношей, в том числе Чвэ Бон, в последние минуты своей жизни кричали: «Мы стали на позиции трудящихся масс, давно мы были готовы пожертвовать собой. Но очень жаль, что погибаем от рук ваших вот так!» Они гневно осудили деяния Кунминбу, пели песни «Гимн революции», скандировали: «Да здравствует победа революции!»

После этого террористы Кунминбу даже пытались захватить и уничтожить всех членов семей убитой шестерки. А Ко И Хо жестоко убил О Син Э за то, что она сообщила мне о предстоящих убийственных заговорах.

В Линцзе мы с кровью и слезами написали заявление, осуждающее и разоблачающее перед лицом всего мира преступные акты руководства Кунминбу. Напечатали это на гектографе и опубликовали в Саньюаньпу, где действовал Чвэ Чхан Гор. Документы эти были разосланы в революционные организации всех районов, чтобы там провели митинги с осуждением террористов.

В своем заявлении мы гневно осудили деяния убийц, написав, что так называемая администрация Кунминбу убила передовых молодых борцов за то, что они были

коммунистической молодежью. В нем говорилось: Кунминбу – это торгашеское сборище, кучка контрреволюционеров, это место для убийственных заговоров, это сборище предателей, ничем не отличающихся от приспешников Чан Кайши, убивающих рабочих и крестьян Китая.

После опубликования заявления между коммунистами нового поколения и представителями фракции Кунминбу состоялась лобовая конфронтация. Террористы из Кунминбу без всякого основания карали молодежь, имеющую связь с нами, когда она попадала в их руки. Да, от их рук погибло действительно много славных людей.

Это насаждало в наших сердцах жгучую ненависть к фракции Кунминбу.

После события в Ванцинмыне я не мог ночами сомкнуть глаз от сильных душевных потрясений. Осенило же меня встать на путь революции, чтобы вернуть потерянную Родину, а вот понес такие потери по вине людей одной и той же, твоей же нации. Как это больно, обидно и возмутительно!

С первых же дней после создания ССИ мы постоянно искали пути совместной борьбы с националистами. Когда нам было понятно, что истоком идей Ан Чхан Хо было реформаторство, мы критиковали способ его мышления и вместе с тем, когда его арестовали враги, без малейшего колебания развернули борьбу за его освобождение из тюрьмы. Когда собрание по объединению трех фракций затягивалось из-за грызни за власть, мы дали сигнал националистам, используя силу художественного произведения, в котором мы отразили свое искреннее желание добиться сплочения патриотических сил. А когда

было достигнуто слияние организаций движения за независимость в группировку Кунминбу, мы приветствовали этот новый сдвиг и радовались ему.

Однако лидеры Кунминбу повернулись спиной к нашим искренним усилиям и ответили на них зверскими убийствами.

В то время в Линцзе я вновь продумал и по-новому осмыслил слова старика Чха Чхолли, который сказал: «Пусть корейцев соберется хотя бы трое, но им нужно сплачиваться друг с другом в схватках с японцами».

Среди участников движения за независимость многие кричали о сплоченности. Народные массы пожелали, чтобы все патриоты, независимо от различия в политических тезисах, принадлежности к организациям и вероисповеданиях, шли рука об руку и объединяли силы в сопротивлении японскому империализму.

Однако террористы из Кунминбу безжалостно попирали ожидания масс.

И сейчас при воспоминании о трагическом событии в Ванцинмыне я чувствую в себе такой же гнев, какой меня охватывал в то время. Каждый раз, когда окидываю своим мысленным взором те трагические события, я думаю, что внутри нашей нации не должны больше повторяться столь жестокие и бессмысленные убийства. Если Ко И Хо и Хен Мук Гван были бы живы, то и они, я в этом уверен, так думали бы. Хен Мук Гван был столь близким мне в человеческом отношении, но не смог идти со мной одной и той же дорогой из-за различия в идеалах. Впоследствии он был убит в Чанше, погиб тоже от рук террористов. И он сам вот так, в конце концов, стал жертвой террора.

После освобождения страны его дочь Хен Сук Чжа вернулась на Родину вместе с лицами Шанхайского временного правительства. Она в Сеуле, в отеле «Пандо», написала своей матери письмо, которое, думается, сейчас хранится в Институте истории партии.

Ее дети счастливо живут на Севере расчлененной Родины.

История национально-освободительной борьбы в Корее свидетельствует, что путь коммунистов есть путь патриотизма и что именно коммунисты есть настоящие, стойкие патриоты, которые наиболее горячо любят свою Родину и свой народ.

В нынешних условиях расчленения государственной территории и усиливающихся вмешательств со стороны внешних сил сплоченность нации является первейшим фактором существования нации. Каждый раз, когда снова и снова осмысливаю эту истину, я, как правило, размышляю о трагедии в Ванцинмыне.

10. За решеткой

«Гиринский ветер охватил ряд районов Маньчжурии, и японские империалисты и китайская реакционная военщина стали постепенно догадываться о нашем существовании. В связи с выступлением учащейся молодежи, всколыхнувшим весь Гирин, инцидентом с Китайско-Восточной железной дорогой и случаем со съездом МФЮМ весть о нас облетела разные районы. С тех пор враги стали разгадывать, что главной виновницей брожения гиринской атмосферы является учащаяся молодежь, и установили за ней тайную слежку.

Японские империалисты, пытаясь захватить Маньчжурию, расставляли повсеместно своих сыщиков, зорко следили за каждым движением корейцев, руками китайской реакционной военщины без разбору арестовывали и бросали в тюрьмы коммунистов и участников движения за независимость. Положение в Гирине было весьма жутким, и нам приходилось переживать трудные испытания.

Оказавшись перед лицом критического положения, окопавшиеся в Гирине фракционеры удирали в Лунцзин, Паньши и Дуньхуа, а деятели движения за независимость, переменив свое подданство на китайское, забирались в глубь китайской территории или скрывались в таких местах, как Ванцинмынь. Осенью 1929 года Гирин уже являлся не тем центром политического движения Кореи за границей, где кишмя кишели сторонники антияпонского движения.

К тому времени учащиеся Гиринской средней школы № 5, собиравшиеся в читательском кружке, сболтнули лишнее, что и стало уликой, и наши товарищи стали подвергаться аресту. И я, только что возвратившись из Ванцинмыня, хлопотал, чтобы поправить сложившееся положение, но и сам попал в лапы реакционной военщины. Ученики этой школы выдали комсомольскую организацию Юйвэньской средней школы.

Заявляя, что захвачены поголовно все руководители ученического движения, полицейские чуть ли не каждый день подвергали нас жестоким пыткам, чтобы разузнать о проводимой нами деятельности, о сети наших организаций, охватившей, как путина, весь город Гирин, и о стоящей за их спиной силе.

Мы решили держать язык за зубами, говорить только об одном: о чтении книг левого крыла. И мы заявляли: «Что за грех, когда ученики читают книги, которые продают в магазинах? Если вы хотите обвинить нас, то надо спросить прежде всего с властей, которые разрешили издавать и продавать эти книги». Мы до конца стояли на своем, протестуя против следователей, ведущих допросы.

В один из таких дней, когда меня пытали, выкручивая пальцы, за перегородкой, стоявшей в одной из сторон камеры для допроса, мельком взглянул на меня Чвэ Дон О, бывший начальник училища «Хвасоньисук», и исчез. От неожиданности я сначала не поверил и глазам своим: не обман ли это зрения?

Однако это был не обман зрения, это был действительно он, Чвэ Дон О, начальник училища в годы моей учебы. Я думал: «Враги вызвали даже моего бывшего

учителя в камеру для допроса, значит, они довольно глубоко зарылись в мое дело».

С появлением Чвэ Дон О в голову мне хлынули сложные мысли.

В то время он был председателем дипломатической комиссии группировки Кунминбу: он отлично владел китайским языком, был искушен и в дипломатических делах. Он находился главным образом в Гирине, чтобы урегулировать отношения с гоминьдановской реакционной военщиной, имел определенную связь и с учащейся молодежью.

Если он скажет реакционной военщине правду о нашем деле, то наши попытки максимально обелить себя будут развеяны в пух и прах. Тем более, если будут хоть сколько-нибудь обнаружены следы нашей борьбы в защиту СССР во время конфликта на КВЖД, тогда уж никак нельзя будет остаться безнаказанным.

При подстрекательстве и по указке английских, американских, французских, японских и других империалистов китайское гоминьдановское правительство и военщина в Мукдене к концу 20-х годов упорно прибегали к вероломной антисоветской политике. Чанкайшистское правительство после провала народного восстания в Гуанчжоу расстреляло советского консула в Гуанчжоу и порвало дипломатические отношения с СССР. Антисоветизм был козырем для Чан Кайши. Этим козырем он, пресмыкаясь перед империалистическими державами, стремился воспользоваться для получения их покровительства и поддержки.

В устах у военщины часто звучал лозунг: «Мы против красного империализма». Ловко злоупотребляя

национальными чувствами китайского народа, она прикрывала агрессивное нутро империалистов и упорно проповедовала антисоветизм.

Даже студенты и молодая интеллигенция, обманутые пропагандой военщины, поглядывая на советскую территорию, выступали с воинственными провокационными заявлениями: «Захватим Урал и возьмем Байкал!», «Напоим коней в озере Байкал!»

Настраиваясь на такую атмосферу, военщина в качестве первого шага антисоветских провокаций совершила налет на КВЖД. В соответствии с соглашением Китай и Советский Союз, заняв пополам имущество и оборудование, совместно управляли этой магистралью через совет, являвшийся управленческим органом. Военщина своей вооруженной силой заняла радиотелеграфную станцию и управление, полностью захватила эту магистраль, односторонне отменила концессию советской стороны. После захвата этой магистрали она, перейдя через границу, предприняла нападение на Советский Союз в трех направлениях. Таким образом, вспыхнули вооруженные столкновения между Советской Армией и китайской реакционной военщиной.

К этому времени при подстрекательстве со стороны реакции часть студентов правых кругов Фэньюнского и Дунбэйского университетов, вооружившись, выступили против Советского Союза.

Чтобы пресечь антисоветские вылазки гоминьдановского правительства и реакционной военщины, мы призывали комсомольцев и членов Антиимпериалистического союза молодежи к борьбе и выступали в защиту социалистического Советского Союза.

Часть китайской молодежи, еще не воспрянув ото сна, называла нас «злыми», помогающими тем, кто «посягает» на интересы китайской нации, отчуждалась от нас. Нам это было очень обидно.

И мы, разбрасывая в различных районах города листовки, разоблачающие антисоветские происки военщины, вели пропагандистскую работу среди китайцев, заявляли, что захват китайской военщиной КВЖД и нападение на Советский Союз – это недопустимое вероломство в отношении Советского Союза, отменившего после Октябрьской революции все неравноправные договоры с Китаем и оказавшего Китаю материальную и духовную помощь, что это попытка военщины найти предлог для получения кредитов от империалистов.

И те, кто были обмануты пропагандой гоминьдановской реакции и военщины и враждебно относились к Советскому Союзу, после нашей пропаганды стали понимать опасность и суть нападения на Советский Союз, переменили свой подход и позицию, выступая против их нападения на Страну Советов.

Вместе с прогрессивно настроенной китайской молодежью мы наносили ощутимый удар и по студентам Фэньюнского университета, которые с оружием в руках бесчинствовали, готовые напасть на Советский Союз.

Борьба, которую мы вели в связи с конфликтом на КВЖД, – это была интернациональная борьба за политическую защиту Советского Союза. К тому времени мы, взирая на первый в мире социалистический строй, как на маяк надежды, считали борьбу в его защиту священным интернациональным долгом, возложенным на коммунистов.

Такая наша борьба помогала китайскому народу четко уяснить себе подлинное нутро военщины, распознать подлинное лицо империалистов, которые, стоя за спиной у военщины, постоянно подстрекали ее на антисоветские акции. Конфликт на КВЖД сильно пробудил корейский и китайский народы.

В то время гоминьдановская военщина не оставляла безнаказанными тех, кто выступал в защиту Советского Союза.

И после ухода Чвэ Дон О следователи по-прежнему считали меня только главным организатором дела с читательским кружком. Власти военщины вызывали Чвэ Дон О, вероятно, для того, чтобы подтвердить мое общественное положение, разузнать, имею ли я связь с Советским Союзом, да в каком еще движении я участвовал. Но, видимо, Чвэ Дон О ничего плохого обо мне не сказал.

Потом нас отвезли в Гиринскую тюрьму. Это было здание, построенное в виде креста: коридоры шли по четырем направлениям, а по обеим сторонам каждого коридора тянулись тюремные камеры так, чтобы тюремный надзиратель, сидя в середине, мог следить за всеми сторонами.

Камера, в которую я был заточен, была второй справа в коридоре, обращенном к северу. Поскольку она обращена к северу, здесь круглый год не видно было солнечного света и стоял отвратительный запах плесени, а зимой стены до белизны покрывались изморозью, она никогда не оттаивала. Когда нас привезли в тюрьму, это было осенью, в камере было так холодно, как зимой.

Власти военщины подвергали нас грубой национальной дискриминации. Тюремные надзиратели оскорбительно

называли нас «корейцами» или «корейскими рабами без родины», заковывали нас, корейских учащихся, в ножные кандалы с тяжелым куском железа.

Власти военщины дискриминировали нас и в питании, и в получении и без того ничтожной медицинской помощи по сравнению с китайскими политическими узниками.

Я решил не прекращать борьбу и в тюрьме.

Для революционера и тюрьма – своего рода арена борьбы. Если считать тюрьму только местом заключения узников, то можно впасть в пассивное положение, и ничего не делать для революции. Но если считать тюрьму частью мира, то и в столь узком пространстве можно сделать что-то на пользу революции.

Я, взяв себя в руки, начал искать и здесь пути борьбы. Решил прежде всего установить связь с внешним миром, чтобы как можно скорее восстановить разрушенные организации и привести их в действие. Было решено также бороться с властями военщины за скорейшее освобождение из тюрьмы.

Вся трудность была в том, как установить связь с внешним миром, чтобы вести борьбу в тюрьме. Нужно было работать с тюремными надзирателями, чтобы они сочувствовали нам.

Мое намерение склонить на свою сторону надзирателей, как того даже и не ожидали, осуществилось довольно легко. Тогда администрация тюрьмы, проводя ремонт тюремных камер, некоторое время помещала нас вместе с уголовными преступниками. Такие меры дали нам благоприятные возможности для нашей работы.

Как-то раз сильно простудился китайский узник, сидевший со мной в одной камере, и слег в постель. Его

заключили в тюрьму за кражу в квартире одного богача. Очень грубой была его манера держать себя.

В день, когда меня отвели в камеру уголовников, тот узник, по кличке «Гантоур», сидел на нарах, подогнув одну ногу под себя, а другую положив на колено. Обращаясь ко мне, он ни с того ни с сего требует угостить его хоть чем-то: либо деньгами, либо продуктами. Кричит неистово: «Те, кто впервые приходит в нашу камеру, все без исключения, обязаны соблюдать такие закон и мораль, и вы должны соблюдать их». Такой это был настойчивый, грубый и невежественный человек.

Я поймал его на слове и говорю:

– Несколько дней нас мучили в камере для допросов. Откуда мы возьмем деньги и пищу? Если уж на то пошло, то вы, старшие по тюремной жизни, должны нас угостить. Не так ли?

«Гантоур», будто лишившись дара слова, потускнел и, весь бледный от злости, смотрел на меня зверем.

В обычное время он действовал, как деспот, занимался самоуправством. Поэтому хотя он слег с повышенной температурой, не брал в рот ничего и страдал бессонницей, но никто из узников не относился к нему тепло, не ухаживал за ним, все смотрели на него равнодушно, как на пожар за рекой.

Я дал ему одеяло, присланное мне из дома священника Сон Чжон До при отводе меня в тюрьму, вызвал тюремщика, чтобы он принес лекарства из тюремной больницы.

И в обычное время тюремщик по фамилии Ли относился к нему, прямо скажем, отвратительно за его

грубость и необщительность. Он удивился: как же это так – кореец заботится о китайце, как о родном брате.

Наш искренний уход за больным узником помог ему вскоре подняться с постели.

С этого времени изменилось его отношение ко мне. Раньше даже тюремщики, обращаясь с этим странным, привередливым и жестоким преступником, не знали, за что браться и как к нему относиться. А вдруг он стал покорным и послушным. Перед кем? Перед учеником средней школы. Тюремщик Ли диву давался, да и сам относился теперь ко мне не без уважения.

Из тюремщиков Гиринской тюрьмы он был человек сравнительно спокойной натуры, в ком жила национальная совесть. Члены наших организаций извне прислали мне сведения о том, что тюремщик Ли – выходец из бедной семьи, что он стал тюремщиком ради куска хлеба насущного. После разностороннего изучения я решил завоевать его на свою сторону и улучал моменты, чтобы разговаривать с ним более откровенно. В ходе бесед я узнал, что в связи со свадьбой своего младшего брата он пока не смог еще приобрести для него свадебный подарок и очень горюет, что не может сделать этого. Пользуясь случаем прихода моих товарищей в тюрьму на свидания, я рассказал им о горе тюремщика Ли и принял меры, чтобы наша организация решила его такой наболевший вопрос.

И спустя несколько дней Ли пришел ко мне, чтобы выразить мне свою благодарность за свадебный подарок, и спрашивает меня:

– Действительно ли вы коммунист? Ведь тюремная администрация называет вас коммунистом.

Я отвечаю ему утвердительно:

– Да, я коммунист.

Тогда он с жаром говорит:

– Мне никак не понятно. Ведь всех коммунистов без исключения называют «бандитами». Неужели ж такие, как вы, добрые люди будут отнимать чужое? Если вы действительно коммунист, то несправедливо прикреплять к коммунистам ярлык «бандита».

И я толком объясняю ему:

– Коммунисты борются за новое общество, где нет эксплуатации и гнета и где все заживут счастливой жизнью. Мы, корейские коммунисты, боремся за изгнание японских империалистов с корейской земли, за возрождение лишенной Родины. Богачи и воротилы называют коммунистов «бандитами», клевещут на них потому, что коммунисты хотят перевернуть прогнивший мир, где хозяйничают помещики, капиталисты, *тухао* и предатели.

Тюремщик Ли, кивая головой, говорит:

– Мы, ничего не смыслящие невежды, до сих пор были обмануты лицемерной пропагандой властей, отныне не будем верить им.

С тех пор Ли каждый раз при возвращении домой после своей смены приходил ко мне. Он внимательно слушал меня, выполнял мои просьбы передавать какие-то сообщения в другие камеры. Впоследствии через него я держал связь с внешним миром. С этого времени я чувствовал себя в тюрьме сравнительно свободно.

Но не все тюремщики относились к нам с добрыми намерениями, как этот Ли. Среди них был один весьма гадкий, как змей, старший тюремщик. Он, заглядывая через глазок в камеру, не давал узникам покоя.

Старших тюремщиков в Гиринской тюрьме было всего трое, но у этого была самая плохая репутация. При его дежурстве узники не могли даже свободно зевать.

Однажды мы решили покрепче припугнуть его, чтобы в другой раз ему не повадно было так действовать. Кому же поручить это дело? По этому вопросу в тюрьме шло обсуждение. Трудно было выбрать на такое дело подходящего человека. Тогда на это вызвался один китайский ученик Хуан Сютянь, учившийся в третьем классе Гиринской средней школы № 5, он сам решился взять на себя это дело. Из учащихся, заточенных в эту тюрьму по делу читательского кружка, корейских учащихся было всего лишь двое, а остальные все были китайскими.

Мы спрашиваем его:

– Если ты вот так припугнешь его, то тебе в награду будет одиночная камера и ты будешь сидеть в ней по крайней мере пять месяцев. Как ты об этом думаешь?

А он говорит:

– Ради товарищей я готов пожертвовать собой. А вы со сторонки посмотрите на это. А уж я, что бы ни случилось, проучу его. Ловким приемом так дам ему прикурить, чтобы впредь ему не повадно было глумиться над нами.

Он заострил кончик бамбуковой палочки. И, когда тот старший тюремщик смотрел через «волчок» в камеру, тот и пырнул его в глаз острой палочкою. Из глаза его брызнула кровь и какая-то жидкая тушь. Никто не ожидал такого зрелища.

Ученики, сидевшие в камере, от всей души хвалили Хуан Сютяня, называя его чуть ли не героем. Но за это его заточили в камеру одиночную и неотапливаемую даже в

зимнюю стужу, и он чуть было не умер даже за несколько дней пребывания в этом аду.

Ученики потребовали от тюремщиков как можно скорее освободить из одиночной камеры их товарища, угрожая им: если его не освободят, выколоть вот так же глаза всем. И тюремная администрация пошла на уступки требованиям учащихся.

С этого времени мы действовали в камере более свободно. Если захотим провести собрание, проводим его, а в случае необходимости свободно ходили и в другие камеры. Заявлю, что хочу сходить в такую-то камеру, и тюремщики сами открывали мне двери.

В дни, когда я сидел в тюрьме, мне очень помогал священник Сон Чжон До. За весь период моей революционной деятельности в Гирине он активно шефствовал надо мной, не хуже родных. Еще в то время, когда мы жили в своей стране, он был очень близко знаком с моим отцом. Они учились в одной школе (Сунсильская средняя). Это, конечно же, действовало на них, но, думаю, больше всего общность идей и идеалов связывала их крепкими узами дружбы.

При жизни отец часто говорил нам о священнике Соне. Сразу после Первомартовского движения Сон Чжон До эмигрировал в Китай, некоторое время работал председателем политического совета Шанхайского временного правительства. Одно время он вместе с Ким Гу, Чо Сан Собом, Ли Ю Пхиром, Юн Ги Собом организовал в Шанхае общество Робенхвэ, предназначенное для подготовки военных кадров для вооруженного сопротивления, работал в нем заведующим отделом труда.

Но это общество было распущено, усугублялась грызня между фракциями внутри временного правительства. Это разочаровало его, и он переместился в Гирин.

В Гирине он открыл церковь и вел движение за независимость. Это была та церковь, которой мы широко пользовались как местом для массового воспитания. Вообще священник Сон был христианином до мозга костей, глубоко преданным своей вере. Он занимал непререкаемое место среди гиринских христиан и сторонников движения за независимость.

Среди христиан Кореи было много таких замечательных патриотов, как Сон Чжон До, отдавший себя целиком делу движения за независимость. При молитве они молились о Корее, при обращении к «богу небесному» просили облегчить несчастье обреченной на гибель страны. Их чистосердечная вера всегда сходилась с патриотическим чувством, их мечта о создании мирного, дружного и свободного рая всегда вила себе гнездо в патриотической борьбе за возрождение страны.

Патриотами были и абсолютное большинство служителей секты чхондогё и буддизма.

Сон Чжон До был советником Общества корейских учащихся в Гирине, и мне часто приходилось общаться с ним. При каждой встрече со мной он говорил, что ему досадно и скорбно за то, что мой отец ушел из жизни слишком рано, в таком молодом возрасте. Он наставлял меня, чтобы я, продолжая дело и волю отца, стоял в первых рядах движения за независимость, отдавал всего себя делу нации.

Благодаря большой помощи со стороны таких близких друзей моего отца, как Сон Чжон До, я мог в течение трех лет учиться в Юйвэньской средней школе в Гирине.

Беспокоясь о нашей бедной семье, едва сводившей концы с концами за счет стирки и шитья матери по найму, он не раз посылал мне деньги для оплаты за учебу. Очень любила меня и жена священника. В праздничные дни она приглашала и угощала меня вкусными кушаньями, приготовленными по корейскому образцу. Особенно вкусными были жареное *тубу* с кроличьим мясом и хлебец из *тёндыги*. *Тёндыги* – это трава с мягким пухом, без запаха и яда. В доме священника говорили, что приготовляли такой хлебец еще с того времени, когда они жили в Пхеньяне. Хлебец, который я ел в тот день в его доме, был приготовлен из травы *тёндыги*, нарванной в Бэйшаньском парке.

У Сон Чжон До были два сына и три дочери. К нашему движению в Гирине были причастны второй сын Сон Вон Тхэ и самая младшая дочь Сон Ин Сир.

К тому времени Сон Ин Сир вместе с Хван Гви Хон, Юн Сон Хо, Ким Бен Сук, Юн Ок Чхэ была членом Гиринского общества корейских детей. Будучи на побегушках, она очень помогала мне в период, когда я возглавлял движение учащейся молодежи и когда я томился в тюрьме.

Однажды тюремный надзиратель бросил в нашу камеру нового узника. Он был так замучен пытками, что даже трудно было узнать его. Это был Кан Мен Гын, заведующий орготделом Ресинского союза молодежи. Весной 1929 года он был неожиданно арестован властями военщины. С тех пор о нем не было ни слуху ни духу, и вдруг, откуда ни

возьмись, он у нас в тюрьме. Это меня и удивило, и обрадовало. Он был арестован по неоправданному доносу фракционеров. Они отомстили ему этим позорным доносом в отместку за случай с Федерацией молодежи в Китае.

В чем тут было дело? Представители Ресинского союза молодежи, покинув зал конференции Федерации молодежи в Китае, проходившей в Цзичанцзы, выступили с заявлением в знак протеста против безрассудных действий фракционеров. Питая за это злобу, фракционеры занимались преднамеренными вредительствами. Когда один юноша умер по болезни в Цзяохэ, они донесли властям военщины, будто группа Кан Мен Гына отравила его ядом.

Кан Мен Гын со слезами на глазах говорил, что он, ни в чем тут не повинный, подвергался наказанию. Я, вдохновляя его, сказал:

– Не надо падать духом. Ведь ты живешь большой мечтой, решил отдать себя делу революции. Нет таких дел, которые нельзя одолеть, если решить бороться насмерть. Надо до конца бороться с властями военщины, чтобы доказать, что ты ни в чем не повинен.

Позже Кан Мен Гын, решившись бороться насмерть, как мы подсказали ему, вел решительную борьбу на судебном процессе.

За весь период оккупации Кореи японскими империалистами он жил по совести, а после освобождения, вернувшись на Родину, по поручению нашей партии добросовестно вел работу с дружественными нам партиями.

Позже, когда утекло много воды, я узнал, что Кан Мен Гын жив и находится невдалеке, и я через живую связь обещал встретиться с ним.

Видимо, он был сильно потрясен этой вестью. К несчастью, накануне встречи со мной у него произошло кровоизлияние в мозг.

Очень жаль, что из жизни ушел еще один борец, не успевший рассказать о нашей жизни и революционной борьбе, которую мы вели вместе в Гирине.

В тюрьме я занимался анализом опыта и уроков национально-освободительного и коммунистического движения в нашей стране, восстанавливал в памяти и опыт революционных движений в других странах.

Против колониального господства японского империализма наша нация проводила и демонстрации, и забастовки, и борьбу с участием бойцов Армии справедливости, и движение Армии независимости.

Но все выступления были обречены на провал. Наша нация не раз развертывала и движение, много проливала и крови, но почему же борьба не увенчалась победой, терпела каждый раз поражение за поражением?

В рядах антияпонской борьбы в нашей стране были фракции, которые наносили большой вред национально-освободительной борьбе.

Отряды Армии справедливости, которые, подняв первый факел антияпонской борьбы, сотрясали все восемь провинций страны, находились в состоянии раскола, не добившись единства командиров и подчиненных. Между командирами, выходцами из среды конфуцианских ученых, выступавшими за восстановление правления королевской династии, и рядовыми бойцами, вышедшими из простонародья, ратовавшими за реформу существующего порядка, существовали антагонизм и противоречия по идеалам, что мешало повысить боеспособность Армии

справедливости. Отдельные командиры Армии справедливости считали восстановление старой системы своим абсолютным идеалом. И они, грызясь даже между собой, стремились каждый приписать себе боевые заслуги, чтобы получить чиновнические должности от правительства. Это привело к расколу отрядов.

А командиры, выходцы из простонародья, не собирались объединяться с командирами, выходцами из конфуцианского чиновничества. Это тоже привело к ослаблению сил Армии справедливости.

Положение Армии независимости мало чем отличалось от положения Армии справедливости. В самой организационной системе Армии независимости проявлялись раздробленность и разобщенность.

Фракционная грызня продолжалась и после того, как многочисленные организации движения за независимость, действовавшие в Маньчжурии, объединились в основном в три группировки.

Потом и эти три фракции слились в одну группировку Кунминбу, но ее верхушка, расколовшись на группы сторонников Кунминбу и их противников, не прекращала грызни за гегемонию. Так расчленившись на множество фракций, националисты занимались бесполезным пустословием, взирая на большие страны.

Среди лиц, находившихся на руководящих постах в движении за независимость, были люди разных взглядов: одни стремились добиться независимости с помощью Китая, другие думали разгромить Японию с помощью Советского Союза, а третьи надеялись на США, что они «подарят» Корее «независимость».

Националисты позволяли себе низкопоклонство потому, что они не верили в силы народных масс. Националистическое движение ограничивалось лишь движением верхов в отрыве от народных масс, поэтому оно не могло иметь надежную базу, не могло пользоваться поддержкой народа.

В отрыве от народа лишь кучка верхушки, собравшись, проводила время в словопрениях и грызне за власть, не поднимала массы на революционную борьбу, такой существенный недостаток обнаруживался и среди людей, которые вели, как им казалось, коммунистическое движение.

Коммунисты раннего периода вместо того, чтобы идти в гущу народных масс, воспитывать, объединять и мобилизовывать их на борьбу, занимались пустыми разговорами, грызлись только за «гегемонию», оторвавшись от народа.

Коммунистическое движение раннего периода в Корее не смогло преодолеть фракционизм, возникший в самом движении.

Что же касается фракционеров нашей страны, то это – буржуи из среды националистов, мелкобуржуазные интеллигенты, разоренные феодалы-аристократы и интеллигенты из дворянского сословия, которые под вывеской марксизма присоединялись к революционному течению, настраиваясь на тенденции времени, когда после Октябрьской социалистической революции рабочее движение бурно шло на подъем и марксизм-ленинизм встречал горячую поддержку народных масс.

Они с самого начала образовали фракции и вели борьбу за «гегемонию».

Фракционеры прибегали ко всяким махинациям и интригам. Не довольствуясь этим, они создавали террористические группы, которые, как гангстеры, вели между собой даже кулачные бои.

Из-за сектантских действий фракционеров Компартия Кореи не в состоянии была обеспечивать единство своих рядов, устоять против репрессий со стороны японских империалистов.

Коммунисты раннего периода, находясь в плену низкопоклонства, не думали самостоятельно создавать партию и делать революцию, каждый выдавал свою фракцию за «ортодоксальную» и, смастерив себе печать из картошки, хлопотал, чтобы добиться признания Коминтерна.

Дав анализ такого положения дел в националистическом движении и коммунистическом движении раннего периода в нашей стране, я всем своим существом убедился в том, что революцию не следует делать таким путем.

Исходя из этого, я был убежден в том, что революция в своей стране может победить только в том случае, когда ее проведут при опоре на силы своего народа, взяв на себя ответственность за нее, что все вопросы, связанные с революцией, следует решать самостоятельно и творчески. Это и был отправной момент идей чучхе, о чем мы говорим сегодня.

В тюрьме я думал много над тем, как осуществить корейскую революцию. Думал глубоко о том, в какой форме и какими методами надо развертывать борьбу за разгром японских империалистов-агрессоров и за возрождение Родины, как надо объединить антияпонские

силы, как надо создать партию – руководящий орган революции. Я также думал и о том, с чего надо начинать после выхода из тюрьмы.

Учитывая конкретные условия нашей страны и социально-классовые отношения в ней, я тогда считал, что по характеру корейская революция должна быть определена как антиимпериалистическая, антифеодальная демократическая революция. Мною был намечен курс борьбы, который заключался в том, что для разгрома вооруженных японских империалистов и возрождения Родины надо бороться с оружием в руках, сплачивать под знаменем антияпонской борьбы рабочих, крестьян, национальную буржуазию, служителей культа и другие все антияпонские патриотически настроенные силы, поднять их на борьбу и создать новую, революционную партию, свободную от фракционности.

Когда четкими и ясными становились позиция и воззрение, чего следовало нам придерживаться в осуществлении корейской революции, и когда отчетливо представились в воображении линия и курс на ее осуществление, я не в силах был сдержать порыв как можно скорее выйти из тюрьмы. И решил вести борьбу за скорейшее освобождение из тюрьмы.

Мы вместе с товарищами, заточенными в тюрьму по делу «ученического инцидента», тщательно готовились к борьбе за освобождение из тюрьмы.

Задуманный тогда метод борьбы – это была голодовка. И мы начали борьбу, твердо решившись не подниматься с места до тех пор, пока не будет удовлетворено наше справедливое требование.

Прежде чем начать голодовку, мне казалось, что будет трудно обеспечить единство действий в этой борьбе, поскольку в нее включились и уголовные преступники. К нашему удивлению, как только началась голодовка, из каждой камеры еда возвращалась, оставаясь нетронутой. Даже уголовные преступники, которые еще вчера грызлись между собой за миску еды, сейчас и не прикоснулись к ней. Так велик был успех в воспитательной работе, которую потихоньку вели среди них наши товарищи, обвиненные в «ученическом инциденте».

Активную помощь оказывали нам в нашей борьбе за освобождение из тюрьмы и наши товарищи, находившиеся вне тюрьмы. Откликнувшись на нашу борьбу в заточении, они разоблачали нечеловеческое обращение в Гиринской тюрьме и вызывали общественное мнение.

Власти военщины не в состоянии были устоять против нашей борьбы, которую вели мы, тесно сплотившись.

В начале мая 1930 года выпустили меня на волю из Гиринской тюрьмы. Я вышел из куполообразных тюремных ворот. Сердце у меня преисполнилось уверенностью в себе и страстью. В тюрьме я подводил итоги коммунистического движения раннего периода и националистического движения в нашей стране, на основе урока этих движений продумывал я путь корейской революции.

Если оглянуться назад, то мой отец замышлял в Пхеньянской тюрьме о повороте от националистического движения к коммунистическому, а я задумывал в Гиринской тюрьме путь корейской революции, по которому нам следовало идти.

Будучи несчастными сынами обреченной на гибель страны, мы, и отец, и я, думали в тюрьме о судьбах страны и нации.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Имеется в виду захват Кореи Японией 29 августа 1910 г.

2 **«Приказы генерал-губернатора»** – драконовские законы, изданные генерал-губернатором в Корее с целью подавления корейской нации и ограбления природных ресурсов.

3 **«Дело с тайным эмиссаром в Гааге»** было в 1907 г. Императором феодальной Кореи Кочжоном были направлены тайные эмиссары на II мирную конференцию в Гааге, столице Голландии. На конференции они заклеймили позором агрессивные поползновения японских империалистов в Корее и обратились к участникам с просьбой содействовать достижению независимости Кореи. В зале форума один из эмиссаров Ли Чжун кинжалом разрезал себе живот в знак сопротивления японской агрессии.

4 Имеется в виду пиратское судно американских агрессоров, которое вторглось в 1866 г. в воды реки Тэдон в Пхеньяне. Пираты совершили убийство, поджог и грабеж. Было потоплено под ударами героических защитников Пхеньянской крепости.

5 Имеется в виду судно американских агрессоров, которое вторглось в 1868 г. в воды реки Тэдон и было отражено.

6 Имеются в виду пять продажных министров правительства феодальной Кореи: министр образования Ли Ван Ён, министр внутренних дел Ли Чжи Ён, министр обороны Ли Гын Тхэк, министр сельского хозяйства, торговли и промышленности Квон Чжун Хен и министр иностранных дел Пак Чжэ Сун. Они пали на колени перед японскими захватчиками, когда в ноябре 1905 г. японские самураи навязали правителям-феодалам Кореи неравноправный и агрессивный «корейско-японский договор» («договор о протекторате года Ыльса»).

7 **Чвэ Ик Хен** (1833 – 1906) – патриотически настроенный конфуцианский ученый, родом из Пхочхона провинции Кенги. Предводитель Армии справедливости, боровшейся против японских агрессоров.

8 **Ан Чжун Гын** (1879 – 1910) – деятель движения за независимость Кореи, родом из Хэчжу провинции Хванхэ. С 17 лет изучал военное дело. Участвовал в педагогической деятельности как член Северо-западного научного общества. К концу 1907 г. эмигрировал в Приморье России, был командиром Армии справедливости, боровшейся против японских агрессоров. В июне 1909 г. под его командованием отряд Армии справедливости в составе более чем 300 бойцов совершил налет на японский гарнизон в Кенхыне (нынешний Ындок) в провинции Северный Хамген. В октябре того же года на Харбинском вокзале стрелял из пистолета и убил главаря японских агрессоров Ито Хиробуми, который приехал туда с целью «инспекции в Северной Маньчжурии».

9 **Ито Хиробуми** (1841 – 1909) – политический деятель Японии, первый генеральный резидент в Корее. Впоследствии председатель Тайного совета Японии. Главный зачинщик агрессии в Корее. В 1909 г. на Харбинском вокзале убит Ан Чжун Гыном.

10 Имеется в виду 26-й король феодального корейского государства династии Ли. Стоял у престола за 1864 – 1907 гг.

11 Имеется в виду буржуазная реформа. Была осуществлена Кабинетом министров, образованным в 1894 г. Называется и обновлением года Кабо.

12 **Первомартовское народное восстание** – массовая антияпонская демонстрация корейского народа. Вспыхнуло 1 марта 1919 г. против варварского колониального режима японских империалистов. Движение развернулось в масштабе всей страны.

13 **Хон Бом До** (1868 – 1943) – предводитель Армии справедливости, боровшейся против японских агрессоров, командир Армии независимости. В 1907 г. сформировал отряд

антияпонской Армии справедливости из охотников. Не раз организовывал в основном в районах провинции Южный Хамген сражения с агрессивными войсками Японии. В 1919 г. создал в Северной Маньчжурии Армию независимости Кореи, стал ее главнокомандующим. Организовал налеты на захватнические войска в Капсане, Хесане, Канге, Манпхо, Часоне и в других районах Кореи. Впоследствии в бассейнах реки Хэйлунцзян создал и возглавил Корпус независимости.

14 **Ким Гу** (1876 – 1949) – деятель движения за независимость Кореи. Родом из Хэчжу провинции Хванхэ. Участвовал в сражениях Армии справедливости против японских захватчиков. После Первомартовского народного восстания эмигрировал в Китай. В Шанхае организовал Партию независимости Кореи, возглавлял «временное правительство» эмигрантов. После поражения японского империализма вернулся на Родину. Выступил против порабощения Южной Кореи Соединенными Штатами Америки. В 1948 г. принял участие в Совместном совещании представителей политических партий, общественных организаций Северной и Южной Кореи, проходившем в Пхеньяне. Вернувшись в Сеул, выступал за коалицию с коммунистами и воссоединение страны. Убит врагом из-за угла.

15 **Ли Бон Чхан** (1900 – 1932) – деятель движения за независимость Кореи. Родом из Сеула провинции Кенги. Член Союза патриотов Кореи, организованного Ким Гу. В январе 1932 г. в Токио бросил гранату в японского императора и императора государства Маньчжоу-Го.

16 **Юн Бон Гир** (1908 – 1932) – деятель движения за независимость Кореи, родом из Ресана провинции Южный Чхунчхон. Член Союза патриотов Кореи. 29 апреля 1932 г. в Шанхае, в Хункоуском парке, взорвал бомбу. При взрыве было убито множество деятелей военных и политических кругов Японии.

17 **Ра Сок Чжу** (1892 – 1926) – деятель движения за независимость Кореи, родом из Чэрена провинции Хванхэ. В

1926 г. бросил бомбу на здания Восточно-колонизационного общества и промышленного банка – орудия эксплуатации в руках японских империалистов. В ходе перестрелки с полицейскими покончил самоубийством.

18 Имеется в виду массовая патриотическая борьба корейской учащейся молодежи против японских захватчиков в 1929 г. Это волнение, вспыхнувшее в Кванчжу в провинции Южный Чолла из-за трений между корейскими и японскими учащимися, охватило всю Корею.

19 **Восстание 19 апреля** – массовые выступления учащейся молодежи и населения Южной Кореи, развернувшиеся весной 1960 г. под лозунгом «Новой политики и новой жизни» против американского империализма и лисынмановского диктаторского режима. В результате восстания рухнула диктаторская власть Ли Сын Мана.

20 **Народное сопротивление в Кванчжу** (1980) – массовое восстание в Кванчжу в провинции Южный Чолла. Учащаяся молодежь, различные слои населения поднялись на восстание за демократизацию общества и ликвидацию военно-фашистского диктаторского режима в Южной Корее.

21 **Император Рюнхи** (1874 – 1926) – последний король феодального корейского государства династии Ли. У престола он был в 1908 – 1910 гг. Рюнхи – девиз правления императора Сунчжона.